

Великая Отечественная: Неизвестная война

Марк Солонин

22 ИЮНЯ

Анатомия катастрофы

Издание второе, переработанное и исправленное

LITRU.RU

Марк Солонин

22 июня

Анатомия

катастрофы

**Издание второе,
переработанное и
исправленное**

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит...
А после она выплывает,*

*Как труп на весенней реке —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске...*

Анна Ахматова

«В сороковом году»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как появилась эта книга

Я — за мораторий. Честное слово. И если бы такое решение было на государственном уровне принято, я бы подчинился ему самым добросовестным образом.

В самом деле, что мешало принять общее, обязательное для всех решение: всякое публичное обсуждение истории Великой Отечественной войны запретить. На сто лет. До 2045 года.

Никаких книг, никаких статей. В школьном учебнике — краткое уведомление о том, что в стране действует мораторий. И только тогда, когда воспоминания об этом состоявшемся Апокалипсисе перестанут быть кровоточащей раной в сердце народа, когда уйдут последние ветераны, когда прах неизвестных солдат станет, как в песне сказано, «просто землей и травой» — вот тогда рассекречиваем ВСЕ архивы для ВСЕХ желающих в них работать и работаем. Создаем общими усилиями правдивую, на документах основанную, историю Великой войны.

Именно так всё у нас и сделали — только точно наоборот.

Подлинные документы войны засекретили и стерегли за семью замками, как особо важные тайны государства. Даже газеты, центральные советские газеты предвоенного и военного времени, были изъяты из открытых фондов общедоступных библиотек. Речи Молотова и Сталина, тексты межгосударственных договоров, публично заключенных Советским Союзом в

1939—1941 гг., — все это тайна. Страшная военная тайна.

Тщательно организованный вакуум достоверной информации на протяжении полувека заполняли стандартные, как матрешки, тексты, в которых старательно переписывались одни и те же директивно установленные мифы. Военная история, как точная наука фактов и документов, была практически полностью подменена пропагандистскими заклинаниями. Дело доходило до таких курьезов, как исполнение одним и тем же номенклатурным сановником поочередно обязанностей руководителя Института военной истории и... Управления спецпропаганды Главного Политуправления Советской Армии!

Важнейшим вопросом, над «разъяснением» которого трудилась узкая группа безгранично преданных партии людей, был вопрос о том, почему в первые же недели войны Красная Армия была смята, разгромлена и большей частью взята в плен? Почему вермахту удалось дойти до берегов Ладоги, до степей Калмыкии, до гор Кавказа? Почему пожар войны докатился до таких мест, где чужеземных захватчиков не видали со времени великих мятежей и безвластия начала XVII века? Как случилось то, что большая часть всех жертв, всей крови и пота войны ушли только для того, чтобы к осени 1944 года вернуть потерянное в первые несколько недель отступления?

Первым причины «временных неудач» Красной Армии указал сам товарищ Сталин. В своем знаменитом радиообращении к «братьям и сестрам» 3 июля 1941 г., а затем, в более развернутом виде, в докладе на торжественном заседании по случаю 24-й годовщины

Октябрьской революции, Сталин назвал **три фактора**, которые якобы обусловили успехи вермахта:

— немецкая армия была заблаговременно отмобилизована и придвинута к рубежам СССР, в то время как сохраняющий строгий нейтралитет Советский Союз жил обычной мирной жизнью;

— наши танки и самолеты лучше немецких, но у нас их пока еще очень мало, гораздо меньше, чем у противника;

— за каждый шаг в глубь советской территории вермахт заплатил гигантскими невосполнимыми потерями (конкретно Сталин назвал цифру в 4,5 миллиона убитых и раненых немцев).

Две недели спустя Совинформбюро позволило себе оспорить заявление самого товарища Сталина — случай в истории этого ведомства небывалый. Было заявлено, что потери вермахта к середине ноября 1941 г. составили уже 6 миллионов человек.

Отдадим должное товарищу Сталину. Он врал, но врал с умом. Из его заведомо ложных измышлений вырисовывался образ страны миролюбивой, но с большими потенциальными возможностями. Да, сегодня у нас танков мало — завтра будет много; мы не начинали мобилизацию первыми — но уж теперь мы соберем все для фронта и для победы. Германия же не может позволить себе каждые полгода терять по шесть миллионов солдат, а значит — в самое ближайшее время, *«через полгода, год рухнет под тяжестью своих преступлений»*. Именно такую перспективу обрисовал Сталин, выступая с трибуны Мавзолея на параде 7 ноября 1941 г. И с точки зрения военной пропаганды

(которая не имеет права быть правдивой) он сказал то, что надо было сказать людям, уходящим в бой.

После войны советские «историки» получили задание — ложь усилить, но при этом сделать ее чуть более правдоподобной. Непростое задание — но они с ним справились.

Про то, что вермахт потерял в начале войны 4,5 (или даже 6) миллиона человек, забыли, замолчали и никогда больше не вспоминали. Логика тут очень простая — немецкие архивы были к этому времени уже открыты, материалы, в частности и о потерях личного состава, опубликованы, и продолжать так врать значило выставить себя на посмешище всему свету.

В порядке «компенсации» картину беззащитности Советского Союза усилили заявлением о том, что основная часть танков и самолетов, состоявших на вооружении Красной Армии к началу войны, представляла собой безнадежно устаревший хлам, «не идущий ни в какое сравнение» с техникой противника. Значительно более настойчиво и громко стал подаваться и тезис о «внезапном нападении» (сам Сталин тему пресловутой «внезапности» старался особенно не выпячивать, делая акцент на слове «вероломное» — а это две большие разницы. Тезис о «вероломстве» характеризует Гитлера как преступника, тезис о «внезапном нападении» выставляет Сталина в качестве слепого, наивного дурачка). Никита Хрущев, придя к власти, также немного доработал историю начала войны. Он представил Сталина в виде дурака упрямого — Рихард Зорге и Уинстон Черчилль слали ему свои знаменитые «предупреждения», а тот и слушать никого не хотел...

Таким образом, к концу 50-х годов окончательно сформировалась та версия, которую в последующие десятилетия вколачивали в массовое сознание с настойчивостью и непреклонностью парового молота:

во-первых, мы мирные люди, к войне мы не готовились, наше правительство боролось за мир во всем мире и старалось не допустить втягивания СССР в войну;

во-вторых, «история отпустила нам мало времени», поэтому мы ничего (танков, пушек, самолетов, даже винтовок в нужном количестве) не успели сделать, и наша армия вступила в войну почти безоружной (бутылка с зажигательной смесью играла тут ключевую роль, про эту бутылку знают даже те, кто ничего про историю войны не знает);

в-третьих, Сталин не разрешил привести армию в состояние какой-то особой «готовности к войне», и поэтому немецкие бомбы обрушились на «мирно спящие советские аэродромы».

Из этого трехчлена (который на все лады перепевался во всех книжках — от школьного учебника до толстенных монографий) легко и просто вытекал ответ на вопрос о ВИНОВНИКАХ страшной катастрофы. Виноватыми оказались:

- история, которая «отпустила нам мало времени»;
- Гитлер, который месяца за два-три не предупредил Сталина о своих намерениях;
- и, наконец, излишняя наивность и доверчивость в целом положительного товарища Сталина.

Родной Коммунистической партии в этой схеме была оставлена только одна роль — роль организатора и вдохновителя всех наших побед.

Вся ясно, просто, логично. Любая попытка усомниться в достоверности этих мифов расценивалась в диапазоне от «циничное глумление над памятью павших» до «новая вылазка литературных власовцев». Признаюсь: когда-то я и сам во все это верил. Потом, в старшем школьном возрасте, стали появляться некоторые смутные сомнения. С годами они только усиливались.

В самом деле, при товарище Сталине весь советский народ работал. Работали все мужчины. Работали почти все женщины. Декретный отпуск давался на четыре месяца: два до и два после. Потом — от грудного младенца к станку. Страна работала с раннего утра и до глубокой ночи. Ну а военные заводы уже задолго до войны работали в три смены, с утра и до утра. Причем, заметьте, никто из сотни миллионов работников не работал мерчендайзером, спичрайтером, имиджмейкером, трейдером, брокером, дилером, шмилером... Все конкретно пахали на производстве.

Куда же делся произведенный продукт?

Как это у нас могло оказаться меньше танков-самолетов, нежели в Германии? Что же тогда делали эти круглосуточно дымящие заводы? Холодильники и соковыжималки для коммунальных кухонь?

Низкая производительность труда? Не спешите, не спешите, уважаемый читатель, с такими подозрениями. Давайте для начала выслушаем мнение знающих людей.

В 1936 г. авиационные заводы СССР смог посетить Луи Шарль Бреге, руководитель крупнейшей французской авиастроительной фирмы (выпускающей совместно с фирмой Дассо реактивные «Миражи» и по сей день). В отчете о своей поездке в СССР он написал: *«Используя труд вдесятеро большего количества рабочих, чем Франция, советская авиационная промышленность выпускает в 20 раз больше самолетов»*. В апреле 1941 г. военно-воздушный атташе Германии Г. Ашенбреннер с группой из десяти инженеров посетил главные авиапредприятия СССР (ЦАГИ, московские заводы № 1, 22, 24, Рыбинский и Пермский моторные заводы). В отчете, предоставленном Герингу, Ашенбреннер писал: *«Каждый из этих заводов был гигантским предприятием, где работало до 30 тысяч человек в каждую из трех смен, работа прекрасно организована, все продумано до мелочей, оборудование современное и в хорошем состоянии...»*

А в Германии было тогда в два с половиной раза меньше людей, чем в СССР. Немецкая фрау сидела дома и воспитывала киндеров. Повзрослевшие киндеры пели нацистские марши и ходили строем, оттягивая носок — не после работы, а вместо работы. На втором году мировой войны авиационные заводы Германии работали в одну смену! Сверхдефицитный на войне алюминий расходовался на производство садовых домиков и приставных лесенок для сбора груш. Производственные мощности немецких заводов были загружены изготовлением патефонов и велосипедов, радиоприемников и легковых автомобилей, фильдеперсовых чулочков и бритвенных лезвий. Серийное производство первых боевых танков, самолетов, подводных лодок началось только в

1935—1936 г. — меньше, чем за одну пятилетку до начала мировой войны.

Так когда же немцы умудрились создать то самое пресловутое «многократное превосходство в танках и самолетах»? И из чего они его могли создать?

В Германии нет своих бокситов, своего никеля, марганца, вольфрама, меди, каучука, нефти... Простого угля и железной руды и то не хватало, всю войну немцам приходилось возить железную руду морем из Швеции. Под бомбами авиации союзников. А у Сталина под ногами была вся таблица Менделеева, в том числе нержавеющее золото, за которое во Франции, в Америке, в той же Германии закупалось все: новейшее оборудование — целыми заводами, новейшие авиамоторы, лучшие в мире транспортные самолеты, лучшие умы и секретнейшие чертежи.

И всего этого не хватило для того, чтобы вооружить Красную Армию хотя бы не хуже новорожденного вермахта?

От размышлений над этими вопросами автора на несколько лет отвлекла учеба в авиационном институте, затем — проектирование лазерной пушки в закрытом ОКБ, затем — работа в угольной кочегарке и общественная борьба эпохи гласности и перестройки.

Эта борьба не была совсем уже напрасной. Да, гораздо меньше, чем хотелось бы, но все-таки в начале 90-х годов в научный оборот было введено большое число документов кануна и начала войны, в открытой печати были опубликованы ранее засекреченные труды советских военных историков. Кроме того, новые времена открытости, свободы печати и Интернета сделали доступными для независимого исследователя и

богатейшие залежи работ немецких историков и мемуаристов. И хотя по сей день огромные пласты документального материала все еще скрываются от народа (причем безо всякого пристойного объяснения), того, что уже открыто, вполне достаточно, чтобы детально и точно оценить соотношение сил сторон по состоянию на 22 июня 1941 г.

Да, конечно, никакого «технического превосходства вермахта» не было и в помине. Пушку образца Первой мировой войны тащила шестерка лошадей, главным средством передвижения пехоты вермахта была одна пара ног на каждого солдата, и вооружен этот солдат был самой обыкновенной винтовкой (это только в плохом советском кино все немцы в 1941 году ходят с автоматами, а вот по штатному расписанию даже в элитных дивизиях вермахта «первой волны» было 11 500 винтовок и всего 486 автоматов).

Разумеется, предельно милитаризованная сталинская империя, долгие годы готовившаяся к Большой Войне с предельным напряжением всех ресурсов богатейшей страны мира, вооружила и оснастила свою армию как нельзя лучше. Разумеется, танков и самолетов, зенитных орудий и гусеничных тягачей, аэродромов и аэростатов в Красной Армии было больше, чем в армиях Англии, Франции и Германии, вместе взятых.

Разумеется, научно-технический уровень советского военного производства не просто «соответствовал лучшим мировым стандартам», а по целому ряду направлений формировал их. Лучший в мире высотный истребитель-перехватчик (МиГ-3), лучшие в мире авиационные пушки (ВЯ-23), лучшие в мире танки

(легкий БТ-7М, средний Т-34, тяжелый КВ), первые в мире реактивные установки залпового огня (ВМ-13 «катюша»), новейшие артиллерийские системы, радиолокаторы, ротационные кассетные авиабомбы, огнеметные танки и прочая, прочая, прочая — все это существовало, и не в чертежах, не в экспериментальных образцах, а было запущено в крупную серию.

Разумеется, сосредоточение трехмиллионной группировки вермахта у западных границ СССР было заблаговременно выявлено советской разведкой (которая, к слову сказать, несколько преувеличила численность войск противника). И хотя подлинных документов, раскрывающих оперативные планы немецкого командования, на столе Сталина никогда не было, общая военно-политическая готовность гитлеровской Германии к агрессии на Востоке не была секретом ни для высшего государственного руководства СССР, ни для старших командиров Красной Армии.

Имеющиеся документы неопровержимо свидетельствуют о том, что скрытая мобилизация и скрытое стратегическое развертывание Вооруженных Сил Советского Союза начались ДО, а не после первых оружейных залпов на границе. Что касается цели этого развертывания, то по этому поводу возможна (и необходима) дискуссия. Как бы то ни было, но в июне 41-го Красная Армия готовилась к войне, причем к такой войне, которая должна была начаться в ближайшие недели или даже дни. Самое большее, чего могли в такой ситуации добиться немцы, так это весьма ограниченного во времени и пространстве эффекта тактической внезапности. И не более того.

С чего начнем

Как это часто (или всегда?) бывает в истории науки, новое знание, разрешив старые вопросы, поставило новые, гораздо более сложные. После того как спрятаться за ширму заведомо ложных измышлений о «многократном численном превосходстве вермахта» стало уже невозможно, обсуждение подлинных причин беспримерной в истории военной катастрофы стало еще более актуальным и еще более сложным.

Строго говоря, это обсуждение началось за много лет до окончательного крушения КПСС. Не настолько уж мы *«ленивы и нелюбопытны»* (Пушкин), чтобы среди сотен тысяч живых свидетелей драматических событий тех лет не нашлись люди, готовые усомниться в достоверности официозного бреда. Уже во времена хрущевской «оттепели» на свет божий из непроглядной тьмы военной тайны выпорхнули кое-какие цифры, факты, документы, после обнародования которых продолжать прежнее вранье стало совсем уже неприлично. Нельзя не упомянуть, например, двухтомную монографию Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма». Хотя вся она была посвящена немецкой истории и любых сравнений автор предусмотрительно избегал, у имеющего глаза и мозги читателя пропадали последние сомнения по поводу «многократного превосходства вермахта в танках и авиации».

Еще дальше пошли Некрич и Григоренко. С огромным количеством оговорок, извинений и оправданий они все-таки написали черным по белой бумаге, что никакого численного либо технического

превосходства над Красной Армией у вермахта не было. Для одного из них это закончилось изгнанием из СССР, для другого — заключением в спецпсихбольницу МВД.

В эпоху «нового мышления» их дело продолжил Виктор Суворов. С мастерством талантливого публициста, с яростной напористостью человека, нашедшего наконец единственную истину, В. Суворов в своей трилогии («Ледокол», «День-М», «Последняя республика») камня на камне не оставил от лживого мифа про «тихую, мирную и почти безоружную» сталинскую империю. Не может не вызвать удивления и восхищения тот факт, что, не имея доступа и к малой толике того массива документов, которые стали доступны в начале 90-х годов, В. Суворов смог вскрыть и убедительно показать читателям ту многолетнюю подготовку к Большому Походу в Европу, которая составляла смысл и цель всей внешней и внутренней политики Сталина.

Трудно понять — зачем, но В. Суворов наполнил свои книги огромным количеством поспешных, легкомысленных и — самое главное — не имеющих никакого отношения к основной идее положений (всякими «наступательными танками», супербомбардировщиками Су-2, разрушенными дотами на старой границе СССР, и пр.). Все эти «автострадные танки» и «летающие шакалы» сделали книги Суворова — книги, которые лишь обозначили первые шаги на пути формирования подлинно научной историографии Великой Отечественной войны, — чрезвычайно уязвимыми для злобной и предвзятой критики. И тем не менее, несмотря на массу частных ошибок и неточностей, В. Суворов написал книги, которые ВСЕ ПОНЯЛИ.

Его поняли миллионы читателей, для которых вопрос о планах и намерениях товарища Сталина отныне и навсегда решен и снят с обсуждения; его поняли бывшие советские (ныне российские) историки-пропагандисты, для которых В. Суворов стал едва ли не личным врагом, для дискредитации которого они готовы идти на любую подлость. Прекрасно поняли Суворова и профессора западноевропейских (равно как и североамериканских) университетов, из года в год лениво переписывавшие свои засиженные мухами конспекты, — после выхода в свет «Ледокола» вся их научная репутация и громкие титулы оказались под угрозой полной девальвации. Неудивительно, что по обе стороны Атлантики молниеносно сложился «заговор молчания», которым давно уже неспособные к серьезной и честной дискуссии «жрецы исторической науки» попытались (правду сказать — совершенно безрезультатно) окружить книги В. Суворова.

В то же время нельзя не признать, что, разрушив старые мифы коммунистической пропаганды, В. Суворов в одном, но очень важном аспекте поспешил заменить их новыми. Оказывается, Красная Армия была велика и могуча — но только до трех часов утра 22 июня 1941 г. На следующий день она якобы была обескровлена и разоружена внезапным нападением гитлеровцев. Со страниц трилогии Суворова просто льется торжественная песнь Первого Обезоруживающего Удара:

«...при внезапном ударе советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей... Внезапный удар по аэродромам ослепляет танковые

дивизии... Советские разведывательные самолеты не могут подняться в небо... Нашему циклопу выбили глаз.

Наш циклоп слеп. Он машет стальными кулаками и ревет в бессильной ярости...» И так далее.

Для пущей убедительности Суворов предложил и свой, гораздо более правдоподобный, вариант объяснения причины такого конфуза: Красная Армия сама готовилась к нападению и якобы поэтому забыла про всякую осторожность. По сравнению с издевательски глупой версией коммунистических «историков» (про то, как робкий и наивный Сталин боялся дать Гитлеру «повод для вторжения») ошибочная гипотеза Суворова смотрится вполне солидно. В результате самое широкое хождение получили обе «суворовские» легенды: и о «первом обезоруживающем ударе вермахта», и о том, что разгром Красной Армии был обусловлен тем, что войска, которые обучались, вооружались и готовились для ведения наступательных операций, были 22 июня 1941 г. вынуждены перейти к обороне.

В скобках заметим, что в этом варианте мифотворчества В. Суворов вовсе не был первым. Тот же Григоренко еще в 1967 г. написал про то, как «глупый» нарком обороны Тимошенко послушался еще более «глупого» Сталина и двинул днем 22 июня всю артиллерию на запад. Им бы подождать до темноты — а они ее вывели из лагерей и укрытий днем. Вот тут на нее и налетела вражеская авиация. И уничтожила. Всю. Все **шестьдесят тысяч** орудий и минометов. Каждый немецкий бомбардировщик (а их на всем Восточном фронте было девятьсот), проносясь над землей, как мифическая Валькирия из древних скандинавских саг,

разом уничтожил по одному советскому артиллерийскому полку...

В дальнейшем мы подробно, с карандашом и калькулятором в руках, рассмотрим вопрос о том, что могла, что сделала и чего не могла сделать немецкая авиация. Пока же обратимся к простому здравому смыслу и зададим ему пару простых вопросов.

Почему сами «гитлеровские соколы» ничего не знают о своем величайшем свершении? По истории люфтваффе написаны горы книг. Есть монографии, посвященные боевому применению отдельных типов самолетов, есть монографические исследования боевого пути чуть ли не каждой авиационной эскадры, и все это — с немецкой дотошностью, с точным указанием заводского номера каждого самолета и воинскими званиями всех членов экипажа. А вот про то, как 22 июня 1941 г. они «разоружили» всю Красную Армию, — ни слова. И даже брехливый доктор Геббельс об этом так ничего никому и не сказал!

С другой стороны, что же наши-то «соколы» ничего подобного не учинили? Нет, разумеется, мы говорим не про июнь 41-го. У нас же тогда не самолеты были, а «безнадежно устаревшие гробы», и летчики якобы «с налетом всего 6 часов». Но в 43, 44, 45-м годах, тогда, когда нумерация советских авиаполков подошла к тысяче — почему же тогда вермахт не был разоружен, оставлен без танков, без артиллерии, без складов за один день одним могучим ударом с воздуха? И почему в истории английских ВВС нет ничего подобного? И французских, и американских?

Американцы бомбили Германию (территория которой меньше территории наших предвоенных

Западного или Киевского военных округов) с весны 1943 г. Американцы высыпали на один объект по несколько килотонн бомб за один налет. В день высадки в Нормандии каждую дивизию союзников в среднем поддерживали (по подсчетам известного американского историка Тейлора) 260 боевых самолетов — это в 10 раз больше, чем приходилось на одну дивизию вермахта 22 июня 1941 г. И тем не менее даже десять месяцев спустя, весной 1945 года, вермахт все еще воевал, причем воевал отнюдь не бутылками с керосином...

Ну, а если серьезно, то вести дискуссию по этому поводу абсурдно. Уничтожить (или, по крайней мере, значительно ослабить) одним упреждающим ударом Красную Армию, насчитывавшую к началу войны **198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковую, 31 моторизованную дивизии, 16 воздушно-десантных и 10 противотанковых бригад**, в доядерную эпоху было абсолютно невозможно. Да и с вооружениями XXI века для решения такой задачи потребовалось бы (с учетом рассредоточенности советского военного потенциала на гигантском ТВД) огромное массирование ракетно-ядерных сил.

В реальности основным средством поражения, которым располагал вермахт летом 1941 г., была артиллерия. Основные калибры: 75, 105, 150, 210 мм. Максимальная дальность стрельбы — от 10 до 20 километров. Именно этими цифрами и определяется возможная в принципе глубина первого удара. Девять десятых советских полков и дивизий находились утром 22 июня вне этой зоны, за 50—500—5000 км от границы, и потому ни в первый, ни во второй, ни в третий день войны не могли быть уничтожены даже теоретически. Стоит отметить и то, что даже бесноватый фюрер не

требовал от своей армии такой сверхэффективности. Плановая продолжительность «блицкрига» в России все-таки измерялась месяцами, а не днями, да и разгромить Красную Армию предполагалось «смелым выдвижением танковых клиньев», а вовсе не одним лихим налетом «Юнкерсов».

Абсурдность (если только не преднамеренная анекдотичность) теории про Армию, Умеющую Только Наступать, достаточно очевидна и сама по себе не требует многостраничного опровержения. Совсем не обязательно заканчивать Академию Генерального штаба для того, чтобы понять, что наступление является гораздо более сложным видом боевых действий, нежели оборона. Сложным именно потому, что наступление предъявляет более высокие требования к системе управления и связи, от которых в этом случае требуется гибкое, быстрое, нешаблонное реагирование на динамично развивающуюся обстановку. Представить себе командование, способное к организации успешного, стремительного наступления, но при этом не умеющее организовать позиционную оборону на собственной, знакомой до каждой тропинки территории, так же невозможно, как невозможно найти виртуозного джазового пианиста, который не может сыграть по нотам «Собачий вальс».

Наконец, так называемая «наступательная» армия, вооруженная лучшими в мире «наступательными» танками, всегда может воспользоваться именно тем способом ведения обороны, который во все века считался наилучшим, — самой перейти в контрнаступление. Тому в истории мы тьму примеров сыщем, но самым ярким, на наш взгляд, является опыт Армии обороны Израиля. Эта армия никогда даже и не

пыталась стать в самоубийственную при географических условиях Израиля (минимальная ширина территории в границах резолюции ООН 1947 г. составляет 18 км) позиционную оборону. И в 1967-м, и в 1973 г. стратегическая задача обороны страны от многократно превосходящих сил противника была решена переходом в контрнаступление, причем в октябре 1973 г. такой переход пришлось осуществить безо всякой оперативной паузы, сразу же после того, как попытки сдержать наступление египетской армии на оборонительном рубеже Суэцкого канала оказались безуспешными.

Пыталась ли Красная Армия действовать летом 1941 г. подобным образом?

Безусловно — ДА.

Даже официальная «перестроечная» историческая наука готова была признать то, что *«фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника»*. [3]

Как всегда ярко и образно, выразил эту же мысль В. Суворов:

«Реакция Красной Армии на германское вторжение — это не реакция ежа, который оцетинился колючками, но реакция огромного крокодила, который, истекая кровью, пытается атаковать».

Точнее и не скажешь.

На Северо-Западном направлении череда контрударов Красной Армии (под Шауляем, Даугавпилсом, Островом, Великими Луками, Старой

Руссой) продолжалась с первых дней войны вплоть до середины августа 1941 г.

На главном, Западном стратегическом направлении, на линии Минск — Смоленск — Москва, многократные, практически безостановочные попытки перейти в решительное контрнаступление продолжались все лето, до 10 сентября, когда, наконец, войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки перешли к обороне.

Подробный разбор всех этих наступательных операций выходит за рамки данной книги.

С другой стороны, конечный результат этих контрударов должен быть известен даже добросовестному школьнику. Ничего, кроме потери сотен кадровых дивизий, десятков тысяч танков и самолетов, эти попытки перейти в наступление не принесли. Красная Армия оказалась неспособна к наступлению точно так же, как она оказалась неспособна к созданию устойчивой позиционной обороны на таких мощнейших естественных рубежах, какими являются реки Неман, Днепр, Днестр, Южный Буг, Западная Двина.

На этой констатации всю дискуссию про «наступательные танки» и «оборонительные самолеты» можно закончить, даже не начиная. И тем не менее кропотливый и детальный анализ первых контрударов Красной Армии может подвести нас к важным выводам о подлинных причинах ее разгрома. Вот почему автор решил начать книгу с подробного анализа хода и исхода **двух наступательных операций**, причем именно тех, по поводу которых можно, не погрешив против истины, сказать, что это были наиболее мощные и наиболее

обеспеченные боевой техникой и кадровым командным составом контрудары Красной Армии.

Сенсаций не будет

«Служенье муз не терпит суеты». Тем более не терпит суетливой поспешности военная история. Читателю стоит набраться терпения. Быстрых ответов на сложнейшие вопросы не будет. Не будет и столь популярных в последние годы сенсационных «документов» (которые никто никогда не видел), потрясающих «откровений» бывших сталинских прислужников (записанные неизвестно кем и когда) и прочей дешевой бульварщины.

Документальной основой для написания этой книги стал тот массив информации, который был рассекречен и введен в научный оборот на рубеже 80-х и 90-х годов. В списке использованной литературы указано без малого две сотни наименований, ключевыми же являются фактически следующие пять источников:

— «Гриф секретности снят», статистическое исследование, составитель — начальник военно-исторической службы Генерального штаба, генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев, год выпуска — 1993-й;

— четыре тома (№ 33, 34, 35, 36) ранее засекреченной серии «СВД» (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны), составленной советскими военными историками в 1956—1958 гг.;

— двухтомный сборник документов «Россия — XX век. Документы. 1941 год», 1998 г.;

— сборник документов «Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. в цифрах», составлен под грифом «Совершенно секретно» большой группой военных историков в 1962 г.;

— коллективная монография советских военных историков «1941 год — уроки и выводы», изданная в 1992 г. под эгидой Генерального штаба Объединенных вооруженных сил СНГ.

Использованная источниковая база имеет явный недостаток: она неполна, фрагментарна и составлена главным образом именно теми людьми, которые в силу своих служебных и партийных обязанностей имели целью скрыть правду об обстоятельствах и причинах катастрофического разгрома Красной Армии. Столь же очевидным и бесспорным достоинством использованных источников является их доступность и проверяемость. Строго говоря, **в этой книге нет ни одного нового документа или факта**. В нормальной научно-исторической среде такое заявление звучало бы как «приговор», как признание никчемности и бессодержательности предлагаемой читателю книги. Но у нас в России все особое: особый «путь», непостижимая умом страна, позорная ситуация с абсолютно противоправным засекречиванием документов военных архивов и т.д. И в этой ситуации именно **использование тех и только тех документов, которые сами коммунисты имели неосторожность сохранить и опубликовать**, становится огромным преимуществом.

Повторю еще раз — читателя ждет большая работа. Впереди у нас сотни страниц сложного, пересыщенного цифрами, датами, номерами дивизий и калибрами

танковых пушек текста. Раз за разом будем мы останавливаться перед каждым «общеизвестным», «само собой разумеющимся», ставшим привычным, как растоптанные тапочки, утверждением для того, чтобы задуматься — а что же на самом деле скрывается за этими устоявшимися мифами?

Часть 1

ТРЯСИНА

...ЗАМЫСЕЛ ОПЕРАЦИИ

Вечером 22 июня 1941 г., а если говорить совсем точно, то в 21 час 15 минут, нарком обороны Тимошенко утвердил и направил для исполнения командованию западных округов (фронтов) Директиву № 3.

В этом документе, как и положено в боевом приказе, давалась краткая оценка группировки и планов противника:

«...противник наносит главные удары из сувапкского выступа на Алитус и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит — Шяуляй и Седлец — Волковыск...»

и ставились ближайшие задачи на 23—24 июня:

«...концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки;

мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6-й армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люблин» [6, стр. 440].

В скобках заметим, что уже один этот документ позволяет сделать обоснованный вывод о том, чего стоит многолетнее бахвальство славных «чекистов» о том, что документы немецкого командования якобы ложились на стол Сталина на полчаса раньше, чем на стол Гитлера. За шесть месяцев, прошедших с момента подписания Гитлером плана «Варбаросса», советское военное руководство так и не узнало, что самый мощный удар вермахт будет наносить силами 2-й танковой группы Гудериана по линии Брест — Слуцк — Минск. Это направление не упомянуто в Директиве № 3 даже как вспомогательное. А то, что наше командование расценило как *«вспомогательный удар в направлении Тильзит — Шяуляй»*, было в действительности началом наступления главных сил группы армий «Север» на Псков — Ленинград.

К тому времени, когда Директива № 3 была получена и расшифрована в штабе Западного фронта, военная ситуация качественно изменилась.

К исходу дня 22 июня 1941 г. передовые части 3-й танковой группы вермахта продвинулись в глубь советской территории на 60—70 км и форсировали Неман (точнее говоря — переехали его по трем невзорванным мостам у Алитуса и Меркине) (см. Карта № 1). Но каким бы сильным ни был наступательный порыв немцев; каким бы слабым ни было сопротивление войск 11-й армии Северо-Западного фронта — дороги и мосты имеют вполне определенную пропускную способность, а танки в колоннах движутся с интервалами в несколько десятков метров. В результате, когда утром 24 июня 7-я танковая дивизия вермахта заняла Вильнюс, а 20-я и 12-я танковые дивизии подходили к Ошмянам, арьергард танковой группы — 19-я танковая и 14-я моторизованная

дивизии — еще только переправлялся через Неман [13]. Таким образом, то, что военные историки обычно называют «немецким танковым клином», в те дни представляло собой несколько «стальных нитей», растянувшихся на 100— 120 км вдоль дорог юго-западной Литвы. При этом немецкая пехота, ходившая в прямом смысле этого слова пешком, со своими конными обозами и артиллерией на «лошадиной тяге», еще только начинала наводить понтонные переправы через Неман.

Устав требует, чтобы подчиненный любого ранга и звания, при безусловном выполнении поставленной ему вышестоящим командиром задачи, проявлял разумную инициативу в выборе наиболее эффективных путей и методов выполнения приказа. Именно так и действовал командующий Западным фронтом, Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Ленина и двух орденов Красной Звезды, генерал армии Д.Г. Павлов. Отойдя от прямого следования «букве» Директивы № 3, он повернул острие наступления с северо-западного направления (от Гродно на Сувалки) прямо на север, вдоль западного берега Немана, от Гродно на Меркине. Замысел операции был гениально прост. Стремительный (два дня во времени и 80—90 км в пространстве) удар во фланг и тыл наступающей на запад пехоты противника, захват мостов и переправ через Неман — и мышеловка, в которую сама загнала себя 3-я танковая группа вермахта, захлопывается. Отрезанные от всех линий снабжения, лишенные поддержки собственной пехоты, немецкие танковые дивизии, прорвавшиеся к Вильнюсу, окружаются и уничтожаются.

В скобках заметим, что одиннадцать месяцев спустя, в мае 1942 г, в точности такая же по замыслу операция

была проведена немцами. Тогда, в ходе ставшей печально знаменитой Харьковской наступательной операции, советские войска форсировали Северский Донец и вышли к пригородам Харькова. А в это время немецкая танковая армия Клейста форсировала ту же самую реку в районе города Изюм (в 100 км южнее Харькова) и, продвигаясь на север вдоль восточного, практически никем не обороняемого берега Северского Донца, перерезала коммуникации советских войск, оказавшихся в конечном итоге в «котле» на западном берегу Донца. Результатом стало окружение и разгром пяти советских армий, при этом более 200 тысяч бойцов и командиров Красной Армии оказалось в немецком плену. Задуманная Павловым операция не могла завершиться столь масштабным успехом — просто потому, что в составе немецкой 3-й танковой группы не было ни 200, ни даже 100 тысяч человек. Но во всем остальном наступление ударной группы Западного фронта было, что называется, «обречено на успех».

Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 г. «линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства» (именно так официально именовалось то, что во всех советских книгах и учебниках называется «западной границей»), белостокская группировка войск Западного фронта, еще не сделав ни одного выстрела, уже нависала над флангом и тылом немецких войск, зажатых на тесном «пяточке» Сувалкского выступа. Об этом позаботился мудрый Сталин. А природа позаботилась о том, чтобы река Неман повернулась у Гродно на 90 градусов, «освобождая» таким образом дорогу наступающим от Белостока на Меркине советским танкам. Никаких других

крупных рек, за которые могла бы зацепиться обороняющаяся немецкая пехота, в этом районе просто нет.

Благодаря тому, что Павлов отказался от наступления на занятый немцами в 1939 г. город Сувалки и решил окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника **на советской территории**, немцы были лишены возможности опереться на заранее подготовленную в инженерном смысле противотанковую оборону. Излишне доказывать, что на местности, которую немцы заняли всего один-два дня назад, у них не было и не могло быть ни минных полей, ни противотанковых рвов, ни железобетонных дотов.

В состав ударной группировки войск Западного фронта было включено два механизированных корпуса и один кавалерийский корпус (это соединение по численности личного состава соответствует одной стрелковой дивизии). Таким образом, создавалась (по принятой тогда в Красной Армии военной терминологии) «конно-механизированная группа», сокращенно — КМГ. Командовать конно-механизированной группой Павлов поручил своему заместителю, генерал-лейтенанту Болдину. В 23 ч 40 мин в Велосток, в штаб самой мощной, 10-й армии Западного фронта (куда к этому времени уже прибыл из Минска генерал-лейтенант Болдин) поступил приказ Павлова, в соответствии с которым **КМГ в составе 6-го мехкорпуса, 11-го мехкорпуса, 6-го кавалерийского корпуса** должна была *«нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом (т.е. западном. — М.С.) берегу р. Неман и к исходу 24.6.41 г. овладеть Меркине»*.

Здесь, пожалуй, настало время прервать последовательное изложение событий июня 1941 г. для того, чтобы пояснить читателю — что же обозначают эти слова: «механизированный корпус»?

Вторая мировая война в значительной степени может быть названа «танковой войной». Именно мощные танковые соединения стали в ту эпоху главным инструментом в проведении крупных наступательных операций. И коль скоро мы решили выяснить реальные наступательные возможности Красной Армии образца 1941 г., то нам никак не обойтись без того, чтобы познакомиться с советским мехкорпусом поближе.

Все механизированные корпуса Красной Армии имели единую структуру. В состав мехкорпуса входили:

- **две танковые дивизии;**
- **моторизованная дивизия;**
- **отдельный мотоциклетный полк;**
- **многочисленные спецподразделения** (отдельный батальон связи, отдельный мотоинженерный батальон, корпусная авиаэскадрилья и т.д.).

По сути дела, в состав мехкорпуса входили три «танковые» дивизии, т.к. советская моторизованная дивизия имела в своем составе танковый полк и по штатному (275 единиц) числу танков превосходила немецкую танковую дивизию. Фактически отличие моторизованной дивизии от танковой заключалось в названии и в разной структуре, т.е. в разном соотношении между танковыми и мотострелковыми частями. В танковой дивизии было четыре полка: два

танковых, мотострелковый и артиллерийский. В моторизованной дивизии также было четыре полка: два мотострелковых, танковый и артиллерийский. Кроме того, в каждой дивизии были свой батальон связи, свой разведывательный батальон, понтонно-мостовой батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, многочисленные инженерные службы.

В состав моторизованной дивизии (на случай встречи с танками противника) был предусмотрительно введен и отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Очевидно, что, разрабатывая именно такую структуру, советское командование стремилось к тому, чтобы корпус в целом обладал максимальной оперативной самостоятельностью. В руках командира корпуса были:

- мощный бронированный «таран» из пяти танковых полков;
- своя собственная артиллерийская группа (три артполка на механической тяге, способные взломать на участке прорыва оборону противника);
- механизированная «легкая кавалерия» (корпусной мотоциклетный полк);
- своя пехота (четыре мотострелковых полка, способных закрепиться на завоеванной местности и прикрыть наступающий танковый клин с флангов и тыла).

Были в мехкорпусе и собственные средства противовоздушной обороны, связи, разведки. Даже собственная разведывательная авиация — корпусная авиаэскадрилья, на вооружении которой было 15

самолетов У-2 и Р-5 (сверхлегкий биплан У-2, как известно, взлетал и садился на любой лесной поляне, радикально решая таким образом сакраментальную проблему «отсутствия связи»). Для обеспечения высокой подвижности всех подразделений мехкорпуса ему полагалось по штатному расписанию 5165 автомобилей (всех типов, включая автоцистерны) и 352 гусеничных тягача (трактора) для буксировки артиллерии и эвакуации подбитых танков с поля боя.

После многочисленных изменений штатной численности вооружение мехкорпуса должно было включать **1031 танк**, а именно: **126 КВ, 420 Т-34, 316 ВТ, 152 Т-26** (в том числе 108 огнеметных) и 17 плавающих пулеметных танкеток Т-38/Т40. Кроме того, на вооружении мехкорпуса был и такой (отсутствующий в вермахте) тип бронетехники, как колесные пушечные бронеавтомобили, всего **152 БА-10**. Машина эта была создана на базе трехосного грузовика повышенной проходимости и вооружена 45-мм танковой пушкой 20К в стандартной танковой башне, т.е. по мощности своего вооружения БА-10 превосходили легкие немецкие танки Рз-I, Рз-II, Рз-38(t), Рз-III (первых серий с 37-мм пушкой), все еще составлявшие к лету 1941 г. 60% парка танковых групп вермахта. Были на вооружении мехкорпуса и легкие бронемашины с пулеметным вооружением (БА-20), созданные на базе легкового автомобиля. Общее распределение бронетехники мехкорпуса показано в таблице:

	КВ	Т-34	БТ-7	Т-26	Т-38/Т40	БА-10	БА-20
тд	63	210	26	76	0	56	39
тд	63	210	26	76	0	56	39
мд	0	0	258	0	17	18	33
корпусные подраздел.	0	0	6	0	0	22	5
ВСЕГО	126	420	316	152	17	152	116

Всего в мехкорпусе числилось **1299 единиц бронетехники**. Если выстроить всю бронетехнику мехкорпуса в одну линию со стандартным маршевым интервалом в 15 м между машинами, то получится «стальная лента» длиной в 25 километров!

Наличие на вооружении мехкорпуса 126 тяжелых танков КВ и 420 средних танков Т-34, кроме всего прочего, означает 546 артиллерийских стволов калибра 76,2 мм. При этом, кроме танковых пушек, в составе мехкорпуса была и «обычная», буксируемая специальными артиллерийскими гусеничными тягачами (или мощными тракторами), артиллерия: пушки калибра 76,2 мм и гаубицы калибра 122 мм и 152 мм. Артсистемы корпуса были распределены следующим образом:

	76,2-мм	122-мм	152-мм
ТД	4	12	12
ТД	4	12	12
МД	16	16	12
Всего	24	40	36

В целом вес совокупного артиллерийского запла мехкорпуса (даже не учитывая огневую мощь полутысячи 45-мм пушек в башнях легких танков и тяжелых бронемашин) составлял без малого 6 тонн, что в четыре раза превосходило соответствующий показатель пехотной дивизии вермахта. Стоит обратить внимание и на соотношение числа орудий (100 единиц) и средств мехтяги (352 гусеничных тягача), не говоря уже о том, что сами танки КВ и Т-34 с их 500-сильным дизельным мотором могли как «пушинку» буксировать дивизионную «трехдьюмовку» (вес 1,5 т) или 122-мм гаубицу (вес 2,5 т).

Уникальные для своего времени тактико-технические характеристики новых советских танков Т-34 и КВ (противоснарядное бронирование, мощное вооружение, дизельный двигатель, высокая проходимость и большой запас хода) в своей совокупности означали создание **принципиально нового инструмента ведения войны**. Т-34 и КВ могли самостоятельно (не дожидаясь подхода тяжелой артиллерии) подавить огневые средства противника на переднем крае, а затем поддержать прицельным огнем пехоту при прорыве обороны противника на всю тактическую глубину.

В декабре 1940 г. на известном совещании высшего комсостава Красной Армии будущий командующий Западным фронтом (а на тот момент — начальник Главного автобронетанкового управления" Красной Армии) генерал Д. Павлов с чувством законной гордости за свою армию докладывал:

«...Танковые корпуса, поддержанные массовой авиацией, врываются в оборонительную полосу противника, ломают его систему ПТО, бьют попутно артиллерию и идут в оперативную глубину. За танковыми корпусами устремляются со своими танками мотопехота и стрелковые корпуса... При таких действиях мы считаем, что как минимум пара танковых корпусов в направлении главного удара должна будет нанести уничтожающий удар в течение пары часов и охватить всю тактическую глубину порядка 30—35 км. Это требует массированного применения танков и авиации; и это при новых типах танков возможно...

...Если для подавления одного пулеметного гнезда в полевой обстановке требуется 120 снарядов 76-мм или 80 снарядов 122-мм гаубицы, то я прошу вас подсчитать, сколько потребуется танку выстрелов для того, чтобы уничтожить одно пулеметное гнездо? Или ни одного, или с дистанции 1—1,5 км 2—3 снаряда. Для уничтожения пушки ПТО, как правило, применяется 122-мм гаубица. Нужно 70—90 снарядов. Я спрашиваю вас: сколько потребуется тяжелому танку снарядов для того, чтобы подавить одну пушку ПТО? Или ничего, или один выстрел... Я утверждаю, что наличие большого количества тяжелых танков сильно поможет артиллерии в ее работе и сократит расход снарядов...» [14].

В феврале 1941 г. было принято решение сформировать ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ таких мехкорпусов, что означало развертывание танковых войск численностью **в два раза больше**, чем в армиях Германии, Англии, Италии и США, **вместе взятых**. Увы, даже у Гитлера, хотя и считался он «бесноватым ефрейтором», хватило ума не ждать, а напасть самому. Напасть раньше, чем Сталин укомплектует до последней гайки все свои двадцать девять мехкорпусов. В результате в реальности воевать пришлось отнюдь не таким мехкорпусам, какие описаны выше.

«Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности, — горько сетует в своих мемуарах маршал Г.К. Жуков, — для полного укомплектования мехкорпусов требовалось 16 600 танков только новых типов... такого количества танков в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда» [15]. Удивительно, как бывший начальник Генерального штаба мог забыть утвержденную им самим 22 февраля 1941 г. программу развертывания мехкорпусов?

Танковые войска совершенно запредельной численности и не планировали создать *«в течение одного года»*.

Все мехкорпуса были разделены на 19 «боевых», 7 «сокращенных» и 4 «сокращенных второй очереди». Всего к концу 1941 г. планировалось иметь в составе мехкорпусов и двух отдельных танковых дивизий 18 804 танка, в том числе 16 655 танков в «боевых» мехкорпусах [16, стр. 677]. С точки зрения количественных показателей никакой проблемы с укомплектованием этих мехкорпусов не было: к 1 января 1941 г. в Красной

Армии уже числилось более 20 тыс. танков. Но это были «устаревшие» (устаревшие в сравнении с новейшими танками КВ и Т-34, а вовсе не с танками противника!) легкие танки Т-26 и БТ, а для полного перевооружения новыми танками всех 29 мехкорпусов требовалось **3654 танка КВ и 12 180 танков Т-34.**

Программа их производства была спланирована в соответствии с реальными возможностями гигантской военной промышленности СССР и успешно выполнялась. В 1941 г. было выпущено 1358 танков КВ и 3014 танка Т-34.

В следующем, 1942 г. танковая промышленность СССР произвела уже 24 718 танков, в том числе 2553 КВ и 12 527 Т-34 [1, стр. 598]. Итого: **3911 КВ и 15 541 Т-34** за два года. Причем этот объем производства был обеспечен в таких «условиях», которые в феврале 1941 г. Жуков со Сталиным могли увидеть только в кошмарном сне: два важнейших предприятия (крупнейший в мире танковый завод № 183 и единственный в стране производитель танковых дизелей завод № 75) пришлось под бомбами перевозить из Харькова на Урал, два огромных ленинградских завода (№ 185 им. Кирова и № 174 им. Ворошилова) оказались в кольце блокады, основной производитель бронекорпусов, судостроительный завод в г. Мариуполе, захвачен немцами. Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что в нормальных условиях советская промышленность тем более смогла бы обеспечить перевооружение мехкорпусов к концу 1942 г. Как это и было запланировано.

Покончив со спорами и прогнозами, перейдем к оценке того, что было в реальности. К началу боевых

действий в составе **20 мехкорпусов**, развернутых в пяти западных приграничных округах, числилось **11 тыс.** танков. Еще **более 2 тыс.** танков было в составе трех мехкорпусов (5, 7, 21-й) и отдельной 57-й тд, которые уже в первые две недели войны были введены в бой под Шепетовкой, Лепелем и Даугавпилсом. Таким образом, Жукову пришлось начинать войну, довольствуясь «всего лишь» четырехкратным численным превосходством в танках. Это если считать сверхскромно, т.е. не принимая во внимание танки, находившиеся на вооружении кавалерийских дивизий и войск внутренних округов. Всего же по состоянию на 1 июня 1941 г. в Красной Армии было **19 540 танков** (опять же, не считая легкие плавающие Т37/Т38/Т40 и танкетки Т-27) и **3258** пушечных бронеавтомобилей [1, стр. 601].

Распределены имевшиеся в наличии танки по мехкорпусам были крайне неравномерно. Были корпуса (1,5, 6-й), укомплектованные практически полностью, были корпуса (17-й, 20-й), в которых не набиралось и сотни танков. Столь же разнородным был и состав танкового парка. В большей части мехкорпусов новых танков (Т-34, КВ) не было 22 июня вовсе, некоторые (10, 19, 18-й) были вооружены крайне изношенными ВТ-2/ВТ-5, выпуска 1932—1934 гг., или даже легкими танкетками Т-37/ Т-38. И в то же самое время были мехкорпуса, оснащенные сотнями новейших танков.

На первый взгляд понять внутреннюю логику такого формирования трудно. Но стоит только нанести на карту приграничных районов СССР места дислокации мехкорпусов, как замысел предстоящей «Грозы» откроется нам во всем своем блеске.

Как было уже выше отмечено, западная граница СССР имела два глубоких (на 120—170 км) выступа, обращенных острием в сторону оккупированной немцами Польши: Белостокский выступ в Западной Белоруссии и Львовский выступ в Западной Украине. Двум выступам неизбежно сопутствуют четыре «впадины». С севера на юг эти «впадины» у оснований выступов находились в районах городов Гродно, Врест, Владимир-Волынский, Черновцы. **Если бы Красная Армия собиралась встать в оборону**, то на остриях выступов были бы оставлены лишь минимальные силы прикрытия, а основные оборонительные группировки были выстроены у оснований, во «впадинах». Такое построение позволяет гарантированно избежать окружения своих войск на территории выступов, сократить общую протяженность фронта обороны (длина основания треугольника всегда короче суммы двух других сторон) и создать наибольшую оперативную плотность на наиболее вероятных направлениях наступления противника.

В действительности все было сделано точно наоборот. Главные ударные соединения «сбились в кучу» на остриях Белостокского и Львовского выступов. У оснований выступов, в районе Гродно, Бреста и Черновцов, были расположены несравнимо более слабые силы. Описание всей группировки займет у нас слишком много времени и места, поэтому ограничимся рассмотрением дислокации «пяти богатырей», пяти мехкорпусов, на вооружении когорых обнаруживается от 700 до 1000 танков, в том числе более 100 новейших танков Т-34 и КВ, сотни тракторов (тягачей), тысячи автомобилей. Это (перечисляя с севера на юг) 3-й МК, 6-й МК, 15-й МК, 4-й МК и 8-й МК.

Даже среди этих, лучших из лучших, заметны 6-й (которому предстояло войти в состав КМ Г Болдина) и 4-й мехкорпус (о боевых действиях которого речь пойдет в части 2 данной книги). На их вооружении к началу войны было соответственно 452 и 414 новейших танков — больше, чем во всех остальных мехкорпусах Красной Армии, вместе взятых. В 6-м МК к началу боевых действий числился 1131 танк (т.е. даже больше штатной нормы), 294 трактора, а по числу автомашин и мотоциклов (4779 и 1042 соответственно) он превосходил любой другой мехкорпус Красной Армии.

Где же стояли эти «богатыри»? 4-й МК развертывался мм самом острие выступа, в районе Львова. Рядом с ним, немного южнее, дислоцировался 8-й МК (859 танков, в Юм числе 171 новейший Т-34 и КВ, 359 тракторов и тягачей, 3237 автомобилей). Чуть восточнее Львова, в районе Золочев — Кременец, находился 15-й МК (716 танков, в юм числе 136 Т-34 и КВ, 165 тракторов и тягачей, 2035 автомашин). Еще не сделав ни одного выстрела, ударная группировка в составе трех мехкорпусов уже нависала над флангом и тылом немецких войск Группы армий «Юг», сжатых в междуречье Вислы и Буга (см. Карта № 3).

Еще более показательным был выбор места дислокации 6-й МК, который спрятали в чаще дремучих лесов у Белостока. Можно догадаться, как мехкорпус с его огромным «хозяйством» попал в Белосток — к этому городу и Гродно, сквозь вековые леса и бездонные болота, подходит нитка железной дороги. Выехать же своим ходом из Белостока корпус мог только в одну сторону — на запад, по шоссе на Варшаву, до которой от границы оставалось всего 80 км. К востоку от Белостока простирается огромный непроходимый лесной массив

(Супрасельская пуца). Магистральной автомобильной дороги от Белостока в глубь советской территории (а следовательно, и причин ожидать здесь наступление главных сил противника) как не было тогда, так нет и по сей день.

Весьма примечательно и место дислокации 3-го МК (672 танка, в том числе 128 Т-34 и КВ, 162 пушечных бронеавтомобиля БА-10 (1-е место среди всех мехкорпусов), 308 тракторов и тягачей, 3897 автомобилей). Этот корпус был подчинен 11-й армии, развернутой на юге Литвы, на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Линия границы в районе этого стыка имела вид длинного и узкого «языка», который от польского города Сувалки вдавался в глубь советской территории в районе Гродно. Фактически на территории этого Сувалкского выступа развертывалась 3-я танковая группа вермахта (четыре танковые и три моторизованные дивизии) и четыре пехотных корпуса. На всем протяжении советско-германского фронта не было другого района со столь высокой концентрацией немецких войск. Советское командование могло и не знать об этом, но само очертание границы у Гродно внушало большие опасения. Тем не менее 3-й МК оказался значительно севернее Гродно, в районе Каунаса (см. Карта № 1). Странное решение для отражения весьма вероятного удара противника от Сувалки на Гродно, зато очень понятное и рациональное для наступления на запад, на Тильзит и далее к Балтийскому побережью.

А вот непосредственно у Гродно находился слабо укомплектованный 11-й МК (331 танк, в том числе три десятка Т-34 и КВ, 55 тракторов и тягачей, 920 автомашин). Немногим лучше (518 легких Т-26, ни

одного среднего и тяжелого танка) был вооружен и 14-й МК, на который у южного основания Белостокского выступа, в районе Брест — Кобрин, обрушился в первые дни войны удар самой мощной во всем вермахте 2-й Танковой группы Гудериана.

Несколько отвлекаясь от «танковой темы», стоит отметить, что аналогичным образом (главные силы — на обращенном к противнику острие выступа) были дислоцированы и полки тяжелой артиллерии (корпусные и РГК). Так, в составе 3-й армии, прикрывавшей гродненское направление, было всего два корпусных артполка (152-й и 444-й) и ни одного артполка РГК, а в составе 10-й армии (острие Белостокского выступа) — четыре корпусных (30, 156, 262, 315-й) и три артполка РГК (311, 124, 175-й).

Возвращаясь к вечеру 22 июня 1941 г., мы можем констатировать, что в состав конно-механизированной группы Болдина были включены четыре танковые и две моторизованные дивизии, имевшие на вооружении более **1500 танков и 200 пушечных бронев автомобилей**, порядка 5,7 тыс. автомобилей и 350 тракторов. Кроме того, 23 июня в КМГ Болдина для артиллерийской поддержки наступления был включен 124-й гаубичный полк резерва Главного командования в составе 48 тяжелых орудий (по несущей совокупности артиллерийского залпа один такой полк и полтора раза превосходил пехотную дивизию вермахта). Из общего числа 1,5 тыс. танков третья часть (более 470 единиц) были новейшими средними и тяжелыми танками с дизельными моторами, мощным вооружением (длинноствольная 76-мм пушка

пробивала лобовую броню любых немецких танков на дистанции в 800—1000 м) и надежной бронезащитой.

Весьма показательное сравнение состава КМГ Волдина с численностью советских танковых армий завершающего периода Великой Отечественной войны. Так, перед началом Берлинской операции в составе четырех танковых армий (1, 2, 3, 4-я Гвардейские танковые) числилось соответственно 709, 672, 572 и 395 танков. Львовско-Сандомирскую наступательную операцию (июль — август 1944 г.) три танковые армии (1, 3, 4-я) начали, имея соответственно 419, 490 и 464 танка. Накануне крупнейшей Висло-Одерской операции, в январе 1945 г., в 4-й танковой армии Лелюшенко числилось всего 680 танков и самоходных орудий, в 5-й Гвардейской танковой армии перед началом Восточно-Прусской операции (январь 1945 г.) было всего 590 танков и самоходных орудий [167]. Другими словами, ни одна из советских танковых армий, победоносно завершивших в 1945 г. войну, не имела и половины того количества бронетехники, которое было предоставлено в распоряжение генерала Волдина!

В июне 1941 г. вся эта гигантская стальная армада должна была обрушиться на пять пехотных дивизий вермахта: 162-я пд и 256-я пд из состава 20-го армейского корпуса и 8, 28 и 161-я пд из состава 8-го армейского корпуса. Причем реально к утру 24 июня в районе запланированного контрудара КМГ Болдина находились только **две пехотные дивизии** 20-го АК, а три дивизии 8-го АК уже форсировали реку Неман и наступали в полосе от Гродно до Друскининкай в общем направлении на г. Лида, продвигаясь на восток тремя почти параллельными маршрутами [61, 78]. Таким образом, КМГ при своем наступлении на север от Гродно

на Меркине имела уникальную возможность уничтожать противника по частям рядом последовательных ударов во фланг и тыл.

Таким образом, в первые дни войны сложится ситуация, **в точности соответствующая** (хотя советские историки всегда уверяли нас в обратном) предвоенным расчетам командования Красной Армии. Приведем еще одну выдержку из упомянутого выше доклада «*Использование механизированных соединений в современной наступательной операции*», с которым Павлов выступал на декабрьском (1940 г.) Совещании высшего командного состава:

«...По своим возможностям — по вооружению, живой силе, ударной мощи — танковый корпус соответствует пяти пехотным немецким дивизиям. А раз так, то мы вправе и обязаны возлагать на танковый корпус задачи по уничтожению 1—2 танковых дивизий или 4—5 пехотных дивизий. Я почему говорю 4—5 с такой уверенностью? Только потому, что танковый корпус в своем размахе никогда не будет драться одновременно с этими пятью развернувшимися и направившими против него огневые средства дивизиями. По-видимому, он эти 5 дивизий будет уничтожать рядом ударов одну за другой...» [14].

Что могла в июне 1941 г. противопоставить этому немецкая пехота? Ничего или почти ничего. Основным вооружением противотанкового дивизиона пехотной дивизии вермахта была 37-мм пушка, способная пробить броню в 30—35 мм на дистанции в 500 метров. Для борьбы с легкими советскими танками БТ или Т-26 этого было вполне достаточно. Но после первых же встреч с нашими новыми танками немецкие солдаты дали своей

противотанковой пушке прозвище «дверная колотушка» (смысл этого черного юмора в том, что она могла только постучать по броне советской «тридцатьчетверки»). Наклонный 45-мм броневой лист нашего Т-34 немецкая 37-мм пушка не пробивала даже при стрельбе с предельно малой дистанции в 200 метров. Ну, а про возможность борьбы с тяжелым танком КВ (лобовая броня 90 мм, бортовая — 75 мм) не приходится и говорить. Это 48-тонное стальное чудовище могло утюжить боевые порядки немецкого противотанкового дивизиона практически беспрепятственно, как на учебном полигоне. Отнюдь не случайно к 1 ноября 1941 г. вермахт потерял на Восточном фронте 2479 противотанковых 37-мм пушек, что в 1,42 раза больше, чем потери всех артсистем дивизионного и корпусного звена (калибром от 75 до 150 мм включительно), вместе взятых [171, стр. 381].

Только летом 1940 г. немцы запустили в производство 50-мм противотанковую пушку Pak-38, которая и поступила на вооружение вермахта в количестве **2 (две) штуки на пехотный полк**, причем летом 41-го далеко не в каждой пехотной дивизии эти пушки были! Новейшая длинноствольная (длина ствола в 60 калибров) противотанковая пушка Pak-38 была одной из лучших в мире, но и она не могла пробить лобовую броню 48-тонного монстра КВ. Единственно возможной тактикой борьбы с КВ могла быть только стрельба в борт, из засады, на предельно малой дистанции. Лобовой лист корпуса Т-34 хотя и имел толщину «всего» в 45 мм (литая башня имела толщину стенок в 52 мм), но был установлен под необычайно большим уклоном (60 градусов), что даже чисто геометрически увеличивает эффективную толщину брони до 90 мм. Практически же

такой большой наклон бронелиста обычно приводил к рикошету бронебойной «болванки». Поразить Т-34 лучшая немецкая противотанковая пушка могла, только стреляя с малой дистанции в борт корпуса (толщина брони — 40 мм, угол наклона — 40 градусов).

При всем при этом ни Т-34, ни КВ не были «чудо-оружием». Абсолютно неуязвимых танков, конечно же, не бывает, да и сам термин «противоснарядное бронирование» является условностью. Снаряды бывают очень разные. Немецкая 105-мм пушка (не путать с гаубицей!) разгоняла снаряд весом в 15,2 кг до скорости 835 м/сек, что дает кинетическую энергию в 27 раза больше дульной энергии самой массовой 37-мм противотанковой пушки. Высокой энергетикой обладала и тяжелая (боевой вес 5,2 т) 88-мм зенитная пушка (вес снаряда 9 кг при начальной скорости 820 м/сек), что теоретически позволяло пробить лобовую броню Т-34, а в определенных условиях — и КВ. Вот только к реальной организации противотанковой обороны вся эта «экзотика» не имеет почти никакого отношения.

По штатному расписанию пехотной дивизии вермахта 105-мм пушки не полагались (эти дальнобойные орудия состояли на вооружении корпусных артиллерийских дивизионов). Что же касается 88-мм немецких зениток, то их в составе пехотных (равно как и танковых, и моторизованных) дивизий вермахта не было вовсе, т.к. все зенитные батареи в вооруженных силах Германии организационно входили в состав люфтваффе и «сухопутным» командирам не подчинялись. Методика стрельбы по скоростной высотной цели не имеет ничего общего со стрельбой прямой наводкой по танку, габариты и вес 88-мм зенитного орудия (равно как и 105-мм пушки весом в 5,6

т) очень далеки от требований к малозаметной и высоко-подвижной пушке ПТО. Наконец, осколочный зенитный снаряд практически бесполезен для стрельбы по бронированной цели.

Да, действительно, летом 1941 г., оказавшись в безвыходной ситуации после встречи с новыми советскими танками, немцы вынуждены были заняться самыми нелепыми импровизациями вроде использования 5-тонных зениток и дальнобойных пушек для борьбы с танками. Да, используя эти орудия, немецкие пехотинцы могли уничтожить танковый взвод (3 танка), по чистой случайности оказавшийся в районе огневой позиции тяжелой артиллерии. Об отражении же такими средствами массированной танковой атаки не могло быть и речи — батальон танков Т-34 или КВ (не говоря уже о частях более крупного масштаба) должен был просто «раскатать» по земле тяжелые орудия...

Мало того что военно-политическое руководство фашистской Германии не предоставило своей армии надежных средств борьбы с новыми советскими танками, оно еще и ухитрилось не заметить сам факт их появления на вооружении Красной Армии. Только после начала боевых действий, 25 июня 1941 г., в дневнике Ф. Гальдера (начальника Генерального штаба Сухопутных войск) появляется следующая запись:

«...получены некоторые данные о новом типе русского тяжелого танка: вес — 52 тонны, бортовая броня — 8 см... 88-мм зенитная пушка, видимо, пробивает его бортовую броню (точно еще не известно)... получены сведения о появлении еще одного танка, вооруженного 75-мм пушкой и тремя пулеметами...» [12].

В мемуарах Гота и Гудериана первые сообщения о «сверхтяжелом русском танке» (т.е. KV) относятся только к началу июля 1941 г.

Обсуждение вопроса о том, как военная разведка крайне агрессивного государства могла на протяжении полутора лет не замечать появления новых типов танков в серийном производстве у главного потенциального противника Германии, выходит за пределы нашей книги. Это — тема для отдельного разговора. Для нашего же расследования достаточно отметить тот факт, что немецкие пехотные дивизии не только не получили новые противотанковые пушки в достаточных количествах, но и само появление из чащи белорусских лесов огромных 50-тонных бронированных монстров должно было стать для них **страшной неожиданностью**.

Эффект внезапности — важнейшее на войне условие успеха — усиливался еще и тем, что своевременно выявить факт сосредоточения в районе Белостока мощной ударной группировки немецкая разведка также не смогла. Утренняя сводка штаба 9-й армии (Группа армий «Центр») от 23 июня 1941 г. дословно гласит: *«Несмотря на усиленную разведку, в районе Белостока пока еще не обнаружено крупных сил кавалерии и танков...»* Только вечером 23 июня в донесении отдела разведки и контрразведки штаба 9-й армии вермахта отмечено *«появление в районе южнее Гродно 1-й и 2-й мотомехбригад»* [61]. Что сие означает? Никаких «мехбригад» в составе Западного фронта не было, среди шести танковых и моторизованных дивизий КМГ Болдина не было ни одной с номерами 1 или 2. Ясно только то, что в конце концов немцы не смогли не увидеть движения огромных танковых колонн, но

произошло это уже буквально за считанные часы до начала контрнаступления советских войск.

Однако разгром немецко-фашистских войск под Гродно и Вильнюсом так и не состоялся.

БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ

По большому счету, вообще ничего не состоялось.

«Вследствие разбросанности соединений, неустойчивости управления, мощного воздействия авиации противника сосредоточить ударную группировку в назначенное время не удалось. Конечные цели контрудара (уничтожить сувалкинскую группировку противника и овладеть Сувалками) не были достигнуты, имелись большие потери...»

Вот дословно все, что сказано о ходе и результате контрудара КМГ Болдина в самом солидном историческом исследовании «перестроечных времен» — в монографии «1941 год — уроки и выводы», составленной в 1992 г. военными историками Генерального штаба (тогда еще «объединенных Вооруженных сил СНГ»). За фразой о «больших потерях» скрывается тот факт, что все три соединения, принявшие участие в контрударе КМГ Волдина (6-й МК, 11-й МК, 6-й КК) были полностью разгромлены, вся боевая техника брошена в лесах и на дорогах, большая часть личного состава оказалась в плену или погибла, немногие уцелевшие мелкими группами в течение нескольких недель и месяцев выбирались из окружения и вышли к своим уже тогда, когда линия фронта откатилась ко Ржеву и Вязьме.

В предыдущих основополагающих трудах советских историков (12-томной «Истории Второй мировой войны»

и 6-томной «Истории Великой Отечественной войны») и новее не было ничего, кроме невнятной констатации того факта, что «контрудары советских войск, предусмотренные Директивой № 3, оказались безрезультатными». В широко известных, ставших уже классикой военно-исторических трудах немецких генералов (Типпельскирх, Вутлар, Блюментрит) о контрударе советских войск в районе Гродно — ни слова.

В мемуарах Г. Гота («Танковые операции») мы не находим никаких упоминаний о наступлении Красной Армии в районе Гродно. Похоже, командующий 3-й танковой группой вермахта так никогда и не узнал о том, что во фланг и тыл его войск нацеливалась огромная танковая группировка противника.

Некое упоминание о боевых действиях в районе запланированного контрудара КМГ Волдина появляется в хрестоматийно известном «Военном дневнике» Ф. Гальдера, но только в записях от 25 июня 1941 г.: *«Русские, окруженные в районе Белостока, ведут атаки, пытаются прорваться из окружения на север в направлении Гродно... довольно серьезные осложнения на фронте 8-го армейского корпуса, где крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг корпуса...»* Но уже вечером того же дня (запись от 18.00 25 июня) Гальдер с удовлетворением констатирует: *«Положение южнее Гродно стабилизировалось. Атаки противника отбиты...»*

В дальнейшем к описанию этих событий Гальдер нигде не возвращается, да и описание это выглядит достаточно странно — все же главной ударной силой КМГ были отнюдь не «крупные массы кавалерии», а два мехкорпуса. Не факт, что эти записи вообще имеют

какое-то отношение к действиям КМГ Болдина: «серьезные осложнения» должны были возникнуть в полосе наступления 20-го армейского корпуса вермахта (162-я и 256-я пд), которому предстояло встретиться с лавиной советских танков, но об этом Гальдер вообще ничего не говорит...

Скорее всего, к боевым действиям КМГ Болдина имеет отношение следующая запись (от 24 июня 1941 г.) в дневнике командующего Группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока: *«Русские отчаянно сопротивляются; имели место сильные контратаки в районе Гродно против 8-го и 20-го армейских корпусов...»* Через день, в записи от 26 июня, Бок (так же, как и Гальдер) констатирует: *«Положение 20-го корпуса на правом крыле армии опасений больше не внушает. В любом случае, он не «испепелен дотла», как об этом кое-кто говорил вчера, и даже находится во вполне боеспособном состоянии. Как бы то ни было, такие слухи свидетельствуют о том, что противник предпринимал отчаянные попытки выбраться из «котла» [174, стр. 51, 54].*

Примечательно, что ни Гальдер, ни Бок даже не упоминают о каком-либо участии крупных танковых соединений в этих контратаках; более того, запланированный в Москве и Минске решительный контрудар во фланг и тыл сувалкинской группировки противника сам противник расценивает лишь как *«отчаянные попытки выбраться из «котла»...*

Как и следовало ожидать, более драматично описывают события офицеры вермахта, которые находились на гораздо более низких ступеньках командной лестницы. То, что для начальника Генштаба

или командующего Группой армий было всего лишь локальными и временными «осложнениями», на уровне полков и батальонов воспринималось как ожесточенные бои. Так, в истории 256-й пехотной дивизии вермахта читаем:

«...В 2 часа ночи 24 июня передовым частям фон Борнштедта и 481-му пехотному полку удалось прорваться в Кузницу и захватить целыми и невредимыми переходы через Лососну (лесная речка, западный приток Немана. — М.С.). С этого момента начались жесточайшие бои за предместное укрепление, образованное дивизией... в течение 24 и 25 июня пришлось отбить тяжелые атаки вражеских танков (обер-лейтенант Пеликан один со своей батареей "штурмовых орудий" вывел из строя 36 танков)...» [175].

Если последнее утверждение хотя бы наполовину соответствует действительности, то доблестного Пеликана следовало тогда же наградить (скорее всего — посмертно) Рыцарским крестом. Батарея «штурмовых орудий» (Sturmgeschütz) — это всего лишь 6 (шесть) самоходных орудий, представлявших собой шасси среднего танка Pz-III, на котором в неподвижной броневой рубке была установлена короткоствольная (длина ствола в 24 калибра) 75-мм пушка. Пушку эту в вермахте называли «окурок»; вследствие низкой начальной скорости снаряда по параметрам бронепробиваемости она уступала даже 37-мм «колотушке» или советской танковой 45-мм пушке. Впрочем, «штурмовое орудие» для борьбы с танками и не предназначалось — его задачей была огневая поддержка пехоты. Действуя непосредственно в боевых порядках пехотных подразделений, «штурмовые орудия» должны были огнем и гусеницами уничтожать пулеметные гнезда,

минометные батареи, блиндажи и дзоты противника; для стрельбы же с предельно коротких дистанций по не защищенным броней или бетоном целям большая начальная скорость снаряда и не нужна.

Пробить броню Т-34 или КВ «окурком» не мог даже теоретически, даже стреляя в упор, поэтому якобы уничтоженные батареей обер-лейтенанта Пеликана 36 советских танков могли быть только легкими танками Т-26 или БТ, но и в бою с ними шансы «штурмового орудия» были очень малы: поворотной танковой башни на «штурмовом орудии» нет по определению, соответственно, для стрельбы по маневрирующему на поле боя танку приходилось поворачиваться всем корпусом, неизбежно подставляя под огонь противника 30-мм бортовую броню, которую советская 45-мм танковая пушка пробивала на километровой дальности... Впрочем, вне зависимости от всех этих теоретических рассуждений, потеря 36 легких танков никак не может служить объяснением причин полного разгрома КМГ Болдина, на вооружении которой (повторим это еще раз) было порядка 1,5 тыс. танков.

Если бы мы писали фантастический роман ужасов, то сейчас самое время было бы рассказать о том, как из мрачной бездны белорусских болот поднялось НЕЧТО и поглотило без следа огромную бронированную армаду.

Но жанр этой книги — документальное историческое расследование, и списать разгром на «нечистую силу» нам, к сожалению, никак не удастся.

Да и пропала КМГ Болдина отнюдь не бесследно. *«Дорога Белосток — Волковыск на всем своем протяжении являет сцены полного разгрома. Она загромождена сотнями разбитых танков, грузовиков и*

артиллерийских орудий всех калибров», — записывает в своем дневнике фон Бок. В приказе же, подписанном фельдмаршалом Боком 8 июля 1941 г., сообщается, что войсками Группы армий «Центр» «захвачено и уничтожено 2585 танков, включая самые тяжелые» [174, стр. 74]. По рассказам местных жителей, собранным энтузиастами из Минского поискового объединения «Батьковщина», «в конце июня 1941-го район шоссе Волковыск — Слоним было завалено брошенными танками, сгоревшими автомашинами, разбитыми пушками так, что прямое и объездное движение на транспорте было невозможно... Колонны пленных достигали 10 км в длину...» [8].

Фраза о многокилометровых колоннах пленных может показаться кому-то обычным преувеличением людей, ставших очевидцами гигантской катастрофы. Увы. Даже по данным вполне консервативного (в хорошем смысле этого слова) исследования современных российских военных историков («Гриф секретности снят»), безвозвратные потери Западного фронта за первые 17 дней войны составили 341 тысячу человек, а санитарные потери — 76,7 тыс. человек [35, стр. 163]. Принимая стандартное для всех войн XX столетия соотношение убитых и раненых как 1 к 3, мы приходим к цифре в 310—315 тыс. «пропавших без вести», т.е. пленных и дезертиров. Стоит отметить, что эти, полученные чисто расчетным путем цифры вполне совпадают и с давно известными немецкими сводками, в соответствии с которыми в ходе сражения в районе Минск — Белосток вермахт захватил 288 тысяч пленных.

Пролить свет на причины разгрома КМГ могли бы мемуары советских генералов — да только мало кому удалось их написать. Командир 6-го кавкорпуса

генерал-майор И.С. Никитин попал в плен и был расстрелян немцами в концлагере в апреле 1942 г. [20, 124].

Командир 36-й кавдивизии 6-го кавкорпуса генерал-майор Е.С. Зыбин попал в плен, где активно сотрудничал с фашистами. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян 25 августа 1946 г. Он не реабилитирован и по сей день [20, 124].

Командир 6-го мехкорпуса Хацкилевич погиб 25 июня. Обстоятельства его гибели по сей день неизвестны. Несколько дней спустя у местечка Клепачи Слонимского района была подбита бронемашина, на которой офицеры штаба 6-го мехкорпуса пытались вывезти тело погибшего командира. При этом был смертельно ранен начальник артиллерии корпуса генерал-майор А.С. Митрофанов.

Начальник штаба 6-го мехкорпуса полковник Е.С. Коваль пропал без вести.

Заместитель командира 6-го МК полковник Д.Г. Кононович пропал без вести.

Командир 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса, генерал-майор А.Г. Потатурчев попал в плен, после освобождения из концлагеря в Дахау был арестован органами НКВД и умер в тюрьме. Посмертно реабилитирован в 1953 г. [20, 124].

Командир 29-й моторизованной дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор И.П. Бикжанов попал в плен, после освобождения до декабря 1945 г. «проходил спецпроверку в органах НКВД». В апреле 1950 г. уволен в отставку «по болезни». Дожил до 93 лет, но мемуаров не печатал.

Командир 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор С.В. Борзилов смог выйти из окружения после разгрома КМГ; погиб 28 сентября 1941 г. в боях за Крым.

Начальник штаба 11-го мехкорпуса Мухин пропал без вести. Попали в плен и погибли в гитлеровских концлагерях заместитель командира 11-го мехкорпуса Макаров и начальник артиллерии корпуса Старостин.

Командир 29-й танковой дивизии 11-го мехкорпуса полковник Н.П. Студнев вышел из окружения и позднее погиб в боях летом 1941 г.

Начальник штаба 29-й тд Каланчук попал в плен в начале июля 1941 г.

Командир 204-й моторизованной дивизии 11-го МК полковник А.М. Пиров пропал без вести в августе 41-го [8, 20, 124].

Ну, а судьба высшего командования Западного фронта была еще более трагична.

Командующий Западным фронтом, герой обороны Мадрида и бывший начальник Главного автобронетанкового управления РККА генерал армии Д.Г. Павлов 4 июля был арестован и 22 июля 1941 г., ровно через месяц после начала войны (любил, любил товарищ Сталин театральные эффекты!), приговорен к расстрелу.

По тому же делу, за *«трусость, бездействие и паникерство, создавшие возможность прорыва фронта противником»* [67, 81], были расстреляны:

- начальник штаба фронта В.Е. Климовских;
- начальник связи фронта А.Т. Григорьев;

- начальник артиллерии фронта Н.А. Клич;
- командующий 4-й армией Западного фронта А.А. Коробков;
- заместитель командующего ВВС фронта Таюрский.

Командующий ВВС Западного фронта, Герой Советского Союза, ветеран боев в Испании, генерал-майор И.И. Копец застрелился (или был застрелен) в первый день войны, 22 июня 1941 г.

Внимательный читатель наверняка уже заметил отсутствие в этом скорбном списке расстрелянных генералов одной фамилии.

А ведь это действительно очень странно. И по воинскому званию (генерал-лейтенант), и по занимаемой должности (зам. командующего фронтом) И.В. Болдин стоял выше всех репрессированных, за исключением самого Павлова, конечно. И если все командование фронта было повинно в «преступном бездействии и развале управления войсками», то как же смог остаться безнаказанным руководитель главной ударной группировки Западного фронта?

Оправдаться неопытностью Болдин никак не мог. В его послужном списке было уже два «освободительных похода»: в Польшу (сентябрь 1939 г.) и в Бессарабию (июнь 1940 г.). Причем во время вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. комкор Болдин командовал конно-механизированной группой Белорусского фронта, которая вела наступление по линии Слоним — Волковыск и после ожесточенного боя 20—21 сентября штурмом взяла г. Гродно, т.е. места боев были Болдину хорошо знакомы. Скорее всего, разгадка счастливой судьбы

Болдина очень проста. Своевременно вызвать его на расстрел чекисты просто не смогли — с конца июня по начало августа он находился в окружении и был для них недоступен. Ну а в августе 41-го, после разгрома большей части кадровой армии, после пленения десятков генералов (всего за шесть месяцев 1941-го г. в немецком плену оказалось 63 генерала), Сталин стал более сдержан в расстрелах оставшихся в строю командиров. Более того, после выхода из окружения Волдин был отмечен добрым словом в приказе Верховного Главнокомандующего, повышен в звании и вскоре назначен командующим 50-й армией.

Написанные после войны мемуары Болдина являются одним из немногих источников по истории разгрома ударной группировки Западного фронта. Увы, тяжелейший психический стресс, который пришлось пережить генералу Болдину, не прошел бесследно. Главный мотив его мемуаров — тупой и бездушный солдафон Павлов все испортил: *«...Отойдя от аппарата, я подумал: как далек Павлов от действительности. У нас было мало сил, чтобы контратаковать противника... Но что делать? Приказ есть приказ! Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей (по чьей вине «несуществующей»? — М.С.) ударной группе одно боевое распоряжение за другим. Зачем понадобилось Павлову издавать эти распоряжения? Кому он направлял их? (похоже, Болдин так и не понял, что задача, которую он с позором провалил, была поставлена именно перед ним. — М.С). Возможно, они служили только для того, чтобы создавать перед Москвой видимость, будто на Западном фронте предпринимаются какие-то меры для противодействия наступающему врагу...»* [80].

Но и это еще «цветочки». В очень серьезном документе, в докладной записке, поданной в ходе реабилитации Павлова и его «подельников» в июле 1957 г., Болдин (к тому времени уже генерал-полковник) написал дословно следующее:

«...Павлов виноват в том, что просил Сталина о назначении на должность командующего войсками округа, зная о том, что с начала войны он будет командующим войсками фронта. Павлов, имея слабую оперативную подготовку, не мог быть командующим войсками фронта... Начальник штаба фронта Климовских виноват в том, что попал под влияние Павлова и превратился в порученца Павлова...» [81, стр. 194].

О том, кто же обладал «неслабой оперативной подготовкой», Болдин скромно промолчал. Многое становится понятней, если вспомнить о том, что до назначения на должность заместителя командующего Западным Особым военным округом Болдин был командующим войсками Одесского военного округа. Согласитесь, быть первым руководителем в Одессе и стать замом в Минске — это две большие разницы...

Впрочем, самым старшим по званию и должности полководцем, руководившим контрударом конно-механизированной группы Западного фронта, был вовсе не Волдин, а маршал Кулик. Крупный советский военачальник, заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии... Один из людей, лично видевших маршала Кулика, оставил об этой встрече такие воспоминания:

«...В глубине кабинета открылась дверь, и в нее ввалился маршал Кулик — солидной величины человек. Его лицо было буро-красным и довольно внушительным

по своему размеру... Речь его состояла из каких-то совершенно не связанных между собой и бессмысленных в отдельности фраз. Это была чистейшей воды ахинея, бред полупьяного. Самое страшное, что перед командирами стоял не только маршал, но и заместитель Наркома обороны СССР...» [163].

24 июня 1941 г. маршал Кулик прибыл в штаб КМГ Болдина в качестве полномочного представителя Ставки (т.е. товарища Сталина) на Западном фронте. Правда, командовал контрнаступлением он совсем не долго. *«Маршал Кулик приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся... Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы. Однако, кроме его адъютанта, никто документов и оружия не бросил...»*

Вот так, коротко и ясно, выглядит в донесении начальника 3-го отдела (т.е. контрразведки) 10-й армии руководящая роль заместителя наркома обороны в боевых действиях Западного фронта [176]. Вопреки слухам о том, что «при Сталине в стране был порядок», за все это Григория Ивановича только поругали. Даже маршальские звезды, выброшенные им в кустах, Кулику вернули.

Более того, биография полководца Кулика еще только начиналась. 2 сентября 1941 г. Кулика назначили командующим Отдельной 54-й армией, которой было поручено деблокировать Ленинград. Результат — полный провал, после которого 26 сентября 1941 г. Сталин приказал *«командующего 5-й армией маршала Кулика отозвать в распоряжение Ставки»*. 8 ноября 1941 г. Кулик был командирован для укрепления обороны Керчи — последнего оставшегося в руках Красной Армии клочка

Крыма. Прибыв на Кубань в качестве полномочного представителя Ставки (и отметившись, будем справедливы, двухчасовым визитом в Керчь), Кулик серьезно занялся вопросами продовольственного снабжения. Самого себя. Самые скоропортящиеся деликатесы были отправлены молодой, четвертой по счету, жене «красного маршала» военно-транспортным самолетом, все остальное (в том числе 50 кг сала, 200 бутылок коньяка, 40 ящиков мандаринов, 20 кг черной икры) было загружено в спецвагон и отправлено в Москву [81, стр. 238].

В феврале 1942 г. за это мародерство в зоне боевых действий Кулика отдали первый раз под суд и примерно наказали: понизили в воинском звании с маршала до генерал-майора, сняли с поста замнаркома и вывели из ЦК. В партии коммунистов — борцов за всеобщее равенство и братство — пока еще оставили. Весной 1943 года Кулик опять всплыл. За неведомые заслуги его повысили и звании и даже дали покомандовать 4-й Гвардейской армией. Покомандовал... Пришлось вскоре снять и отправить от греха подальше на должность заместителя начальника Главного управления формирования Красной Армии. В апреле 1945 г. за развал боевой подготовки в запасных воинских частях и «бытовое разложение» (т.е. за систематическое пьянство и распутство) сняли и с этой работы, снова понизили в звании до генерал-майора.

Второй, последний и окончательный приговор был приведен в исполнение только 24 августа 1950 г. После того, как Военная коллегия Верховного суда установила, что в пьяных разговорах товариш Кулик частенько поругивал ту партию, которая вознесла и столько лет держала это ничтожество на вершинах власти. Вот этого

товарищ Сталин никому не прощал. Даже своим любимцам.

Невероятно, но и на этом удивительная биография Кулика все еще не заканчивается! В апреле 1956 г. его реабилитировали, а в 1957 г., не без ведома старого его товарища, всесильного тогда министра обороны СССР Жукова, даже «восстановили» в звании Маршала Советского Союза! Кавычки при слове «восстановили» стоят не случайно. На момент второго ареста Кулик был генерал-майором, так что правильнее было бы говорить об уникальном, единственном в своем роде случае посмертного (!!!) повышения в звании, да еще на целых четыре ступени...

Строго говоря, уже одно только наличие таких военачальников, как Кулик и Болдин, могло обречь войска на небывалый разгром. В поисках других причин обратимся к подробному разбору хода боевых действий.

ПЕРВЫЙ ВОЙ

Прежде всего следует отметить, что совместные действия Северо-Западного и Западного фронтов так и не состоялись. Главные ударные силы Северо-Западного фронта — 12-й мехкорпус генерал-майора Шестопалова и 3-й (без 5-й танковой дивизии) мехкорпус генерал-майора Куркина — были перенацелены с направления Каунас — Сувалки (как это было предписано Директивой № 3) на северо-запад, в направлении г. Шауляй, где 23— 24 июня произошло крупное танковое сражение с главными силами 4-й танковой группы вермахта. Что же касается 5-й танковой дивизии, то она по приказу командующего Северо-Западным фронтом утром 22 июня была выведена

из состава 3-го мехкорпуса и передана в непосредственное подчинение командующего 11-й армией.

С середины июня 1941 г. войска 11-й армии, равно как и все прочие соединения Прибалтийского особого военного округа (будущего Северо-Западного фронта), в обстановке строжайшей секретности были приведены в состояние полной боевой готовности. Уже 15 июня 1941 г. командующий войсками округа генерал-полковник Ф.И. Кузнецов издал приказ № 0052, в котором напомнил своим подчиненным, что *«именно сегодня, как никогда, мы должны быть в полной боевой готовности... в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи»* [19. стр. 8]. Далее в приказе давались уже вполне конкретные указания: *«...Проволочные заграждения начать устанавливать **немедленно** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.)...*

***С первого часа боевых действий** организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... Самолеты на аэродромах **рассредоточить и замаскировать** в лесах, кустарниках, не допуская построения в линию... Парки танковых частей и артиллерии рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который **полностью выполнить к 25 июня с.г.**»* [19, стр. 11—12].

18 июня 1941 г. командующий Прибалтийским ОВО издает следующий приказ: *«...Начальнику зоны*

*противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.) привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... Не позднее утра 20.6.41 г. на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к утру 20.6.41 г. по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи... Создать на направлениях Тельшяй, Шяуляй, Каунас, Кальвария подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. **Готовность отрядов к 21.6.41 г. ... План разрушения мостов** утвердить Военным Советам армий. Срок выполнения **21.6.41 г.** Отобрать из частей округа (кроме авиационных и механизированных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения **21.6.41 г.**» [19, стр. 22—25].*

На обложке «Сборника боевых документов» № 34 (из которого процитированы эти приказы) стоит штампик: «Рассекречено». Номер Директивы Генштаба о рассекречивании и дата: 30.1.1965 г. Шестьдесят пятого года. Десятки лет корифеи советской военно-исторической «науки» знали — или, по меньшей мере, должны были знать — содержание этих документов, но они продолжали из года в год рассказывать байки про «внезапное нападение» и «мирно спящую советскую страну»...

К сожалению, СБД № 34 является единственным сборником боевых документов округов (фронтов), в который было включено хотя бы несколько документов

периода до 22 июня 1941 г. Все остальные сборники (как, впрочем, и все доступные независимым исследователям фонды ЦАМО) начинаются сразу с 22 июня, со дня «внезапного нападения». Все, что предшествовало этой ужасной «неожиданности», благополучно обойдено молчанием. Но — нет правил без исключений. В СБД № 33 (боевые документы механизированных корпусов) каким-то образом попал (причем даже не в самом начале, а на восьмом месте, после документов июля 1941 г.) приказ командира 12-го мехкорпуса № 0033 от 18 июня [28. стр. 23—24]. Документ украшен грифом «Особой важности», что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Приказ № 0033 начинается такими словами: *«С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. **Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять** (подчеркнуто мной. — М.С.)... С собой брать только необходимое для жизни и боя»*. Далее идет указание начать в 23 ч 00 мин 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в лесах!

Точный текст аналогичного приказа по 3-му мехкорпусу автору этой книги обнаружить не удалось, но известно, что 5-я танковая дивизия готовилась к скорому и неизбежному началу военных действий так же, как и все остальные части и соединения Прибалтийского ОВО: 18 июня все части дивизии были подняты по тревоге, выведены из мест постоянной дислокации и развернуты вдоль восточного берега Немана в районе г. Алитус и южнее [8]. Таким образом, 5-я тд оказалась именно в том районе (Алитус — Меркине), на который было нацелено острие немецкого «танкового клина».

Непосредственно на Алитус наступали 20-я и 7-я танковые дивизии из состава 3-й танковой группы вермахта. К полудню 22 июня немецкая 20-я тд, преодолев расстояние в 60 км от приграничного поселка Кальвария до Алитуса, форсировала Неман по мосту, который так и не был взорван, несмотря на наличие «плана разрушения мостов, утвержденного Военным советом армии» (см. выше). Главный советский специалист по истории начального периода Великой Отечественной войны, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории элитного МГИМО товарищ Анфилов в одной из своих многочисленных монографий дает такое объяснение этому факту:

«Форсирование противником Немана в короткие сроки оказалось возможным потому, что понтонеры 4-го понтонно-мостового полка, вследствие сложности обстановки и неполучения от общевойсковых командиров приказа на подрыв, мосты в вышеуказанных районах не взорвали» [177, стр. 67].

Здесь мы первый (но далеко еще не последний) раз сталкиваемся с удивительной логикой советских историков: злополучная «сложность обстановки» воспринимается (и навязывается читателям) как некое стихийное бедствие, как уважительная, «объективная» (т.е. от действия или бездействия людей не зависящая) причина, разом оправдывающая ВСЕ. При этом даже не обсуждается вопрос о том, что же было причиной, а что — следствием; сложность ли обстановки привела к потере такого важнейшего оборонительного рубежа, каким должен был стать полноводный Неман, или, напротив, массовое неисполнение конкретными командирами своих прямых обязанностей позволило

немцам беспрепятственно пересечь Неман. Что и создало «сложную обстановку»...

В воспоминаниях мл. лейтенанта А.Т. Ильина (накануне войны он был начальником химслужбы автотранспортного батальона 5-й танковой дивизии) обнаруживаются весьма примечательные детали этой «сложности обстановки»:

«Наша 5-я тд заблаговременно по боевой тревоге вышла на восточный берег р. Неман и заняла оборону за несколько дней до начала войны. Когда заняли оборону, меня назначили делегатом связи между штабом дивизии и автотранспортным батальоном... Примерно в 11.30 привели к штабу мокрую женщину, переплывшую Неман, которая сказала, что за городом она видела немецкие танки, но тут же прокурор крикнул «провокация», «шпионка» и сразу застрелил ее. А 30 минут спустя возле моста бойцы задержали мужчину, который был литовцем и на ломаном русском нам сказал, что немецкие танки уже в городе, но и этого оперуполномоченный застрелил, обозвав его провокатором...» [178].

Впрочем, никакая река сама по себе «оборонительным рубежом» не является. В конце концов, при отсутствии вооруженного противника на такой реке, как Неман, можно в течение нескольких часов навести понтонный мост. Оборону рубежа обеспечивают (или не обеспечивают) люди, бойцы и командиры соответствующих воинских частей и соединений. 22 июня 1941 г. в районе г. Алитус таким соединением могла (а в соответствии с планами и распоряжениями командования 11-й армии — должна была) стать 5-я танковая дивизия. В боевом донесении, которое в 9.35 22 июня командующий Северо-Западным

фронтом направил наркому обороны СССР, сообщалось, что *«5-я танковая дивизия на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й стрелковой дивизии (находившаяся непосредственно у границы дивизия 11-й армии. — М.С.) и прикрывать тыл 11-й армии от литовцев, а также не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друски-нинкай»* [19, стр. 37].

Примечательно, что задача *«прикрывать тыл 11-й армии от литовцев»* (имелись в виду две дивизии 29-го стрелкового корпуса Красной Армии, сформированные в 1940 г. на базе вооруженных сил «освобожденной Литвы») стоит на первом месте, а задача *«не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман»* сформулирована как дополнительная (*«а также»*). Но, разумеется, не этот казус должен привлечь наше внимание. Главное — это то, что 5-я танковая дивизия обладала реальными возможностями для того, чтобы не просто задержать продвижение немецкой 20-й тд, но и разгромить ее наголову.

5-я танковая (как и весь 3-й мехкорпус) входила в число танковых соединений «первой волны» (первые восемь мехкорпусов были сформированы летом 1940 г.) и была практически полностью укомплектована боевой материальной частью. Артиллерийского вооружения было даже больше штатного расписания (см. табл.)

Таблица

	37-мм зенитка	45-мм ПТО	76-мм	122-мм	152-мм	мином. 50-мм	мином. 82-мм
штат	12	0	4	12	12	27	18
факт	12	12	6	12	24	32	18

Несмотря на заметный «переизбыток» артиллерии, наличных средств мехтяги (65 тракторов и тягачей) вполне хватало для ее буксировки (37-мм зенитки и минометы перевозились на автомашинах и в гусеничных тягачах не нуждались). Уже в ноябре 1940 г. (т.е. задолго до начала скрытой мобилизации весны 1941 г.) в 5-й танковой дивизии числилась 1051 автомашина всех типов, в том числе — 92 автоцистерны (при штатной норме соответственно 1360 и 139) [179]. Впрочем, численность автотранспорта и тягачей не имела существенного значения в ситуации, когда свой первый и единственный бой 5-я танковая дивизия приняла непосредственно в районе предвоенного развертывания.

Главной составляющей вооружения 5-й танковой дивизии были, разумеется, танки: 188 легких (170 БТ и 18 Т-26), 30 трехбашенных Т-28 (это танк огневой поддержки пехоты, вооруженный короткоствольной 76-мм пушкой — аналогом немецкого «окурка» — и двумя пулеметами в отдельных вращающихся башнях), 50 новейших Т-34. Не вполне ясен вопрос с наличием на вооружении 5-й танковой дивизии тяжелых танков КВ.

В большинстве источников о них ничего не сказано, но, с другой стороны, известно, что всего на вооружении 3-го МК уже в конце апреля 1941 г. числилось 78 танков КВ [180]. Тяжелые танки могли быть только на вооружении двух танковых дивизий корпуса (2-я тд и 5-я тд). Даже если предположить, что 2-я танковая дивизия была полностью укомплектована танками КВ до штатной нормы (63 единицы), то и в этом случае «на долю» 5 тд должно было остаться как минимум 15 тяжелых КВ. Если же исходить из приведенных в весьма авторитетном источнике [8] данных о наличии на вооружении 2-й танковой дивизии 51 танка КВ, то чисто арифметически в составе 5-й танковой должно было оказаться 37 танков КВ.

Много ли это — 37 танков КВ и 50 Т-34 — в составе одной танковой дивизии? Все познается в сравнении. Для того чтобы по достоинству оценить вооружение и боевые возможности 5-й танковой дивизии, следует сравнить их с вооружением противника, т.е. 20-й танковой дивизии вермахта.

Единственным немецким танком, который летом 41-го хотя бы теоретически мог вести бой с советским Т-34 (но не КВ!), был средний танк Pz-III последних модификаций (H и J), вооруженный 50-мм пушкой KwK-38. На ближних дистанциях эта пушка могла пробить бортовую броню «тридцатьчетверки» в зоне расположения поддерживающих катков гусеницы (там 45-мм броневой лист был расположен вертикально, без наклона). И хотя для стрельбы в борт противника немецкому танку надо было активно маневрировать на поле боя, и хотя попасть в узкий просвет между катками движущегося танка почти невозможно, и хотя 76-мм пушка, установленная на Т-34, уверенно пробивала

лобовую (и тем более 30-мм бортовую) броню Pz-III на километровой дальности, некоторые шансы на успех у экипажа Pz-III все же могли быть. Эти шансы резко возрастали при использовании специального подкалиберного бронебойного снаряда с сердечником из карбида вольфрама, но такие снаряды были большой редкостью, к тому же в силу своих конструктивных особенностей они обычно рикошетировали на наклонных броневых листах «тридцатьчетверки».

Во всей группировке танковых войск вермахта на Восточном фронте было 707 танков Pz-III с 50-мм пушкой. Но в составе 3-й танковой группы не было НИ ОДНОГО танка этого типа (в соседней, 4-й танковой группе таких танков была всего 71 единица). Танковые дивизии 3-й ТГр (в том числе — и 20-я танковая) были вооружены главным образом чешскими танками «Шкода» образца 38-го года, получившими в вермахте обозначение Pz-38(t). Это легкий танк с противопульным бронированием, маломощным (125 л/с) двигателем и корпусом, собранным на болтах и заклепках (головки которых при попадании вражеского снаряда отрывались и калечили экипаж). О.Кариус, немецкий танкист, встретивший начало войны в 20-й танковой дивизии, вспоминает:

«...12 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины... Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепежные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд. Мои выбитые зубы скоро оказались в мусорном ведре медпункта...» [183, стр. 15].

Вооружен Pz-38(t) был 37-мм пушкой А-7 чешского производства, которая хотя и имела несколько большую бронепробиваемость, нежели немецкая 37-мм «колотушка», но для боя с Т-34 была практически бесполезна. В целом Pz-38(t) по всей совокупности тактико-технических характеристик соответствовал советскому «безнадёжно устаревшему» легкому танку Т-26 и существенно уступал (по вооружению, скорости, запасу хода) скоростному танку БТ-7. Но и этого «чудо-оружия» для вооружения танковых дивизий вермахта не хватило, поэтому в 3-й Танковой группе в качестве линейных танков использовались даже легкие учебно-боевые танкетки Pz-I с пулеметным вооружением, для боя с какими-либо советскими танками непригодные в принципе.

Утром 22 июня на вооружении 20-й танковой дивизии вермахта числилось 44 Pz-I, 31 Pz-II (несколько более мощная танкетка, вооруженная 20-мм «пушкой»), 121 Pz-38(t) и 31 средний танк Pz-IV (вооружен короткоствольным 75-мм «окурком»; последние модификации имели усиленную до 50—60 мм лобовую броню) [10, стр. 206]. Соотношение танкового вооружения 5-й советской и 20-й немецкой танковых дивизий можно представить в следующей таблице:

		Т-26	БТ-7	Т-28	Т-34	КВ
5-я тд (сов.)		18	170	30	50	37
20-я тд (нем.)	44	31	121	31		
	Pz-I	Pz-II	Pz-38 (t)	Pz-IV		

В условиях встречного танкового боя советские Т-34 и КВ должны были просто расстрелять весь этот немецкий танковый «зверинец», оставаясь при этом почти в полной безопасности. Более того, встречный бой у Алитуса не был вполне «встречным»: немецкая танковая дивизия подошла к городу и мосту через Неман в походной колонне, в то время как советские танки теоретически могли быть развернуты в боевой порядок и заблаговременно (с 19 по 22 июня) замаскированы на подготовленных огневых позициях.

Никакого «двухлетнего опыта ведения современной войны» (о чем так любили поговорить советские историки-пропагандисты) у немецких танкистов не было и в помине: 20-я танковая дивизия вермахта была сформирована **в октябре 1940 г.**; ни в польской, ни во французской кампаниях она не участвовала, и бой у Алитуса для нее также был первым сражением войны. В упомянутых выше воспоминаниях О. Кариуса читаем:

«...За исключением нескольких офицеров и унтер-офицеров, никто из нас еще не участвовал в боевых действиях. До сих пор мы слышали настоящие выстрелы только на полигоне. Мы верили в старых вояк, имевших Железные кресты и боевые знаки отличия, а они сохраняли полную невозмутимость. У всех прочих не выдерживал желудок и мочевой пузырь...» [183, стр. 11].

Танковый бой у Алитуса (который, скорее всего, был самым первым танковым сражением Великой Отечественной войны) не обойден вниманием советских историков и мемуаристов. Есть, в частности, написанная доктором исторических наук М.В. Ежовым статья, специально посвященная этому трагическому эпизоду

войны [178]. К сожалению, кажущееся обилие информации отнюдь не способствует установлению истинной картины событий. Скорее наоборот — приведенные факты (если только это «факты», а не выдуманные задним числом «уважительные причины» разгрома мощного танкового соединения) противоречат как друг другу, так и элементарному здравому смыслу. В частности, по имеющимся источникам невозможно ответить на самые простые вопросы: где, когда и какие подразделения 5-й танковой дивизии приняли участие в бою?

Главный Маршал бронетанковых войск СССР П.А. Ротмистров встретил войну в звании полковника и в должности начальника штаба 3-го мехкорпуса (а перед этим он несколько месяцев исполнял обязанности заместителя командира 5-й танковой дивизии). Из его мемуаров следует, что лишь несколько подразделений 5-й тд вступили **вечером** 22 июня в бой с немецкими танками, причем уже **на восточном берегу** Немана:

«...К вечеру 22 июня вражеские дивизии первого эшелона 3-й Танковой Группы, используя захваченные в районе Алитуса и Меркине мосты, переправились через Неман. Пытаясь задержать продвижение противника на Немане, командование 11-й армии бросило в бой 5-ю танковую дивизию. Командир дивизии полковник Ф.Ф. Федоров успел выдвинуть к мосту у Алитуса только артиллерию 5-го мотострелкового полка (а это всего 4 пушки калибра 76-мм. — М.С.), отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и 2-й батальон 9-го танкового полка...» [181].

А вот из описания боя, данного в статье М.В. Ежова, следует, что 5-я танковая дивизия встретила немцев

значительно большими силами, причем **на западном** берегу реки, **в середине дня** 22 июня, еще до того, как противник форсировал Неман:

*«...К середине дня противник сумел прорваться к Алитусу. Тогда по приказу командования 11-й армии 5-я танковая дивизия выдвинулась **на западный берег Немана для обороны предместных позиций** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.) и с ходу завязала бой с частями 20-й танковой дивизии. 10-й танковый полк 5-й дивизии в трех километрах **западнее Алитуса** первым встретил и уничтожил передовой отряд фашистских мотоциклистов. Затем танкисты 9-го танкового полка, артиллеристы 5-го мотострелкового полка и отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 5-й танковой дивизии, подпустив танки врага на 200—300 метров, открыли по ним огонь прямой наводкой. За 30—40 минут боя они подбили 16 вражеских машин. Продвижение танковой дивизии врага **было приостановлено**.*

*Тогда на позиции, занятые советскими танкистами **на западном берегу** Немана, враги обрушили бомбовые удары, огонь артиллерии. Они несли тяжелые потери. Вражеским танкам удалось прорваться через мост на восточный берег Немана южнее Алитуса. Но они были сразу же контратакованы подразделениями 5-й танковой дивизии, которые смяли немецкие танки и ворвались в город...»*

По другим источникам, бой также начался **днем** 22 июня, на западном берегу Немана, причем в нем наряду с танковыми подразделениями принял участие и один мотострелковый батальон 5-й танковой дивизии:

«На предместное укрепление у Алитуса комдив-5 направил один мотострелковый батальон, усиленный

артиллерией 5-го мотострелкового полка. Позже, по мере готовности, в разное время туда подошли и другие подразделения дивизии, в том числе 2-й танковый батальон 9-го танкового полка и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Уже к полудню 22 июня эти части были втянуты в танкоишн бой с прорвавшимися к Алитусу 7-й и 20-й танковыми дшшшями противника...» [8].

Есть сообщения о том, что наряду со 2-м батальоном 9-го танкового полка в бою участвовал и 1-й батальон полка (танки Т-28), находившийся в засаде у моста на восточном берегу Немана.

С другой стороны, из воспоминаний О. Кариуса следует, что до Немана танкисты немецкой 20-й тд дошли, не встретив ни малейшего сопротивления:

«...С волнением мы ожидали первого боевого контакта с русскими. Но ничего подобного не случилось. Поскольку наш батальон головным не был, можно было предполагать такой контакт только в том случае, если авангард будет остановлен. Мы без происшествий достигли первой цели нашего движения в тот день — аэродрома в Алитусе. Счастливые, мы скинули с себя пропыленную форму и были рады, когда, наконец, нашли воду, чтобы как следует помыться.

— Совсем неплохо здесь воевать, — сказал со смешком командир нашего танка унтер-офицер Делер после того, как в очередной раз вытащил голову из бадьи с водой...» [183, стр. 12].

Самое же удивительное заключается в том, что ни в одном источнике (включая документы или мемуары солдат и командиров противника) даже не упоминается какое-либо участие в бою у Алитуса главной ударной

силы 5-й танковой дивизии — танков Т-34 и КВ! Просто не заметить встречу с «тридцатьчетверкой» немцы не могли. В многократно упомянутых выше мемуарах О. Кариуса «первому знакомству» с Т-34 посвящена целая глава, причем встреча эта оставила у немецких танкистов самые яркие воспоминания:

«...Еще одно событие ударило по нас, как тонна кирпичей: впервые появились русские танки Т-34. Изумление было полным. Как могло получиться, что там, наверху, не знали о существовании этого превосходного танка? Т-34 с его хорошей броней, идеальной формой и великолепным 76,2-мм длинноствольным орудием всех приводил в трепет, и его побаивались все немецкие танки вплоть до конца войны. Что нам было делать с этими чудовищами, во множестве брошенными против нас?»

Вот только событие это, изумившее солдат 20-й танковой дивизии вермахта, произошло не у Алитуса, а в начале августа в районе Ельни! Где же 22 июня были 50 танков Т-34 и несколько десятков КВ из состава 5-й танковой дивизии? Они слишком тщательно замаскировались?

Окончательный разгром 5-й танковой дивизии скорее всего произошел уже на восточном берегу Немана, после того, как к полю боя подошли части 7-й танковой дивизии вермахта, переправившиеся через Неман несколько южнее Алитуса (и также по невзорванному мосту). В мемуарах Ротмистрова это событие описано так:

«...После захвата второго моста через Неман, южнее Алитуса, противник развил стремительное наступление на север и вскоре зажал на восточном

берегу Немана главные силы 5-й танковой дивизии с двух сторон. В неравном, крайне ожесточенном бою наше соединение потерпело поражение, потеряв 90 боевых машин, хотя наши воины уничтожили до 170 танков, бронемашин и бронетранспортеров противника».

В документах противника сам факт танкового боя у Алитуса подтверждается. Правда, цифры потерь совершенно другие. Так, в телеграмме, направленной утром 23 июня 1941 г. штабом 3-й танковой группы командованию Группы армий «Центр», читаем:

«...б. Вечером 22 июня 7-я танковая дивизия имела крупнейшую танковую битву за период этой войны (странное выражение для оперативной сводки, составленной на второй день «этой войны». — М.С.) восточнее Алитуса против 5-й танковой дивизии. Уничтожено 70 танков противника. Мы потеряли 11 танков, из них 4 тяжелых (в вермахте Pz-IV считался «тяжелым танком». — М.С.)» [182, стр. 34].

В том, что реальные потери немецких танков оказались на порядок меньше заявленных Ротмистровым, нет ничего странного — подобное завышение потерь противника является не исключением, а нормой для любых оперативных сводок. Удивительно другое: немцы заявляют о том, что уничтожили в бою 70 советских танков (реальная цифра была, видимо, еще меньше), а советский маршал пишет о потере 90 боевых машин! Формально говоря, термин «боевая машина» не тождественен термину «танк», но в данном контексте Ротмистров, конечно же, имел в виду именно танки. Скорее всего, большая цифра понадобилась мемуаристу для того, чтобы подкрепить свое утверждение о том, что *«бойцы и командиры 5-й танковой дивизии, несмотря на*

всю тяжесть положения, сохраняли мужество и сражались до последнего снаряда, до последнего танка». Однако даже после потери 90 танков в 5-й танковой дивизии должно было оставаться еще **более 200 танков!** Казалось бы, говорить о «последнем танке» еще рано (далеко не каждая танковая дивизия вермахта к началу боевых действий имела в своем составе 200 танков), тем не менее после боя у Алитуса 5-я танковая дивизия практически перестала существовать как боевое соединение.

Первый (он же и последний) бой 5-й танковой дивизии завершился не то вечером 22 июня, не то утром 23 июня. В процитированном выше документе штаба 3-й ТГр речь идет о вечере 22 июня. То же самое время указано и в монографии Анфилова (*«советские танкисты несколько часов вели ожесточенный, напряженный бой с танками противника у переправ через р. Неман, но с наступлением темноты 22 июня они были вынуждены отступить»*). Однако в мемуарах Г. Гота, бывшего командующего 3-й ТГр, вполне определенно говорится про утро 23 июня:

«Танковый полк 7-й танковой дивизии, который охранял мосты в Алитусе и ночью был сменен пехотной частью, при выступлении из Алитуса рано утром натолкнулся на подходившую из Варены 5-ю танковую дивизию русских. В «исключительно тяжелом танковом бою», как об этом доложил командир полка, дивизия противника, уступавшего в умении вести одиночный бой, потерпела поражение» [13, стр. 68].

О том, что последний бой 5-й танковой дивизии произошел утром 23 июня, пишут и современные историки [8, 178]. Встречаются сообщения и о том, что в

ночь с 22 на 23 июня 10-й танковый полк из состава 5-й тд занимался таким странным для танковой части делом, как поиск несуществующего немецкого «парашютного десанта численностью в 660 человек» в районе г. Варена (30 км к юго-востоку от Алитуса).

Столь пристальное внимание к установлению точного времени разгрома 5-й танковой дивизии связано с тем, что уже **на рассвете 24 июня** командир дивизии полковник Ф.Ф. Федоров вместе с остатками своей дивизии (5 танков, 20 бронемашин и 9 орудий) оказался в районе белорусского города Молодечно, т.е. на расстоянии в 170 (сто семьдесят) км по прямой от Алитуса! Генерал армии С.П. Иванов (в начале войны — начальник оперативного отдела штаба 13-й армии Западного фронта) в своих мемуарах описывает встречу с командиром 5-й тд так:

«...Вошел полковник в форме танкиста и доложил, что он является командиром 5-й танковой дивизии... Танковая дивизия полковника Федорова получила задачу обеспечить отход остатков стрелковых частей и не допустить форсирования Немана гитлеровцами севернее Друскининкая. Однако противник, нанося мощные удары авиацией и артиллерией, не дал дивизии выйти к Неману, и у нее тоже были большие потери. На плечах нашей отступающей пехоты вражеские танки прорвались по двум мостам на восточный берег Немана...

— Это непоправимая беда, — сокрушался танкист, — и мне придется расплачиваться за нее головой» [45, стр. 49].

Впрочем, из документов (Оперативная сводка штаба Западного фронта № 4 от 10.00 24.06.41) следует, что полковник Федоров не только «сокрушался», но и

занимался тем, что на языке военного трибунала называется «распространение панических слухов»:

«...4. Командир из 5-й танковой дивизии Северо-Западного фронта доложил командующему войсками 13-й армии, что Вильнюс в 17.00 23.6.41 г. занят немцами, которые продолжают наступление» [186, стр. 37]. В данном вопросе командир 5 тд сильно «торопил события» — немецкая 7-я танковая дивизия вошла в Вильнюс только утром 24 июня.

Еще одна группа из состава 10-го танкового полка 5-й (порядка 15 танков Т-34 и 14 легких Т-26) к исходу ДД июня откатились в район поселка Вороново (20 км к северу от г. Лида, 80 км от Алитуса), в расположение 37-й прелковой дивизии 21-го стрелкового корпуса Западного фронта [8]. В дальнейшем эта группа была сведена в танковый батальон, который 26—27 июня участвовал в контрударе 21-го СК в районе г. Лида. В мемуарах Г. Гота встречается упоминание о том, что 25—28 июня немецкая 19-я тд в районе Вороново — Трабы *«постоянно подвергаюсь атакам противника при поддержке 50-тонных танков... до 28 июня она отражала атаки с южного направления»*. Возможно, это были танки из состава 5-й тд, бездетные экипажи которых уже после разгрома дивизии продолжали свою войну...

Командование Северо-Западного фронта потеряло к тому времени всякое представление о том, где находятся остатки 5-й тд. В боевом донесении штаба фронта, направленном наркомом обороны СССР в 22.45 24 июня, было сказано: *«5-я танковая дивизия в 14.00 23.6.41 г. вела бой с противником в районе Родзишки (30 км юго-западнее Вильнюса. — М.С.). Положение и местонахождение дивизии 24.6.41 г. неизвестно»* [19,

стр. 66]. Впрочем, стоит ли творить про одну дивизию, если два дня спустя штаб Северо-Западного фронта «потерял» уже всю 11-ю армию!

В очередном боевом донесении, отправленном в Москву в 20.35 26 июня, читаем:

«...11-я армия — штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб. Немцы захватили шифрдокумент. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых [на] направлении Двинск. Много брошено оружия...» [19, стр. 69].

Остатки 11-й армии и ее штаб (он отнюдь не погиб и не был пленен) искала разведывательная авиация. Не немецкая авиация — наша. 30 июня поиски увенчались некоторым успехом. В этот день из Москвы в адрес штаба Северо-Западного фронта (который именно в этот день «перевезировался» во Псков, т.е. на 450 км от границы) ушла телеграмма, подписанная Г.К. Жуковым: *«В районе ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны (Швенченис), найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать...»*

В классической советской историографии такую неразбериху принято было объяснять пресловутой «потерей связи» — немецкие диверсанты перерезали якобы все провода, а про радиосвязь в Красной Армии якобы никто и не слыхивал. Связи в частях и соединениях Северо-Западного фронта (как, впрочем, и всех остальных фронтов) действительно не было. Но вот **технические средства радиосвязи были. И в**

немалом количестве. И не только на уровне фронтов и армий. Так, в 5-й танковой дивизии уже в июле 1940 г., т.е. почти за год до начала войны, числились (не считая 120 танковых радиостанций 71ТК):

- 1 радиостанция ПАК,
- 23 радиостанции 5АК,
- 87 батальонных и ротных радиостанций (6ПК, РРС, РРУ, РБ-22) [179].

Теперь стоит пояснить — что обозначают все эти большие буквы. ПАК — это мощная (500 Вт) радиостанция, перевозимая на двух грузовиках. Она обеспечивала телефонно-телеграфную связь в радиусе 300—500 км. 5АК имела размер большого сундука, перевозилась в кузове автомобиля или на конной повозке. Эта рация имела радиус действия 25 км при телефонной связи и 50 км — при телеграфной связи, т.е. полностью (и даже с заметным перекрытием) обеспечивала радиосвязь в полосе фронта наступления дивизии...

Последнее упоминание о судьбе 5-й танковой дивизии в боевых донесениях командования Северо-Западного фронта датировано 2 июля 1941 г.:

«...5-я танковая дивизия 24.6.41 г. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Оставшиеся бойцы и командиры только 26.6.41 г. стали появляться в районе Полоцк (200 км к востоку от Вильнюса, 185 км к северо-востоку от Молодечно) и 30.6.41 г. в районе Псков. Материальная часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника. Остатки личного состава и

материальной части колесных машин сейчас собираются в районе Псков и Полоцк...» [19, стр. 107].

А вот мрачные предчувствия полковника Федорова («мне придется расплачиваться за это головой») не оправдались. Командира «рассеявшейся» на пространствах в сотни километров дивизии и не расстреляли перед строем уцелевших бойцов, и не отправили рядовым на передовую «искупать вину кровью». Он был назначен начальником Московского учебного автобронетанкового центра, а затем — начальником Соликамского аэросанного училища на Северном Урале. Там, в глубочайшем тылу, за тысячи километров от фронта, его и настигла нелепая смерть от тифа 20 января 1945 г.

«И ПОШЕЛ, КОМАНДОЮ ВЗМЕТЕН...»

В реальной истории прорыв немцев на восточный берег Немана означал начало конца Западного фронта Красной Армии. Стремительно продвигаясь по огромной дуге Алитус — Вильнюс — Молодечно, дивизии 3-й танковой группы вермахта вышли к Минску, где 27—28 июня встретились с наступающим вдоль шоссе Брест — Варановичи — Минск 47-м танковым корпусом из состава 2-й танковой группы. В огромном «котле» окружения оказались три четверти соединений Западного фронта. Но 23—24 июня сложившаяся ситуация могла быть оценена совершенно по-иному: немецкие танковые дивизии ушли из района предполагавшегося контрнаступления конно-механизированной группы Болдина, и сокрушительный удар советского танкового «колуна» должен был обрушиться на немецкую пехоту.

Ближе всех к району запланированного наступления находился 11-й мехкорпус Западного фронта (см. Карта № 2). Он и вступил в бой первым. Отрывочная информация об очень коротком боевом пути 11-го мехкорпуса столь же противоречива и маловразумительна, как и приведенные выше сведения об обстоятельствах разгрома 5-й танковой дивизии. Вполне определенно можно констатировать лишь то, что любые упоминания об 11-м МК в традиционной советской историографии сопровождаются потоком горестных причитаний (*«укомплектован на 23% танками устаревших марок... укомплектованность автотранспортом и тракторными тягачами составляла 15—20% от штатных норм... укомплектованность офицерами-танкистами составляла 45—55% от штата...»*). Ну и так далее.

Все это — чистая правда. Вообще. Перейдем теперь к конкретным подробностям. Прежде всего заменим все эти «проценты» абсолютными величинами. Главное вооружение мехкорпуса — танки. Сколько их было?

В исторической литературе встречаются самые разные цифры: 237 единиц (ВИЖ № 4/1989), 360 единиц (интернет-сайт «Мехкорпуса РККА» со ссылкой на ЦАМО, ф. 38, оп. 11373, д. 67), 414 единиц («1941 г. — уроки и выводы»). Автор предлагает взять за основу цифру 331 — именно такое количество танков указано в документе, составленном непосредственными участниками событий. Речь идет про опубликованное в ВИЖ № 9/1989 «Политдонесение политотдела 11-го мехкорпуса Военному советнику Западного фронта от 15 июля 1941 г.». Танки в 11-м МК действительно были самыми устаревшими: 242 танка Т-26, 18 огнеметных ОТ-26 и 44 танка ВТ старой модификации (ВТ-5). Новых танков

очень мало: 24 (по другим источникам — 28) средних Т-34 и 3 тяжелых КВ.

К тому же «до 10—15% танков в поход не были взяты, так как они находились в ремонте».

Итого: порядка 280 боеготовых танков, из них почти все — легкие и устаревшие.

Вопрос: может ли воевать танковое соединение, вооруженное таким «хламом»?

Все познается в сравнении. Десятки лет советские «историки» почему-то игнорировали это простейшее, очевиднейшее правило. Разумеется, 11-й МК был слабым и «недоделанным» — по сравнению, например, с 6-м мехкорпусом Западного фронта или 3-м мехкорпусом Северо-Западного фронта, на вооружении которых были сотни новейших Т-34 и КВ. Но воевать-то предстояло с немцами, а не со своими фронтовыми соседями! С немецкими танковыми соединениями, с их оснащённостью, с их вооружением, с их возможностями и надо сравнивать боевую мощь 11-го мехкорпуса.

В составе войск пяти западных военных округов было 20 мехкорпусов. Если исключить из этого перечня 17-й МК и 20-й МК, в которых было всего 63 и 94 танка соответственно (в Красной Армии про 94 танка говорили «всего 94»), то остается **18 мехкорпусов**. А в составе сил вторжения вермахта было **17 танковых дивизий**. Вот с ними-то можно и нужно сравнивать наши мехкорпуса, в частности 11-й МК.

Немецкие танковые дивизии и корпуса не имели строго определенного состава. Поэтому возьмем для сравнения **самую крупную танковую дивизию** вермахта, какая голько была на всем Восточном фронте.

Это 7-я танковая под командованием генерал-майора фон Функа. Такое сравнение тем более уместно, что 7-я тд входила в состав той самой 3-й танковой группы вермахта, во фланг и тыл которой должна была бы нанести удар КМГ Болдина.

Главное вооружение танковой дивизии — танки. Их в 7-й тд вермахта было **265** единиц. А в нашем «неукомплектованном» 11-м МК — **331** танк. Почему-то принято (среди советских пропагандистов принято) считать, что у немцев ничего никогда не ломалось и число боеготовых танков всегда равнялось общему их числу. Даже если принять на веру это абсурдное допущение, то и тогда 11-м МК превосходил самую крупную танковую дивизию вермахта по количеству боеготовых танков (280 против 265).

Теперь от количества перейдем к качеству. К началу войны на вооружении 7-й тд числилось [10, стр. 206]:

- 53 танкетки Pz-II;
- 167 легких танков Pz-38(t);
- 30 средних танков Pz-IV;
- 15 «командирских» танков с пулеметным вооружением, из них 7 на базе Pz-38(t).

На первый взгляд 11-й МК и 7-я танковая дивизия вермахта обладали примерно равными (и это если не принимать во внимание неоспоримое качественное превосходство советских Т-34 и КБ над немецким Pz-IV) боевыми возможностями. Но это поспешный и абсолютно ошибочный по сути своей вывод.

11-й мехкорпус был значительно сильнее.

«Танк — это повозка для пушки». В этом афоризме, авторство которого приписывается выдающемуся советскому конструктору артиллерии Грабину, есть, конечно, доля преувеличения. Но совсем небольшая. Все параметры танка, какими бы важными они ни были сами по себе, вторичны по отношению к главному — вооружению. Танк создан не для езды и не для укрытия, а для уничтожения. Уничтожения огневых средств и живой силы, командных пунктов и узлов связи в тылу противника, разгрома транспортных колонн и складов в оперативной глубине его обороны.

Так вот, для выполнения этих, основных задач танковых войск 11-й МК был вооружен гораздо лучше, нежели 7-я тд вермахта. Под нашу 45-мм танковую пушку 20К был разработан осколочно-фугасный снаряд весом в 2,13 кг. Такой снаряд давал 100 убойных осколков, поражающих открытую живую силу противника в полосе 15,6 метра. Да, конечно, это очень легкий снаряд (в три раза легче, чем у стандартной «трехдюймовки»), но все же многие цели на поле боя (пулеметное гнездо, минометная батарея) он мог поразить. На вооружении 11-го мехкорпуса было **345 пушек 20К** (286 на танках Т-26 и БТ, 59 на пушечных бронев автомобилях БА-10).

А на вооружении немецкой 7-й тд было всего 167 танковых пушек фирмы «Шкода» А-7. Ровно в два раза меньше, чем в 11-м МК. Причем вес немецкого 37-мм осколочного снаряда (690 г) был в три раза меньше, чем у соответствующего снаряда советской 20К, что и обуславливало значительно меньшее поражающее действие по пехоте и укрытиям противника.

Что же касается легких немецких танкеток Рз-II, то установленная на них 20-мм пушка была в принципе не

пригодна для борьбы с пехотой и артиллерией. Снарядик весом в 120—145 г, несущий (в разных вариантах) от 4 до 15 г взрывчатого вещества, был очень слаб. Перед войной в СССР пушки такого калибра устанавливались только на самолетах-истребителях, но отнюдь не на бронетехнике. Причем испытания и боевое применение 20-мм авиапушек показали, что «поражение живой силы на открытой местности» возможно лишь при прямом попадании в человека, осколочное же действие 20-мм «снаряда» было совершенно ничтожным.

Разумеется, серьезная «работа» по огневому подавлению противника должна была быть возложена не на легкие танки, а на механизированную гаубичную артиллерию. Вот тут-то главным образом и проявляется разница между советским мехКОРПУСОМ (пусть даже и недоукомплектованным) и немецкой ДИВИЗИЕЙ.

На вооружении артиллерийских полков трех дивизий 11-го МК к началу войны числилось [78]:

- 16 гаубиц калибра 152 мм;
- 36 гаубиц калибра 122 мм.

Да, это значительно меньше штатных норм (36 гаубиц калибра 152 мм и 40 гаубиц калибра 122 мм), но на вооружении немецкой танковой дивизии, полностью, «до последней пуговицы», укомплектованной по штату осени 1940г., могло быть только:

- 12 гаубиц калибра 150 мм;
- 24 гаубицы калибра 105 мм;
- 4 пушки калибра 150 мм.

О б щ и й в ы в о д о ч е в и д е н : д а ж е недоукомплектованный 11-й МК по своей огневой мощи

превосходил самую крупную танковую дивизию вермахта.

Наконец, в составе любого советского мехкорпуса было больше людей, нежели в любой немецкой танковой дивизии. Что и неудивительно: в корпусе три дивизии и множество отдельных корпусных частей. Конкретнее, в некомплектованном 11-м мехкорпусе по состоянию на 1 июня 1941 г. несло службу 21 605 человек личного состава, а максимальная штатная численность немецкой танковой дивизии была в полтора раза меньше. Причем 21 605 человек было в 11-м МК по состоянию на 1 июня 1941г. К 22 июня людей, скорее всего, стало больше, так как в стране полным ходом шла скрытая мобилизация резервистов (всего на «большие учебные сборы» до начала войны успели призвать 768 тыс. человек), а механизированные соединения доукомплектовывались личным составом в первую очередь.

Единственное, в чем 11-й МК уступал 7-й тд противника, так это в количестве автомашин, т.е. в способности мотопехоты, артиллерии и тыловых служб двигаться вслед за наступающим «танковым клином». На вооружении корпуса к 1 июня 1941 г. числилось 920 автомобилей, 148 мотоциклов, 55 тракторов и тягачей. Это значительно (в 5—6 раз) меньше штатных норм. И если бы 11-й мехкорпус действительно перешел в наступление от Гродно на Меркине (60—70 км), как это было предписано приказом Павлова, то не обеспеченная в полном объеме транспортом мотопехота неизбежно отстала бы от танков. Теоретически. В реальности же никакого прорыва в оперативную глубину обороны противника не было и в помине; гнаться за немцами не пришлось — они сами подошли к Гродно, и свой первый и последний бой 11-й МК принял практически в районе

довоенной дислокации. В такой ситуации нехватка автомашин не могла иметь решающего значения. Более того, из вышеупомянутого «политдонесения» мы узнаем, что утром 22 июня командование корпуса приняло абсолютно верное решение:

«...По боевой тревоге все части вывели весь личный состав, имеющий вооружение и могущий драться, что составило 50—60% всего состава, а остальной состав был оставлен в районе дислокации частей... Ввиду необеспеченности автотранспортом 204-й моторизованной дивизии 1-й эшелон из района Волковыск (82 км по шоссе до Гродно. — М.С.) перебросили на автомашинах, а последующие перебрасывались комбинированным маршем (т.е. стрелковые подразделения 204-й мд шли пешком до тех пор, пока их не забирал автотранспорт, возвратившийся после перевозки 1-го эшелона дивизии. — М.С). Через 7 часов (29-я тд через 3 часа и 33-я тд — через 4 часа) после объявления боевой тревоги части корпуса заняли район сосредоточения...»

Остается признать, что советские историки были совершенно правы. Никакого «мехкорпуса» в районе Гродно не было. Под названием «11-й мехкорпус» к 10 часам утра 22 июня 1941 г. южнее Гродно сосредоточилась фактически дивизия легких танков, по всем количественным параметрам **значительно превосходящая самую крупную танковую дивизию вермахта.**

Самая крупная, 7-я танковая, дивизия вермахта наделала много бед. Очень подробно, истинно «по-немецки», написанные мемуары командующего 3-й танковой группой Г. Гота [13] позволяют в деталях

проследить боевой путь 7-й тд в первые дни и недели войны.

К полудню 22 июня захвачены мосты через Неман у Алитуса, в полдень 23 июня *«танковый полк 7-й тд вышел на дорогу Лида — Вильнюс (75 км восточнее Алитуса), колесные машины дивизии остались далеко позади»* (но что примечательно — немецкий генерал вовсе не делает из этого вывод о том, что дивизия потеряла всякую боеспособность), рано утром 24 июня *«7-я тд после небольшого боя овладела городом Вильнюс, танковый полк дивизии продолжал продвигаться на Михалишки»* (Михалишки — это уже Белоруссия, и уже 180 км к востоку от границы). Далее *«7-я тд вышла 26 июня к автостраде Минск — Москва в районе Смолевичи»* (это уже 30 км к востоку от Минска). Таким образом, за пять дней дивизия прошла 350 км по лесным дорогам Литвы и Белоруссии.

Затем 7-я тд, потерпев неудачу при попытке форсировать Березину у города Борисов, ушла на северо-восток, через Лепель к Витебску. 5 июля в районе Бешенковичи (175 км от Минска) 7-я тд *«наткнулась»* на подошедший из Московского военного округа полнокомплектный 7-й МК (это тот самый мехкорпус, в составе которого воевал и попал в плен сын Сталина). Разгромив и отбросив к югу советский мехкорпус, 7-я и 20-я тд форсировали Западную Двину между Вешенковичами и Уллой, к 10 июля полностью овладели Витебском, после чего их дороги снова разошлись: 20-я тд ушла на северо-восток, к Велижу, а 7-я тд через Демидов во второй раз вышла на автостраду № 1, на этот раз в районе Ярцева (50 км восточнее Смоленска),

преодолев таким образом две трети расстояния от границы до Москвы.

Три месяца спустя, 6 октября 1941 г., именно 7-я танковая в районе Вязьмы в третий раз вышла на автостраду № 1, замкнув таким образом кольцо окружения самого большого за всю войну Вяземского «котла». Затем, в ходе кровопролитного московского сражения 7-я тд прошла еще 245 км на восток, до Яхромы (45 км к северу от Москвы). Только там, у канала Волга — Москва, она и была (если верить знаменитому сообщению Совинформбюро от 13 декабря 1941 г.) разбита войсками 1-й Ударной армии. Правда, по немецким данным, 7-я танковая воевала на Восточном и Западном фронтах еще до 1943 г.

Практический вывод из всего вышеизложенного: дивизия легких танков, оказывается, может воевать, может наступать, может вести успешный бой и с пехотой и с танками противника, может форсировать полноводные реки и брать штурмом большие города. Извините за назойливость, но автор готов еще раз напомнить, что весь тот путь 7-я тд вермахта прошла на легких чешских танках и трофейных французских грузовиках, которые на наших грунтовых дорогах из средства передвижения мотопехоты превращались в предмет для толкания. Уже за первые три недели войны 7-я тд прошла 700 км (считая по прямой) от границы до Ярцево, **что чуть больше расстояния от Гродно до Берлина.**

Странно, но коммунистические историки всегда считали **неизбежным, естественным и единственно возможным и то и другое:** и то, что 7-я немецкая танковая дивизия уже 15 июля была у Ярцево, и то, что

превосходящий ее по всем параметрам 11-й МК не только не дошел до Берлина (или хотя бы до Меркине), но и закончил свое существование за три дня боев у Гродно. А ведь на первый взгляд удивительным и неправдоподобным представляется тот факт, что немецкая дивизия, вооруженная лишь легкими танками с противоположным бронированием, смогла «пройти сквозь строй» десятков советских стрелковых дивизий, вооруженных сотнями 45-мм противотанковых пушек, гарантированно пробивавших броню Pz-38(t) и в лоб, и в борт, «и в хвост, и в гриву». Казалось бы, при таком соотношении «щита и меча» глубокий рейд немецких танков должен был завершиться полным их истреблением.

Все, однако же, не так просто. Танк — это всего лишь инструмент, и результат его использования зависит прежде всего от тактики применения, а еще точнее — от соответствия этой тактики техническим характеристикам вооружения. «Безнадежное» на первый взгляд соотношение между толщиной брони легкого танка и бронепробиваемостью артиллерийского снаряда является таковым лишь в ситуации, когда на гладком, как стол, поле стоит одинокий танк и ждет, когда в него попадет снаряд. В реальном же бою все несколько иначе.

Во-первых, танк движется. Даже медленно ползущий по раскисшему от дождя полю Т-26 преодолеет последние 600 м (попасть в движущийся танк с большего расстояния практически невозможно) до огневых позиций противотанковой пушки за 3 минуты. Теоретически расчет противотанкового орудия может произвести 10—15 выстрелов в минуту. Но это если не целиться, а просто «лупить в белый свет». Реально и с учетом того, что отдача после выстрела сбивает прицел,

в распоряжении артиллеристов не более 5—10 выстрелов. Но танк ведь не просто ползет по полю, он ползет и стреляет. Шансы сторон в «дуэли» танка и противотанковой пушки отнюдь не одинаковы. Бронебойный снаряд, просвистевший в одном сантиметре от башни танка, не принесет ему никакого вреда, в то время как осколочный снаряд (даже если это снаряд малокалиберной 45-мм советской танковой пушки 20К), взорвавшийся на расстоянии нескольких метров от огневой позиции, неизбежно заставит орудие замолчать. Поэтому 5—10 выстрелов, о которых мы сказали выше, в реальном бою являются для расчета противотанковой пушки недостижимой мечтой — после первых же выстрелов экипаж танка (хорошо подготовленный и обученный экипаж) обнаружит стреляющее орудие и парой осколочных снарядов смахнет пушку с лица земли.

Из этих простых соображений следует, что самым простым и самым эффективным способом прорыва противотанковой обороны является старый как мир, базовый для всего военного дела принцип концентрации. Танковая дивизия, развернувшись в боевой порядок на фронте в 2—3 км, уверенно пробивает оборону, стрелкового (пехотного) полка, на вооружении которого было в начале войны всего 12 противотанковых пушек. Даже если обороняющиеся успеют в кратчайший срок перебросить в район прорыва свой резерв (36 противотанковых 37-мм пушек в истребительно-противотанковом дивизионе пехотной дивизии вермахта), остановить атаку двух-трех сотен танков они не смогут. Потери некоторого числа танков при этом неизбежны, но и прорыв обороны будет неизбежен. Это «некоторое число» может быть сведено к

минимуму (если даже не к нулю) за счет артиллерийской поддержки танковой атаки.

Именно массированный огонь артиллерии — как ни парадоксально такое звучит — выполняет роль «дополнительной брони», позволяющей легким танкам с противопульным бронированием выжить на поле боя. Слово «массированный» появилось в предыдущей фразе не для красоты слога. Гаубица стреляет неприцельным навесным огнем, и надо много-много раз выстрелить, прежде чем один из снарядов взорвется рядом с огневой позицией вражеской противотанковой пушки. Как выше уже было упомянуто, по предвоенным нормативам артиллерии Красной Армии для уничтожения одного орудия ПТО требовалось от 70 до 90 снарядов 122-мм гаубицы. Однако в танковом полку нет никаких гаубиц, но они есть в составе артиллерийского полка танковой (моторизованной) дивизии. Другими словами, необходимо **взаимодействие**. Очень простое слово, с очень понятным смыслом, от которого в бою зависит почти все.

Полевой Устав Красной Армии ПУ-39 категорично требовал: *«Атака танками переднего края должна быть во всех случаях обеспечена артиллерийской поддержкой и не допускается без нее»*. Но и взаимодействия с одной только артиллерией недостаточно. Нужна разведка, нужна устойчивая связь, корректировка артиллерийского огня, нужна поддержка со стороны собственной пехоты и еще много всякого, что превращает пушки, танки, пулеметы в единый военный механизм. Самой же главной «деталью» этого «механизма» был, есть и будет командир. Обученный, опытный, смелый командир. При наличии такого командира и при отлаженном взаимодействии с пехотой и артиллерией танковое

соединение, вооруженное всего лишь легкими танками с противоположным бронированием, пробивало оборону пехоты образца лета 1941 г. с железной неотвратимостью.

Уважаемый читатель, все вышеизложенное не стоит воспринимать как продолжение басни про лису и виноград. Разумеется, с непробиваемыми танками вести наступление еще лучше. И совсем не случайно то, что, готовясь к Большой Войне, «неизменно миролюбивая» сталинская империя начала перевооружать свою армию новыми танками с противоснарядным бронированием. Но и объявлять отсутствие (или малое количество) таких танков **исчерпывающей объективной причиной** молниеносного разгрома крупного механизированного соединения (каковым по состоянию на утро 22 июня 1941 г. был 11-й МК), по меньшей мере, нелепо. Воюют не танки. Воюют танкисты и их командиры. Именно в их действиях (или бездействии), а не в миллиметрах брони и километрах межремонтного пробега следует искать причину того, что произошло летом 41-го с Красной Армией. Конечно, это гораздо сложнее — уже хотя бы потому, что документальных или мемуарных источников крайне мало, многие засекречены по сей день, доступные документы часто противоречивы и малодостоверны. Но и все это не может служить оправданием для подмены изучения истории бесконечным повторением ритуальных заклинаний про «безнадежно устаревшие танки»...

Анализ документов, имеющих отношение к истории разгрома 11-го МК, мы начнем с упомянутого уже «политдонесения» политотдела корпуса, подписанного полковым комиссаром А.П. Андреевым 15 июля 1941 г. Прежде всего следует обратить внимание на дату подписания документа. 15 июля 1941 г. Павлов и его

«подельники» уже арестованы, но суд еще не состоялся. Оставшиеся на свободе командиры, имевшие прямое отношение к катастрофическому разгрому войск Западного фронта, чувствуют за своей спиной отчетливое дуновение расстрельных подвалов НКВД. Это мы сегодня знаем, что поражение спишут на «внезапность нападения» и «устаревшие танки», но в июле 41-го этого еще не знал никто. Люди, на памяти которых был 1937 г., могли и должны были ожидать для себя самого худшего, и это не могло не сказаться на содержании и интонациях вышеупомянутого «политдонесения», в котором нет ни капли политики, зато есть длинный перечень «уважительных причин». Не нам судить комиссаров 1941 года, но принять во внимание эти обстоятельства для историка просто необходимо.

Весь ход боевых действий 11-го МК описан в «Политдонесении» дословно так:

«...В первый день, т.е. с момента налета немецких самолетов на Волковыск в 4.00 22.6, связи со штабом 3-й армии и штабом округа не было, и части корпуса выступили самостоятельно в район Гродно, Сокулка, Индура согласно разработанному плану прикрытия...

В связи с отходом стрелковых частей 4-го СК вся тяжесть боевых действий легла на части 11-го МК, как по прикрытию отхода частей 4-го СК, так и задержке продвижения немцев; мотострелковый полк 29-й тд по приказу командарма-3 находился в его резерве по борьбе с авиадесантами в районе Гродно, и дивизия вела бой без пехоты и артиллерии, неся особенно большие потери от противотанковой артиллерии противника.

В течение 22 и 23.6 части корпуса вели бой на фронте Конюхи, Новый Двор, Домброво. Под давлением противника к 24.6 части корпуса отошли на фронт Гродно (Фолеш), Кузница, Сокулка, удерживая фронт западнее шоссе и ж/д Гродно — Белосток (см. Карта № 2. — М.С.).

В связи с быстрым отходом на восток от Гродно частей, действовавших севернее реки Неман, противник пытался форсировать реку Неман с выходом частям корпуса в тыл. Но все попытки немцев форсировать реку Неман были отбиты. Для удержания продвижения противника приказом армии было выброшено 26.6 два мотобатальона 204-й мд через Лунно на рубеж реки Котры. 1-й стрелковый батальон по приказу командира корпуса был выброшен для удержания моста у Лунно.

Понесенные большие потери за время боев с 22 до 26.6 как личного состава, так и матчасти делали корпус малобоееспособным. В танковых дивизиях оставалось не более 300 — 400 человек (т.е. не более 5% от первоначальной численности личного состава. — М.С.), а в моторизованной дивизии — по одному неполному батальону в полку, танков — до 30 шт. и до 20 бронемашин. Все небольшие тылы дивизий были сожжены или расстреляны авиацией противника, которая гонялась буквально за отдельными машинами».

Вот и все, что смог рассказать про гибель корпуса комиссар Андреев.

Самым содержательным и важным является то, чего в «политдонесении» нет.

Во-первых, в нем нет даже малейшего подтверждения видений В. Суворова о том, как «советских танкистов перестреляли еще до того, как они

добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей». В момент пресловутого «внезапного нападения» командиры 11-го МК, даже не имея связи с вышестоящими штабами, просто достали из сейфов «красные пакеты» с планами прикрытия и, как можно судить по документу, практически без потерь в кратчайшие сроки (3—7 часов) вышли в предназначенные им районы развертывания.

Во-вторых, в тексте нет никаких внятных сведений о противнике, в боях с которым корпус за 4 дня потерял 9/10 личного состава и техники. Но и в этом аспекте комиссар Андреев оказался гораздо порядочнее позднейших историков, которые наполнили свои макулатурные книжки описаниями каких-то «встречных боев с тяжелыми немецкими танками», якобы произошедших у Гродно.

В-третьих, в тексте нет ни одного упоминания о существовании КМГ Болдина (в состав которой формально был включен 11-й МК); нет никаких сообщений о взаимодействии с танковыми дивизиями 6-го мехкорпуса, которые (если верить отчетам их командиров) 24—25 июня мели бой в районе Сокулка, Кузница, Индура, т.е. буквально в «нескольких шагах» от частей 11-го мехкорпуса, которые — если верить комиссару Андрееву — удерживали рубеж Сокулка — Кузница, по меньшей мере, до конца дня 24 июня...

Теперь перейдем к тому, что в «политдонесении» есть.

Плохо скрытые претензии к пехоте 4-го стрелкового корпуса (4 СК), которая открыла фронт и тем самым вынудила мехкорпус заниматься несвойственным ему делом по «прикрытию отхода» и «задержке продвижения

немцев», скорее всего справедливы. В соответствии с предвоенными планами высшего командования Красной Армии, войска Западного фронта должны были нанести главный удар в юго-западном направлении, по линии Седлец — Демблин, «выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом» (см. Карта № 3). Соответственно, участок 3-й Армии (северное основание Белостокского выступа) представлялся пассивным участком обороны. На него и выделили минимальные силы: 4-й СК в составе трех дивизий и недоукомплектованный 11-й МК.

Следует уточнить, что по плану прикрытия мобилизации и оперативного развертывания войск Западного Особого военного округа в распоряжение командования 3-й армии начиная с 3-го дня мобилизации передавались 24-я стрелковая дивизия и 21-й СК в составе двух стрелковых дивизий. Эти соединения должны были занять и оборудовать тыловой оборонительный рубеж на восточном берегу р. Неман в полосе от Друскининкай до Лунно (см. Карта № 2). Однако в реальной истории ничего этого не произошло — загадочные и по сей день не поддающиеся однозначной интерпретации внешнеполитические «игры» Сталина привели к тому, что планы прикрытия так и не были введены в действие. В результате утром 22 июня против пяти пехотных дивизий противника оборону на участке Сувалкского выступа держали лишь две стрелковые дивизии 4-го СК (27-го сд и 56-го сд). Третья дивизия корпуса (85-я сд) находилась во втором эшелоне, у северных пригородов Гродно. Никаких других стрелковых соединений в составе войск 3-й армии Западного фронта не было.

Удар трех пехотных дивизий 8-го армейского корпуса вермахта [161, 28, 8-я пд] буквально смел 56-ю стрелковую дивизию, растянувшуюся на фронте от Липск до Друскининкай. Уже в 10.15 22 июня в Боевом донесении штаба 3-й армии № 03 сообщалось: *«Противник прорвал наши войска и овладел Сопоцкин, Голыша и Липск... Из Сопоцкин и Липск наши части отходят на Гродно...»* [186, стр. 138]. Потерявшие управление и деморализованные части не смогли закрепиться ни на линии оборонительных сооружений Гродненского укрепрайона (к 1 июня 1941 г. было построено 98 дотов и еще 606 находились в стадии строительства), ни на естественном рубеже реки Неман. В 13.00 22 июня Боевое донесение штаба Западного фронта № 005 констатировало, что противник (это была 161-я пд вермахта) форсировал Неман южнее Друскининкай [186, стр. 18].

К этому моменту 256-я пехотная дивизия противника вышла на фронт Домброво — Липск и передовыми частями наступала на Новый Двор. В протоколе допроса арестованного 4 июля командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова читаем: *«Во второй половине дня 22 июня Кузнецов (командующий 3-й армией. — М.С.) с дрожью в голосе заявил, что от 56-й стрелковой дивизии остался только номер...»* [67].

Таким образом, возможность организации взаимодействия танковых частей 11-го мехкорпуса с пехотой 4-го СК была изначально нарушена. Более того, командующий 3-й армией изъял из 29-й танковой дивизии ее «собственный» мотострелковый полк для борьбы с мифическими «авиадесантами», а 85-ю стрелковую дивизию (4-й СК) и 204-ю моторизованную дивизию (11-й МК) отвел на рубеж реки Лососна (южнее

Гродно). В результате такого командования танковые части 11-го МК «вели бой без пехоты и артиллерии». В этой ситуации успех или неуспех стремительного, но, увы, неподготовленного и неорганизованного контрудара 11-го мехкорпуса зависел исключительно от того, что в войнах предыдущего столетия определяло успех или неуспех кавалерийского рейда. Если обороняющихся охватывала паника, если командиры оказывались не в состоянии с этой паникой справиться, то начиналась рубка бегущих — самый истребительный способ действия конницы. Если же командиры в эти решающие минуты боя удерживали в своих руках управление и подчиненных, то практически беззащитная конная лава беспощадно истреблялась артиллерией и пулеметами обороняющихся. То же самое, но лишь с поправкой на другие технические средства борьбы, должно было произойти и с массой легких танков, лишенных поддержки своей пехоты и артиллерии.

Благодаря усилиям современных историков-краеведов из г. Гродно в нашем распоряжении есть воспоминания начальника штаба 29-й танковой дивизии Н.М. Каланчука, командира 57-го танкового полка этой же дивизии И.Г. Черяпкина и старшего политрука А.Я. Марченко, который с первых часов войны исполнял обязанности командира 59-го танкового полка 29-й тд. (83-я, 184-я). В их изложении события развивались следующим образом.

Н.М. Каланчук:

«...Мотоциклист привез приказ командира 11-го мехкорпуса, в котором указывалось, что корпус силами 29-й танковой дивизии наносит контрудар на Сопецкин, Сувалки; левее из Сокулка и Индура наносит контрудар

33-я танковая дивизия в направлении Липск, Августов, Сувалки... Начало выступления — 9.45 22.06.1941.

*Когда части приступили к выполнению приказа, было получено донесение от разведывательного батальона, которое гласило, что **40 танков и около полка пехоты противника в бронетранспортерах** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.) прорвались через стрелковые части 4-го стрелкового корпуса и движутся в направлении Сопецкин и Гродно... Дивизия, не доходя Сопецкин, на рубеже Дойки, Голынка, Липск, развернулась в боевые порядки, вступила в ожесточенный бой с танками Т-III и мотопехотой противника. В этом бою особенно себя показали наши танки Т-34 и КВ: действуя впереди наших танковых боевых порядков, они начали расстреливать танки противника и давить их как орехи, не неся никаких потерь. Идя за ними, танки Т-26, БТ-5 и БТ-7 наносили сокрушительные удары по танкам противника и давили бронетранспортеры с пехотой противника.*

Этот бой длился около 35 минут, бронетранспортеры и танки противника, в том числе и наши Т-26 и БТ-5, горели, как свечи, район боя был покрыт сплошным дымом. Наши танкисты, несмотря на слабую броню, героически сражались, не щадя жизни, и героически пали в бою смертью храбрых. Наконец, пехота противника повыскакивала из горящих бронетранспортеров и расстреливалась прямой наводкой из пушек и пулеметов наших славных танкистов. Когда наши Т-34 и КВ смяли колонну и боевые порядки противника, противник начал отступать и был отброшен с большими потерями в танках, бронетранспортерах и пехоте. Наши танковые полки с разведывательным

батальоном отбросили противника на север от Сопоцкин в лес.

*В этом бою противник потерял 34 бронетранспортера, 21 легкий танк Т-III, до двух батальонов пехоты. **Наши потери — 27 танков Т-26 и БТ. КВ и Т-34 остались невредимые**, но все в лунках (вмятины от снарядов). В дальнейшем к 12 часам противник подтянул артиллерию и танки. Части дивизии, подвергаясь сильному воздействию авиации и **превосходящих сил противника**, отходили на восточный берег р. Лососна, где закрепились и, отражая яростные атаки противника, оборонялись до 25 июня...»*

И.Г. Черяпкин:

«...Нашему полку комдив приказал рассредоточенной колонной в боевой готовности к встречному бою двигаться в направлении Конюхи, Голынка... Высланная вперед разведка сообщила, что в районе Голынки появилось до батальона мотопехоты противника с танками... Продвигаясь дальше, мы вскоре пришли в непосредственное соприкосновение с противником.

Сначала произошло столкновение с вражеской разведкой, а штем появился передовой отряд наступающих гитлеровцев. В коротком бою было уничтожено несколько немецких танков и бронетранспортеров, а остальные отошли назад. И сразу же над боевыми порядками полка появилась вражеская авиация, подвергнувшая нас ожесточенной бомбардировке. Во время этого налета был тяжело ранен начальник штаба полка майор Петухов, которого эвакуировали в тыл.

После бомбардировки на нас двинулось **не менее батальона пехоты в сопровождении танков и бронетранспортеров**. Фашисты шли с засученными рукавами и расстегнутыми воротниками мундиров, ведя бесприцельную стрельбу из автоматов. Надо сказать — это производило впечатление. У меня даже мелькнула мысль, как бы не дрогнули наши боевые порядки. Я приказал подпустить немцев поближе и открыть огонь наверняка. Они не ожидали от нас серьезного сопротивления и, когда на них обрушился огонь из танковых пушек и пулеметов, были ошеломлены. Пехота сразу же залегла. Завязавшаяся танковая дуэль закончилась не в пользу фашистов. Когда **загорелось более половины немецких танков и бронетранспортеров**, противник начал отходить.

Понес потери и полк. Имевшие бензиновые двигатели и слабую броню танки Т-26 и БТ вспыхивали от первого попадания снаряда. Только **КВ и Т-34 оставались неуязвимы**. Полк продвинулся до рубежа Перстунь, Голынка, где встретил сильную противотанковую оборону противника, а также стал подвергаться непрерывным атакам с воздуха. **Во второй половине дня мы по приказу отошли к Гродно.**

23 и 24 июня полк в составе дивизии вел бои с наступающим противником юго-западнее и южнее Гродно. К концу третьего дня войны в полку осталось уже менее половины танков...»

А.Я. Марченко:

«...Поскольку командир нашего полка по какой-то причине отсутствовал в районе сосредоточения, вести полк в бой было приказано мне. До сих пор я не могу себе объяснить, почему выбор комдива пал на меня.

Примерно в 10.30 наша колонна, насчитывавшая более 50 танков, выступила через речку по дороге к Сопоткину. На полпути к границе **мы встретились с вражескими танками и бронетранспортерами** и с ходу вступили с ними в бой. Помнится также, как наши быстроходные танки Т-26 устремились на вражеские Т-III и Т-IV, как впереди и по сторонам от моей «тридцатьчетверки» начали вспыхивать немецкие и наши танки. Наши чаще, потому что броня у них была в два раза тоньше немецких.

Я не запомнил, сколько раз они нас атаковали, но Андрей (механик-водитель танка Т-34, на котором воевал Марченко. — М.С.) утверждал после, что мы отбили более десяти атак. Броня нашего танка была усеяна выбоинами и вмятинами от вражеских снарядов. Мы оглохли от грохота их разрывов, от бомб, которые то и дело сыпались на нас с неба в промежутках между атаками.

Тяжелый бой вел справа от нас и другой полк нашей дивизии, которым командовал майор Черяпкин.

К вечеру мы вынуждены были отойти к Гродно. Машин в строю оставалось уже мало. В мой танк угодила снаряд из 105-мм пушки, повредил поворотный механизм и вывел из строя орудие. Машина загорелась, но ее удалось потушить.

У нас иссякли боеприпасы, стало недоставать горючего. Не было никакого снабжения. Вечером мы узнали, что по приказу командования армии войска оставляют Гродно, а наша дивизия должна прикрывать их отход. Однако никаких конкретных указаний мы не получили. Я решил вернуться в расположение полка, чтобы пополниться всем необходимым. На складах

удалось найти кое-что из продовольствия, боеприпасов, заправиться горючим.

*Попытки связаться со штабом дивизии не дали результатов. **Никого из командования в городе не было. Решили двигаться на Лиду** (90 км по прямой от Гродно) *вслед за отступавшими частями.**

Так закончился для нас первый день войны. В дальнейшем мне довелось участвовать в боях в районе Лиды, в деятельности партийно-комсомольского подполья в Полоцком районе, а в мае 1942 года возглавить партизанский отряд...»

Воспоминания трех участников событий совпадают, как видим, почти во всем. К сожалению, они совпадают и в заученном пересказе мифов советской пропаганды. Немцы летом 41-го «должны были» превосходить Красную Армию в танках и разъезжать на бронетранспортерах — и вот три очевидца в один голос рассказывают о немецких танках у Гродно, и не просто о танках, а о Т-III (Pz-III). Наконец, совсем уже фарсовой выглядит история о том, как *«фашисты с засученными рукавами и расстегнутыми воротниками мундиров»* в количестве одного батальона пехоты пошли в «психическую атаку» на советский танковый (!!!) полк.

Фактически ни одного танкового соединения вермахта южнее Друскининкая не было и в помине. Ближайшая к месту событий 12-я танковая дивизия из состава 3-й танковой группы в полдень 22 июня подходила к Меркине, т.е. находилась на расстоянии в 50—60 км от поля боя у Сопоцкин — Гродно. Никаких танков (и уж тем более — средних танков Pz-III, которых не хватило даже на укомплектование танковых дивизий первого эшелона армий вторжения) в составе пехотных

дивизий вермахта не было. Единственное, что в горячке боя можно было принять за немецкий «танк», — это «штурмовые орудия», шесть (189, 191, 192, 201, 203, 210-й) батальонов которых (по три батареи из шести самоходок в каждом) были приданы пехотным дивизиям немецкой Группы армий «Центр». Кроме того, было еще два батальона (529-й и 561-й) самоходных «истребителей танков» (чешская 47-мм противотанковая пушка на шасси легкой танкетки Pz-I), всего шесть батарей по 9 «истребителей» в каждой. Таким образом, на тридцать одну пехотную дивизию Группы армий «Центр» приходилось **в среднем по пять «самоходок»** разных типов. В среднем. Возможно, в какой-то дивизии могло быть и две батареи (т.е. 12 «штурмовых орудий»), но уж никак не 40 танков Pz-III и Pz-IV.

Что же касается бронетранспортеров, то они существовали только в старом советском кино «про войну».

Немецкая пехота передвигалась пешком, мотопехота моторизованных и танковых дивизий — на разномастных грузовиках, хлебных фургонах и трофейных автобусах. Начальник Генерального штаба вермахта Ф. Гальдер в своем знаменитом дневнике (запись от 22 мая 1941 г.) отмечает, что в 17-й танковой дивизии (2-я танковая группа) насчитывается 240 разных типов автомашин. К началу вторжения в СССР в танковых дивизиях вермахта было порядка 650 полугусеничных бронетранспортеров «Ханомаг» (Sd.Kfz. 251). И это неудивительно, учитывая, что в 1939—1940 гг. промышленность Германии (на которую якобы «работала вся Европа») произвела всего 569 бронетранспортеров. Во всей 3-й танковой группе вермахта было три роты на бронетранспортерах (по 26 БТР в каждой). Для того же,

чтобы в июне 41-го посадить на «Ханомаги» всю пехоту танковых и моторизованных дивизий, немцам надо было иметь не 650, а порядка 25 тыс. бронетранспортеров. Такого количества не было произведено и за все пять лет войны (реальный выпуск на конец 1943 г. составил 6,5 тыс.) [188, стр. 262].

Разумеется, не только в Советском Союзе военная пропаганда штамповала героические мифы. Так, например, в 1942 г. (т.е. непосредственно в ходе войны) в Германии была издана книга Хорста Слесины «Солдаты против смерти и дьявола» («Soldaten gegen Todt und Teufel. Unser Kampf in der Sowietunion. Eine soldatische Deutung»). Автор был штатным сотрудником службы пропаганды вермахта, так что искать в его книге точные цифры и правдивые факты не стоит. Книга эта, однако же, представляет огромную ценность для современного историка, так как в ее начале есть глава «Танковая битва перед Гродно», в которой описывается бой немецкой пехоты против советских танков в районе деревни Конюхи. А это не что иное, как тот самый бой, который в полдень 22 июня 1941 г. 29-я танковая дивизия 11-го мехкорпуса вела с 8-й пехотной дивизией вермахта. И хотя Х. Слесина заканчивает свой рассказ совершенно фантастическим твением о том, что *«пять советских танковых полков с почти 600 танками атаковали части нашей дивизии»*, само описание боя — несмотря на весь «картинный» пропагандистский пафос — достаточно реалистично:

«...Приготовления к обороне заканчиваются за несколько секунд. Офицеры спешат к своим подразделениям... Трясаясь и грохоча, подъезжают наши штурмовые орудия. Это — тяжелые, массивные танки без башни, с угрожающе высунутыми орудийными стволами.

Хотя их немного, только одна батарея, они — самое тяжелое оружие в противотанковом бою. Это первый бой их экипажей, но они идут в бой со спокойствием и верой. Они полностью убеждены в превосходстве своего оружия...

Противотанковые команды заняли свои хорошо замаскированные позиции, несмотря на спешку. Штурмовые орудия подъезжают к дороге справа и слева. Теперь мы должны ждать... Мы слышим грохот двигателей и скрежет и лязг танковых гусениц. Они катятся! Они окрашены в коричневый землистый цвет, с длинными стволами пушек — их пять, шесть и еще несколько... Это — легкие и средние танки плюс несколько броневигов... Ближе, еще ближе. Теперь видна каждая деталь. Их башни поворачиваются, потому что они ищут нас.

Ревущие, скулящие и лающие выстрелы! Трассирующие снаряды из противотанковых пушек дотягиваются до противника своими огненными «пальцами». Более низкий гром штурмовых орудий. Пулеметы со специальными пулями молотят по бортам танков. Передние танки получают горячий прием. Первые два снаряда от наших двух штурмовых орудий поражают наиболее выдвинувшийся тяжелый танк и просто с потрясающей силой срывают его башню. Ее подбросило на несколько метров. Высокий столб огня, вспышка и удар взрывающегося боезапаса, танковые бензобаки взлетают в небо — в это мгновение перед нами поднимаются пять столбов дыма и огня. Пять советских танков были буквально искромсаны и разорваны на части.

Новые цели! Оставшиеся советские танки включились в битву и упрямо ведут обстрел наших позиций через свои уничтоженные и подбитые танки. Поднятая пыль, пороховой дым и дым от горящего масла скрывают нас. Русские неистово стреляют из пулеметов и орудий. Противотанковая пушка с правой стороны дороги подбита. Осколки, сталь и кровь с грязью падают на желтый песок... Картины отпечатываются в мозгу с большой ясностью. Русский танк катится вперед: 40 метров, 30 метров... Почему штурмовое орудие не стреляет? Страх душит горло. Разрушающий удар — огонь, пластины брони, орудийный ствол, человеческие тела, горящее масло и плотный, черный дым, который милостиво скрывает картину ужаса...

Этот адский шум длится всего несколько минут. Огонь стихает, потому что мы не имеем больше целей. Последние танки развернулись и скрылись. Одиннадцать горящих факелов, охваченных огромными столбами дыма, засоряют поле...» (перевод Д. Лютик) [184].

К какому «общему знаменателю» можно свести все эти разрозненные и противоречивые воспоминания участников событий? Во-первых, ожесточенный бой 22 июня между немецкой пехотой и 29-й танковой дивизией в районе Сопоткин — Гродно был. В этом бою советские танкисты действовали без поддержки авиации, артиллерии и собственной пехоты (в рассказе Х. Слесины нет ни единого упоминания об артиллерийском обстреле немецких позиций или же о появлении на поле боя советской пехоты). 8-я пехотная дивизия вермахта (кадровая дивизия «первой волны», воевавшая с первых дней Второй мировой) встретила лавину советских танков не паническими воплями, не спинами бегущих солдат, а огнем из всего, что только могло стрелять

(«пулеметы со специальными пулями молотят по бортам танков»). Закономерным результатом стала неудача танковой атаки и большие потери («дивизия вела бой без пехоты и артиллерии, неся особенно большие потери от противотанковой артиллерии противника»).

Оценить реальный размер потерь можно лишь ориентировочно. Начальник штаба 29-й тд пишет о потере 27 танков. Х. Слесина украшает свое повествование картиной «одинадцати горящих факелов, охваченных огромными столбами дыма». В донесении отдела разведки штаба 9-й немецкой армии (23 июня, 17 ч 40 мин) читаем: «22 июня подбито 180 танков, из них только 8-я пехотная дивизия в боях за Гродно уничтожила 80 танков» [187, стр. 34]. Поделив число 80 на стандартный для боевых донесений «коэффициент завышения», равный трем, мы получаем ровно 27 подбитых танков, о которых и пишет в своих воспоминаниях Н.М. Каланчук.

Значительно сложнее определить реальный состав советских танковых подразделений, принявших участие в бою 29-й танковой дивизии с немецкой пехотой. По словам А.Я. Марченко (исполнявшего обязанности командира 59-го танкового полка), «наша колонна, насчитывавшая **более 50 танков**, выступила через речку по дороге к Сопоткину». Командир 57-го танкового полка И.Г. Черяпкин в начале своих воспоминаний пишет, что «в полку имелось **около 100 танков**, в том числе около десятка КВ и Т-34». Н.М. Каланчук, начальник штаба 29-й тд, утверждает, что «укомплектованность дивизии боевой техникой и вооружением была очень низкая. Например, танками около 66%, и то старыми образцами...» Но 66% от штатной численности танковой дивизии Красной Армии

образца лета 1941 г. — это 248 танков! Машин новых типов, как пишет Н.М. Каланчук, в дивизии было 18 единиц («12 танков Т-34, 6 танков КВ»).

Однако — и это самое удивительное — в описании боя, сделанном Х. Слесиной, совершенно невозможно обнаружить **полторы — две сотни** советских танков. Речь там идет самое большее о **двух-трех десятках** боевых машин. Нет в его рассказе и танков Т-34 и КВ, которые (по словам Каланчука), *«действуя впереди наших танковых боевых порядков, расстреливали танки противника и давили их как орехи, не неся никаких потерь»*. И это очень странно, так как пропагандист вермахта не должен был бы упустить возможность живописать сражение немецких солдат с «бронированными монстрами русских». И они (монстры) действительно появляются на страницах его книги (*«Танки! Гигантские танки, каких мы прежде никогда не видели! Стальные гиганты грохочут по возвышенности на нас! Русские 52-тонные танки с 15-сантиметровой пушкой! Ужас парализует нас. Легкие противотанковые орудия не приносят никакого эффекта. Снаряды отскакивают от стальных бортов, как резиновые шары...»*) — но это уже описание другого боя (скорее всего — с частями 6-го мехкорпуса, подошедшими к району Кузница — Индура 24 июня 1941 г.).

Еще труднее реконструировать то, что произошло с 29-й танковой дивизией ПОСЛЕ первого боя. Совершенно очевиден лишь тот факт, что про бой 22 июня все три его участника (начальник штаба дивизии и командиры танковых полков) пишут подробно и взволнованно, а вот события 23—25 июня упоминают как-то вскользь, торопливой скороговоркой. А из воспоминаний старшего политрука А.Я. Марченко и вовсе следует, что **первый**

бой был и последним — не обнаружив в Гродно ни начальства, ни приказа, 59-й танковый полк «двинулся вслед за отступавшими частями» на Лиду. В любом случае, нет никакого внятного объяснения того, как потеря 30—40 танков в одной из трех дивизий корпуса через три дня превратилась в потерю 90% личного состава и боевой техники, что и *«сделало корпус малобоееспособным»*.

Бесспорным является лишь тот факт, что контрудар 11-го МК происходил изолированно от действий КМГ Болдина (и самого генерала Болдина) и завершился полным разгромом корпуса, потерей всей боевой техники, большей части рядового и командного состава. 14 июля 1941 г. южнее Бобруйска (350 км к востоку от Гродно) из окружения вышла лишь группа в несколько сот человек во главе с командиром 11-го мехкорпуса генерал-майором Мостовенко.

ДОКЛАД С.В. БОРЗИЛОВА

К счастью для историков, чуть лучше освещен боевой путь 6-го мехкорпуса (4-я и 7-я танковые дивизии, 29-я моторизованная дивизия). В недрах «архивного ГУЛАГа» уцелел и в конце 80-х годов был опубликован («Военно-исторический журнал», № 11/1988) документ: Доклад командира 7-й танковой дивизии генерал-майора С.В. Ворзилова в Главное автобронетанковое управление РККА от 4 августа 1941 г.

Об авторе этого документа необходимо сказать отдельно хотя бы несколько слов. Семен Васильевич Ворзилов к моменту начала советско-германской войны мог по праву считаться одним из наиболее опытных и прославленных танковых командиров Красной Армии. Во

время финской войны комбриг Борзилов командовал 20-й тяжелой танковой бригадой, которая прорвала «линию Ма-ннергейма» в районе печально знаменитой «высоты 65,5». Командование Красной Армии высоко оценило тогда роль 20-й танковой бригады и ее командира. Звания Героя Советского Союза был удостоен 21 танкист, в том числе и сам Борзилов. Ничуть не отрицая однозначно преступный характер развязанной Сталиным войны, следует признать, что советские танкисты приобрели в ней уникальный опыт прорыва долговременных укреплений противника, причем на совершенно «противотанковой» местности.

К несомненной заслуге командира 20-й тб следует отнести и очень малые потери, понесенные личным составом вверенного ему соединения. За три месяца боев в тяжелейших природно-климатических условиях 20-я танковая бригада потеряла 169 человек убитыми и 338 ранеными [8]. Всего ничего — в сравнении с тем, что общие потери Красной Армии в той позорной сталинской авантюре превысили 330 тысяч человек [35].

Доклад Борзилова, несмотря на малый объем, содержит столько ценнейшей информации, что его стоит читать очень и очень внимательно:

1. На 22 июня 1941 г. дивизия была укомплектована в личном составе: рядовым на 98 проц., младшим начсоставом на 60 проц. и командным составом на 80 проц. Материальной частью: тяжелые танки — 51, средние танки — 150, БТ-5-7 — 125, Т-26 — 42 единицы.

2. К 22 июня обеспеченность дивизии боевым имуществом: снарядов 76-мм — 1 бк (боекомплект), бронебойных снарядов 76-мм не было, снарядов 45-мм —

1,5 бк, бензина Б-70 и КБ-70 — 3 заправки, дизельного топлива — 1 заправка.

3. На 22 июня части дивизии продолжали выполнять план боевой подготовки и дислоцировались: (далее идет перечень частей и наименование местечек юго-западнее Белостока. — М.С.) О предполагаемом нападении германской армии мне не было известно, хотя части были готовы к бою.

4. 20 июня 1941 г. командиром корпуса было проведено совещание с командованием дивизий, на котором была поставлена задача о повышении боевой готовности, т.е. было приказано окончательно снарядить снаряды и магазины, уложить в танки, усилить охрану парков и складов, проверить еще раз районы сбора частей по боевой тревоге, установить радиосвязь со штабом корпуса. Причем командир корпуса предупредил, что эти мероприятия проводить без шумихи, никому об этом не говорить, учебу продолжать по плану. Все эти указания были выполнены в срок.

5. 22 июня в 2 часа был получен пароль через делегата связи о боевой тревоге со вскрытием «красного пакета» (этим термином в Красной Армии обозначался пакет с оперативным планом боевых действий части или соединения, вскрыть который командир имел право только по приказу вышестоящего командования. — М.С.). Через 10 минут частям дивизии была объявлена боевая тревога, и в 4 ч. 30 мин части дивизии сосредоточились на сборном пункте по боевой тревоге.

6. Боевые действия 7-й тд. 22 июня 1941 г. по приказу командира корпуса дивизия вела разведку разведывательным батальоном по Варшавскому шоссе на запад, разведка работала хорошо. Кроме этого, она

имела задачу восстановить связь с частями 1-го СК. Первый день войны дивизия больше шдач не имела до 22 часов.

7. В 22 часа 22 июня дивизия получила приказ о переходе в новый район сосредоточения — ст. Валпа (вост. Белостока) и последующую задачу: уничтожить танковую дивизию, прорвавшуюся в район Белостока. Дивизия, выполняя приказ, столкнулась с созданными на всех дорогах пробками из-за беспорядочного отступления тылов армии из Белостока (дорожная служба не была налажена). Дивизия, находясь на марше и в районе сосредоточения с 4 до 9 часов и с 11 до 14 часов 23 июня, все время находилась под ударами авиации противника. За период марша и нахождения в районе сосредоточения до 14 часов дивизия имела потери: подбито танков — 63, разбиты все тылы полков, в особенности пострадал тыл 13-го полка.

8. Танковой дивизии противника не оказалось в районе Вельска, благодаря чему дивизия не была использована. Поступили новые сведения: танковая дивизия противника прорвалась между Гродно и Сокулка. В 14 часов 23 июня дивизия получила новую задачу — двигаться в направлении Сокулка — Кузница, уничтожить прорвавшуюся танковую дивизию с выходом в район сбора южнее Гродно (примерно 140 км). Выполняя задачу, дивизия в первой половине дня 24 июня сосредоточилась на рубеже для атаки южнее Сокулка и Старое Дубно. Разведкой было установлено, что танковой дивизии противника нет, а были мелкие группы танков, взаимодействующих с пехотой и конницей.

24—25 июня дивизия, выполняя приказ командира корпуса и маршала т. Кулика, наносила удар 14 тп

Старое Дубно и далее Гродно, 13 тп Кузница и далее Гродно с запада, где было уничтожено до двух батальонов пехоты и до двух артиллерийских батарей. После выполнения задачи части дивизии сосредоточились в районе Кузница и Старое Дубно, при этом части дивизии потеряли танков 18 штук сгоревшими и завязшими в болотах. 25—26 июня до 21 часа дивизия вела оборонительный бой во взаимодействии с 29-й мсд и 36-й кд (одна из двух кавалерийских дивизий 6-го КК), наносила удары перед фронтом 128-м мсп 29-й мсд и 36-й кд.

9. В частях дивизии ГСМ были на исходе, заправку производить не представлялось никакой возможности из-за отсутствия тары и головных складов, правда, удалось заполучить одну заправку из сгоревших складов Кузница и м. Кринки (вообще, ГСМ добывали как кто сумел). К исходу дня 25 июня был получен приказ командира корпуса на отход за р. Свислочь, но выполняли его только по особому сигналу.

По предварительным данным, 4 тд 6-го мехкорпуса в ночь на 26 июня отошла за р. Свислочь, в результате чего был открыт фланг 36-й кавалерийской дивизии. К исходу 26 июня противник, использовав резерв, перешел в наступление. В 21 час части 36-й кд и 128-го мсп 29-й мсд беспорядочно начали отход. Мною были приняты меры для восстановления положения, но это успеха не имело. Я отдал приказ прикрывать отходящие части 29-й мсд и 36-й кд в районе м. Кринки, сделал вторую попытку задержать отходящие части, где удалось задержать 128-й мсп (это не вражеский, это наш полк из состава своего 6-го мехкорпуса все еще пытается задержать Борзилов. — М.С), и в ночь на 27 июня переправился через р.

Свислочь восточнее м. Кринки (это было начало общего беспорядочного отступления).

В это время нарушилась связь со штабом корпуса. Связь удалось восстановить к исходу 27 июня на переправах у Волковыска. Части дивизии все время от Кузницы, Сокулки и до Слонима вели бои с преследующими десантными частями противника. 29 июня в 11 часов с остатками матчасти (3 машины Т-34) и отрядом пехоты и конницы подошел в леса восточнее Слонима, где вел бой 29 и 30 июня. 30 июня в 22 часа двинулся с отрядом в леса и далее в Пинские болота по маршруту Булька, Величковичи, Посто́лы, ст. Старушка, Гомель, Вязьма (800 км восточнее Белостока. — М.С).

10. Материальная часть вся оставлена на территории, занятой противником, от Белостока до Слонима. Оставляемая матчасть приводилась в негодность. Материальная часть оставлена по причине отсутствия ГСМ и ремфонда. Экипажи присоединялись к отступающей пехоте».

Такой вот «краткий курс» истории разгрома мощнейшего танкового соединения. Постараемся теперь перевести дыхание и подвести для начала самые простые, арифметические итоги прочитанного.

К началу боевых действий в 7-й танковой дивизии было **368 танков**, в том числе — 200 новейших Т-34 и КВ (т.е. больше, чем во всех танковых дивизиях Ленинградского и Прибалтийского военных округов, вместе взятых). Еще до начала первых налетов авиации противника дивизия покинула место постоянной дислокации и никаких потерь от «внезапного нападения» не понесла. В скобках отметим, что даже 19 марта 1999 г.

(т.е. через 10 лет после публикации доклада Борзилова) «Красная Звезда» описывала первый день войны 6-го мехкорпуса в привычном для нее стиле: *«Полыхали огнем танковые парки. Пометавшись некоторое время в бессильном отчаянии, почти безоружные (???) танкисты вместе с пехотой и пограничниками подались, как говорили в старину, в отступ... Немецкие летчики безжалостно (главная армейская газета страны считает, что тех, кто «подался в отступ», противник должен был жалеть?) бомбили и расстреливали людей с бреющего полета...»*

Фактически «за период марша и нахождения в районе сосредоточения» 7-я танковая дивизия потеряла (судя по докладу генерала Борзилова — от ударов немецкой авиации) **63 танка**. Сопоставимые потери на этапе выдвижения в исходный для наступления район понесла и 4-я танковая дивизия 6-го мехкорпуса. Так, в Оперативной сводке штаба Западного фронта № 08 (от 20.00 27 июня 1941 г.) сказано, что к 18.00 24 июня дивизия сосредоточилась в районе Лебежаны, Новая Мышь, имея потери до 20—26% главным образом за счет легких танков; тяжелые танки КВ, как указано в донесении, выдерживали даже прямые попадания авиабомб [186, стр. 51].

В ходе контрнаступления 24—25 июня 7-я танковая дивизия вела бой с пехотой противника силой до одного полка (можно предположить, что это был 481-й пехотный полк 256-й пд вермахта, который действительно вел 24—25 июня бой с советскими танками в районе местечка Кузница), потеряв при этом всего **18 танков**, причем не все они были подбиты немецкой противотанковой

артиллерией — несколько машин, как пишет комдив, просто увязли в болотах.

Борзилов в своем докладе не уточняет, какие именно танки были потеряны. Тем не менее, зная реальные возможности немецкой авиации (о чем пойдет речь в следующих главах) и противотанковой артиллерии немецких пехотных дивизий (равно как и приданных им дивизионов «штурмовых орудий», вооруженных короткоствольной 75-мм пушкой), можно с высокой степенью достоверности предположить, что основная ударная сила дивизии — новейшие танки Т-34 и КВ — осталась целой и невредимой. В другом своем докладе (от 28 июля 1941 г.) генерал Борзилов пишет: *«При появлении наших танков танки противника (реально это были самоходные «штурмовые орудия») боя не принимали, а поспешно отходили... машина Т-34 прекрасно выдерживает удары 37-мм орудий, не говоря уже о КВ»* [28, стр. 118].

Простая арифметика приводит нас к тому, что утром 26 июня в 7-й танковой дивизии должно было еще оставаться **287 танков**. Это не много, а очень много. Ни одна из 17 танковых дивизий вермахта не имела 22 июня 1941 г. в своем составе такого количества танков (в среднем на одну немецкую дивизию приходилось по 192 танка), не говоря уже про качество... И вот через три дня отступления, практически без соприкосновения с противником (не считая совершенно мифические «десантные части», якобы «преследовавшие» отступающую танковую дивизию), ото всей дивизии Борзилова остается отряд пехоты **с тремя танками**.

Заслуживает пристального внимания и сам ход боевых действий дивизии. За два дня до пресловутого

«внезапного нападения» дивизия была переведена в состояние повышенной боевой готовности. Фактически в 6-м мехкорпусе Западного фронта происходило то же самое, что и в 3-м мехкорпусе Северо-Западного фронта, командир которого 18 июня приказал *«части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять»*. С очень высокой долей вероятности можно предположить, что и то и другое не было результатом «самодеятельности» командиров корпусов (или даже командующих округами), а представляло собой выполнение единой для всей Красной Армии директивы высшего командования.

Приказ на вскрытие «красного пакета» был получен за 2 часа ДО того, как на границе прогремели первые орудийные залпы (стоит отметить, что то же самое время получения приказа о вскрытии «красного пакета» — 2 часа ночи 22 июня — содержится и во многих других воспоминаниях командиров Западного фронта). Таким образом, ни о каком «внезапном начале боевых действий» применительно к 6-му МК не приходится даже и говорить. Весьма примечательно и то, что уже утром 22 июня, не дожидаясь особых указаний из Москвы или Минска, командование 6-го МК провело разведку *«по Варшавскому шоссе на запад»* — факт, дающий дополнительное основание для предположения о том, что в «красном пакете» хранился не мифический «план отражения агрессии», а план первых операций вторжения на территорию оккупированной немцами Польши.

Весь первый день войны дивизия простояла в районе сосредоточения — и это совершенно правильно. Главная ударная сила Западного фронта должна была быть использована без судорожной поспешности, после

тщательной разведки противника, на основании продуманного плана действий. Однако вместо всего этого, на основании ложных панических донесений, уже в конце первого дня войны (в 22.00 22 июня) 7-я тд была направлена командующим 10-й армией Голубевым на юг, к городу Вельску, для борьбы с несуществующей немецкой танковой дивизией. Поскольку никаких танковых частей противника в полосе 10-й армии просто не было, то и найти их Борзилов не смог.

Затем, в 14 часов 23 июня, дивизия получает задачу найти и уничтожить еще одну мифическую танковую дивизию противника, но на этот раз в прямо противоположной стороне. Многокилометровые колонны танков, тягачей и автомашин развернулись и от Вельска двинулись на север, в район Сокулка — Кузница (см. Карта № 2). Таким образом, первые два дня войны дивизия «боролась» с безрассудными приказами командования 10-й Армии и с беспорядочным отступлением тылов армии, загромоздивших все дороги Велостокского выступа.

В запланированном контрударе КМГ Болдина дивизия Борзилова участвовала в течение двух дней (24 и 25 июня). К этому моменту части 8-й пехотной дивизии вермахта переправлялись на восточный берег Немана и развивали наступление на Скидель. На линию Сокулка — Кузница вышли передовые подразделения 256-й пехотной дивизии. Таким образом, в районе контрудара 7-й и 4-й танковых дивизий 6-го мехкорпуса находились пехотные части противника общей численностью не более одной пехотной дивизии, не имевшие ни одного дня для подготовки оборудованного рубежа противотанковой обороны.

О том, как развивался бой в районе Старое Дубно — Кузница (единственный, по сути дела, бой в короткой истории 7-й танковой дивизии), в докладе Борзилова не сказано практически ничего. Понять смысл фразы *«после выполнения задачи части дивизии сосредоточились в районе Кузница и Старое Дубно»* трудно (точнее говоря — невозможно). Ближайшей задачей был захват Гродно, последующей — прорыв к переправам на Немане у Меркине.

Ту же задачу выполняла и 4-я танковая дивизия, наступавшая на Гродно из района Индура. Если после боя 7-я тд оказалась не в Гродно, а в исходном районе Кузница — Старое Дубно, то ни о каком «выполнении задачи» не может быть и речи.

По здравой логике, встречный бой между немецкой пехотой и двумя танковыми дивизиями, имевшими на своем вооружении **более 300 танков Т-34 и КВ**, должен был закончиться полным истреблением обороняющихся (или их паническим бегством в Гродно и далее за Неман). Если же предположить, что командование Группы армий «Центр» исхитрилось молниеносно стянуть в район контрудара 6-го мехкорпуса несколько сотен 88-мм зениток и 105-мм дальнобойных пушек (предположение явно абсурдное), то у немцев чисто теоретически мог появиться шанс на то, чтобы уничтожить большую часть танков дивизии Борзилова. В реальности не произошло ни то, ни другое: за два дня боя 7-я танковая дивизия потеряла от огня противника и утопила в болотах 18 танков (т.е. не более 6% от их общего числа), после чего прекратила атаки и вернулась на исходный рубеж.

Началом конца 7-й танковой дивизии стал приказ на отход за реку Свислочь, поступивший поздним вечером 25 июня. Этот приказ (вероятно, последний в своей жизни) командир 6-го МК генерал-майор Хацкилевич отдал, выполняя распоряжение командующего Западным фронтом Павлова, который 25 июня в 16 часов 45 минут на основании указаний Ставки и ее представителя в штабе Западного фронта маршала Шапошникова направил в войска директиву об общем отходе на линию реки Щара (80—90 км к востоку от р. Свислочь). Влагие намерения — отвести войска за естественный оборонительный рубеж и там привести их в некоторый порядок — совершенно не соответствовали реальной ситуации и реальному состоянию войск фронта.

«Отход является одним из наиболее сложных видов маневра». Это уставное положение (п. 423 Полевого устава ПУ-39) было проигнорировано и забыто не только командованием Западного фронта, но и двумя поколениями советских историков. В отечественной историографии войны сложилась уже вполне устойчивая традиция противопоставления «безрассудных и самоубийственных контрударов» мудрому и «гуманному» отступлению. Не говоря уже о том, что абсурдность таких рассуждений была немедленно подтверждена на практике (директива об отходе на рубеж р. Щара не спасла войска Западного фронта, но лишь «узаконила» и ускорила повсеместно начавшееся к тому времени беспорядочное бегство), они и теоретически совершенно несостоятельны.

Отход требует строжайшей дисциплины, непрерывного и твердого управления войсками, устойчивой связи — то есть именно того, чего в войсках Западного фронта уже не было. Походная колонна (в

отличие от рассредоточенных и зарывшихся в землю боевых порядков войск) представляет собой идеальную мишень для авиации противника, поэтому решиться на отход можно было только в условиях обеспечения хотя бы местного и временного превосходства советской авиации в воздухе — ничего подобного в июне 1941 года не было (да и не могло быть) достигнуто. Сам факт отхода неизбежно деморализует войска, превращая солдата из бойца на поле боя в беззащитный объект для нападения с воздуха и обстрела вражеской артиллерии, — именно это и произошло в реальности. Может быть, в начале XXI века наступило уже время для того, чтобы признать наконец очевидный факт: приказ об отходе «спас» бойцов и командиров Западного фронта от честной солдатской смерти в бою, но лишь для того, чтобы заменить ее мучительной гибелью от голода, побоев и дизентерии в немецком лагере для военнопленных...

Возвращаясь от этой бесхитростной (да и безрадостной) теории к истории 7-й танковой дивизии, мы обнаруживаем, что именно после получения приказа об отходе в докладе Борзилова появляются такие фразы:

«Части беспорядочно начали отход... сделал вторую попытку задержать отходящие части... начало общего беспорядочного отступления...»

Именно в ходе «беспорядочного отступления» лучшая по укомплектованности танковая дивизия Красной Армии и превратилась в отряд пехоты с тремя танками.

Впрочем, в докладе Борзилова указана и объективная (на первый взгляд) причина разгрома дивизии и потери без малого трехсот танков: «отсутствие

ГСМ». Казалось бы, о чем тут еще спорить? Нет горючего — нет и боеспособной танковой дивизии. Увы, при всем уважении к памяти погибшего генерала, мы не будем спешить с выводами, а воспользуемся для начала калькулятором.

Одна заправка дизельного топлива была в дивизии до начала боевых действий. Еще одну получили уже в ходе боев. Итого — две заправки. Бензина было три заправки и более. Теперь переведем «заправки» в понятные всем километры. Самый устаревший из имевшихся в 7-й дивизии танк Т-26 имел запас хода на одной заправке в 170 км.

Три заправки — полтысячи километров. Самый мощный и современный КВ — те же самые 180 км (тяжело таскать 50 тонн стали). Две заправки для дизельного КВ — это 360 км. Скоростные БТ и средние Т-34 имели запас хода на одной заправке в 300 и более километров. Фактически 7-я танковая дивизия, беспорядочно кружась по маршруту Велосток — Вельск — Сокулка — Волконьск — Слоним, прошла за все время с 22 по 29 июня **никак не более 250 км**. Бросить при этом всю технику *«по причине отсутствия ГСМ»* было совершенно невозможно.

Более того, территория Белостокского выступа была буквально забита складами с горючим и боеприпасами. Накануне войны на территории Западного ОБО были сосредоточены колоссальные запасы горючего — 264 тыс. тонн [68, стр. 351]. Непосредственно в зоне «блужданий» 6-го МК находилось 12 (двенадцать) стационарных складов горючего. А именно: 920 и 1040 (Велосток), 925 и 1038 (Бельск), 923 и 1019 (Моньки), 919 и 1020 (Гродно). 929 и 1033 (Мосты), 922 и 1044

(Волковыск). Расстояния между этими складами не превышали 60—80 км (не более двух часов езды по разбитой грунтовой дороге). Для транспортировки горючего в 6-м мехкорпусе было 220 автоцистерн на базе трехосного полноприводного грузовика ЗИС-6 (емкость цистерны 3200 литров).

Полностью укомплектованному мехкорпусу на 500 км марша требовалось 1,2 тыс. тонн горючего. Другими словами, **на одной десятой** тех запасов горючего, которые находились рядом с брошенными танками, **6-й МК мог дойти от Белостока до Владивостока**. Горючего, которого частям 6-го мехкорпуса якобы не хватило для того, чтобы, по меньшей мере, организованно отступить на восток, в избытке хватило стремительно наступающему... противнику. Начальник Генерального штаба вермахта Ф. Гальдер в записи от 1 июля отмечает, что *«около одной трети расхода горючего покрыто трофейными запасами»*. В абсолютных числах это означает, что **в среднем каждый день** немцы «получали» на теоретически неизвестных им и теоретически «уничтоженных при отступлении» советских складах **по 2900 тонн горючего**. Одного только этого количества должно было хватить всем танковым дивизиям Западного фронта для того, чтобы выйти из Белостокского «котла». Выйти вместе с танками, а не разрозненными группами разбрестись по лесам...

Наконец, даже выработавший последние капли горючего танк не перестает быть мощным оружием. Особенно если это тяжелый танк КВ. Особенно если боевые действия происходят в Западной Белоруссии. Немногие автомобильные дороги Белостокского выступа представляли собой некое подобие «ушеля в горах». В

двух шагах от обочины дороги начинается или вековой, непроходимый лес, или гиблое болото. Объехать препятствие на таких «дорогах-ущельях» не удастся даже на мотоцикле — не говоря уже про автомобиль или конную повозку. А это значит, что 50 танков КВ из состава дивизии Борзилова, зарытые в землю на перекрестках дорог, могли надолго парализовать всякое движение немецких войск: объехать невозможно, могучую броню не пробивает ни одно имеющееся на вооружении немецкой пехотной дивизии орудие, вооружение самого танка (длинноствольная 76-мм пушка) способно гарантированно уничтожить любую цель (автомобиль, артиллерийский тягач, бронетранспортер, танк), какая только могла оказаться на дороге войны в июне 41-го...

Что касается истории 4-й танковой дивизии 6-го мех-корпуса, то она по сей день покрыта мраком неизвестности. Документы утеряны. Командир дивизии, генерал-майор Потатурчев, попал в плен и уже после окончания войны, в июле 1947 г., умер в тюрьме НКВД. Материалы следствия никогда не публиковались. Никто из переживших войну командиров 4-й тд мемуаров не оставил. Единственным известным автору описанием «боевых действий» этой дивизии является следующий фрагмент воспоминаний С.А. Афанасьева, рядового танкиста 8-го танкового полка 4-й тд:

«...Утром 23 июня нас обстреляла немецкая авиация. Танки у нас были новейшие, все до единого Т-34 и КВ. Мы прятались по лесам. В это время нашим батальоном еще командовал капитан Рассаднев, но с полудня 23 июня я его уже не видел, потому что

несколько раз в этот день мы разбегались кто куда... Отступали лесами, болотами, по бездорожью, так как все хорошие дороги были у немцев. Мы оставили Волковыск, Сланим, Барановичи... В соприкосновение с врагом даже не вступали. Мне кажется, что панику создавали сами офицеры. На глазах у бойцов они срывали офицерские нашивки... Так дошли почти до Смоленска, там тоже оставили столько техники! Все бежали, а технику и вооружение (танки, пушки) бросали. Я не могу сообщить, где проходили бои, так как их почти не было. На нашем направлении мы только одну ночь прорывались через немецкий десант, это было под Слонимом или Столбцами...» [165, стр. 260]

Вот так, совершенно безрезультатно и необъяснимо закончился, так и не начавшись, контрудар самого мощного мехкорпуса Красной Армии. Тысячи танков, среди них — четыре сотни новейших, лучших в мире KV и Т-34, не смогли пробить оборону передовых подразделений двух (8-й и 256-й) пехотных дивизий вермахта и бесславно пропали в чаще дремучих лесов Западной Белоруссии.

«ПО ДОРОГАМ ЗНАКОМЫМ...»

Слабейшим звеном в составе КМГ Болдина был, разумеется, 6-й кавалерийский корпус (6-я и 36-я кавалерийские дивизии). Тем не менее именно он доставил немцам беспокойство настолько заметное, что оно нашло свое отражение даже в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии.

Слово «элитный» было в те времена не в ходу, но именно оно как нельзя лучше подходит для описания 6-го кавкорпуса. Старейшее (созданное еще в годы

Гражданской войны) соединение Красной Армии стало подлинной «кузницей кадров» для ее высшего командного состава. Осенью 1919 г. командиром 6-й кавдивизии стал С.К. Тимошенко — будущий маршал, нарком обороны СССР, дважды Герой Советского Союза. В следующем, 1920 г. помощником начальника штаба 6-й кд становится К.А. Мерецков — будущий маршал, Герой Советского Союза, начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны. В середине 30-х годов 6-м кавкорпусом командует Г.К. Жуков — будущий маршал, начальник Генерального штаба (после Мерецкова), первый заместитель Верховного главнокомандующего (т.е. самого товарища Сталина) в годы войны, единственный в истории четырежды Герой Советского Союза. Осенью 1939 г. 6-й кавкорпус ведет в бой против «белополяков» еще один будущий маршал — А.И. Еременко. Начальником штаба артиллерийского полка в той же 6-й кавдивизии служил и будущий маршал К.С. Москаленко.

В сентябре 1939 г. 6-я кавдивизия входила в состав конно-механизированной группы, которая под командованием комкора Болдина 22 сентября «освободила» Белосток (т.е. приняла из рук немцев захваченный ими польский город). Участвовала в советско-польской войне 1939 г. и вторая дивизия корпуса (36-я кавалерийская), причем в тех же самых местах: 19 сентября 36-я кавдивизия вместе с другими частями 3-й и 11-й армий штурмом взяла г. Вильно (Вильнюс). Остается только добавить, что к началу войны с Германией это совершенно незаурядное кавалерийское соединение находилось в старинном польском городе Ломжа — в 20 км от границы. Для какой надобности кавалерийский корпус оказался рядом с

пограничным столбами — об этом еще можно спорить, но не вызывает сомнений тот факт, что район реальных боевых действий 6-го КК (Ломжа, Белосток, Гродно) был давно известен бойцам и командирам корпуса. Так что все начиналось, как в знаменитой песне 30-х годов: *«Но дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем...»*

Кстати, о конях. Об использовании кавалерии, да еще и среди белорусских болот, наши партийные «историки» рассуждали всегда с горестным покачиванием головы, приводя это как пример вопиющей отсталости Красной Армии и ее полнейшей неготовности к ведению современной войны. Да вот ведь «беда»: в составе самой мощной, 2-й танковой группы вермахта, руководимой знаменитым Гудерианом (фактическим создателем танковых войск Германии), тоже была кавалерийская дивизия! Причем поставил ее Гудериан почему-то на свой правый (южный) фланг, в самую трясиину болот Полесья.

Уж как только ни «боролись» с этой дивизией советские историки и мемуаристы! Болдин в своих воспоминаниях дошел до того, что «поменял седла на парашюты», и сообщил доверчивым читателям о наличии в составе немецкой Группы армий «Центр» не кавалерийской, а... «десантной» дивизии!

А ведь загадка эта разгадывается очень просто.

Ни Гудериан, ни Павлов не собирались атаковать конной лавой по болоту. Лошадь в кавдивизиях Второй мировой войны выполняла роль **транспортного средства**, повышающего подвижность соединения (в сравнении с обычной пехотой) во много раз. Летом 1941 г. ни у нас, ни у немцев еще не было достаточного

количества автомашин повышенной проходимости, способных перемещать стрелковые подразделения по извилистым лесным дорогам, и поэтому **наличие крупных сил кавалерии было одним из значимых преимуществ Красной Армии**. Двигаясь с темпом 50—60 км в день (что для конницы вполне доступно), кавалерийские дивизии могли не отставать от танковых частей даже в условиях самого успешного, стремительного наступления. А непосредственно в бой и немецкие, и советские кавалеристы шли, как правило, в пешем строю.

На практике эта простая и очевидная теория выглядела так:

«...Моторизованным соединениям предстояло в этот день продвигаться по холмистой песчаной местности, покрытой густым девственным лесом. Движение по ней (особенно автомашин французского производства) было почти невозможно... Машины все время застревали и останавливали всю следующую за ними колонну, так как возможность объезда на лесных дорогах полностью исключалась... Пехотинцы и артиллеристы вынуждены были все время вытаскивать застрявшие машины... Для командования было настоящим мучением видеть, как задыхаются его «подвижные» войска...»

Так командующий 3-й танковой группой вермахта Г. Гот описывает в своих мемуарах события 23 июня 1941 г. За весь этот день, практически не вступая в бой, его моторизованные дивизии прошли не более 50—60 км.

А вот отрывок из воспоминаний В.А. Гречаниченко (начальника штаба 94-го кавполка 6-й кавдивизии):

«...В 23 часа 30 минут 22 июня части дивизии двумя колоннами форсированным маршем направились к

Белостоку. Расстояние в 75 километров мы прошли без привалов. В порядок маршевые колонны приводили себя на ходу. Было не до отдыха. Уже к 17 часам 23 июня дивизия сконцентрировалась в лесном массиве в 2 км севернее Белостока... День кончился уже к вечеру, когда мы получили приказ двигаться далее в направлении Сокулки. Марш-бросок на 35 километров совершили быстро...» [83].

Как видим, в лесной глухомани Западной Белоруссии советская кавалерия по своей подвижности как минимум не уступала немецкой мотопехоте. Конечно, никакая лошадь не может соревноваться с мотором в выносливости, в способности к непрерывному, многочасовому и многодневному движению. Поэтому, после того как друг Рузвельт подарил товарищу Сталину 435 тыс. автомобилей (в том числе более ста тысяч грузовиков «Студебеккер» с их фантастической надежностью и проходимостью), эра кавалерии в Красной Армии закончилась. Хотя не вдруг и не сразу. Конница провоевала всю войну, и даже в освобождении Праги в мае 1945 г. приняли участие девять (!) кавалерийских дивизий...

Необходимо принять во внимание и то, что к лету 1941 г. сабли и пики давно уже перестали быть главным вооружением кавалерийских частей. В структуре кавалерийской дивизии Красной Армии было четыре кавалерийских полка, танковый полк, артиллерийский и зенитный дивизионы. В армиях других стран такое соединение обычно называлось «бронекавалерийской бригадой». Штатная численность кавдивизии включала в себя 8968 человек, 7625 лошадей, 64 танка и 18 бронемашин, 62 автомобиля разного назначения (включая 10 автоцистерн), 24 пушки калибра 76 мм, 8

гаубиц калибра 122 мм, 16 противотанковых 45-мм пушек. Учитывая высокую в принципе уязвимость кавалерии от ударов с воздуха, в состав кавалерийской дивизии были включены многочисленные зенитные средства: 8 зенитных пушек калибра 76 мм, 12 зениток калибра 37 мм, 18 зенитных пулеметов. В состав кавалерийского корпуса входило две кавдивизии и ряд отдельных подразделений, включая отдельный дивизион связи и звено самолетов (!!!) связи (в этом качестве использовались легкие самолеты У-2, способные взлететь и сесть на любую лесную поляну).

В целом кавалерийский корпус примерно соответствовал одной моторизованной дивизии, значительно превосходя ее в численности личного состава и количестве артиллерийских стволов. Единственным «недостатком» (правильнее сказать — особенностью) кавалерийских соединений было отсутствие на их вооружении гаубиц крупного (152-мм) калибра. Впрочем, кавкорпус и не создавался для прорыва укрепленных оборонительных позиций противника, для разрушения которых потребовалась бы тяжелая артиллерия. Во встречном же бою с немецкой пехотной дивизией (а именно так и предстояло действовать 6-му кавкорпусу) отсутствие тяжелых гаубиц с лихвой компенсировалось наличием танкового «тарана» (уже в ноябре 1940 г. **на вооружении 6-й кавдивизии числилось 48 танков БТ и 9 бронемашин, на вооружении 36-й кавдивизии — 52 танка БТ и 17 бронемашин**).

Пройдя за двое суток более 120 км по лесным дорогам Белостокского выступа, 6-я кавдивизии вышла к реке Бебжа в районе местечка Сидра (см. Карта № 2). К этому времени там могли находиться части второго

эшелона 256-й пехотной дивизии вермахта (передовые части этой дивизии были уже в районе Кузницы, где вели бой с танками 6-го мехкорпуса). Заслуживает внимания и сам порядковый номер немецкой дивизии. Германия вступила во Вторую мировую войну, имея в составе вермахта 86 пехотных дивизий, из которых только 3% так называемых «дивизий первой волны» являлись кадровыми дивизиями армии мирного времени. 256-я пехотная — это дивизия «четвертой волны» формирования, укомплектованная резервистами 2-го разряда и военнообязанными ландвера (т.е. территориального ополчения). В Польской кампании эта дивизия не участвовала вовсе. После разгрома Франции 256-я пд была переброшена на Восток, где она и простояла в бездействии до 22 июня 1941 г.

Никакого «двухлетнего опыта ведения современной войны» у бывших «резервистов 2-го разряда» не было и в помине. Тем не менее встречный бой 256-й пехотной дивизии вермахта и лучшей кавалерийской дивизии Красной Армии в описании Гречаниченко выглядит как избиение — если и не «младенцев», то совершенно необученных и беспомощных новобранцев:

«...Нашему полку, усиленному одной батареей артиллерийского дивизиона, приказывалось в 16 часов 24 июня выступить передовым отрядом дивизии по маршруту Верхоле-сье, Жуки, Сидра и последовательным захватом указанных рубежей обеспечить продвижение дивизии в направлении Гродно. Главные ее силы должны были следовать нашим маршрутом... Примерно в 21 час 24 июня головной эскадрон вошел в соприкосновение с противником в долине реки Бебжа южнее Сидры. Командир полка для поддержки головного отряда ввел в бой артиллерию. Противник не выдержал натиска и

отошел за реку. Одновременно открыла огонь его артиллерия. Наступила ночь. Полк спешился и принял боевой порядок...

Начиная с рассвета 25 июня немецкая артиллерия открыла массированный огонь на всю глубину боевого порядка полка. В воздухе на небольшой высоте непрерывно барражировала вражеская авиация... Уже в первые часы все наше тяжелое вооружение было выведено из строя, радиостанция разбита, связь полностью парализована. Полк нес тяжелые потери, был плотно прижат к земле, лишен возможности вести какие-либо активные действия. Погиб подполковник Н.Г. Петросянц. Я принял на себя командование полком, а точнее — его остатками.

Связи со штабом дивизии не было, и где-то в конце дня я на свой страх и риск решил отвести остатки подразделений за линию железной дороги Сокулка — Белосток. При отходе я получил осколочное ранение. Отход ненамного улучшил наше положение. Обстановка продолжала ухудшаться, связь с высшим штабом по-прежнему отсутствовала... В полночь собралось около 300 человек — нашего и 48-го кавалерийского полков (т.е. 9/10 личного состава двух полков уже отсутствовало. — М.С.). Группу бойцов и командиров 48-го полка возглавлял старший лейтенант (оцените воинское звание командира, принявшего на себя командование полком! — М.С.) Я. Говронский, которого я знал лично. Были среди собравшихся и другие командиры. Посоветовавшись, приняли коллективное решение отходить к местечку Крынки...»

Стоит отметить, что есть и другие, более краткие и жесткие описания этих событий:

«...6-я кавалерийская дивизия с утра 25 июня в исходном районе для наступления подверглась сильной бомбардировке с воздуха, продолжавшаяся до 12 часов дня. Кавалеристы были рассеяны и в беспорядке начали отходить в леса...»

Начавшийся отход незамедлительно превратился в беспорядочное паническое бегство:

«...Мимо сплошным потоком двигались автомашины, трактора, повозки, переполненные народом. Мы пытались останавливать военных, ехавших и шедших вместе с беженцами. Но никто ничего не желал слушать. Иногда в ответ на наши требования раздавались выстрелы (т.е. и боеприпасы еще оставались — для стрельбы по своим. — СМ). Все уже утверждали, что занят Слоним, что впереди высадились немецкие десанты, заслоны прорвавшихся танков, что обороняться здесь не имеет никакого смысла.

28 июня, как только взошло солнце, вражеская авиация начала повальную обработку берегов Росси и района Волко-выска. По существу, в этот день окончательно перестали существовать как воинские формирования соединения и части 10-й армии. Все перемешалось и валом катилось на «осток... Когда наша небольшая группа во второй половине дин 30 июня вышла к старой границе (т.е. к советско-польской границе 1939 г. — М.С), здесь царил такой же хаос, как и на берегах Росси. Все перелески были забиты машинами, повозками, госпиталями, беженцами, разрозненными подразделениями и группами наших войск...» [83].

Из рассказа Гречаниченко совершенно непонятно — появились ли на поле боя «главные силы дивизии», которые «должны были следовать нашим маршрутом»?

Где была главная ударная сила дивизии — ее танковый полк?

Некоторые ответы на эти вопросы можно найти в воспоминаниях рядового В.С. Финогенова, башенного стрелка бронемашины БА-10 из состава 35-го танкового полка 6-й кавдивизии:

«...Вечером 22 июня поступил приказ двигаться к Белостоку и совместно с 6-м мехкорпусом принять участие в контрударе в направлении Гродно. 23 июня полк сосредоточился в лесу северо-восточнее Белостока. Здесь находились и другие танковые части. Лес систематически бомбила вражеская авиация, нанося большой урон нашим частям.

Вечером того же дня эскадрону было дано задание произвести разведку в районе Сокулки, куда предстояло выдвигаться полку и где, по полученным сведениям, уже появились немецкие танки. Однако противника мы там не обнаружили. После нашего возвращения из разведывательного рейда полк начал движение в направлении Сокулки. Уже ощущалась нехватка горючего (от Ломжи до Сокулки не более 100 км; запас хода бронееавтомобиля БА-10 составлял 260—300 км в зависимости от качества дорог. — М.С.) и боеприпасов (если противник не был обнаружен и полк еще не вступал в бой, то куда же исчезли боеприпасы? — М.С.) Тыловое обеспечение было дезорганизовано... Нам так и не удалось найти какой-нибудь уцелевший склад боеприпасов.

После двух дней боев в районе Сокулки (с кем? — М.С.) остатки полка (почему уже «остатки»? — М.С.) начали отходить на Волковыск. Из-за отсутствия горючего часть боевых машин пришлось уничтожить...

Утром на лесной дороге, не доходя Волковыска, попали под сильнейшую бомбардировку. В итоге на ходу в полку остались только три танка БТ-5 и две бронемашины БА-10, в том числе наша...»

Постоянно встречающиеся в документах и мемуарах сетования на отсутствие боеприпасов (причем «отсутствие» это проявилось уже на 2—3-й день войны) не может не вызвать крайнего удивления. В западные военные округа было завезено астрономическое количество боеприпасов. Не отвлекаясь ни на секунду на дискуссию о том, зачем, для решения каких задач военное руководство «неизменно миролюбивой страны» накапливало у западных границ колоссальные горы снарядов, определимся с самым простым — с арифметикой.

Более сорока лет назад «Военно-исторический журнал» (№ 8/1966 г.) имел неосторожность сообщить читателям, что накануне войны *«на окружных складах Западного Особого военного округа было накоплено 6700 вагонов боеприпасов различных видов»*. Много ли это? Все познается в сравнении. В разгар войны, с марта 1943 г. по март 1944 г., Западный фронт израсходовал 16 661 вагон боеприпасов. 1-й Украинский фронт за сопоставимый период времени израсходовал 10 945 вагонов боеприпасов [165, стр. 333]. Другими словами, в среднем за один месяц боевых действий фронт расходовал 1000—1400 вагонов боеприпасов. Как же 6700 вагонов могло не хватить на одну неделю?

По самым скромным оценкам, половина запасов была оставлена на занятой противником территории, т.е. именно там, где и вела (точнее говоря — должна была вести) боевые действия конно-механизированная группа

Болди-на. По далеко не полным и не точным данным, за первые две недели войны в полосе Западного фронта было «уничтожено, оставлено противнику и взорвано противником» [68, стр. 86—87]:

- 14,3 млн винтовочных патронов;
- 510 тыс. снарядов к 45-мм пушке;
- 251 тыс. снарядов к 76-мм пушке;
- 155 тыс. снарядов к 122-мм гаубице;
- 130 тыс. снарядов к 152-мм гаубице.

Боекомплект танка БТ-7 составляет 132 снаряда калибра 45 мм, боекомплект танка Т-34 — 77 снарядов калибра 76 мм. Нетрудно убедиться в том, что даже половины указанного выше количества боеприпасов хватило бы на то, чтобы обеспечить все танки и бронемшины КМГ Болдина двумя-тремя боекомплектами снарядов. С другой стороны, еще до начала боевых действий непосредственно в частях, в боевых машинах и зарядных ящиках артиллерии уже находилось от одного до полутора боекомплекта (см. выше доклад Борзилова). Операции первых дней войны могли быть обеспечены наличным запасом боеприпасов, безо всякого обращения к окружным складам. Совокупный боекомплект танков, 6-го мехкорпуса составлял порядка **105 тысяч снарядов** калибра 45 мм и 76 мм. И это только в танках. А еще в корпусе было 135 пушечных бронеавтомобилей и 335 «стволов» пушек, гаубиц и минометов различных калибров [8, 78]. Если бы весь этот смертоносный металл на самом деле обрушился на 256-ю пехотную дивизию вермахта, то от нее бы «остался только номер...».

У читателя с поэтическим складом ума вся эта траги-фарсовая история с отсутствием боеприпасов в

частях, которые, не сделав ни одного выстрела по противнику, метались на местности, переполненной складами с боеприпасами, вызовет в памяти знаменитое стихотворение Франсуа Вийона «От жажды умираю над ручьем». Но у военного трибунала (или парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств разгрома Западного фронта, каковая комиссия по сей день так и не была создана) должны были возникнуть совсем другие мысли и вопросы: «Где же было в это время командование конно-механизированной группы? Что оно сделало для наведения порядка во вверенных ему войсках?»

Не имея ни практической возможности, ни законного права задать эти вопросы генералу Болдину, ограничимся внимательным чтением его мемуаров.

«ЖИВОПИСНЫЙ ЛЕСНОЙ УГОЛОК...»

Болдин — незаурядный мемуарист. У него прекрасная, цепкая память, сохраняющая даже самые малозначимые подробности. Вот, описывая свой первый день на войне, он вспоминает и удушливую жару, и то, что вода во фляжке была теплой и не освежала пересохшее горло. Самым подробным образом, на десятках страниц, описывает Болдин историю своих блужданий по лесам в окружении. А вот о главном — о подготовке, проведении и результатах контрудара — говорится очень кратко, скупо и беспредельно лживо.

Итак, **первый день** войны, вечер 22 июня.

«...Командующий 10-й армией склоняется над картой, тяжело вздыхает, потом говорит:

— С чем воевать? Почти вся наша авиация и зенитная артиллерия разбиты. Боеприпасов мало. На исходе горючее для танков... Уже в первые часы нападения авиация противника произвела налеты на наши склады с горючим. Они и до сих пор горят. На железнодорожных магистралях цистерны с горючим тоже уничтожены...

...на КП прибыл командир 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор И.С. Никитин. Вид у него озабоченный.

— Как дела ? — спрашиваю кавалериста.

— Плохи, товарищ генерал. Шестая дивизия разгромлена...»

Без лишних комментариев сравним это заявление с отрывком из воспоминаний начальника штаба 94-го кав-полка той самой «разгромленной» 6-й кавдивизии В.А. Гречаниченко:

«...примерно в 10 часов 22 июня мы вошли в соприкосновение с противником. Завязалась перестрелка. Попытка немцев с ходу прорваться к Ломже была отбита. Правее оборону держал 48-й кавалерийский полк. В 23 часа 30 минут 22 июня по приказу командира корпуса генерал-майора И.С. Никитина части дивизии двумя колоннами форсированным маршем направились к Белостоку...» Как видим, до «разгрома дивизии» было еще очень далеко...

«...На КП прибыл командир 6-го механизированного корпуса генерал-майор М. Г. Хацкилевич... В боевых условиях 6-й корпус проявил себя с лучшей стороны. В полосе, где он оборонялся (???), гитлеровцам, несмотря на неоднократные попытки (???), так и не удалось

прорваться. Корпус понес потери (???), но он еще боеспособен и мог, пусть не с полной силой, контратаковать» (как нам уже известно, 22 июня 6-й МК никакого соприкосновения с противником не имел вовсе. — М.С.).

Второй день войны, 23 июня 1941 г.

«...К рассвету штабы 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов обосновались на новом месте, в лесу в пятнадцати километрах северо-восточнее Белостока. Этот живописный лесной уголок стал и моим командным пунктом...» Так точно. И в протоколе допроса Павлова есть подтверждение того, что все штабы, и без того уже находившиеся далеко от места боев (расстояние от Белостока до тогдашней границы составляет 100 км), ушли еще дальше: *«Во второй день части 10-й армии, кроме штаба армии, остались на своих местах. Штаб армии сменил командный пункт, отойдя восточнее Белостока в район Валпы...»* [67].

Чем же занимались наши генералы, собравшиеся в «живописном лесном уголке»?

«Время уходит, а мне так и не удается выполнить приказ Павлова о создании ударной конно-механизированной группы. Самое неприятное (так в тексте. — М.С.) в том, что я не знаю, где находится 11-й мехкорпус генерала Д.К. Мостовенко. У нас нет связи ни с ним, ни с 3-й армией, в которую он входит...»

Потрясающие признания. Как заместитель командующего округом мог не знать район дислокации мехкорпуса? Мехкорпус — это не иголка в стоге сена. Их во всем округе было всего лишь шесть, а если не брать в расчет 17-й и 20-й, формирование которых только начиналось, то реально боеспособных мехкорпусов было

ровно четыре. Придется напомнить, что штаб 11-го мехкорпуса и 204-я мотодивизия дислоцировались в Болковыске (85 км восточнее Белостока), 29-я танковая дивизия — в Гродно (75 км северо-восточнее Белостока), а 33-я танковая дивизия — в районе местечка Индура (18 км южнее Гродно). Другими словами, от «живописного лесного уголка», в котором затаился со своим штабом генерал Болдин, до дивизий 11-го мехкорпуса было примерно 60—70 километров. Но преодолеть это расстояние им так и не удалось.

Вплоть до окончательного разгрома, произошедшего 26—27 июня, Болдин не только **ни разу не был в распоряжении вверенных ему войск, но даже не смог установить какую-либо связь с 11-м мехкорпусом**. На всякий случай напомним, что всего в составе КМГ Болдина было два эскадрона связи, конный дивизион связи, три корпусные авиаэскадрильи и восемь (!) отдельных батальонов связи. Для самых дотошных можно указать и их номера: 4, 7, 124, 185-й в составе 6-го мехкорпуса и 29, 33, 583 и 456 в составе 11-го мехкорпуса. Рации тоже были: пять мощных, с дальностью телефонной связи в 300 км, радиостанций РСБ в 6-м мехкорпусе, две — в 11-м мехкорпусе. Были ли средства радиосвязи в штабе Болдина? Об этом автору, к сожалению, ничего не известно, но если Болдин укрылся в «живописном лесном уголке», не озаботившись обеспечением своего командного пункта средствами радиосвязи, то иначе чем дезертирством назвать такие действия нельзя.

«...В довершение бед на рассвете вражеские бомбардировщики застигли на марше 36-ю кавалерийскую дивизию и растрепали ее. Так что о

контрударе теперь не может быть и речи... я сидел в палатке, обуреваемый мрачными мыслями...»

Разумеется, Болдин нигде ни словом не обмолвился о том, какие конкретно силы и средства были включены в состав конно-механизированной группы, в какой группировке и с какими силами наступал противник, так что фраза о том, что «растрепанность» одной кавдивизии сделала контрудар советских войск «совершенно невозможным», не казалась в 1962 г. читателям такой абсурдной, какой она является на самом деле.

А внимательный читатель наверняка уже заметил очень странную хронологию событий: по версии Болдина, 22 июня была «разгромлена» 6-я кавдивизия, на рассвете 23 июня «растрепана» 36-я, других кавалерийских частей в составе КМГ просто не было, и вдруг после этого, 25 июня, начальник штаба Сухопутных войск вермахта отмечает в своем дневнике, что в районе Гродно *«крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг 8-го корпуса»?* Вообще, хронология в воспоминаниях Болдина хромает на обе ноги:

«...Позвонил Хацкилевич, находившийся в частях.

— Товарищ генерал, — донесся его взволнованный голос, — кончаются горючее и боеприпасы. Танкисты дерутся отважно. Но без снарядов и горючего наши машины становятся беспомощными (23 июня 6-й МК совершал марш из района Вельска к Кузнице и ни одного выстрела по противнику еще не произвел. — М.С.).

— Слышишь меня, товарищ Хацкилевич, — надрывал я голос, стараясь перекричать страшный гул летавших над нами вражеских самолетов. — Держись! Немедленно приму все меры для оказания помощи.

Никакой связи со штабом фронта у нас нет. Поэтому я тут же после разговора с Хацкилевичем послал в Минск самолетом письмо, в котором просил срочно организовать переброску горючего и боеприпасов по воздуху...»

Многоточие не должно смущать читателя. Мы ничего не упустили. Именно этим — посылкой письма в Минск — и ограничились «все меры», принятые первым заместителем командующего фронтом.

Третий день войны.

«...Третий день идет война. Фактически находимся в тылу у противника. Со многими частями 10-й армии потеряна связь, мало боеприпасов (???) и полностью отсутствует (???) горючее... из Минска по-прежнему никаких сведений... Противник все наседает. Мы ведем бой в окружении (???). А сил у нас все меньше. Танкисты заняли оборону в десятикилометровой полосе. В трех километрах за ними наш командный пункт...»

Из доклада Борзилова известно, что «в первой половине дня 24 июня 7-я тд сосредоточилась на рубеже для атаки южнее Сокулка и Старое Дубно». Командный пункт Болдина был не в 3, а по меньшей мере в 33 км от рубежа развертывания 6-го мехкорпуса, да и до окружения было еще очень далеко...

И, наконец, пятый день войны.

«На пятые сутки войны, не имея боеприпасов, войска вынуждены были отступить и разрозненными группами разбрелись по лесам» [80].

«Разрозненными группами разбрелись по лесам». Отдадим должное Болдину хотя бы в этом — не каждый советский генерал в своих мемуарах оказался способен на такую откровенность.

Вот, собственно, и все, что можно узнать об обстоятельствах разгрома из воспоминаний Болдина. Перед нами стандартный набор предписанных советской исторической науке «обстоятельств непреодолимой силы»: не было связи, не было горючего, кончились боеприпасы.

Почему нет связи — вражеские диверсанты все провода перерезали.

Куда делось горючее — немецкая авиация все склады разбомбила.

Почему снаряды не подвезли — так письмо же до Минска не долетело...

Ненужные, мешающие усвоению единственно верной истины подробности — сколько было проводов, сколько было диверсантов, какой запас хода на одной заправке был у советских танков, сколько снарядов входит в один возимый боекомплект, какими силами немецкая авиация могла разбомбить «все склады» и сколько этих самых складов было в одном только Западном Особом военном округе — отброшены за ненужностью. Отброшена за ненужностью и та, простая и бесспорная, истина, что Вооруженные силы как раз и создаются для того, чтобы действовать в условиях противодействия противника. Что же это за армия такая, если она способна воевать только тогда, когда ей никто не мешает?

Пожалуй, самое интересное и ценное в мемуарах Болдина — это то, чего в них нет. А для того, чтобы увидеть то, чего нет, откроем мемуары другого генерала, который в эти же самые дни июня 41-го руководил действиями крупного механизированного соединения.

Итак, Г. Гудериан, «Воспоминания солдата»:

«...22 июня в 6 час 50 мин я переправился на штурмовой лодке через Буг... двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через реку Десна... при моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны... в течение всей первой половины дня 22 июня я сопровождал 18-ю тд...

...23 июня в 4 час 10 мин я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки в 23 км восточнее Брест-Литовска. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 часов... Потом я поехал в Пружаны (70 км на северо-восток от границы. — М.С.), куда был переброшен командный пункт танковой группы...

...24 июня в 8 час 25 мин я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму (это еще на 80 км в глубь советской территории. — М.С.)... по дороге я наткнулся на русскую пехоту, державшую под огнем шоссе... Я вынужден был вмешаться и огнем пулемета из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции...

...в 11 час 30 мин я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима, где кроме командира дивизии я встретил командира 47-го корпуса...» [65].

«Где кроме командира дивизии я встретил командира танкового корпуса...» И происходит эта встреча трех генералов на полевом КП, в сотне метров от линии огня. Вот и вся разгадка того, **почему Красная Армия на собственной территории оказалась «без связи», а немецкая армия на нашей территории — со связью.**

Партийные историки десятки лет объясняли нам, что связь на войне обеспечивается проводами (которые все до одного были перерезаны немецкими диверсантами) и радиостанциями (которых в 41-м году якобы не было).

А Гудериан просто и доходчиво показывает, что **проблема связи и управления войсками решается не проводами, а людьми!**

Командиру передовой 17-й танковой дивизии вермахта никуда не надо было звонить. Его непосредственный начальник — командир 47-го танкового корпуса — вместе с ним на одном командном пункте лично руководит боем, а самый среди них главный начальник — командующий танковой группой — по несколько раз за день под огнем противника на танке прорывается в каждую из своих дивизий. Разумеется, такой метод руководства, который продемонстрировали немецкие генералы, опасен. Что и было немедленно подтверждено на КП под Слонимом, где был ранен (а ведь мог быть и убит) командир 17-й тд, генерал-лейтенант фон Арним. С другой стороны, метод советских генералов (штаб Западного фронта уже 27 июня оказался под Могилевом, в 500 км от границы) оказался еще опаснее — именно он и привел к катастрофическому разгрому. И если бы Гудериан

предложил своим подчиненным по примеру генерала Болдина засесть на неделю в «живописном лесном уголке» и посылать оттуда «письма самолетом в Берлин», то в лучшем случае они бы восприняли это как шутку — глупую и неуместную на войне.

Впрочем, Болдин был в лесу не один. Утром 23 июня 1941 г. в штабе Болдина появился еще один генерал.

В своих мемуарах Болдин объясняет этот визит следующим образом:

«...Меня разыскал помощник командующего войсками округа по строительству укрепленных районов генерал-майор И.П. Михайлин. Война застала его на одной из строек. Отступая вместе с войсками, генерал-майор Михайлин случайно узнал, где я, и приехал на мой командный пункт...»

Генерал Михайлин не отступал «вместе с войсками». Он их явно обогнал. Командный пункт Болдина, как помнит внимательный читатель, находился в 15 км северо-восточнее Белостока, т.е. в 100 км от линии дотов Гродненского, Осовецкого, Замбровского и Брестского укрепрайонов. Солдат за сутки 100 км ногами не протопает... Но главное, разумеется, не в километрах дело — для какой такой надобности старший начальник отправился в глубокий тыл фронта? У него не было других дел? Укрепрайон — это не бетонные коробки дотов. Укрепрайон — это воинская часть, обладающая огромной огневой мощью и решающая на этапе обороны важнейшие оперативные задачи. В первые дни войны именно от генерала Михайлина и его подчиненных зависело очень и очень многое.

И Болдин это прекрасно понимает — поэтому и переименовывает Михайлина в «военного строителя»,

которого война всего лишь *«застала на одной из строек»*. Ничего подобного — никакого отношения к техническим или инженерным войскам (по принятой тогда в Красной Армии терминологии) генерал Михайлин не имел, и должность его называлась «помощник командующего войсками округа по укрепрайонам». Безо всякого «строительства». А до назначения на эту должность (и до присвоения генеральского звания 4 июня 1940 г.) был товарищ Михайлин армейским политработником. Воспитывал бойцов и командиров «в духе безграничной преданности родной Коммунистической партии и ее великому вождю, товарищу Сталину...»

Судя по рассказу Болдина, все четыре дня (с 23 по 26 июня) провел с ним в «живописном лесном уголке» и командир 6-го кавкорпуса генерал-майор Никитин. Каким образом командир подвижного соединения, получившего приказ наступать на Гродно и далее на север, собирався руководить своими кавалеристами, сидя в лесу у Белостока, за десятки километров от поля боя? А где были при этом командиры двух кавалерийских дивизий 6-го кавкорпуса? Почему Гречаниченко дважды пишет о том, что *«наши настойчивые поиски штаба дивизии оставались безрезультатными»!* Почему обязанности командира 48-го кавполка уже 25 июня выполнял старший лейтенант? Да, командир полка мог быть ранен или убит, но где же были его заместители, начальник штаба, полковники, майоры и многочисленные капитаны?

Интересное упоминание об одном из генералов элитного 6-го кавкорпуса обнаруживается в воспоминаниях старшего сержанта З.П. Рябченко. Встретил войну он в Ломже, радистом 38-го отдельного эскадрона связи. Причем работал сержант Рябченко на радиостанции РСБ, *«которая была установлена на*

3-осной автомашине и принадлежала штабу дивизии». Так что с техническими средствами связи у командования этой дивизии все было в полном порядке. Большой беспорядок был с субъектами, между которыми сержант Рябченко должен был устанавливать радиосвязь:

*«...Потом мы услышали передачу ТАСС. Генерал упавшим голосом попросил включить громче, ровно в 12.02 выступил т. Молотов и объявил — считать Советский Союз в состоянии войны с Германией, вот когда мы узнали про начало войны. Генерал и майор попрощались с нами, на прощание сказали, что «вам, сынки, будет очень тяжело, эта война будет невиданной из войн». **Ушли сразу же, и больше я никого не видел** (подчеркнуто мной. — М.С.). Только остался с нами один лейтенант, он был смелый, хороший, молодой, только из училища, фамилии его я не помню...» [184].*

Впереди в нашей книге еще много глав, много документов, много полков и дивизий, командовать которыми стали лейтенанты. Благодаря им, «смелым, молодым, фамилию его я не помню», война, начавшаяся у Велостока, закончилась в конце концов не во Владивостоке, а в Берлине.

А провода и рации у генералов Красной Армии были. Причем в огромных количествах. Так, в одном только Западном ОВО (согласно докладной записке начальника штаба округа генерал-майора Климовских от 19 июня 1941 г.) в распоряжении службы связи округа было 117 тыс. изоляторов, 78 тыс. крюков и 261 тонна проводов [66, стр. 44]. Всего же в Красной Армии по состоянию на 1 января 1941 г. числилось 343 241 км телефонного и 28 147 км телеграфного кабеля. Этим количеством можно было обмотать Землю по экватору 9

раз. Телефонных аппаратов всех типов числилось 252 376 штук. В среднем — более 800 аппаратов на одну дивизию. Телеграфных аппаратов было, разумеется, значительно меньше — «всего» 11 049 штук, в том числе 247 аппаратов «ВОДО» для шифрованной связи [6, стр. 623] .

И немецкие диверсанты в тылу Красной Армии были. Каждой из четырех танковых групп вермахта было придано **по одной роте диверсантов** из состава полка особого назначения «Бранденбург». В составе роты было 2 офицера, 220 унтер-офицеров и рядовых, в том числе 20—30 человек со знанием русского языка [189, стр. 55]. В распоряжении этого «несметного полчища» врагов было всего несколько часов (из соображений секретности немцы начали резать провода только перед самым рассветом 22 июня 1941 г.). Советских партизан в Белоруссии перед началом операции «Багратион» (июнь 1944 г.) было, как принято считать, более 140 тысяч. Время для перерезания проводов было практически неограниченным — война шла уже третий год, так что скрывать враждебные действия и намерения было уже незачем. Удалось ли тогда, в июне 44-го, на той же самой местности перерезать «все провода» и оставить немецкую армию без связи?

Впрочем, оставить Красную Армию «без связи» при помощи одних только ножниц было невозможно в принципе — с учетом огромного количества средств радиосвязи. В качестве иллюстрации приведем данные из мобилизационного плана МП-41, подписанного Тимошенко и Жуковым 12 февраля 1941 г. По состоянию на 1 января 1941 г. в Вооруженных силах СССР числилось:

- фронтовых радиостанций (РАТ) 40 штук (в среднем **по 8 на каждый из пяти будущих фронтов**);
- корпусных (РАФ, РСБ) 1613 штук (в среднем **по 18 на каждый стрелковый и механизированный корпус**);
- полковых (5АК) 5909 штук (в среднем **по 4 на каждый полк**) [6, стр. 622—623].

Итого — 7566 радиостанций всех типов (не считая танковые и самолетные радиостанции). И это — на 1 января 1941 г. Заводы продолжали свой «мирный созидательный труд», и к 22 июня средств радиосвязи должно было стать еще больше. Так, план 41-го года предусматривал выпуск 33 РАТ, 940 РСБ и РАФ, 1000 5АК. В записке по мобилизационному плану МП-41 почему-то отсутствуют данные по наличию предшественницы РАФа — мощной (500 Вт) радиостанции 11 -АК, хотя этих комплексов в войсках было очень много. Так, например, в Киевском ОВО (58 дивизий) по состоянию на 10 мая 1941 г. числилось 5 комплексов РАТ, 6 РАФ, 97 РСБ, 126 станций 11-АК и 1012 полковых 5АК [6, стр. 191]. Даже не считая полковые 5АК, получается в среднем по 4 мощные радиостанции на одну дивизию округа.

Подлинным чудом техники 40-х годов мог считаться комплекс РАТ. Огромная мощность (1,2 кВт) позволяла обеспечить связь телефоном на расстоянии в 600 км, а телеграфом — до 2000 км. Схема передатчика предоставляла возможность работы на 381 фиксированном канале связи с автоподстройкой частоты. Стоит отметить, что никогда — вплоть до самого победного мая 1945 г. — Красная Армия не имела такого количества радиостанций РАТ, какое было в июне 1941 г. И при такой насыщенности войск средствами радиосвязи

Болдин (и десятки подобных ему сталинских полководцев) даже не могли найти вверенные им мехкорпуса и армии?

Кроме вышеперечисленных мощных автомобильных радиоустановок на вооружении Красной Армии были десятки тысяч переносных радиостанций батальонного и даже ротного звена (РБ, РБК, РБС, РВМ) мощностью в 1—3 Вт и радиусом действия в 10—15 км. Таких радиостанций по состоянию на 1 января 1941 г. числилось **35 617 единиц**. Более **100 радиостанций тактического звена на одну дивизию**.

Разумеется, этого очень-очень мало. По сравнению с установленными нормами штатной укомплектованности, которые предполагали совершенно феноменальную для начала 40-х годов степень радиофикации армии. Так, по штатному расписанию обычной стрелковой (не танковой и не моторизованной) дивизии Красной Армии, принятому в апреле 1941 г., в одном гаубичном артполку должно было быть 37 радиостанций (на 36 гаубиц), в артиллерийском полку — 25 радиостанций (на 24 орудия), 3 радиостанции в стрелковом полку и по 5 радиостанций в каждом из трех батальонов полка!

Вероятно, и сами коммунистические историки чувствовали, что одних только причитаний на тему об отсутствии средств связи будет мало для объяснения причин небывалой военной катастрофы лета 41-го.

Поэтому они заблаговременно, еще в 50—60-х годах, шготовили универсальную, волшебную «палочку-выручалочку».

И с тех пор всякий раз, когда нашим военным «историкам» приходилось объяснять очередной разгром, развал, очередную потерю людей и техники,

невыполнение приказов и срыв всех планов, на сцене появлялась несокрушимая и вездесущая немецкая авиация.

ОГОНЬ С НЕБА

Авиация. Всемогущая немецкая авиация. Это она уничтожила тысячи советских танков, она сожгла все автоцистерны, разбомбила 6700 вагонов с боеприпасами, разрушила 60 окружных складов с горючим и снарядами, «растрепала» 36-ю и разгромила 6-ю кавдивизии, да при этом еще и успевала «расстреливать буквально каждую нашу машину» (так сказал в своем последнем слове на суде командующий 4-й армией генерал Коробков), и своим «страшным гулом» мешала Болдину отдавать мудрые приказы и прочая, прочая, прочая...

Изо всех мифов о начале войны этот — одновременно и самый абсурдный, и самый укорененный. Любая «Марья Ивановна» с кафедры новейшей истории, не умеющая отличить патрон от понтона и танк от трака, рассказывает своим студентам про то, что «немецкая авиация с первых дней войны захватила господство в воздухе», с той же нерассуждающей уверенностью, с какой она объясняет своим внукам про то, что надо слушаться маму с папой.

Спорить со всеобщим заблуждением трудно, но — попробуем.

Для начала послушаем людей, знающих войну и военную авиацию не понаслышке.

«...25 июня советские войска в составе 11-го и 6-го механизированных корпусов нанесли по противнику

контрудар в районе Гродно. Из Могилева позвонили, чтобы наша дивизия всем составом приняла участие в этой операции. Вечером от прибывшего к нам представителя штаба фронта узнаю: кроме нас контрудар поддерживают полки 12-й бомбардировочной и 43-й истребительной дивизий, а также 3-й корпус дальнебомбардировочной авиации, которым командовал полковник И. С. Скрипко (ныне маршал авиации). На этом участке фронта авиаторы совершили тогда 780 самолетовылетов, уничтожили около 30 танков, 16 орудий и до 60 автомашин с живой силой. Успех воодушевил нас...» [49].

Чем главным образом примечательно это свидетельство? Даже не тем, что, оказывается, не одна только немецкая авиация висела в воздухе над районом несостоявшегося контрудара КМГ Волдина, а своей последней фразой.

Уничтожение **30 танков и 60 автомашин в результате 780 самолето-вылетов** оценивается автором мемуаров как крупный, воодушевляющий успех! При этом не будем забывать, что и цифры-то эти взяты «с воздуха», т.е. из отчетов самих летчиков, а вовсе не из журналов боевых потерь немецких дивизий. Степень достоверности этих отчетов хорошо известна историкам авиации. Реальные потери противника были, конечно же, во много раз меньше.

И это оценивается как большой успех? Кто же автор? Может быть, он разбирается в вопросах боевого применения авиации хуже Марьванны?

Герой Советского Союза, командир 13-й бомбардировочной авиадивизии (13-й БАД) генерал-майор Ф.П. Польшин еще до начала Второй

мировой войны стал известен всему авиационному миру. Правда, в соответствии с принятыми тогда в Советском Союзе нормами сверхсекретности, Полынина знали заочно и без фамилии, просто как командира «того самого» бомбардировочного соединения, которое 23 февраля 1938 г. разбомбило японскую авиабазу на острове Тайвань.

Беспримерный рейд протяженностью в 800 км над захваченной японцами территорией Китая был организован и проведен Полыниным так, что японская ПВО не только не смогла оказать какое-то противодействие, но даже не обнаружила сам факт пролета 28 советских бомбардировщиков.

После войны в Китае, в которой Полынин с перерывами участвовал аж с 1933 г., он становится командующим ВВС 13-й армии во время финской войны. В ходе той войны советская военная авиация (численность которой на ТВД к февралю 1940 г. превысила 3880 самолетов, в том числе — 510 самолетов ВВС Балтфлота) выполнила 101 тысячу боевых вылетов. Эта цифра сопоставима с показателями применения авиации в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны (Курская битва — 118 тысяч вылетов с 5 июля по 23 августа 1943 г. и Сталинградская битва — 114 тысяч вылетов с июля 1942 г. по февраль 1943 г.). Начавшаяся 22 июня 1941 г. война была для Полынина третьей по счету, и едва ли кто-то из командиров немецких бомбардировочных авиагрупп имел к этому дню больший, чем у него, боевой опыт.

Теперь откроем воспоминания маршала авиации (в те дни — командира вышеупомянутого 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса) Н.С. Скрипко

[50]. Уже в 10 часов утра 22 июня его корпус получил приказ сосредоточить все силы для разгрома моторизованных колонн противника в районе Сувалки — Алитус. Первый бомбовый удар по частям 3-й танковой группы наши летчики нанесли 22 июня в 15 часов 40 минут в районе Меркине. Всего в тот день силами трех бомбардировочных авиаполков (96, 207 и 98-го) по танковым дивизиям Гота было выполнено **полторы сотни** боевых вылетов.

24 июня, как пишет в своих мемуарах Н.С. Скрипко, *«боевая задача 3-го авиакорпуса оставалась прежней — уничтожать немецкие танки и моторизованные части группы Гота, наступавшей непосредственно на Минск»*. В тот день его летчики выполнили **170** самолето-вылетов. 26 июня, когда немецкие танки вышли уже к северным окраинам Минска, летчики 3-го авиакорпуса выполнили **254** боевых вылета, поддерживая обороняющие Минск стрелковые дивизии. Именно в этот день, 26 июня 1941 г., атакуя колонну войск 3-й танковой группы на шоссе Молодечно — Минск в районе местечка Радошковичи, совершил свой бессмертный подвиг капитан Николай Францевич Гастелло — командир 4-й эскадрильи 207-го авиаполка, ветеран боев в Финляндии и на Халхин-Голе.

Как видим, советская авиация отнюдь не бездействовала. Ежедневно по моторизованным колоннам 3-й танковой группы Г. Гота наносились удары **сотнями самолето-вылетов**, но она (танковая группа вермахта) никуда при этом не исчезала, а продолжала, практически безостановочно, двигаться вперед. Более того, в мемуарах Гота нет почти никаких «следов» этих бомбежек, кроме одной-единственной фразы в записи от 24 июня: «5 последующие дни действия авиации противника активизировались». Вот и все. На плохие

дороги, пыль, лесные пожары, проливные июльские дожди Гот жалуется гораздо чаще и пространнее.

В последних числах июня 1941 г. критическая ситуация создалась в полосе Северо-Западного фронта. Немецкие танковые дивизии, совершив бросок на 300—350 км от границы до реки Даугава (Западная Двина), форсировали эту важнейшую водную преграду в районе Даугавпилс и Екабпилс. После этого исход оборонительной операции в Прибалтике в огромной степени зависел от того, удастся ли советской авиации в кратчайший срок разрушить мосты и понтонные переправы на Даугаве. 30 июня 1941 г. все три бомбардировочных полка ВВС Балтфлота (1-й МТАП, 57-й ВАП, 73-й ВАП) приняли участие в массированном авианалете. Всего в тот день было выполнено 99 вылетов. 34 бомбардировщика были сбиты немецкими истребителями, 5 совершили вынужденные посадки. 77 человек из состава летных экипажей погибли или пропали без вести. Ни один мост, ни одна переправа разрушены не были.

Надежно воспитанный советскими писателями читатель «все уже понял». Самолеты наши были «безнадежно устаревшими гробами», летчики — «с налетом шесть часов» (один только Польшин, наверное, летать умел) — вот поэтому удары советской авиации должного эффекта не произвели.

Правды ради надо отметить, что и военные люди с самыми большими званиями давали поначалу схожие оценки действиям советской авиации в первые дни войны.

Так, Ставка в Директиве № 00285 от 11 июля 1941 г. отмечала, что *«наша авиация действовала главным*

образом по механизированным и танковым войскам немцев.

В бой с танками вступали сотни самолетов, но должного эффекта достигнуто не было, потому что борьба авиации против танков была плохо организована» [5, стр. 63]. Подписана эта Директива была начальником Генштаба Жуковым.

В данном конкретном случае генерал армии Жуков ошибся. Причиной отсутствия «должного эффекта» была не только и не столько «плохая организованность». В чем и пришлось убедиться уже через полтора месяца.

28 августа 1941 г. Верховный Главнокомандующий И. Сталин лично распорядился (приказ № 0077) *«с целью срыва операции танковой группировки противника на брянском направлении провести в течение 28—31 августа операцию силами ВВС фронтов и авиации резерва ГК... Всего в операции должно участвовать 450 боевых самолетов...»* [5, стр. 146]. Операция «танковой группировки противника» — это тот самый поворот 2-й танковой группы Гудериана с московского на киевское направление, о целесообразности которого спорили в своих послевоенных мемуарах все уцелевшие немецкие генералы.

Указание товарища Сталина было перевыполнено. В воздушной операции (одной из самых крупных за весь начальный период войны) приняло участие **464 самолета** (230 бомбардировщиков, 55 штурмовиков, 179 истребителей) [27]. За ходом операции Ставка следила с неотступным вниманием. Руководить действиями авиации было поручено заместителю командующего ВВС Красной Армии, генерал-майору И.Ф. Петрову. 4 сентября 1941 г. Сталин шлет на Брянский фронт следующую телеграмму:

«Брянск. Еременко для Петрова. Авиация действует хорошо... Желаю успеха. Привет всем летчикам. И. Сталин» [27]. На следующий день, 5 сентября, сталинский привет был дополнен решением Ставки по передаче в распоряжение группы Петрова еще двух штурмовых авиаполков и двух полков истребителей. Задача — прежняя: *«разгромить и изничтожить Гудериана до основания»* [5, стр. 164]. Всего за 6 дней операции советская авиация выполнила тогда около **4000 самолето-вылетов** [27]. Результат?

Разгромить и изничтожить до основания не удалось; 2-я танковая группа разбила войска Брянского фронта, затем — правого крыла Юго-Западного фронта, и, пройдя с боями 300 км, замкнула 15—17 сентября кольцо окружения Киевского «котла». Более того, сам Гудериан на семнадцати страницах своих мемуаров, посвященных прорыву 2-й танковой группы вермахта в тыл Юго-Западного фронта, уделил действиям нашей авиации ровно **три слова**:

«...29 августа крупные силы противника при поддержке авиации предприняли с юга и запада наступление против 24-го танкового корпуса. Корпус вынужден был приостановить наступление 3-й танковой и 10-й мотодивизии...» [65].

«Как же так?» — недоуменно воскликнет читатель, представляющий войну по газетным статьям «к юбилею», в которых летчики «Н-ского полка» снова и снова щелкают немецкие танки как семечки. «Четыре тысячи самолето-вылетов без заметного результата? Быть того не может!»

А все очень просто. Именно такой и была **реальная эффективность авиационных вооружений той**

эпохи. Уже в следующем, 1942 г., по мере накопления опыта ведения боевых действий, эта самая «эффективность» была конкретизирована в цифрах.

Оперативное управление Главного штаба ВВС КА в 1942 г. установило в ориентировочных расчетах «норм боевых возможностей» штурмовика Ил-2, что для поражения одного легкого танка необходимо выслать 4—5 самолетов Ил-2, а для поражения одного среднего танка типа Pz-IV, Pz-III или StuG-III потребуются уже **12—15** самолето-вылетов! [86, 166] Другими словами, для уничтожения немецких танковых групп летом 1941 г. требовались не сотни и даже не тысячи, а **десятки тысяч** самолето-вылетов. Причем речь в нормативах шла о специализированном штурмовике Ил-2, а вовсе не о «горизонтальных» (как их тогда называли) бомбовозах СБ или ДБ.

Даже выпускнику кулинарного техникума должно быть понятно, что для уничтожения танка в него надо сначала попасть, а попав — пробить его броню, да так пробить, чтобы «заброневое воздействие» оказалось достаточным для поражения экипажа и механизмов. Чем и как мог это сделать боевой самолет 1941 г.?

Начнем с задачи номер один — с прицеливания.

Противотанковую пушку видел каждый. Если и не на поле боя, так хотя бы на картинке в книжке.

Длинный-предлинный ствол (это чтобы снаряд разогнался в нем до скорости в три скорости звука) опирается на массивную стальную станину. Для большей устойчивости все сооружение снабжено двумя длинными «лапами», которые перед стрельбой упирают в землю. Наводчик артиллерийского расчета ничего другого не делает, кроме как наводит ствол на цель с помощью

оптического прицела и винтов, которые так и называются — микрометрические.

А вот на пьедестале у въезда в мой родной город Самару стоит штурмовик Ил-2. В пилотской кабине размещается один человек. Кроме прицеливания у него в бою много других дел: ноги на педалях разворота, правая рука на ручке управления высотой и креном, левая рука управляет двигателем, непонятно уже чем летчик выставляет нужный шаг винта, меняет режим работы нагнетателя, управляет створками радиатора, следит за обстановкой в воздухе, отдает приказы подчиненным (если он командир звена) и уворачивается от огня зениток. Две скорострельные пушки ВЯ-23 находятся не на массивной станине, а на испытывающем сложную изгибно-крутильную деформацию крыле, прицеливание производится «всем корпусом», по прицельным меткам на лобовом стекле.

Можно ли в таких условиях хоть куда-то попасть? Можно. Но только очень-очень редко. Так, при полигонных испытаниях (т.е. в отсутствие противодействия противника) в научно-исследовательском центре авиационных вооружений ВВС *«три летчика 245-го шап, имевшие боевой опыт, смогли добиться всего 9 попаданий в танк при общем расходе боеприпасов в 300 снарядов к пушкам ШВАК и 1290 патронов к пулеметам ШКАС».*

Но ведь попасть в танк — это еще только начало. Надо пробить его броневую защиту. С этим проблем еще больше. Экспериментально было установлено, что наилучшие условия для прицеливания создавались при пологом пикировании под углом 30 градусов к горизонту с высоты 500—700 метров. Но при таких условиях

снаряды даже в случае попадания в броню танка почти всегда давали рикошет:

«...из 62 попаданий в немецкие средние танки, полученных при полигонных стрельбах с воздуха, было только одно сквозное пробитие (в броне толщиной 10 мм), одно застревание сердечника, 27 попаданий в ходовую часть, не наносящие существенных повреждений, остальные попадания снарядов дали либо вмятины, либо рикошеты...»

Самые лучшие (т.е. минимально-результативные) показатели были получены лишь при обстреле легких немецких танков:

«"...из 53 попаданий, полученных при выполнении 15 самолето-вылетов, только в 16 случаях было получено сквозное пробитие брони, в 10 случаях были получены вмятины в броне и рикошеты, остальные попадания пришлись в ходовую часть. При этом попадания 23-мм бронебойного снаряда в ходовую часть танка повреждений ему не наносили...»

Но, может быть, это только у нас были такие плохие самолеты и слабые пушки, а уж у немцев-то все было иначе? Абсолютно верное предположение. Авиационные пушки немцев обладали совсем другими параметрами. На фоне советской 23-мм пушки Волкова — Ярцева основная в июне 1941 г. немецкая авиапушка MG-FF смотрится как ржавый «Запорожец» на фоне «Мерседеса-600».

Авиационная пушка ВЯ-23 изначально разрабатывалась как средство борьбы с защищенными наземными целями. Весьма тяжелое (по авиационным меркам) 66-килограммовое орудие разгоняло снаряд весом в 200 г до скорости 900 метров в секунду. Стоявшая на вооружении немецких истребителей и

штурмовиков пушка швейцарской фирмы «Эрликон» MG-FF была гораздо меньше и в три раза легче. Но за все хорошее приходится платить. Низкий вес «эрликона» был обусловлен малой дульной энергией. Бронебойный снаряд «эрликона» весил всего 115 г и имел начальную скорость всего лишь 585 метров в секунду, то есть обладал кинетической энергией (а именно за счет нее и происходит пробитие брони) в **четыре раза меньшей**, чем снаряд ВЯ-23. В результате пушечное вооружение немецких истребителей и штурмовиков оказалось абсолютно непригодным для борьбы против наземной бронетехники.

Самым новейшим «воздушным истребителем танков», которым располагало люфтваффе в 1941 г., был двухмоторный бронированный штурмовик «Хеншель» Hs-129. В сентябре 1941 г. шесть первых, «предсерийных» образцов этого «вундерваффе» прибыли для проведения войсковых испытаний на Восточный фронт. В ходе испытаний было установлено, что не только MG-FF, но и пришедшая ей на смену значительно более мощная 20-мм авиапушка MG-151/20 не обеспечивает пробитие брони даже самых легких советских танков (Т-60 и Т-70) при атаках с любого направления и под любым углом пикирования [166]. Честно говоря, для получения такой информации можно было даже и не затевать дорогостоящие испытания — достаточно было сравнить табличку параметров броне-пробиваемости пушки MG-151 с толщиной брони любого из многих тысяч трофейных советских танков. Значительно выходя за хронологические рамки данной книги, отметим, что не многим лучшими оказались и результаты боевого применения в 1942—1943 гг. модернизированных «Хеншелей», вооруженных 30-мм

авиапушкой МК-101. Вероятность поражения среднего советского танка типа Т-34 оказалась ничтожно мала, всего 1—2%, т.е. для гарантированного выведения из строя одного Т-34 необходимо было выделять не менее 40—50 бронированных штурмовиков!

Более или менее эффективными могли быть только атаки «Хеншелей» по советским бронемашинам. Например, вероятность поражения бронемашины типа БА-10 при стрельбе бронебойными снарядами из пушек МГ-151 (разумеется, при самых оптимальных условиях дальности, видимости и т.д.) доходила до 23—25%. То есть для гарантированного уничтожения на поле боя одного БА-10 необходимо было выделять не менее 8—9 бронированных штурмовиков [166]. Правда, пять тысяч броневых автомобилей Красной Армии были к тому времени уже потеряны (брошены на обочинах дорог), так что в реальных боях «Хеншели» так и не смогли продемонстрировать свою «суперэффективность»...

Разумеется, вооружение боевых самолетов Второй мировой не ограничивалось одними только легкими малокалиберными пушками. Были еще и бомбы различных калибров (наиболее массовыми были осколочно-фугасные весом 100—250 кг). Разумеется, прямого попадания авиабомбы было достаточно для того, чтобы вывести из строя легкий или даже средний танк (тяжелый КВ, как было отмечено в донесении командира 4-й тд Потатурчева, выдерживал даже прямое попадание). Да только как, кидая неуправляемую бомбу, можно добиться этого самого «прямого попадания», если в такую точечную и подвижную мишень, которой является танк, почти невозможно попасть даже из пушки?

Точность бомбометания с обычных «горизонтальных» (как-их называли в отличие от пикирующих) бомбардировщиков очень сильно зависела от высоты полета, условий видимости, квалификации экипажа. По данным

Управления боевой подготовки ВВС Красной Армии, в период 1943—1945 г. вероятность попадания в квадрат мишени 200 x 200 метров с высоты 2 км выросла у экипажей бомбардировщиков Пе-2 в среднем с 64 до 74% [190]. И это — в спокойной обстановке учебного полигона. В бою, под огнем зениток противника, все становилось гораздо сложнее. Вероятность поражения танков с использованием бомбового вооружения «Хеншеля» (максимум шесть бомб калибра 50 кг) даже при бомбометании с пологого (под углами 25—30°) пикирования не превышала 0,4%, что делало использование этих штурмовиков для борьбы с танками практически бессмысленным [166].

Значительно более высокую точность бомбометания обеспечивали пикирующие бомбардировщики. Так, опытные экипажи Пе-2 в 1945 г. при бомбометании с пикирования (и при использовании новейшего прицела ПБП-4) добивались попадания 98% сброшенных бомб в квадрат 200 хх200 метров при среднем круговом отклонении от цели в 46 метров. Безусловно, самым удачным самолетом в классе пикировщиков был немецкий «Юнкерс» Ju-87, этот знаменитый символ блицкрига, без которого не обходится ни один кинотелесюжет о начале войны. Пилотируемый опытным и физически выносливым летчиком (перегрузка на выходе из пикирования доходила до 5—6 единиц), Ju-87 мог теоретически обеспечить точность бомбометания плюс-минус 30 метров. Это великолепный для начала

40-х годов XX века результат. Но для поражения среднего танка, а тем более тяжелого советского KB с его 90-мм броней, недостаточно было уложить бомбу в 30 метрах от цели. Нужно именно прямое попадание, добиться которого даже пикирующий «Юнкерс» мог только по редкой случайности.

Несколько отвлекаясь от событий начала войны, отметим, что в 1943—1945 годах люфтваффе использовало (главным образом для борьбы с морскими целями) высокоточные управляемые боеприпасы: планирующую управляемую бомбу FX-1400 и крылатую ракету Hs-293. Даже эти «чудеса техники» обеспечивали лишь 11—14% попаданий в цель. Причем это крайне дорогостоящее и дефицитное вооружение использовалось, разумеется, не для борьбы с катерами и шлюпками, а для ударов по самым крупным надводным кораблям (линкорам, крейсерам, авианосцам), имеющим длину от 400 до 250 метров, что в десятки раз больше геометрических размеров самого тяжелого танка.

Не приходится удивляться тому, что в целом потери советских средних танков распределились за всю войну следующим образом: **от огня артиллерии** (включая танковые пушки) противника — **88%**, **от мин — 8%** и **от авиации — только 4%**! [84, стр. 110] Потребовался кардинальный переворот в технике вооружений, связанный с появлением вертолета и управляемой ракеты, прежде чем авиация стала самым опасным противником танков. Но это уже совсем другая история других войн другой эпохи...

А в июне 1941 г. единственным способом повышения эффективности воздушных атак против танков могло быть **только огромное массирование**

сил. Примером такого массирования и являются описанные Польшинским события 26 июня, когда против 3-й танковой группы вермахта было брошено сразу пять авиадивизий! И достигнутый в тот день результат — 30 уничтоженных немецких танков — по праву мог считаться крупной удачей.

Покончив с этим вынужденно-пространным техническим отступлением от основной темы перейдем к главному вопросу: какие же силы авиации мог «массированно» применить противник против советских танков из состава конно-механизированной группы Болдина?

Знаменитая немецкая пунктуальность значительно облегчила жизнь будущим историкам. Состав, дислокация, техническое состояние ВВС Германии расписаны буквально по дням [24, 37, 38].

Итак, на левом (северном) фланге Группы армий «Центр», в полосе от Вильнюса до Гродно, наступление 3-й танковой группы и 9-й армии вермахта с воздуха поддерживал 8-й авиакорпус люфтваффе под командованием генерала В. Рихтгофена. Скажем сразу — это было одно из самых лучших, самых опытных и знаменитых соединений люфтваффе. Входившие в состав 8-го корпуса авиагруппы воевали с первых часов Второй мировой войны, пройдя через Польскую и Французскую кампании, «битву за Британию» и сражение за Крит. На восточный фронт их перебросили из зоны боев над Средиземным морем буквально за считанные дни до начала вторжения.

Это — правда. Точнее говоря, одна часть правды.

Другая, о которой советские «историки» всегда забывали, заключается в том, что многомесячные

непрерывные боевые действия приводили к совершенно неизбежным последствиям в количестве и техническом состоянии самолетов. В конкретных цифрах это выглядело так. Бомбардировочная авиация 8-го АК состояла из трех авиагрупп «горизонтальных» бомбардировщиков (I/ KG2, III/ KG2, III/ KG3). При штатной численности авиагруппы люфтваффе в 40 самолетов к утру 24 июня 1941 г. в этих трех группах в исправном состоянии находилось соответственно 21, 23 и 18 самолетов. С учетом четырех командирских машин всего в этот день 8-й авиакорпус мог поднять в воздух **66 бомбардировщиков**. Причем это были устаревшие и уже снятые с производства самолеты «Дорнье» — Do-17Z.

Главную ударную силу 8-го авиакорпуса люфтваффе составляли четыре группы пикирующих Ju-87 (II/ StGI, III/ StGI, I/ StG2, III/ StG2). На их вооружении было **103 исправных** «Юнкерса». Так много их было утром 22 июня. Затем началась война и появились первые потери. Так, 24 июня 9 «Юнкерсов» из состава StGI были сбиты истребителями дивизии Захарова (43-й И АД) над Минском и Варановичами (причем эта, удивительная для первых дней войны, цифра подтверждается немецкими журналами потерь).

В целом тихоходный и слабо бронированный «лаптежник» часто становился легкой добычей истребителей (особенно на выходе из пикирования, когда и летчик, и воздушный стрелок находились в полуобморочном состоянии). Так, командира группы III/ StGI гауптмана Г. Малке трижды сбивали за линией фронта в расположении советских войск. Дважды он сам выбирался обратно, а в третий раз, 8 июля 1941 г., его вывезла из-за линии фронта специальная поисковая

группа. Уже 23 июня 1941 г. над шоссе Каунас — Вильнюс был сбит в воздушном бою командир группы I/StG2 Хичхольм [63]. Имена десятков рядовых летчиков история просто не сохранила...

Для того чтобы читатель мог по достоинству оценить пресловутое «многократное численное превосходство немецкой авиации», отметим, что на вооружении советских бомбардировочных дивизий, принявших участие в описанной Полюниным операции, по состоянию на 1 июня 1941 г. числилось **453 исправных бомбардировщика** [190]. И это — без устаревших тяжелых ТБ-3. Стоит также отметить, что максимальный вес бомбовой нагрузки немецкого Do-17Z составлял 1000 кг, нашего «устаревшего» СБ - 1600 кг, а нового ДБ-3ф - 2500 кг.

Недоверчивый читатель уже подумал, наверное, о том, что попавший в полосу действий КМГ Болдина (и, следовательно, на страницы нашего повествования) 8-й авиакорпус люфтваффе был самым малочисленным. Отнюдь. Соединение пикирующих бомбардировщиков, входивших в его состав, было **самым крупным на всем советско-германском фронте**. В составе 2-го авиакорпуса (южный фланг Группы армий «Центр») было только три группы пикировщиков (94 исправных «Юнкерса»). И это — все. В полосе наступления Групп армий «Север» и «Юг» (Прибалтика, Украина, Молдавия) в первые дни войны вообще не было ни одного пикирующего Ju-87.

Мало того, что силы немецкой авиации, действовавшие на стыке Западного и Северо-Западного фронтов Красной Армии, были ничтожно малы для того, чтобы перемолоть два советских мехкорпуса за три дня.

Не факт, что они вообще были в крупном масштабе привлечены к борьбе с конно-механизированной группой Болдина. Перед ними стояли совсем другие задачи.

Главной задачей пикировщиков была огневая поддержка наступления танковых групп. Эта тактика показала свою высокую эффективность при вторжении во Францию, именно на этом взаимодействии и строились все оперативные планы лета 1941 г. Более того, такая тактика была единственно возможной в ситуации, когда две трети немецких танков были вооружены малокалиберными пушечками (или вовсе не имели артиллерийского вооружения). Без огневой поддержки со стороны авиации им просто нечем было пробивать оборонительные полосы противника. Именно поэтому те два авиационных корпуса (2-й и 8-й), в составе которых были пикировщики Ju-87, действовали точно в полосах наступления двух «особо сильных танковых соединений» (так они были названы в плане «Барбаросса»), т.е. танковых групп Гота и Гудериана.

Но и на решении этой, главной своей задачи командование люфтваффе не могло сконцентрироваться в полной мере, так как в первые дни войны с СССР у него была еще одна, наипервейшая и наиглавнейшая задача: подавление многократно превосходящих сил советской авиации.

22 июня 1941 г. немцы развернули против Советского Союза **22** истребительные авиагруппы (66 эскадрилий), в составе которых было всего **1036** самолетов. Им противостояли советские ВВС, которые только в составе авиации западных округов имели **64** истребительных авиаполка (320 эскадрилий), имеющих на вооружении порядка **4200** самолетов [190]. Еще 763

истребителя было в составе авиации флотов. И это еще только вершина айсберга! За спиной передовой группировки советской авиации были огромные резервы самолетов, авиачастей, летчиков. Достаточно сказать, что уже на четвертый день войны (25 июня) ВВС Западного фронта получили две авиадивизии (т.е. порядка 300—400 самолетов), переброшенные из внутренних округов. К семнадцатому дню войны (9 июля) ВВС все того же Западного фронта получили для восполнения потерь еще 452 самолета [53, стр. 18]. Удивляться таким цифрам не стоит. Общая численность одних только истребителей в ВВС Красной Армии составляла (по данным самого консервативного источника) 11 500 самолетов [35, стр. 359].

Если в подобной ситуации у немцев и был хоть какой-то шанс на завоевание превосходства в воздухе, то он заключался в том, чтобы сконцентрировать все силы авиации — в том числе и бомбардировочной, и штурмовой — на ударах по аэродромам базирования советских ВВС, отнюдь не отвлекаясь на погоню за каждой советской автомашиной....

Нет, автор вовсе не собирается обвинять в прямом обмане тех участников несостоявшегося контрудара, которые пишут о том, что немецкие самолеты «гонялись буквально за отдельными машинами». Какая-то часть самолето-вылетов, которые смогли выполнить в первые дни войны полторы сотни бомбардировщиков 8-го авиакорпуса люфтваффе, была направлена и против КМГ Болдина. Какие-то потери техники были вызваны именно этими налетами, за какими-то машинами отдельные, обнаглевшие от безнаказанности, пилоты люфтваффе

действительно гонялись. И на людей, которым трескучая советская пропаганда обещала, что наша авиация будет быстрее всех, выше всех и сильнее всех, такое зрелище производило исключительно гнетущее впечатление. Ошеломляющий **контраст между ожиданиями и реальностью** и стал главной причиной тех исключительно резких отзывов о действиях советской авиации, который мы встречаем и в толстенных мемуарах заслуженных маршалов, и в устных рассказах рядовых солдат.

Ну а в том, что касается докладов и рассказов генералов и маршалов, есть и еще один, вполне понятный аспект. Им нужно было оправдание. Уважительная причина для объяснения молниеносного разгрома вверенных им дивизий, армий и фронтов. Лучшего, чем списать все на действия вездесущей и всепокрушающей немецкой авиации, и придумать-то нельзя. То есть раньше в ходу была еще лучшая отговорка — «десанты», но в последние годы про немецкие «воздушные десанты» пишут значительно реже. Иногда — даже со стыдливой пометкой внизу страницы: «Сведения о высадке авиационных десантов в тылу Н-ской дивизии, возможно, преувеличены». Хотелось бы дожить до тех светлых времен, когда хотя бы такими же робкими пояснениями будут сопровождаться рассказы о том, как 10 тысяч советских танков были уничтожены за неделю тремя сотнями пикирующих «Юнкерсов»...

ГЛУПОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНА?

Военная неудача — а страшная военная катастрофа тем более — неизбежно влечет за собой поиски шпионов

и подозрения в измене. Эта версия не столь уж безумна, как может показаться на первый взгляд. По крайней мере, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков был в те дни настроен очень серьезно. 19 августа 1941 г. (день в день за полвека до путча ГКЧП) он отправил Сталину такой доклад: *«Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей...»* [5, стр. 361]. Правды ради надо отметить и то, что во всех своих послевоенных «воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович об этой своей докладной записке ни разу не вспоминает.

Что же до мнения автора этой книги, то в гипотезу о «заговоре темных сил» я не верю. Не верю — и все тут. В условиях полной закрытости архивов НКВД ничего более вразумительного, чем «верю — не верю», сказать и нельзя. И тем не менее, «наступив на торло собственной песне», автор считает необходимым обратить внимание читателя на то, что даже в очень короткой (фактически — 10 дней) истории боевых действий войск Западного Особого военного округа есть такие факты, которые не укладываются в самые широкие рамки безграничного разгильдяйства.

Спорить о том, ожидало ли командование Западного фронта скорое начало военных действий, мы не будем. Нет темы для дискуссии. В ночь с 20 на 21 июня (если совсем точно — в 2.40 21 июня) из штаба Западного Особого военного округа было послано в Москву сообщение о том, что противник снял проволочные заграждения на границе, а из лесов слышен шум моторов

[186, стр. 12]. Последняя довоенная разведывательная сводка штаба Западного ОВО заканчивалась констатацией того, что *«основная часть немецкой армии в полосе против Западного особого военного округа заняла исходное положение»* [186, стр. 15].

В этой ситуации командование Западного ОВО (будущего Западного фронта) — равно как и командование соседнего Прибалтийского ОВО — проводит целый ряд мероприятий по скрытному приведению войск в состояние полной боевой готовности к военным действиям, которые должны, начаться в ближайшие дни. О многих из этих приказов и действий было сказано в предыдущих главах. Однако в это же самое время происходят события, которые нельзя интерпретировать иначе, как преднамеренное снижение боеготовности войск. Этот невероятный феномен разнонаправленных действий, происходивших в одном и том же округе в одно и то же время, по сей день не получил внятного объяснения.

Так, большая часть **зенитной артиллерии** армий первого эшелона Западного ОВО была за несколько дней до начала войны выведена из расположения частей и направлена на окружные учебные сборы [78]. В частности, зенитный дивизион 86-й сд (10-я армия) находился к началу войны на полигоне в 130 км от расположения дивизии, а зенитные дивизионы 6-го мехкорпуса и всей 4-й армии — на окружном полигоне в районе села Крупки, в 120 километрах восточнее Минска. Это тем более странно, что в соседнем, Киевском, ОВО отдавались прямо противоположные приказы. Так, 20 июня генерал-лейтенант Музыченко, командующий 6-й армией КОВО, приказал:

«...Штабам корпусов, дивизий, полков находиться на месте. Из района дислокации никуда не убывать.

...Зенитные дивизионы срочно отозвать из Львовского лагерного сбора к своим соединениям, по прибытии поставить задачу — прикрыть с воздуха расположение дивизий...» [61].

Заметим, что опыт немецкого наступления на Западе (в мае 1940 г.) тщательно изучался советским военным руководством. Информацию черпали сразу из двух рук — в Москве сидели и немецкий, и французский военные атташе. То, что «немецкий стандарт» предполагает массированный авиационный удар в первые же часы наступления, Павлов прекрасно знал. По крайней мере, об этом много говорилось на том декабрьском (1940 г.) Совещании высшего комсостава, на котором Павлов был одним из главных докладчиков.

Далее. В 16 часов 21 июня — в то время, когда рев тысяч моторов выдвигающихся к Бугу немецких войск стал уже слышен невооруженным ухом, — командир 10-й авиадивизии, развернутой в районе Брест — Кобрин, получает новую шифровку из штаба округа: приказ 20 июня о приведении частей в полную боевую готовность и запрещении отпусков **отменить** [44]. Бывший командир дивизии полковник Белов в своих мемуарах утверждает, что он даже не стал доводить такое распоряжение до своих подчиненных, но зачем-то же такой приказ был отдан? И как можно судить по другим воспоминаниям, в некоторых частях это загадочное распоряжение было выполнено.

Так, подполковник П. Цупко в своих мемуарах пишет, что в 13-м бомбардировочном полку (район Белосток — Волковыск), где «с рассвета до

темна́ ъ скадрильи замаскированных самолетов с подвешенными бомбами и вооружением, с экипажами стояли наготове», на 22 июня был объявлен выходной: «...На воскресенье, 22 июня, в 13-м авиаполку объявили выходной. Все обрадовались: три месяца не отдыхали... Вечером в субботу, оставив за старшего начальника оператора штаба капитана Власова, командование авиаполка, многие летчики и техники уехали к семьям в Россь...» [64]. Ну и для полного «комплекта», накануне войны в этом полку «зенитная батарея была снята с позиции и уехала на учения».

Известный советский генерал и историк С.П. Иванов дает очень интересное объяснение таким действиям советского командования:

«...Сталин стремился самим состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность (а зачем он к этому стремился? — М.С.). Причем делалось это, что называется, в самом натуральном виде. Например, зенитные части находились на сборах... В итоге мы, вместо того чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили ее до крайне низкой степени» [45].

Еще более удивительное свидетельство мы находим в воспоминаниях С.Ф. Долгушина. Генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, начальник кафедры тактики в ВВИА им. Жуковского встретил войну младшим лейтенантом в 122-м ИАП (аэродром Новый Двор в районе г. Гродно). Сергей Федорович вспоминает:

*«...Накануне войны служил на аэродроме, расположенном в 17 км от границы. Каждый день нам приходилось дежурить... В субботу, 21 июня 1941 г., прилетел к нам командующий округом генерал армии Павлов, командующий ВВС округа генерал Конец... нас с Макаровым послали на воздушную разведку. На немецком аэродроме до этого дня было всего 30 самолетов. Это мы **проверяли неоднократно (!!!)**, но в этот день оказалось, что туда было переброшено еще более 200 немецких самолетов...»*

Не будем отвлекаться на обсуждение сенсационного свидетельства о том, что, оказывается, не только немецкие, но и советские самолеты-разведчики постоянно вторгались в воздушное пространство противника. Важнее другое — какое же решение приняли генералы, получив такое сообщение о резком увеличении вражеской группировки?

*«...Часов в 18 поступил приказ командующего **снять с самолетов** (самолетов истребительного авиаполка, базирующегося в 17 км от границы. — М.С.) **оружие и боеприпасы**. Приказ есть приказ — оружие мы сняли. Но ящики с боеприпасами оставили. 22 июня в 2 часа 30 минут объявили тревогу (время точно совпадает со множеством других свидетельств. — М.С), и пришлось нам, вместо того чтобы взлетать и прикрывать аэродром, в срочном порядке опять ставить пушки и пулеметы на самолеты. Наше звено первым установило пушки, и тут появилось 15 вражеских самолетов...» [141, 142].*

Что это было?

Нелепое стечение обстоятельств?

Дьявольская игра Сталина, который старался убаюкать Гитлера, прежде чем всадить ему топор в спину, да в конце концов и обыграл самого себя?

Заговор?

Не все так ясно, как кажется, и в истории обороны легендарной Брестской крепости. В своей секретной (до 1988 г.) монографии Сандалов прямо и без экивоков пишет:

«...Брестская крепость оказалась ловушкой и сыграла в начале войны роковую роль для войск 28-го стрелкового корпуса и всей 4-й армии... большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий осталось в крепости не потому, что они имели задачу оборонять крепость, а потому, что не могли из нее выйти...» [79].

Все абсолютно логично. Крепость так и строится, чтобы в нее было трудно войти. Как следствие, из любой крепости трудно вывести разом большую массу людей и техники. Сандалов пишет, что для выхода из Брестской крепости в восточном направлении имелись только одни (северные) ворота, далее надо было переправиться через опоясывающую крепость реку Мухавец. Страшно подумать, что там творилось, когда через это «иголочное ушко» под градом вражеских снарядов пытались вырваться наружу две стрелковые дивизии — без малого 30 тыс. человек.

Чуть южнее Бреста, в военном городке в 3 км от линии пограничных столбов, дислоцировалась еще одна дивизия: 22-я танковая из состава 14-го МК.

«Этот городок, — пишет Сандалов, — находился на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника... расположение частей было скученным... Красноармейцы спали на 3—4-ярусных нарах, а офицеры с семьями жили в домах начсостава поблизости от казарм... По тревоге дивизия выходила в район Жабинка и севернее (т.е. назад от границы! — М.С). При этом дивизии предстояло переправиться через р. Мухавец, пересечь Варшавское шоссе и две железнодорожные линии... Это означало, что на время прохождения дивизии прекращалось в районе Бреста всякое движение по шоссейным и железным дорогам...»

Разумеется, немцы оценили и полностью использовали предоставленные им возможности. Кроме «собственной» артиллерии 45-й пехотной дивизии вермахта, для обстрела Бреста была выдвинута артиллерия двух соседних (34-й и 31-й) пехотных дивизий, двенадцать отдельных батарей, дивизион тяжелых мортир. Для большего «удобства в работе» немцы подняли в воздух привязные аэростаты с корректировщиками. Шквал огня буквально смел с лица земли тысячи людей, уничтожил автотранспорт и артиллерию, стоявшие тесными рядами под открытым небом. 98-й отдельный дивизион ПТО, разведбат и некоторые другие части 6-й и 42-й стрелковых дивизий были истреблены почти полностью. 22-я танковая дивизия потеряла до половины танков и автомашин; от вражеских снарядов загорелись, а затем и взорвались артиллерийский склад и склад ГСМ дивизии.

Вот после того, как три дивизии были расстреляны подобно учебной мишени на полигоне, а немцы уже **в 7 часов утра заняли пылающие развалины Бреста**, и

началась воспетая в стихах и прозе «героическая эпопея обороны Брестской крепости».

Тут самое время задать извечный российский вопрос — кто виноват?

Крепость, как предмет неодушевленный, никакой «роли» сыграть не могла. Эта фраза в монографии Сандалова является всего лишь оборотом речи. Роль «ловушки» сыграли решения, принятые людьми. Кто их принимал, когда и главное — зачем?

Традиционная советская историография привычно объясняла все глупостью (наивностью) Сталина и его полководцев: «Было допущено необдуманное размещение...» Это чем же надо было думать, чтобы разместить три дивизии там, где никого и ничего — кроме пограничных дозоров и минных полей — и быть не должно?

Для современного читателя уже привычной стала версия В. Суворова: Сталин готовился к вторжению и поэтому придвинул войска прямо к пограничному рубежу. Но мы не будем торопиться с выводами.

Всему есть своя мера. Расположить казармы с четырехъярусными нарами на расстоянии минометного выстрела от границы — это подготовка к уничтожению собственных солдат, а никак не подготовка к наступлению на сопредельную территорию.

И неужели Сталин решил завоевать всю Европу сила ми одной только 22-й танковой дивизии? Смысл вопроса в том, что **все остальные 60 танковых и 31 моторизованная** дивизии Красной Армии у границы НЕ дислоцировались. Надеюсь, читатель извинит нас за то, что мы не будем оглашать весь список, но даже

мехкорпуса первого эшелона перед войной базировались в Шяуляе, Каунасе, Гродно, Волковыске, Белостоке, Кобрине, Ровцо, Бродах, Львове, Дрогобыче, Станиславе... На расстоянии от 50 до 100 км от границы. Обстрелять их из пушки на рассвете 22 июня было невозможно в принципе.

Для самых внимательных читателей готов уточнить, что была еще одна дивизия (41-я тд из состава 22-го МК), которая накануне войны оказалась очень близко, километрах в 12—15 от границы (в городе Владимир-Волынский). Но даже 12 км — это не 3 км. Разница — с точки зрения возможности выхода из-под обстрела — огромная (дальность стрельбы основных калибров полевой артиллерии составляла как раз 10—12 км). Ранним утром 22 июня командир 41-й тд вскрыл «красный пакет», и дивизия форсированным маршем двинулась по шоссе к Ковелю. В отчете о боевых действиях дивизии читаем: *«В 4 часа утра 22.6.41 обстреливалась дальним артогнем противника и в период отбуксировки имела потери 10 бойцов убитыми...»*

Самое же главное в том, что дивизии легких танков (а вооружена «брестская» 22-я тд была одними только Т-26) на берегу пограничной реки делать совершенно нечего. Танки не начинают — они заканчивают. Сначала артиллерия должна подавить систему огня противника, затем пехота должна навести переправы и захватить плацдарм на вражеском берегу — и вот только после этого **из глубины оперативного построения** в прорыв должна ворваться танковая орда. Именно так докладывал высокому Совещанию (в декабре 1940 г.) главный танкист РККА генерал Павлов, именно поэтому в «красном пакете» районом сосредоточения для 22-й тд был указан отнюдь не восточный берег Буга, а деревня

Жабинка в 25 км от Буга! Что же помешало заблаговременно спрятать 22-ю тд в лесах еще восточнее этой самой Жабинки? Уж чего-чего, а лесов в Белоруссии хватает... Кто и зачем загнал танковую дивизию в лагерь *«на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника»*? Кто и зачем запер две стрелковые дивизии в «мышеловку» старинной крепости?

Ответы на эти вопросы начнем собирать — как принято было в стародавние времена, — начиная с младших по званию.

Е.М. Синковский. накануне войны — майор, начальник оперативного отдела штаба 28-го стрелкового корпуса 4-й армии: *«Командование 28-го СК возбудило перед командованием 4-й армии ходатайство о разрешении вывести 6-ю и 42-ю дивизии из крепости. Разрешения не последовало...»* [44].

Ф.И. Шлыков, накануне войны — член Военного совета (проще говоря — комиссар) 4-й армии: *«Мы писали в округ (т.е. командованию Западного ОВО. — М.С.), чтобы нам разрешили вывести из Бреста одну дивизию, некоторые склады и госпиталь. Нам разрешили перевести в другой район лишь часть госпиталя...»* [44].

Л.М. Сандалов, накануне войны — полковник, начальник штаба 4-й армии, в своей монографии о боевых действиях армии пишет: *«Настоятельно требовалось изменить дислокацию 22-й танковой дивизии, на что, однако, округ не дал своего согласия...»*

Итак, все осознают ошибочность размещения трех дивизий прямо на линии пограничных столбов. Но — командованию корпуса запрещает вывести дивизии из Бреста командование 4-й армии, которому, в свою очередь, сделать это запрещает командование округа.

Более того, вокруг вопроса о выводе войск из Бреста идет напряженная борьба: корпус просит разрешения на вывод из крепости всех частей, командование армии просит у штаба округа разрешения на вывод хотя бы одной дивизии...

А что же делает командование округа?

Д.Г. Павлов, генерал армии, командующий Западным фронтом, дал на суде следующие показания:

*«...Еще в начале июня я **отдал приказ о выводе войск** (подчеркнуто мной. — М.С.) из Бреста в лагеря. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником...»*

А.А. Коробков, генерал-майор, командующий 4-й армией, дал на суде следующие показания:

«... Виновным себя не признаю... Показания Павлова я категорически отрицаю... Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел...»

Оказавшись плечом к плечу с Коробковым (они сидели на одной скамье подсудимых), Павлов тут же меняет свои показания. Между двумя обреченными генералами происходит следующий диалог:

«Подсудимый Павлов:

— В июне по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагеря.

Подсудимый Коробков:

—Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлечь к уголовной ответственности...» [67].

Обратите внимание, уважаемый читатель, на то, ЧТО является предметом спора и судебного разбирательства. Генералы спорят не о том, были ли приказы Павлова верными, своевременными, эффективными... Они не могут согласиться друг с другом в том, был ли отдан приказ о выводе войск из Бреста или нет. Как такое может быть предметом спора? Даже в детском саду приказы начальницы издаются в письменном виде, фиксируются в журнале, складываются в папочку с тесемками. Приказ штаба Западного Особого военного округа был (или не был) отдан за три недели до начала войны. В абсолютно мирное время. Его что, немецкие диверсанты из сейфа выкрали? И почему это приказ командования округа отдается «через голову» командующего армией непосредственно командиру корпуса? Того самого 28-го СК, командование которого, по свидетельству майора Синковского, не то что приказа, а даже *«разрешения на вывод двух дивизий из Брестской крепости не получило...»*.

Коль скоро мы заговорили о Бресте, то самое время вспомнить историю обороны того, что по планам советского командования должно было выступить в роли «брестской крепости». Разумеется, речь пойдет не о подземельях старинного и изрядно обветшалого замка, а о **Брестском укрепрайоне (УР № 62)**.

Волга впадает в Каспийское море, лошади едят овес, дважды два — четыре, доверчивый и наивный Сталин переломал все доты на старой (1939 г.) госгранице, а на новой ничего путного построить так и не

успели. Это «знают все». Об этом сказано в любой книжке про войну. Этому учат в школе. В отстаивании этой «истины» объединились все: от Виктора Суворова до любого партийного «историка».

Но шило неудержимо рвется из мешка. В номере 4 за 1989 г. «Военно-исторический журнал» — печатный орган Министерства обороны СССР — поместил таблицу с цифрами, отражающими состояние укрепленных районов на новой границе к 1 июня 1941 г. На эту таблицу редакция щедро выделила 5,5 x 2,5 см журнальной площади. Микроскопическими буквами была набрана информация о том, что в Брестском УРе было построено 128 (сто двадцать восемь) долговременных огневых сооружений и еще 380 (триста восемьдесят) ДОСов находилось в стадии строительства. Крохотная площадь не позволила сообщить читателям о том, что сроком завершения строительства было установлено 1 августа 1941 г. и работа кипела с рассвета до заката.

Кстати сказать, и на старой границе никто ничего не взрывал. Напротив, 25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции и довооружению «старых» УРов. Срок готовности был установлен к 1 октября 1941 г. Некоторые доты Минского УРа целы и по сей день. Полутораметровый бетон выдержал все артобстрелы, а когда немцы, уже во время оккупации Белоруссии, попытались было взорвать доты, то от этой идеи им пришлось вскоре отказаться из-за огромного расхода дефицитной на войне взрывчатки...

Вернемся, однако, в Брест. Как пишет Сандалов (в то время — начальник штаба 4-й армии, в полосе которой и строился Брестский УР), *«на строительство Брестского укрепленного района были привлечены все*

саперные части 4-й армии и 33-й инженерный полк округа... В марте — апреле 1941 г. было дополнительно привлечено 10 тыс. человек местного населения с 4 тыс. подвод... с июня по приказу округа на оборонительные работы привлекалось уже по два батальона от каждого стрелкового полка дивизии...» [79]. 16 июня строительный аврал был еще раз подстегнут постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов» [3].

Таким образом, мы не сильно ошибемся, если предположим, что к 22 июня большая часть из 380 недостроенных ДОСов Брестского УРа была уже готова или почти готова. Точных цифр, вероятно, не знает никто. Так, суммирование (по таблице в ВИЖе) числа построенных ДОСов в четырех укрепрайонах Западного фронта дает число 332, но на соседней странице, в тексте статьи, сказано, что «к июню 1941 г. было построено 505 ДОСов». Павлов и Климовских называют на суде еще большую цифру — 600 [67].

Как бы то ни было, но в среднем **на один километр** фронта Брестского укрепрайона приходилось **три** врытые в землю бетонные коробки, стены которой выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы. Одна — полностью построенная, и еще две такие же коробки, частично не завершенные. Это в дополнение к созданной самой природой реке Буг, вдоль которой и проходила тогда граница. Но это — в среднем. Фактически же Брестский УРа находился в одном из крупнейших в мире болотных районов (белорусское Полесье). На такой местности дотами следовало прикрыть лишь немногие имеющиеся дорожные направления. Соответственно, доты были выстроены не

«цепочкой», а отдельными «кустами» (узлами обороны). Так, в районе местечка Семятыче, у дороги Седлец — Беловеж, стояло 20 дотов, которые занимал 17-й пулеметно-артиллерийский батальон.

Даже если допустить, что ни в одном доте Брестского УРа не было установлено ни одной единицы специального вооружения, то и в этом случае, просто разместив в них пулеметные взводы стрелковых дивизий, можно было создать сплошную зону огневого поражения. Пулеметы были. По штату апреля 1941 г. в стрелковой дивизии РККА было 392 ручных и 166 станковых пулеметов. По штату. Фактически к 22 июня 1941 г. на вооружении Красной Армии было 170 тысяч ручных и 76 тысяч станковых пулеметов [35, стр. 351]. Впрочем, все эти импровизации были излишними. Как следует из показаний командующего Западным фронтом Павлова, треть ДОСов была уже вооружена. Причем вооружена отнюдь не ветхими пушками, якобы снятыми с укрепрайонов на старой границе.

Товарищ И.Н. Швейкин встретил войну лейтенантом в 18-м пулеметно-артиллерийском батальоне Брестского УРа. Он свидетельствует: *«...качество и боевое снаряжение дотов по сравнению с дотами на старой границе было намного выше. Там на батальон было всего четыре орудия, а остальное вооружение составляли пулеметы. Здесь же многие доты (45% от общего числа. — М.С.) имели по одному или несколько орудий, спаренных с пулеметами... Орудия действовали полуавтоматически. Стреляные гильзы падали в специальные колодцы вне дотов, что было очень удобно. Боевые сооружения оснащались очень хорошей оптикой...»* [44].

Надежно подготовленный коммунистическими «историками» читатель уже все понял: доты-то были, да только глупый Сталин не разрешил их занять. Чтобы не дать Гитлеру «повод для нападения». Логика потрясающая. Не говоря уже о том, что ни Сталин, ни Гитлер никогда не нуждались в «поводах» (ибо в нужное время изготавливали их в любом количестве сами), по сравнению с самим фактом строительства многих сотен бетонных коробок на берегу пограничной реки, занятие их во тьме ночной гарнизоны никого и ни на что не могло «спровоцировать». Поэтому их и занимали. Каждую ночь.

«...В конце мая участились боевые тревоги, во время которых мы занимали свои доты... Ночь проводили в дотах, а утром, после отбоя, возвращались в свои землянки. В июне такие тревоги стали чуть ли не ежедневными. В ночь на 21 июня — тоже. В субботу, 21 июня, как обычно, после ужина смотрели кино. Бросилось в глаза то, что, в отличие от прошлых суббот, на скамейках не было видно гражданских жителей из ближайших деревень. После фильма прозвучал отбой, но спать долго не пришлось: в 2 часа ночи мы были подняты по боевой тревоге и через полчаса были уже в своих дотах, куда вскоре прибыли повозки с боеприпасами...»

Это — строки из воспоминаний Л.В. Ирина, встретившего войну курсантом учебной роты 9-го пулеметно-артиллерийского батальона Гродненского УРа [83]. Нет никаких оснований сомневаться в том, что и Брестский УР жил весной 1941 г. по тем же самым приказам и директивам.

Все познается в сравнении. «Линия Маннергейма», о которой историки вспоминали тысячу и один раз, имела

всего 166 бетонных дотов на фронте в 135 км, причем большая часть дотов были пулеметными, с мизерным составом специального оборудования (в дотах первой очереди строительства не было электричества, водопровода, туалета и телефонной связи), и лишь двадцатка так называемых «дотов-миллионников» были вооружены пушками.

Как же все это было использовано? Красная Армия с огромными потерями прогрызала «линию Маннергейма» весь февраль 1940 г. Немцы же практически не заметили существования Брестского укрепрайона. В донесении штаба Группы армий «Центр» (22 июня 1941 г., 20 ч 30 мин) находим только краткую констатацию:

«Пограничные укрепления прорваны на участках всех корпусов 4-й армии» (т.е. как раз в полосе обороны Брестского УРа) [61]. И в мемуарах Гудериана мы не найдем ни единого упоминания о каких-то боях при прорыве линии обороны Брестского укрепрайона.

Но. Некоторые доты сражались до конца июня 1941 г. Немцы уже заняли Белосток и Минск, вышли к Бобруйску, начали форсирование Березины, а в это время 3-я рота 17-го пульбата Брестского УРа удерживала 4 дота на берегу Буга у польского местечка Семятыче до 30 июня! [4] Бетонные перекрытия выдержали все артобстрелы, и только получив возможность окружить доты и проломить их стены тяжелыми фугасами, немцы смогли подавить сопротивление горстки героев.

А что же делали все остальные? «Большая часть личного состава 17-го пульбата отходила в направлении Высокое, где находился штаб 62-го укрепрайона... В этом же направлении отходила группа личного состава 18-го

пульбата из района Вреста...» [79]. Вот так, спокойно и меланхолично, описывает Сандалов факт массового дезертирства, имевший место в первые часы войны. Бывает. На войне — как на войне. В любой армии мира бывают и растерянность, и паника, и бегство. Для того и существуют в армии командиры, чтобы в подобной ситуации одних — приободрить, других — пристрелить, но добиться выполнения боевой задачи. Что же сделал командир 62-го УРа, когда к его штабу в Высокое прибежали толпы бросивших свои огневые позиции красноармейцев?

«Командир Брестского укрепрайона генерал-майор Пузырев с частью подразделений, отошедших к нему в Высокое, в первый же день отошел на Бельск (40 км от границы. — М.С.), а затем далее на восток...» [79]. Как это — «отошел»? Авиапалки, как нам говорят, «перевезлись» в глубокий тыл для того, чтобы получить там новые самолеты. Взамен ранее брошенных на аэродромах. Допустим. Но что же собирался получить «далее на востоке» товарищ Пузырев? Новый передвижной дот на колесиках?

Возможно, эти вопросы и были ему кем-то заданы. Ответы же по сей день неизвестны. *«1890 г.р. Комендант 62-го укрепрайона. Умер 18 ноября 1941 года. Данных о месте захоронения нет»* — вот и все, что сообщил своим читателям «Военно-исторический журнал». Как, где, при каких обстоятельствах умер генерал Пузырев, почему осенью 1941 г. он продолжал числиться «комендантом» несуществующего укрепрайона — все это укрыто густым мраком государственной тайны.

ДАМА С ФИКУСОМ

Жанр документального детектива требует сведения воедино всех сюжетных линий и четкого указания на главных злодеев. Увы, ничего, кроме множества вопросительных знаков, автор предложить читателям не в состоянии. Увы, выяснение подлинных причин величайшей и беспримечной в истории России трагедии так и не стало за истекшие шестьдесят лет предметом авторитетного **судебного или по крайней мере парламентского расследования**. Эта ситуация, совершенно немыслимая ни в одном цивилизованном государстве, стала привычной для нашего общества и уже давно не вызывает ни протеста, ни даже удивления.

Единственные доступные документы (рассекреченные и опубликованные еще в начале 90-х годов материалы следствия и суда над командующим Западным фронтом Д.Г. Павловым) не приближают нас к ответу на поставленные выше вопросы. Так называемые «следователи» пытками выбивали из Павлова показания о его участии в мнимых заговорах 37-го года и связях с арестованными тогда «врагами народа». Ни одного конкретного военно-оперативного вопроса Павлову не задали (да и квалификация чекистских «следователей» не позволяла им ни сформулировать вопрос, ни осмыслить ответ). Фактически никакого следствия не было — была показательная расправа с теми, кого Сталин решил принести в жертву для еще большего запугивания оставшихся в живых генералов.

В результате имеющаяся в нашем распоряжении источниковая база не позволяет продвинуться дальше непроверенных гипотез и наводящих вопросов. Один из

таких вопросов возник при чтении следующего отрывка из мемуаров Болдина.

Итак, первый день войны. В полдень Болдин прилетает из Минска на военный аэродром в 35 км восточнее Белостока.

«...на счету каждая минута. Нужно спешить в 10-ю армию. Легковой машины на аэродроме нет. Беру полуторку («полуторка» — грузовой автомобиль ГАЗ-АА. — М.С), сажусь в кабину и даю указание шоферу ехать в Белосток... Наша полуторка мчится по оживленной автостраде. Но это не обычное оживление. То, что мы видим на ней, больше походит на сутолоку совершенно растерянных людей, не знающих, куда и зачем они идут или едут...

...Показалось несколько легковых машин. Впереди «ЗИС-101» (легковой автомобиль представительского класса. — М.С.). Из его открытых окон торчат широкие листья фикуса. Оказалось, что это машина какого-то областного начальника. В ней две женщины и двое ребят.

— Неужели в такое время вам нечего больше возить, кроме цветов? Лучше бы взяли стариков или детей, — обращаюсь к женщинам. Опустив головы, они молчат. Шофер отвернулся, — видно, и ему стало совестно.

Наши машины разъехались...

...На шоссе показалась «эмка» (легковой автомобиль М-1. — М.С). В ней инженер одной из строек укрепрайона. Предлагаю инженеру привести в порядок мою полуторку, а сам беру его машину и продолжаю путь в 10-ю армию. Нужно попасть туда как можно быстрее.

Восемнадцать часов. Яркое солнце освещает дорогу...»
[80].

Перечитайте этот отрывок, уважаемый читатель. Два, три раза. Он того стоит. Перед нами ключ к разгадке того, что принято называть «тайной 1941 года».

Прежде всего определимся с обстоятельствами времени и места действия.

Встреча с дамой и фикусом происходит восточнее Белостока, т.е. за 100 км от границы, во второй половине дня 22 июня 1941 г., т.е. примерно через 12 часов после начала боевых действий, через 4—5 часов после выступления Молотова по Всесоюзному радио. Война началась, и это уже знают все.

Одним из множества последствий этого трагического факта является то, что все без исключения легковые автомобили теперь подлежат мобилизации и передаче в распоряжение военных властей. Командующий округом, а в его отсутствие — первый заместитель командующего Западным Особым военным округом товарищ Болдин теперь является высшей властью для всех военных и гражданских лиц на территории Белоруссии. Болдин спешит не на рыбалку. Он должен срочно прибыть в штаб 10-й армии, создать и руководить действиями главной ударной группировки фронта. От того, как быстро и в каком физическом состоянии он прибудет к месту назначения, зависят, безо всякого преувеличения, жизни сотен тысяч людей.

Вывод — Болдин не только имел право, но и просто обязан был пересечь из фанерной кабинки грохочущей, очень ненадежной «полуторки» в кожаное кресло комфортабельного скоростного лимузина. Он — Болдин — уже воует, его время и его самочувствие уже

перестали быть его личным делом, в котором можно проявлять личную скромность.

Понимает ли это сам Болдин? Безусловно. Он несколько раз повторяет фразы о том, что «нужно спешить», и немедленно забирает себе первую встречную «эмку». Но при этом мощный и надежный «правительственный» ЗИС-101 отпускает, ограничившись только едким замечанием. От которого (замечания) стало стыдно одному только водителю — но не пассажирам ЗИСа. Молчание было их ответом. После чего *«наши машины разъехались»*.

В принципе этой информации уже более чем достаточно для того, чтобы определить, какому именно «областному начальнику» принадлежали эта машина, и этот фикус, и почему ЗИС ехал не один, а первым в составе «группы машин».

Белосток того времени — это провинциальный город с населением в 150 тыс. человек и несколькими заводами текстильной промышленности. В Польше он был заброшенной восточной окраиной, в составе СССР стал далеким западным приграничьем. «Какие-то начальники» в таких городах ездили на трамвайчике, большие (по местным меркам) начальники — на «эмках». С легковыми автомобилями в СССР всегда были большие проблемы.

Представительский ЗИС-101 в Белостоке мог оказаться только в распоряжении трех человек: первого секретаря обкома Партии Любителей Общего Имущества и начальников областных управлений НКВД и НКГБ. Четвертого, как говорится, не дано. И только вбитым в кость страхом перед «органами» можно объяснить то, что генерал-лейтенант не решился вытряхнуть фикус на обочину.

Определившись таким образом с принадлежностью машины и женщины, обратим теперь наше внимание на горшок с фикусом.

Освободительные походы всегда сопровождались резким скачком благосостояния военного, партийного и прежде всего энкавэдэшного начальства. После того как кровью миллионов была завоевана Победа, это явление расцвело пышным махровым цветом. Тащили машинами, вагонами, эшелонами. Демонтировали и перевезли в Подмоскowie роскошную виллу Геринга, переплавили на набалдашник трости золотую корону Гогенцоллернов...

В январе 1948 г. при обыске на даче у «маршала Победы» Жукова было обнаружено 323 шкурки соболей, обезьян, котиков, 160 шкурок норок, 4. тыс. метров шелковых, шерстяных и других дорогостоящих тканей, 44 ковра, 55 «ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках», 7 ящиков с фарфоровой и хрустальной посудой... При обыске у генерал-лейтенанта Телегина (члена Военного совета Группы Советских войск в Германии, а проще говоря — ближайшего сподвижника Жукова) было изъято *«свыше 16 кг изделий из серебра, 218 отрезков шерстяных и шелковых тканей, 21 охотничье ружье, много антикварных изделий из фарфора и фаянса, меха, гобелены работы французских и фламандских мастеров XVII и XVIII 1 веков...»* [182].

В 1939 г. эти «цветочки» еще только-только распускались, но уже и в ходе «освободительного похода» в Польшу в зоне советской оккупации подо Львовом пропало имущество жены американского посла в Польше Биддла (дамы из очень богатой семьи), в том числе — огромная коллекция антиквариата. Без малого

два года американцы приставали к советскому внешнеполитическому ведомству с просьбой разобраться в этом вопросе.

Их очень удивляло, как в стране с отмененной частной собственностью могли бесследно пропасть 200 (двести) ящиков с картинами, мехами, коврами, столовым серебром и т.д. В конце концов терпение у наших дипломатов лопнуло, и 5 июня 1941 г. замнаркома иностранных дел СССР товарищ Лозовский заявил послу США Штейнгардту дословно следующее: *«...в Западной Украине и в Западной Белоруссии в то время происходила революция. Г-н посол, очевидно, думает, что, когда люди делают революцию, они только и думают о том, как бы сохранить чье-либо имущество. Советское правительство не является сторожем имущества г-на Биддла...»* [69, стр. 724] Излив таким образом душу, советские власти вернули 47 ящиков и пообещали вернуть остальное, «если будет найдено еще что-нибудь».

Вся эта длинная история рассказана к тому, что дурацкий фикус едва ли был единственным ценным предметом в доме главного белостокского Начальника. Осенью 1939 г. там также «происходила революция», и в родовых замках Радзивиллов тоже пропадали премиленькие вещицы.

То, что «первая леди Белостока» потащила с собой фикус, говорит о том, что **сборы происходили в крайней спешке, в страшной панике, в состоянии, близком к умопомешательству.**

А почему?

Что, собственно, так напугало даму с фикусом и ее мужа?

Ответить на этот вопрос совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд. Это мы сегодня знаем, началом чего стали выстрелы на границе ранним утром 22 июня 1941 г. Но кто же мог это знать в полдень первого дня?

Изо всех репродукторов грохотало: «А если к нам нагрянет враг матерый, он будет бит повсюду и везде». В Москве готовили к отправке в войска Директиву № 3, в соответствии с которой к 24 июня боевые действия должны были быть перенесены на территорию противника. И какие же могли быть сомнения в реальности этих планов — исходя из фактического соотношения сил сторон? Если даже и могли быть сомнения, то откуда же взялась такая нерассуждающая уверенность в том, что надо бежать куда глаза глядят?

Муж дамы в силу своего служебного положения знал истинное положение дел? Но в таком случае оснований для паники было еще меньше. В полосе обороны 10-й армии, на фронте в 200 км, наступало десять пехотных дивизий вермахта. С артиллерией на конной тяге, без единого танка. По нашим уставам для наступления на таком фронте требовалось втрое больше сил. К тому моменту, когда горшок с фикусом засовывали в салон дорогого автомобиля, передовые отряды вермахта еще только заканчивали переправу через пограничный Буг. Даже если предположить, что Большой Начальник не верил в способность Красной Армии оказать хоть какое-то сопротивление, то и в этом случае разумных оснований для спешки не было. От границы до Белостока 75—100 километров. На пути две реки: если

двигаться с юго-запада, то Нарев, если с севера — то Бебжа. Пусть и не бог весть какие реки, не Днепр и не Висла, но без моста через них пехотную дивизию со всем ее разнообразным хозяйством не переправить. А мост надо еще навести, а сколько времени уйдет просто на то, чтобы по нему прошла дивизия вермахта, т.е. 15 тысяч человек и 5 тысяч лошадей?

Так что раньше четверга-пятницы немцев в Белостоке можно было и не ждать. Времени на сборы — предостаточно. Незачем было метаться и хватать в ужасе первый попавшийся под руку фикус...

Пока автор писал и переписывал заново дальнейшие главы этого печального повествования, издательство «Олма-пресс» в 2002 г. выпустило книгу под названием «15 встреч с генералом КГБ Бельченко» [62].

Сей доблестный чекист, руководивший подавлением народных восстаний в Средней Азии, Будапеште и Тбилиси, накануне войны трудился начальником Управления НКГБ Белостока. На странице 129 генерал уверяет, что свою жену он отправил в Минск на «полупорке». Если это правда, то фикус был из дома первого секретаря обкома Кудряева или начальника Управления НКВД Фукина. Как бы там ни было, воспоминания Бельченко дополняют картину событий июня 1941 г. чрезвычайно колоритными мазками:

«...Около 6 часов утра собралось бюро Белостокского обкома партии... Бюро обкома предложило создать боевые чекистские группы для взрыва и

уничтожения оборонных объектов, военных баз и складов в момент вступления врага в город...»

Обратите внимание — никаких сомнений, никаких «если». На третьем ЧАСУ войны белостокские товарищи коммунисты уже непоколебимо уверены в том, что враг «вступит в город». Даже быстрее, чем удастся вывезти содержимое военных складов.

Не будем, однако, забывать, что, кроме областных управлений НКВД и НКГБ, у чекистского «дракона» в Белостоке была еще одна, третья голова - особый отдел (военная контрразведка) 10-й армии. В 2008 году М. И. Мельтюхов опубликовал полный текст доклада начальника особого отдела (на тот момент данная структура называлась «3-й отдел») 10-й армии (РГВА ф.9, оп. 39, д. 99, л. 330-340). Если верить тому, что пишет полковой комиссар (в данном случае это воинское звание, а не должность) товарищ Лось, «боевые чекистские группы», созданные «для взрыва и уничтожения», не стали дожидаться вступления врага в город:

«Панике способствовало то, что в ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ, во главе с начальниками органов, также сбежали».

Лось утверждает, что Бельченко бежал в ночь с 22 на 23 июня. Болдин встретил машину с фикусом во второй половине дня. Это совпадает с рассказом самого Бельченко:

«...свою семью в первый день войны я отправил на полutorке в сторону Минска. Вместе с ней ехали семьи моих заместителей... Сборы происходили в суматохе. Как

всегда (???) бывает в таких случаях, самое главное было забыто. Так, моя жена не взяла ни одного документа, удостоверяющего ее личность...»

Подробность интереснейшая. Забыла взять - или муж тщательно проверил, чтобы никаких документов, удостоверяющих личность, при его жене не было? В таком случае это была мудрая предусмотрительность - на случай встречи с трудящимися Страны Советов, у которых (трудящихся) в первый раз за много лет появилась реальная возможность выразить действием свою любовь к славным чекистам и их женам.

Часть 2

СЕМЕРО ОДНОГО НЕ БЬЮТ

...«**ЧАС ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ
ПРИХОДИТ,
БУРЖУЙ...»**

Места там дивные. Живописнейшие леса — вековой дуб, бук, платан. Чистые речки, в которых и по сей день в изобилии ловится рыба, плодородная земля. А какой музыкой древнеславянской старины звучат названия городов и рек этой земли: Горынь, Уборть, Радомышль, Турья, Кременец, Славута, Яворов... Увы, история Галиции и Волыни очень далека от благостной песни всечеловеческой любви. Огонь безумной вражды — религиозной, национальной, классовой — не раз и не два опустошал этот богатый край. В середине XVII века здесь, у Збаража и Берестечко, казаки Вогдана Хмельницкого остервенело резались с польской шляхтой, а в начале века XX здесь же воспетые И. Вабелем бойцы Первой Конной армии состязались в бессмысленной жестокости со своими противниками.

Вот в этих, обильно политых слезами и кровью местах, в треугольнике Луцк — Броды — Ровно, и развернулось в конце июня 1941 г. **одно из главных сражений Второй мировой войны, крупнейшая танковая битва XX столетия.** Сражение, известное (а

правильнее будет сказать — почти никому не известное) под названием «контрудар мехкорпусов Юго-Западного фронта».

Перед началом расследования обстоятельств этого «могучего сталинского удара» — небольшое техническое замечание. После того как Восточная Польша была насильственным путем превращена в западную окраину Советского Союза, наряду с высылкой сотен тысяч поляков была произведена и массовая «высылка» польскозвучащих названий с географической карты. Станиславув превратился в Ивано-Франковск, Жолкев превратился в Нестеров, Радзвиллов — в Червоноармейск, Крыстынополь — в Червоноград, Проскуров — в Хмельницкий и т.д. Поэтому, для облегчения жизни самых внимательных читателей, которые захотят сверить этот текст с картой, все топонимы, встречающиеся в документах 1941 г., будут продублированы их современными названиями.

Как и в трагической истории с разгромом конно-механизированной группы Западного фронта у Гродно, на Украине все так же началось с **Директивы № 3**.

Еще раз напомним, что в 21 час 15 минут 22 июня 1941 г. Нарком обороны Тимошенко приказал:

«...мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5 -й и 6-й армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люблин».

Остальным силам Юго-Западного и Южного фронтов (26, 12, 18, 9-й армиям) были поставлены чисто оборонительные задачи: *«Прочно обеспечить себя и не допустить вторжения противника на нашу территорию...»*

Полный текст этой директивы был опубликован «Военно-историческим журналом» только через 48 лет после ее подписания [182], но в кратком изложении она была известна давно. При этом всякий советский историк считал своим долгом (или, точнее сказать, имел партийное задание) пожурить наших главных полководцев за то, что они, «исходя из необоснованной переоценки возможностей войск, отдали приказ явно нереальный, а потому и невыполнимый».

В дальнейшем, после того как шило окончательно вылезло из мешка, и из рассекреченных документов стало понятно, что возможности Красной Армии (состав, численность, вооружение, резервы, обеспеченность боеприпасами и горючим) позволяли ставить задачи по захвату не одного только Люблина (всего-то 80 км к западу от границы), направленность критики сменилась. Теперь Директиву № 3 принято ругать за то, что в ней были указаны совершенно **нереальные сроки** проведения контрудара. Так, один товарищ, штабист с большим стажем работы в оперативных отделах, написал целую статью про то, что на разработку и подготовку к проведению операции такого масштаба требуется по меньшей мере месяц, а еще лучше — два.

Не будем спорить. Будем уважать мнение профессионала. Два так два.

А только кто же сказал, что планирование наступательной операции и оперативное развертывание войск на Западной Украине началось только поздним

вечером 22 июня 1941 г.? Последние предвоенные планы Юго-Западного фронта (Киевского Особого военного округа) не рассекречены по сей день. Нет уже того государства, в состав которого входила территория Киевского округа, ушли из жизни все без исключения агенты-нелегалы, обеспечившие разведывательной информацией разработку этих планов, давным-давно ушла на переплавку вся военная техника, упомянутая в этих планах, многократно изменилась за прошедшие шесть десятилетий пропускная способность дорожной сети, упомянутая в этих планах...

Одним словом — отпали все разумные причины засекречивания этих пожелтевших страниц. Ан нет — сплоченные ряды ветеранов партийно-исторической науки хором проклинаят «перебежчика и предателя» В. Суворова, а секрет Большого Плана берегут как иголку с жизнью Кощея Бессмертного, которая, как известно, в яйце, а яйцо — в дупле, а дупло — за морем, ну и так далее...

Но шило неудержимо рвется из мешка. В конце 1991 г., в момент легкой растерянности, охватившей КГБ после того, как 21 августа бронзовая статуя «железного Феликса» (создателя ВЧК Дзержинского) на стальном тросе проплыла над многотысячной разъяренной толпой, из архивной тиши вырвался один любопытный документ: «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Документ был написан в единственном экземпляре, от руки, заместителем начальника Оперативного отдела Генерального штаба РККА генерал-майором (будущим маршалом и начальником Генштаба) Василевским. В тексте — правка рукой Ватутина или Жукова. Дата написания не указана, судя

по содержанию — документ составлен не ранее 15 мая 1941 г. Этой датой его обычно и обозначают. Подписи Тимошенко и Жукова отсутствуют, резолюции Сталина на документе нет.

Не будем отвлекаться сейчас на обсуждение хода дискуссии, которая поднялась после публикации этого, без преувеличения — сенсационного, документа. Тем более что главное внимание публики было привлечено не к собственно оперативным соображениям, а к совершенно заурядной (если руководствоваться здравым смыслом, а не пропагандистскими штампами) фразе: *«Считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания»* [6, стр. 217].

Мысль вполне очевидная и для советского военного руководства отнюдь не новая. Так, еще в апреле 1939 г. К.А. Мерецков (в то время командующий войсками Ленинградского ВО), выступая на разборе командно-штабной игры, проведенной Военным советом округа, заявил: *«В тот момент, когда наши противники будут отобилизовывать свои армии, повезут свои войска к нашим границам, мы не будем сидеть и ждать. Наша оперативная подготовка, подготовка войск должны быть направлены так, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы...»* [1, стр. 141].

Ветераны советской пропагандистской «науки» уже успели объяснить всем, кто еще способен их слушать, что майские «Соображения» — это всего лишь черновой набросок, составленный (на 15 листах, с четырьмя

приложениями и семью картами) генералом Василевским от скуки, в свободное от основной работы время. Пока публике пытались заморочить голову «дискуссией» такого уровня, были рассекречены и опубликованы [6, 16] другие документы.

В конечном итоге к концу 90-х годов стали известны следующие составные части Большого Плана:

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) ИВ. Сталину и В.М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, не позднее 16 августа 1940 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 1-37).

— Документ с аналогичным названием, но уже с номером (№ 103202) и точной датой подписания (18.09.1940 г.) (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 197-244).

— Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову № 103313 (документ начинается словами *«Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год»*, в связи с чем его обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания» (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 84-90).

— Докладная записка начальника штаба Киевского ОВО по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г., б/н, не позднее

декабря 1940 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 245-277).

— Выдержки из доклада Генштаба Красной Армии «О стратегическом развертывании Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, от 11 марта 1940 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 1 — 16). Примечательно, что этот документ — вопреки всем правилам и традициям публикации исторических документов — был рассекречен лишь с огромными сокращениями.

— Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа, б/н, апрель 1941 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 48-64).

— Упомянутые выше «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», б/н, не ранее 15 мая 1941 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1-15).

К документам, фактически раскрывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА.

К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. (уже после смерти автора) статья маршала А.М. Василевского, который прямо указывает на то, что *«в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с*

участием высшего командного состава вооруженных сил» [191].

Строго говоря, информации для размышления предостаточно. В распоряжении историков имеется пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и Западного. Содержание оперативно-стратегических планов Советского командования было уже подробно проанализировано в работах П. Бобылева, В. Данилова, В. Киселева, М. Мельтюхова, В. Петрова и других российских историков. Для нашей книги достаточно отметить лишь три ключевых момента.

Во-первых, оперативный план большой войны на Западе существовал (*«Оперативный план войны против Германии существовал, и он был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими войсками и штабами западных приграничных военных округов Советского Союза»*. — А.М. Василевский). Странно, что это надо особо доказывать, но иные коммунистические пропагандисты в своем «усердии не по разуму» доходили и до утверждения о том, что наивный и доверчивый Сталин заменил разработку планов боевых действий любовным разглядыванием подписи Риббентропа на пресловутом «Пакте о ненападении».

Во-вторых, все известные нам оперативные планы представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное совпадение всех вариантов Большого Плана.

В-третьих, все без исключения варианты представляют собой план **наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР**, при этом главным противником неизменно называется Германия. **Боевые действия на собственной территории не рассматривались даже как один из возможных сценариев** развития событий войны. Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских и восточно-прусских городов и рек.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем отрывки из двух документов (для удобства сопоставления автор выделил некоторые ключевые слова).

Итак, майские (1941 г.) «Соображения по плану стратегического развертывания»:

*«...Первой **стратегической целью** действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин, и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка, р. На-рев, Лович, Лодзь, Оппельн, Оломоуц...*

*...**Ближайшая задача** — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Висла и овладеть районом Катовице. Для чего: **главный удар силами Юго-Западного фронта** нанести в направлении Краков, Катовице...*

*...**вспомогательный удар левым крылом Западного фронта** нанести... с целью сковывания Варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника...*

*...Состав и задачи развертываемых на Западе фронтов: **Юго-Западный фронт** — концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Вислы в районе Люблин;*

одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирско-Келецком направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце...»

А вот другой (более ранний) документ: «Записка начальника штаба Киевского ОВО по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год» [16, стр. 484—498]. В скобках отметим, что уже в декабре 1940 г. используется термин «Юго-Западный фронт»!

«...Задачи Юго-Западного фронта:

*Ближайшая **стратегическая задача** — разгром, во взаимодействии с левым крылом Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Кельце, Радом, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт...*

***Ближайшая задача** — во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлениях на Кельце — Краков.*

*Справа Западный фронт (штаб Барановичи) имеет задачей — ударом левофланговой 4-й армией в направлении Дрогичин, Седлец, Демблин **содействовать Юго-Западному фронту** в разгроме **Люблинской** группировки противника...»*

Всякий, кто не поленится найти на карте Польши все вышеупомянутые города, может убедиться в том, что задачи, определенные в этих документах, полностью совпадают по целям, срокам и рубежам (см. Карта № 3). Судя по всему, оба эти документа разрабатывались в теснейшем взаимодействии и на основании неких единых исходных директив.

Таким образом, наступление на Люблин планировалось по меньшей мере **за шесть месяцев** до рокового дня 22 июня 1941 г. Причем в документе декабря 1940 г. планировалось развернуть в районе Львов — Яворов — Нестеров особую «конно-механизированную армию», которая должна была, наступая в северном направлении, совместно с 5-й армией занять Люблин «к исходу третьего дня операции». И здесь мы видим совпадение и по форме, и по содержанию с задачами, поставленными вечером 22 июня Директивой № 3.

Более того (и это очень важно отметить), Директива № 3 была осторожным, умеренным и сдержанным документом по сравнению с предвоенными планами Юго-Западного фронта. Так, по декабрьскому плану наступление на Люблин было **только одним из** ударов, наносимых войсками Юго-Западного фронта. Причем из общего числа 11 танковых дивизий и 13 танковых бригад фронта к наступлению на Люблин тогда планировалось привлечь только 6 дивизий и 3 бригады. Перед другими армиями Юго-Западного фронта в декабре 1940 г. ставились не менее крупные задачи. На 10—12-й день наступления войска 6, 26, 12-й армий должны были выйти на рубеж рек Висла и Дунаец (глубина

наступления 120—130 км) и захватить переправы через эти реки у Сандомира и Тарнува.

«Ну и что? — возразит нам недоверчивый читатель. — Все это ничего не доказывает». И будет совершенно прав. В любом штабе, тем паче — в Генштабе огромного, вооруженного до зубов Советского Союза, разрабатывается уйма всяких разных планов. Большая часть которых потом уничтожается в установленном порядке, за подписью представителя службы контрразведки. Так, может быть, товарищ Сталин отклонил вышеупомянутые планы военного командования, как противоречащие «неизменно миролюбивой внешней политике СССР», и распорядился рыть окопы и крепить оборону?

Нет. Это ошибочное, не соответствующее исторической правде предположение. Планы широкомасштабного наступления Красной Армии с территории «Львовского выступа в Южную Польшу были утверждены и приняты к исполнению. Что подтверждается не бумагами (которые можно подделать), не мемуарами (которые порой пишутся бессовестными людьми «на заказ»), а **ФАКТИЧЕСКИМ РАЗВЕРТЫВАНИЕМ** войск, осуществленным весной — летом 1941 г.

В соответствии с довоенными планами на западных рубежах СССР планировалось развернуть четыре фронта: Северный, Северо-Западный, Западный и Юго-Западный. Границами между первыми тремя фронтами служили просто линии, нанесенные цветным карандашом на совершенно секретной карте, спрятанной в особо

охраняемом сейфе. А вот Юго-Западный фронт (Ю-З. ф.) имел совершенно осязаемые, естественные границы.

Северный фланг Ю-З. ф. был непроницаемо закрыт полосой припятских болот, которая тянется строго с запада на восток, от Бреста до Мозыря на 400 км в глубь территории СССР. Полесье — это абсолютно непроходимый для боевой техники той эпохи, заболоченный, изрезанный сотнями мелких речушек лес. Говорят, там были деревни, в которых за три года оккупации так и не увидели ни одного немецкого солдата.

Южный фланг фронта опирался на дельту Дуная (столь же непроходимую сеть больших и малых протоков) и берега Черного моря. Таким образом, территория Ю-З. ф. представляла собой фактически изолированный, не имеющий оперативной связи с соседями театр военных действий (в дальнейшем будем называть его «южный ТВД»).

По плану декабря 1940 г. на этом ТВД должны были быть развернуты **семь армий**, имеющих в своем составе **76 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий**.

В майских (1941 г.) «Соображениях по плану стратегического развертывания» на Ю-З. фронте планировалось развернуть **восемь армий**, насчитывающих **74 стрелковые и 5 кавалерийских дивизий**.

Фактически в конце июня 1941 г. на южном ТВД было развернуто **восемь армий**. Шесть армий в первом эшелоне у границы (с севера на юг): 5 А, 6 А, 26 А, 12 А, 18 А, 9 А. В глубоком оперативном тылу фронта выгружались еще две армии: 16 А в районе Шепетовки и 19 А в районе Черкассы — Белая Церковь. В общей

сложности на южном ТВД было развернуто **61 стрелковая** (тридцать две в составе Ю-З. ф, тринадцать в составе Южного фронта, шестнадцать в составе 19 А и 16 А) и **5 кавалерийских дивизий**.

Теперь перейдем к оценке численности главной ударной силы Красной Армии — танковых и моторизованных дивизий. По декабрьскому плану в составе Ю-З. ф., развертывалось **11 танковых дивизий и 13 танковых бригад, 5 моторизованных дивизий и 6 мотобригад**. Прямое и однозначное сравнение декабрьского (1940 г.) и майского (1941 г.) планов в этой части невозможно — в феврале 1941 г. структура танковых войск была радикально изменена, бригады расформированы, а почти все дивизии вошли в состав 29 мехкорпусов. Но одно несомненно — планируемая группировка механизированных войск на южном ТВД заметно выросла и по «Соображениям» от 15 мая 1941 г. должна была включать в себя **28 танковых и 15 моторизованных дивизий** (из общего числа 40 танковых и 20 мотодивизий, дислоцированных в европейской части СССР). Таким образом, южное направление (на Краков — Катовице) явно стало в направлении главного удара.

Фактически к началу боевых действий на южном ТВД было развернуто одиннадцать мехкорпусов. Вот их номера:

- 22, 4, 15, 8, 16, 18, 2-й в первом эшелоне армий,
- 9, 19, 24-й в резерве командования Ю-З. фронта
- и
- 5-й в составе 16 А.

Эта гигантская группировка насчитывала в своем составе 22 танковые и 11 моторизованных дивизий, кроме того, вместе с 16 А в район Шепетовка — Славута прибыла (из Монголии) еще и 57-я отдельная танковая дивизия. Итого: **23 танковых и 11 моторизованных дивизий**. Как жаль, что всю эту информацию не доложили тогда Гитлеру! Может быть, он застрелился бы на четыре года раньше...

Подведем первые итоги. Фактическая группировка войск Красной Армии на южном ТВД была весьма близка к той, которая намечалась в предвоенных планах. Такая дислокация войск — с явно выраженной концентрацией сил на одном направлении — не могла сложиться случайным образом, «сама собой». Несомненно, был некий План, в соответствии с которым и разворачивалась многомиллионная армия. Явная незавершенность сосредоточения войск (фактическое количество стрелковых и танковых дивизий на 15—20% меньше запланированного) имеет самое простое объяснение: стратегическое развертывание Красной Армии осуществлялось по графику, при составлении которого немецкое вторжение не предполагалось. ***«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля 1941 г.»***. Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии «1941 год — уроки и выводы» следовало бы тогда же, в 1992 г., наградить медалью «За отвагу»...

Впрочем, даже если бы ни один из упомянутых выше документов не был опубликован, выявить основные черты плана вторжения совсем не сложно. Достаточно «расставить» на географической карте мехкорпуса Юго-Западного фронта и указать их укомплектованность.

И все сразу же «проявится», как в ванночке с проявителем...

Итак, в первом эшелоне Юго-Западного фронта развертывались (с севера на юг, от Ковеля до Черновцы) следующие мехкорпуса:

	Район дислокации	Танки, всего	в том числе КВ и Т-34	БА	Автомашины	Тягачи
22 МК	Вл.-Волынский — Ровно	712	31	82/70	1226	114
15 МК	Брод — Кременец	749	136	160/94	2035	165
4 МК	Львов	979	414	175/89	2854	274
8 МК	Дрогобыч — Стрый	899	171	172/87	3237	359
16 МК	Станислав — Черновцы	478	4	118/71	1777	193

Примечание. Бронеавтомобили: первая цифра — общее количество, вторая — в том числе БА-10, вооруженные 45-мм пушкой.

Как видно, совершенно бесспорным является наличие мощной ударной группировки из трех мехкорпусов, осью которой является 4-й МК — этот мехкорпус укомплектован танками почти на 100% штатной численности, а по числу новейших тяжелых и средних танков равен всем остальным мехкорпусам, вместе взятым (на вооружении находившиеся в оперативной глубине 9-го МК, 19-го МК, 24-го МК было лишь по несколько новых танков). Сразу же отметим, что все цифры, относящиеся к предвоенной численности

танковых соединений РККА, надо рассматривать только как ориентировочные. Порядка в их учете было мало. Приведенная выше таблица составлена по данным солидной монографии [3], а вот в воспоминаниях бывшего командира 8-го МК генерала Рябышева приведена цифра в 932 танка, по данным Киевского музея Великой Отечественной войны, в составе 8-го МК было 813 танков, в знаменитой, самой первой открытой публикации численности советских мехкорпусов (БИЖ 4/1989) была дана цифра 858... Такая же ситуация и по другим корпусам.

Теперь перейдем к главному вопросу: где находился утром 22 июня 1941 г. ударный 4-й МК?

В районе Львов — Нестеров. То есть **точно там**, где по «декабрьскому плану» должна была развертываться ударная «конно-механизированная армия», предназначенная для наступления на Люблин! В 60 км к юго-западу от Львова, в районе Дрогобыч — Самбор мы обнаруживаем 8-й МК, а в 100 км к северо-востоку от Львова, в районе Броды — Кременец, развертывался 15-й МК (см. Карта № 4). За два дня до начала войны все три дивизии 4-й МК начали движение на запад, на самое «острие» Львовского выступа.

Рябышев в своих воспоминаниях пишет, что *«20 июня 1941 года я получил от командующего войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковника М.П. Кирпоноса совершенно секретный пакет: лично мне предписывалось незамедлительно выехать к границе и **произвести рекогносцировку района предполагаемых действий** (подчеркнуто мной. — М.С.) 8-го механизированного корпуса»* [194, стр. 8]. В условиях оборонительной операции «район

предполагаемых действий» мехкорпуса никак не мог оказаться рядом с пограничными столбами. Задачей мехкорпусов было нанесение контрудара по главной группировке сил противника в случае прорыва ее в оперативную глубину полосы обороны армии или фронта. Далее Рябышев без тени смущения пишет: *«Наконец впереди показался город Перемышль, древняя крепость. По реке Сан проходила граница. Дальше, за рекой, располагались немецко-фашистские войска. Командирская разведка длилась два дня...»*

Только фактически начавшееся вторжение немецких войск отвлекло командира 8-го мехкорпуса от рекогносцировки сопредельной территории. Утром 22 июня 1941 г. (в 5 ч 40 мин) командование 8-го МК вскрыло «красный пакет», и в соответствии с приказом командующего 26-й армии № 002 **от 17 мая 1941 г.** (!!!) мехкорпус двинулся на запад, выйдя во второй половине дня к пограничной реке Сан западнее Самбора [28, стр. 165]. «Красный пакет» с директивой штаба Киевского ОВО № 0013 **от 31 мая 1941 г.** был вскрыт командиром 15-го МК в 4 ч 45 мин, после чего дивизии корпуса двинулись в сторону Радехова [29, стр. 255].

Из этого исходного района танковый клин с равным успехом мог обрушиться на Тарнув, на Сандомир и на Люблин. Расстояния от рубежа Дрогобыч — Львов — Броды до этих трех польских городов практически одинаковое: 175—200 км.

По условиям местности наиболее предпочтительно люблинское направление — на пути наступающей танковой лавины не будет ни одной крупной реки, маршрут наступления пролегает практически в «коридоре» между реками Вепш и Сан.

Так о какой же «поспешности» и «нереалистичности» Директивы № 3 талдычили столько лет наши пропагандисты?

Для наступления на Люблин не хватало только одного — приказа. Вот этот приказ и был дан вечером 22 июня 1941 г.

В завершение этой главы остается напомнить, что доказывать наступательную направленность советских оперативных планов и обусловленного этими планами построения группировок войск пришлось только после выхода в свет знаменитой книги В. Суворова «Ледокол». До этого советские историки и мемуаристы спокойно и охотно констатировали, что *«на расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий... замысел на стратегическое развертывание и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели...»* [3]. Правда, подобные признания всегда сопровождались оговоркой о том, что «в силу неверной оценки ситуации было неоправданно допущено...». Суворов всего лишь предложил перестать считать советских генералов идиотами, не понимающими азбучных основ оперативного искусства, и обратил внимание на умственные, а главное — нравственные достоинства советских историков. Разумеется, «историки» ему этого не простили. Странно, но и реабилитированные В. Суворовым советские генералы за него не заступились...

«БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ...»

Отдать приказ — дело нехитрое. А позаботилось ли высшее командование РККА о том, чтобы обеспечить в полосе наступления механизированных корпусов Юго-Западного фронта необходимое по канонам военной науки трехкратное превосходство сил?

Нет. Трехкратного превосходства не было. Соотношение сил сторон выражалось совсем другими цифрами.

Считать можно по-разному. Можно сравнивать общую численность танковых войск, развернутых вермахтом и Красной Армией на всем южном ТВД. Это достаточно разумный подход. Расстояния на Западной Украине не «сибирские», а скорее «европейские». От районов развертывания даже наиболее удаленных от границы 16-го МК, 18-го МК, 9-го МК, 19-го МК (т.е. от городов Черновцы, Могилев-Подольский, Новоград-Волынский, Бердичев), до Львова всего 250—300 км. Даже при движении по грунтовым дорогам с черепашьей скоростью в 10 км/час такую передислокацию можно было осуществить, израсходовав всего 25—30 моточасов. Это два-три дня размеренного марша. На самом деле по сухим июньским дорогам, при световом дне в 18 часов все можно было сделать гораздо быстрее. Наконец, есть и железные дороги. Ко Львову, историческому центру Галиции, подходят пять железных дорог, по которым можно было перевезти мех-корпуса практически из любой точки Украины и Молдавии, сберегая тем самым драгоценный моторесурс танков.

В таком случае, против **728** танков в 1-й танковой группе вермахта и **60** танков в единственной танковой бригаде румынской армии советское командование могло выставить **5617** танков.

Это — СЕМИКРАТНОЕ численное превосходство. И эта цифра весьма занижена. Мы не учли легкие танки, находившиеся в составе стрелковых и кавалерийских дивизий Красной Армии (в пехотных дивизиях вермахта танков не было вовсе). Мы не учли 749 пушечных броневедомостей БА-10, по вооружению и бронезащите не уступавших легким немецким танкам. Наконец, мы не учли без малого **две тысячи танков** в составе 16-й и 19-й армий, которые первоначально развертывались на Правобережной Украине, в тылу Юго-Западного фронта.

Можно считать по-другому — ближе к суровой исторической реальности. Фактически в боевых действиях первой недели войны на Западной Украине приняло участие только шесть мехкорпусов: 22-й МК, 15-й МК, 4-й МК, 8-й МК, 9-й МК, 19-й МК. Четыре мехкорпуса (16-й МК, 18-й МК, 24-й МК, 2-й МК) практически бездействовали или жгли бензин в бесцельных передислокациях. Едва ли такое безобразие можно отнести к разряду «объективных обстоятельств», но в жизни все было именно так. С другой стороны, и румынские танки (точнее говоря, танки французского производства времен Первой мировой войны) никого и ничем не беспокоили. При таком подходе (и не учитывая броневедомости) мы приходим к соотношению сил **1 к 5,5**.

Так какую же другую директиву, кроме приказа о переходе к решительному наступлению, могли отдать

Тимошенко и Жуков **при таком численном превосходстве?**

Все познается в сравнении. Львовско-Сандомирскую наступательную операцию (июль — август 1944 г.) войска 1-го Украинского фронта успешно провели, имея в своем составе три танковые армии (1, 3, 4-я), на вооружении которых к началу операции было соответственно 419, 490 и 464 танка и САУ. Всего — 1373 единицы. Перед началом Верлинской операции в составе четырех танковых армий (1, 2, 3, 4-я Гвардейские танковые) числилось соответственно 709, 672, 572 и 395 танков и САУ [167]. В крупнейшей и очень успешной Висло-Одерской наступательной операции (самые высокие темпы и самая большая глубина наступления советских танковых войск) на вооружении четырех танковых армий было 3302 танка и САУ — цифра огромная, но все равно значительно уступающая количеству танков, развернутых на южном ТВД в июне 41-го.

Но, может быть, летом 1941 г. у нас были плохие танки? Устаревшие, «не идущие ни в какое сравнение» с танками противника?

Советские историки, академики и генералы в бесчисленном множестве статей, книг, мемуаров, уверенно отвечают и на этот вопрос: наши танки «старых типов» (т.е. Т-26, БТ, Т-28) были не плохие, а очень плохие. Настолько плохие, что на протяжении многих десятилетий академики **даже не учитывали их в общем балансе сил сторон.** Кто только не приложил свои перо и руку к этой кампании дезинформации собственного народа! Вот и сам «маршал победы» Жуков в своих хрестоматийно-известных «Воспоминаниях и

размышлениях» сокрушается над убожеством советских танков:

«...Они были маломаневренны и легкоуязвимы для артиллерийского огня... работали на бензине и, следовательно, были легковоспламеняемы... имели недостаточно прочную броню...» [15].

Перед нами — маленький литературный шедевр. Обвинить Жукова в обмане невозможно. Все, что он сказал, до последней буквы — правда. Любой танк «легкоуязвим» (по сравнению, например, с железобетонным дотом) и «маломаневренен» (по сравнению с вертолетом). Смотря с чем сравнивать. Мудрый Жуков не стал сравнивать советские танки с современными им немецкими танками. Он вообще не говорит, что немецкие танки были «высокоманевренны и неуязвимы», а их моторы работали на чем-то другом, нежели «легковоспламеняемый бензин». Но можно не сомневаться в том, что из тысячи человек, прочитавших мемуары великого полководца, 999 поняли этот абзац именно так, что наши танки — это «барахло» и «гробы», а вот немецкие были гораздо лучше. Что ж, это и есть работа мастера! А заслуженный ветеран войны генерал Владимирский в своей академически солидной книге [92] пишет просто и без затей: *«Германия к началу нападения на СССР, бесспорно, имела качественное превосходство над нашими танками».*

Вот так вот — «бесспорно имела».

Вот только кто кого имел: Германия имела качественное превосходство в танках или партийная пропаганда столько лет имела наши мозги?

Начнем с простого. С определений. Что вообще означает фраза «немецкие танки были лучше наших»? Какие немецкие лучше каких советских? Пятитонная танкетка Pz-I с двумя пулеметами лучше тяжелого KV с трехдюймовым орудием? Думаю, что такого не скажут даже самые рьяные агитпроповцы. Или речь идет о том, что лучший немецкий танк Pz-III превосходил наш снятый в 1934 г. с производства легкий танк Т-27? Это верно, но только зачем же их сравнивать?

По мнению автора, корректный анализ качественного состояния танкового парка СССР и Германии возможен при соблюдении как минимум двух условий:

- сравниваемые танки должны быть одного функционального назначения, одного «класса»;
- необходимо учитывать количество танков каждого класса в общем объеме танкового парка.

Руководствуясь этими вполне очевидными требованиями, приступим к сравнительному анализу техники противоборствующих танковых группировок.

Единственная на южном ТВД 1-я танковая группа вермахта в составе 13, 14 11, 16, 9-й танковых дивизий имела на своем вооружении 728 танков.

По тактико-техническим характеристикам и функциональному предназначению их можно условно разделить на ЧЕТЫРЕ класса:

- танкетки;
- хорошие легкие танки;
- танки огневой поддержки;

— хорошие средние танки.

К разряду «танкеток» мы отнесем **8 единиц Pz-I**, **211 Pz-II** и **54** так называемых «командирских танка», всего 273 танка (что составляет **38%** от общей численности 1-й танковой группы).

Вот как описывает историю разработки этих «грозных боевых машин» главный идеолог и создатель танковых войск Германии Г. Гудериан:

...мы считали необходимым создать пока такие танки, которые могли бы быть использованы для учебных целей... этот тип танка допускал лишь установку пулеметов во вращающейся башне. Такие танки, получившие обозначение Pz-I, могли быть изготовлены к 1934 г. и использованы в качестве учебных машин до того времени, пока не будут готовы боевые танки... никто, конечно, не думал в 1932 г., что с этими небольшими учебными танками нам придется вступить в бой...»

Впрочем, были у Pz-I и вполне ощутимые достоинства. Вот как описывает Гудериан те преимущества, которыми обладали его первые танки по сравнению с фанерно-картонными макетами, которыми пользовались до этого на учениях рейхсвера:

«...школьники, которые прежде протыкали наши макеты своими карандашами, чтобы заглянуть внутрь, были поражены новыми бронемашинами...» [65].

Вот так вот. Не знали фашисты, что впереди их ждет не школьник с карандашом, а красноармеец Середа с топором.

«Храбрец подкрался по канаве с тыла, быстро вкарабкался на танк и ударами саперного топора вывел

из строя пулемет и экипаж вражеского танка». Это — не передовая газеты «Правда». Это строки из воспоминаний генерала армии Д.Д. Лелюшенко [22]. Прославленный полководец Великой Отечественной, закончивший ее в Праге в должности командующего 4-й Гвардейской танковой армией, немецкие танки он видел не на картинках. И комсомолец Иван Павлович Середа — лицо не вымышленное, а реальный участник войны, удостоенный за свой подвиг звания Героя Советского Союза и памятника на родине, в селе Галициновка.

Продолжим, однако, чтение мемуаров Гудериана: *«...ввиду того, что производство основных типов танков затянулось на большее время, чем мы предполагали, генерал Лутц принял решение построить еще один промежуточный тип танка, вооруженного 20-мм автоматической пушкой и одним пулеметом...»*

С чем можно сравнить эти немецкие танкетки? За неимением на вооружении РККА ничего худшего, нежели устаревший и уже снятый к началу войны с производства танк Т-26, его и будем сравнивать с немецким Pz-II [здесь и далее использованы материалы, опубликованные в 1, 3, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 167].

	Вес, т	Мощность двигателя, л.с.	Броня, мм лоб / борт	Скорость, км / час	Запас хода, км	Калибр пушки, мм	Дистанция поражения
Pz-II	9,50	140	30 / 20	40	190	20	500
T-26	9,75	90	15 / 10	35	170	45	1200

По большому счету, оба они, что называется, «стоят друг друга». Маломощные моторы, малый запас хода, противопульное бронирование — типичные легкие танки начала 30-х годов.

Хотя толщина лобовой брони Pz-II была в два раза больше, чем у T-26, в танк с противоснарядным бронированием он от этого все равно не превратился. Это обстоятельство наглядно отражает цифра в последнем столбце таблицы.

Пушка 20К калибра 45 мм, установленная на T-26, уверенно пробивала такую броню на дальности в 1200 м, в то время как снаряд немецкой 20-мм пушки К^К 30 сохранял необходимую скорость и бронепробиваемость только на дистанции в 300—500 м. Такое сочетание параметров вооружения и бронезащиты позволяло советскому танку, при тактически грамотном его использовании, практически безнаказанно расстреливать Pz II.

По крайней мере, именно так генерал Павлов описывал в своем докладе на декабрьском (1940 г.)

Совещании высшего комсостава **практический опыт** борьбы с немецкими танками:

«...опыт войны в Испании научил немцев и показал им, какие нужны танки, ибо легкие немецкие танки в борьбе с республиканскими пушечными танками (т.е. нашими Т-26, а затем и БТ-5) не входили ни в какое сравнение и расстреливались беспощадно...» [14].

Стоит также отметить, что по баллистическим характеристикам «пушка» немецкого Pz-II немного уступает параметрам советского противотанкового 14,5-мм ружья Дягтерева. Так что самым точным названием для Pz-II было бы «самоходное противотанковое ружье с пулеметом». Эта боевая машина могла быть (и была фактически) успешно использована для разведки, для борьбы с легкими танками и бронемашинами противника. Для выполнения же основных задач танка — уничтожения огневых средств и живой силы противника — снарядик 20-мм пушки, установленной на Pz-II, совершенно не годился, так что отнесение Pz-II к разряду «танков» является большим преувеличением.

Теперь осталось только оценить количество. Против **219** «танкеток» 1-й танковой группы вермахта только в составе войск Киевского (без учета Одесского) военного округа на 1 июня 1941 г. числилось **1962 танка Т-26** (здесь и далее количество танков в Киевском ОБО указано по докладу начальника Автобронетанкового управления Ю-3. ф. генерал-майора Моргунова от 17 июля 1941 г.) [29, стр. 103]. Соотношение численности в этом классе танков **1 к 9**.

Кроме того, в округе был еще 651 плавающий танк типов Т-37/ Т-38/ Т-40. Иногда в военно-исторической

литературе их ставят на «одну доску» с немецким Pz-I. На наш взгляд, подобное сравнение совершенно неуместно. Отсутствие артиллерийского вооружения на разведывательной гусеничной амфибии понятно и оправданно. Грохотать пушкой в разведке незачем, а вот способность переправляться через реки и озера, «не зная брода», делали Т37/38 уникальной боевой машиной. Использовать же Т-37/Т-38 в качестве линейного танка никто не планировал, и состояли эти амфибии, как правило, на вооружении разведывательных подразделений стрелковых и танковых дивизий.

Теперь перейдем ко второй категории, к «хорошим легким танкам».

В танковых частях вермахта такого названия несомненно заслуживал танк **Pz-III** серий **D, E, F** вооруженный 37-мм пушкой. В составе 1-й танковой группы таких танков было ровно **100 единиц**.

Разработанная в 1936 г. фирмой «Даймлер-Бенц», боевая машина и правда была хороша. Удобства, созданные конструкторами для работы экипажа, можно было считать образцом для подражания. Их не имел ни один советский, английский или американский танк того времени. В составе экипажа из пяти человек был «освобожденный» от обязанностей наводчика пушки командир, в распоряжении которого была специальная командирская башенка с оптическими приборами кругового обзора. И все же не удобства езды являются главным достоинством танка. Как совершенно точно было указано во всенародно любимой песне («Броня крепка, и танки наши быстры, и знает враг про силу их огня...»), танк — это **броня, подвижность,**

вооружение. По двум из этих параметров наш хороший легкий танк БТ-7 превосходил «тройку».

	Вес, т	Мощность двигателя, л.с.	Броня, мм лоб / борт	Скорость, км / час	Запас хода, км	Калибр пушки, мм	Дистанция поражения, м
Pz-III E	19,5	300	30/30	40	165	37	700
БТ-7	13,8	450	22/10	52/72	230/500	45	1200

Несмотря на более толстую броню, немецкий танк по соотношению параметров вооружения и бронезащиты уступал своему противнику. Наш БТ мог поразить Pz-III на километровой дальности, оставаясь при этом в относительной безопасности. Так же, как и в случае с Pz-II, выбор 30-мм лобовой брони на Pz-III был несомненной ошибкой: для обеспечения противоснарядной защиты этого было слишком мало, для защиты от пуль стрелкового оружия вражеской пехоты — избыточно много.

Ну, а по всем показателям подвижности колесно-гусеничный БТ-7 был просто лучшим танком в мире. Даже на гусеницах он развивал невероятную для танков той эпохи скорость в 52 км/час и располагал запасом хода на одной заправке в полтора раза большим, чем Pz-III. Даже по бездорожью БТ шел с недостижимой для танков той эпохи скоростью в 35 км/час, т.е. почти 10 метров в секунду. Но и это — не предел. В 1940 г. был

запущен в серийное производство БТ-7М. Этот танк был оснащен дизельным двигателем мощностью в 500 л.с. Наряду с общеизвестными преимуществами дизельного танка (солярка не взрывается, да и зажечь ее не так просто), установка более мощного и экономичного двигателя позволила довести максимальную скорость на гусеницах до 62 км/час, а запас хода — до 400 км! Сбросив гусеницы, на хорошей дороге БТ-7М мог разогнаться до 86 км/час, а запас хода на колесах выражался фантастической цифрой в 900 км.

Таких танков (БТ-7М) в составе войск Киевского округа на 1 июня 1941 г. была **201 единица** из общего числа **1486 танков БТ-7**. Еще **169 танков БТ-7М** было в составе соседнего Одесского округа, и, учитывая подвижность этого танка, быстрая передислокация на 470 км от Кишинева до Львова не могла считаться чем-то невозможным.

Итак, в категории «хороший легкий танк» советские войска на южном ТВД обладали **огромным количественным перевесом при некотором качественном превосходстве.**

Теперь о том, что мы назвали «танками огневой поддержки».

Как мы уже отмечали выше, для танкового соединения бой с себе подобными является и не единственным, и даже не самым главным видом боевой работы, а скорее «неизбежным злом». Соответственно, в практике конструирования танков предпринимались попытки разделить две основные задачи танка (борьба с танками противника и огневая поддержка своей пехоты) и создать специализированные танк-истребитель и танк

огневой поддержки — подобно тому как в авиации той эпохи существовало четкое разделение на самолет-бомбардировщик (задачей которого является уничтожение наземных сил противника) и самолет-истребитель (задачей которого является уничтожение самолетов противника).

Так, например, на базе танка Т-34 предполагалось (Постановление СНК СССР № 1216—506/сс от 5 мая 1941 г.) создать танк-истребитель, вооруженный длинноствольной 57-мм пушкой, способной пробивать броню в 80 мм на дистанции в 1 км. Серийное производство этого «истребителя» было быстро свернуто, ибо в ходе боевых действий выяснилось, что на вооружении вермахта просто нет танков с такой броней (впрочем, несколько десятков Т-34/57 приняли участие в битве за Москву).

А вот «танки огневой поддержки» длительное время выпускались серийно и у нас, и в Германии. Характерной отличительной особенностью этого класса танков являлись короткоствольные трехдюймовые пушки. Начальная скорость снаряда и, следовательно, бронепробиваемость этих орудий были весьма низкими (45-мм советская танковая пушка 20К превосходила по бронепробиваемости 75-мм немецкую пушку KwK-37 на всех дальностях!), зато на пехоту противника обрушивался «полновесный» трехдюймовый осколочно-фугасный снаряд.

В составе 1-й танковой группы вермахта было **100 танков** огневой поддержки Pz-IV — по двадцать танков в каждой дивизии. А на вооружении войск Киевского ОВО числилось **195** трехбашенных танков **Т-28** и **48** пятибашенных гигантов **Т-35**. Итого **243 танка**.

Несмотря на одинаковое функциональное предназначение, внешне это были очень разные боевые машины.

	Вес, т	Мощность двигателя, л.с.	Броня, мм лоб/борт	Скорость, км / час	Запас хода, км	Калибр пушки, мм	Габариты, м
Pz-IV	22	300	60/30	40	200	75	5,9 * 2,9 * 2,7
T-28	27,8	450	30/20	40	220	76	7,4 * 2,8 * 2,8

Советский трехбашенный танк Т-28 был значительно тяжелее и на целых 1,5 метра длиннее. Все это делало его весьма неповоротливым на поле боя по сравнению с немецким Pz-IV. В то же время для борьбы с пехотой противника наш Т-28 (благодаря наличию двух отдельных пулеметных башен) был вооружен гораздо лучше. Кроме того, некоторая часть Т-28 последних выпусков была вооружена длинноствольной 76-мм пушкой, «переводившей» его в разряд полноценных средних танков.

Не все просто и с бронезащитой. На первый взгляд немецкий Pz-IV имеет гораздо более толстую броню. При более тщательном анализе выясняется, что «четверки» серий А, В, С, D, Е, выпускавшиеся с 1938 г. по начало 1941 г., имели типичное противоположное бронирование: лоб — 30 мм, борт — 20 мм. В дальнейшем лобовая

броня корпуса была усилена 30-мм броневым листом (башня «четверки» по-прежнему имела лишь противопульное бронирование!). Но и наши Т-28 после кровавого опыта финской войны были экранированы дополнительной лобовой броней (до 60 или даже до 80 мм) и ничуть не уступали в этом отношении Pz-IV.

Широкие гусеницы советского танка обеспечивали ему и лучшую проходимость. Удельное давление на грунт у 28-тонного Т-28 было значительно меньше (0,72 против 1,03 кг/см кв), чем у более легкого немецкого Pz-IV.

В целом по всей совокупности тактико-технических характеристик эти танки примерно равноценны. Но советские историки упорно называли Pz-IV «тяжелым танком», а наличие на вооружении Красной Армии сотен танков Т-28 просто не замечали. А зря. В умелых руках это была очень даже «заметная» боевая машина. Генерал армии Д.Д. Лелюшенко в октябре 1941 г. принял командование 5-й армией, вступившей в бой с немецкими танковыми дивизиями на легендарном Бородинском поле под Москвой. В своих мемуарах он, как о большой удаче, вспоминает:

«...Послал на разведку майора А. Ефимова. Часа через полтора он с радостью доложил — есть 16 танков Т-28 без моторов, но с исправными пушками... Для нас это явилось просто находкой. Конечно, надо использовать эти танки как неподвижные огневые точки, зарыть в землю и поставить на направлении Бородино — Можайск, где враг нанесет главный танковый удар...»

Решение оказалось верным. Лелюшенко пишет:

«...уже четвертый танк в упор расстреливает из Т-28 сержант Серебряков... Противник пытался выйти в район Можайска, но был встречен огнем прямой наводкой из

наших вкопанных танков Т-28. Потеряв много техники, враг на короткое время остановился...» [22].

Вот такая у нас была история: 16 корпусов от Т-28 без моторов — это «просто находка», а состоявшие на вооружении РККА летом 1941 г. 292 исправных танка Т-28 (с моторами, разумеется) — это «мелочь», не заслуживающая даже упоминания...

Стоит ли после этого удивляться тому, что про 48 пятибашенных Т-35, состоявших на вооружении 67-го и 68-го танковых полков 34-й танковой дивизии 8-го мехкорпуса Юго-Западного фронта, наши «историки» даже и не вспоминали. Велика ли важность — полсотни стальных гигантов, превосходящих по совокупному числу танковых пушек (48 трехдюймовок и 96 стволов 45-мм пушек 20К) любую из танковых дивизий 1-й танковой группы вермахта! Споры нет, по всем показателям подвижности этот «сухопутный броненосец» уступал любому мотоциклу (в дальнейшем мы увидим, как командование Юго-Западного фронта гоняло 8-й мехкорпус, в том числе и его тяжелые танки, зигзагами в сотни километров). Но разве же виноват тяжелый танк в том, что его ТАК пытались использовать? А ведь даже будучи просто зарытыми в землю, 48 пятибашенных танков могли бы за считанные часы сформировать узел обороны, практически непреодолимый для пехоты и легких танков противника.

И, наконец, самое лучшее, что было на вооружении танковых дивизий вермахта летом 1941 г.: хорошие средние танки Pz-III серии H и J.

«Самое лучшие» — это не мнение дилетанта-автора, а заключение авторитетной государственной комиссии

(в составе 48 человек — инженеров, разведчиков, конструкторов, которая под предводительством наркома Тево-сяна трижды в 1939—1940 гг. объехала, облазила и, извиняюсь, обнюхала немецкие танковые заводы и из всего увиденного отобрала для закупки **только танк марки Pz-III**. И это не потому, что товарищ Сталин пожалел денег. На хорошее дело — на покупку или воровство западной военной технологии — Сталин денег не жалел. В той же Германии, под прикрытием договора о дружбе, были закуплены: «Мессершмитт-109» — пять штук, «Мессершмитт-110» — шесть штук, два «Юнкерса-88», два «Дорнье-215», один новейший экспериментальный «Мессершмитт-209» (у немцев, наверное, второго экземпляра просто не было, а то бы и его забрали), батарея 105-мм зениток, тяжелые 210-мм гаубицы, чертежи новейшего, самого крупного в мире линкора «Висмарк», специальные, не ржавеющие в морской воде 88-мм пушки для подводных лодок, шесть перископов, гидроакустическое оборудование, оптические дальномеры для морской артиллерии, 330-мм корабельные орудийные установки, танковые радиостанции, прицелы для бомбометания с пикирования, 4 комплекта приборов для баллистических испытаний артсистем, и т.д., и т.п.

И только один-единственный танк одного типа. Все остальные модели немецких танков, якобы «бесспорно имевших качественное превосходство над нашими танками», советских инженеров-разведчиков просто не заинтересовали.

«Самым лучшим» Pz-III серии H и J стал благодаря двум обстоятельствам: новой 50-мм пушке KwK-38 и лобовой броне корпуса толщиной 50 мм. Первоначально и серия H пошла в производство с обычной для немецких танков 30-мм лобовой броней, но потом на нее наварили спереди дополнительный 30-мм лист, таким образом в месте этой «нашлепки» броневая защита танка дошла до 60 мм. А это значит, что бронированный таким образом Pz-III превратился в танк с противоснарядным бронированием: наша 45-мм противотанковая (танковая) пушка если и могла пробить такую броню, то только на предельно малой дистанции в 100 м, что в бою не всегда возможно и всегда смертельно опасно.

Впрочем, не будем забывать, что танк на поле боя — это не трамвай на рельсах. При движении по пересеченной местности «тройке» трудно было не подставить под огонь свой высоченный борт и башню, защищенные 30-мм броней, которую (повторим это еще раз) все наши легкие танки и даже пушечные бронеавтомобили пробивали снарядом 45-мм пушки на километровой дальности. Так что утверждение о противоснарядном бронировании Pz-III серии H и J является достаточно натянутым.

Самых лучших не может быть много. По определению. Как было уже выше упомянуто, в 3-й Танковой Группе вермахта танков этого типа не было вовсе. На Западной Украине, в составе 1-й Танковой Группы танков Pz-III серии H и J **могло быть 255 штук**. Такая неопределенная формулировка — «могло быть» — связана с тем, что в известных автору источниках указано только количество «троек», вооруженных новой 50-мм пушкой. Вот таких танков в 1-й танковой группе было 255 единиц. Но этой пушкой были перевооружены и

танки Pz-III ранних серий (E,F,G) с 20—30-мм противопульной броней. Поэтому, предположив, что все 255 Pz-III с 50-мм пушкой имели противоснарядную лобовую броню, мы сильно завышаем качественный уровень немецких танковых дивизий, действовавших на южном ТВД.

В мехкорпусах Юго-Западного фронта к разряду **хороших средних танков** надо отнести **496 танков Т-34**. Еще 50 «тридцатьчетверок» было во 2МК Южного фронта под Кишиневом. Как видно, и в Красной Армии самых лучших было немного. Только **в два раза больше**, чем у немцев. Но и это очень много, если принять во внимание абсолютное превосходство в тактико-технических характеристиках.

	Вес, т	Мощность двигателя, л.с.	Броня, мм лоб/борт	Скорость, км/час	Запас хода, км
Pz-III J	21,6	300	50/30	40	145
Т-34	28,5	500, дизель	45/40	50	300

Решительно по всем основным показателям — подвижности, бронезащите, вооружению — Т-34 превосходил самый лучший на июнь 1941 г. немецкий танк Pz-III серии J.

Длинноствольная 76-мм пушка Ф-34 пробивала лобовую броню лучших немецких танков (Pz-III серии J, Pz-IV серии F) на дистанции в 1000—1200 метров. В то

время как НИ ОДИН танк вермахта не мог поразить «тридцатьчетверку» даже с 500 метров. Лишь при стрельбе на предельно малых дистанциях (100—300 метров) немецкая танковая 50-мм пушка KwK-38 теоретически могла пробивать бортовую броню Т-34.

Благодаря широким (550 мм) гусеницам Т-34, хотя и весил на 6—7 тонн больше самых тяжелых немецких танков, создавал удельное давление на грунт всего в 0,72 кг/см кв (против 0,9—1,0 кг/см кв у немецкого Pz-III). Отсюда — и более высокая проходимость по бездорожью, грязи и снегу.

И, наконец, главный «секрет» Т-34: компактный и очень мощный дизельный двигатель (Германия как начала, так и закончила войну на «легковоспламеняемых» танках с бензиновыми двигателями). Но дизельный мотор — это не только относительная пожаробезопасность. Это еще и низкий расход горючего, позволявший «тридцатьчетверке» проходить на одной заправке более 300 километров, что соответствовало расстоянию от Львова до Радома или Кракова. И в дополнение ко всему этому очень тяжелая (по немецким стандартам) машина развивала скорость большую, чем самый легкий и скоростной немецкий Pz-II.

Все эти рассуждения отнюдь не являются абстрактным теоретизированием. В мемуарах немецких «практиков» (генералов Гудериана, Блюментрита, Гота, Шнейдера) нетрудно найти множество свидетельств того шока, который испытал вермахт при встрече с новым советским танком:

«...в 1941 г. эти танки были самыми мощными из всех существовавших... танки Т-34 как ни в чем не бывало прошли через боевые порядки 7-й пехотной

дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия... наши противотанковые пушки оказались бессильными против русских танков Т-34... дело дошло до паники...»

Это — мемуары, так сказать, беллетристика. А вот и серьезный документ: «Инструкция для всех частей Восточного фронта по борьбе наших танков с русским Т-34». Выпущена 26 мая 1942 г. командованием мобильных войск (Schnellen Truppen) вермахта. Вот чем порадовало командование своих солдат:

«...Т-34 быстрее, более маневренный, имеет лучшую проходимость вне дорог, чем наши Pz-III и Pz-IV. Его броня сильнее. Пробивная способность его 7,62-см орудия превосходит наши 5-й и 7,5-й см орудия. Удачное расположение наклонных бронелистов увеличивает вероятность рикошета... Борьба с Т-34 нашей пушкой 5 см KwK 38 возможна только на коротких дистанциях стрельбой в бок или корму танка... необходимо стрелять так, чтобы снаряд был перпендикулярен поверхности брони...» [87].

Отличная инструкция. Совершенно точная и правдивая. Увы, в этой инструкции (вопреки хваленой немецкой пунктуальности) нет никаких указаний о том, как же привести ствол орудия немецкого танка в такое положение? Если под рукой нет тяжелого грузового вертолета, то остается только один способ: забраться на крутой холм (с углом ската не менее 40 градусов) и попросить экипаж советского танка подъехать поближе и повернуться задом...

Реальный шанс в борьбе с Т-34 имел только экипаж немецкого Pz-III, в боекомплекте которого были специальные подкалиберные бронебойные снаряды.

Такой снаряд имел достаточно сложную конструкцию, состоявшую из бронебойного сердечника и оболочки (так называемого «поддона»). При попадании снаряда в цель поддон, изготовленный из мягкой стали, сминался, а твердый остроголовый сердечник, изготовленный из карбида вольфрама, пробивал броню. Подкалиберный снаряд имел значительно меньший вес (по сравнению с обычным бронебойным) и, как следствие, существенно большую начальную скорость и бронепробиваемость. Так, 50-мм танковая пушка KwK 38 пробивала подкалиберным снарядом PzGr-40 броню в 96 мм на дистанции 100 метров и 58-мм — на дистанции в 500 метров. Даже жалкая 20-мм пушечка легкого немецкого танка Pz-II с расстояния в 100 м пробивала подкалиберным снарядом 49 мм брони.

Однако «и на Солнце есть пятна». Как танк Т-34 не был «чудо-оружием», так и подкалиберный снаряд не решал всех проблем противотанковой обороны, и отнюдь не случайно к концу войны он был снят с вооружения.

Первым и самым главным недостатком подкалиберных снарядов было их отсутствие. Карбид вольфрама — это дорогостоящая экзотика, и разбрасываться (в самом прямом смысле этого слова) дефицитнейшим легирующим элементом (вольфрамом), необходимым для производства специальных сталей, во время затяжной войны Германия не могла. Объем выпуска «вольфрамовых» снарядов составлял десятки, потом — единицы процентов от общего производства противотанковых боеприпасов, а в начале 1944 г. был вовсе прекращен.

Во-вторых, скорость, а следовательно, и бронепробиваемость снарядов малого веса и калибра

стремительно убывает с расстоянием. В аэродинамике это называется «закон куба-квadrата» (аэродинамическое сопротивление зависит от квадрата линейных размеров, а сила инерции — от куба, поэтому легкий снаряд малого калибра быстрее теряет свою первоначальную скорость, нежели тяжелый снаряд большего калибра). Применительно к подкалиберному снаряду действие этого закона значительно усугублялось большим аэродинамическим сопротивлением «поддона». Фактически стрельба подкалиберным снарядом была эффективна только на малых и средних дистанциях (не более 500 метров); на расстоянии в 1000 метров бронепробиваемость падала практически до нуля.

В-третьих, танк — это не воздушный шарик, который достаточно проткнуть иголкой. В борьбе с танком важен не сам факт появления сквозного отверстия в броне, а то, что называется «заброневым воздействием». Стандартные, «обычные» бронебойные снаряды имели разрывной заряд (120—155 г взрывчатого вещества в снаряде БР-350 к советской танковой 76-мм пушке), который осколками и взрывной волной поражал экипаж танка и вызывал воспламенение паров бензина. Подкалиберный же снаряд в принципе не мог нести разрывной заряд, а масса карбид-вольфрамового сердечника была относительно мала для того, чтобы создать мощную струю раскаленных микроосколков пробитой брони. Нанести танку серьезное повреждение он мог только в случае прямого попадания в какой-то особо уязвимый агрегат.

К этим общим недостаткам (можно их назвать словом «особенности») подкалиберных снарядов в случае стрельбы по танку Т-34 добавлялся еще один: характерная для всех остроконечных снарядов малого

диаметра и большого удлинения склонность к рикошету или «опрокидыванию» с последующим разрушением снаряда при встрече с броней под углами более 30—40 градусов. Большой угол наклона броневых листов корпуса Т-34 (40 градусов на бортах, 60 градусов на лобовом листе корпуса) делал Т-34 самой «неподходящей» мишенью для стрельбы подкалиберным снарядом. Наконец, паров бензина в танке с дизельным двигателем не могло быть по определению, так что зажечь «тридцатьчетверку» снарядом, не имеющим разрывного заряда, было особенно сложно.

Разработав танк с такими феноменальными (для начала 40-х годов) характеристиками, какими обладал новый советский средний танк Т-34, легко было бы впасть в «головокружение от успехов». Но не зря товарищ Сталин еще 5 мая 1941 г. предупреждал выпускников своих военных академий: *«...государства гибнут, если закрывают глаза на недочеты, увлекаются своими успехами, почивают на лаврах...»* [6, стр. 650].

Поэтому, отнюдь не успокоившись на постановке в серийное производство Т-34, в тот же самый день, 19 декабря 1939 г., тем же Постановлением № 443/сс на вооружение Красной Армии был принят **тяжелый танк КВ**.

Если Т-34 еще и можно, пусть и с очень большими натяжками, сравнивать с лучшим на момент начала советско-германской войны немецким танком Рз-III серии 3, то чудовищный 48-тонный монстр КВ вообще был несравним ни с одним немецким танком. Лобовая броня в 95 мм и бортовая в 75 мм делали его неуязвимым для любой немецкой танковой пушки. Форсированный дизель

В-2к развивал мощность в 600 л.с, что позволяло стальному гиганту двигаться по шоссе со скоростью, лишь немногим уступающей скорости легких немецких танков (35 км/час). Такая же, как и на Т-34, 76-мм пушка конструкции Грабина Ф-34 могла летом 1941 г. расстреливать любые немецкие танки, на любых дистанциях, под любыми ракурсами, как учебную мишень. Невероятно, но даже по проходимости тяжелый советский танк (при удельном давлении на грунт всего 0,77 кг/см кв) превосходил своих противников.

Треть всех танков КВ, выпущенных к началу июля 1941 г. (213 из 636), была вооружена 152-мм гаубицей (этот вариант назывался КВ-2). Примечательно, что, судя по военному дневнику Ф. Гальдера, немецкие генералы даже не поверили в возможность существования танка с таким вооружением. Зато у немецких солдат всякие сомнения пропали очень быстро. *«При появлении наших танков, особенно КВ, пехота бежит, да и танки боя не принимают... танки «КВ» приводили в смятение противника, и во всех случаях его танки отступали»* — это строки из отчета о боевых действиях 10-й танковой дивизии 15-го МК в июне 1941 г.

Разумеется, были недостатки (причем очень серьезные) и у танка КВ. Главной бедой 48-тонного гиганта была слабая и ненадежная трансмиссия. Только после того, как в конце 1942 г. была запущена в серию модификация КВ-1С с новой коробкой передач и сниженным до 42,5 тонны весом, у этого танка открылось «второе дыхание».

«Так вот почему немцы до Москвы дошли! — воскликнет догадливый читатель. — Трансмиссия на КВ была плохая!» Не будем спешить с выводами. Для того в

танковых частях кроме танков есть еще и командиры, чтобы каждая машина использовалась с учетом как сильных, так и слабых ее сторон. Разумеется, тяжелый танк не мог выдержать такие «кольцевые гонки», которые командование Юго-Западного фронта устроило своим мехкорпусам (в дальнейшем мы об этом поговорим подробнее). Там же, где КВ использовали с умом и по прямому назначению, он раскрывал свои огромные боевые возможности. О феноменальных достижениях КВ написано немало. Мы же здесь ограничимся лишь упоминанием о двух эпизодах из его славной боевой биографии.

Бывший командир 41-го танкового корпуса вермахта генерал Рейнгардт пишет:

«...с трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно. Русские же, напротив, вели результативный огонь. После долгого боя нам пришлось отступить, чтобы избежать полного разгрома. Русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду (легкий немецкий танк увяз, а тяжелый КВ приблизился! — М.С.). Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица... Артиллеристы открыли по танку огонь прямой наводкой и добились попадания — все равно что молния ударила. Танк остановился... Вдруг кто-то из расчета орудия истошно завопил: «Он опять поехал!» Действительно, танк ожил и начал приближаться к орудью. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы танка словно игрушку впечатали гаубицу в землю...»

19 августа 1941 г. экипаж танка KV № 864 под командованием старшего лейтенанта Зиновия Колобанова из состава 1-го танкового батальона 1-го танкового полка 1-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса (Ленинградский военный округ) затаился в засаде на дороге от Луги к Гатчине. Там и произошла встреча одного-единственного KV с колонной из сорока немецких танков. Когда этот беспримерный бой закончился, 22 немецких танка дымились в поле, а наш KV, получив 156 прямых попаданий вражеских снарядов, вернулся в расположение своей дивизии.

Разумеется, выдающиеся достижения лучших из лучших никогда не станут среднестатистической нормой. Именно поэтому автор вовсе не призывает умножить число тяжелых танков KV, состоявших на вооружении войск Юго-Западного фронта (а их там было **265 единиц**), на 22 и сравнить полученное число с общим количеством танков в 1-й танковой группе вермахта. На войне так не бывает. Да и такого количества (6116) исправных танков не было во всех частях вермахта от Бреста в Нормандии до Бреста в Белоруссии. Поэтому, подводя итоги этой главы, ограничимся только простым и достаточно обоснованным выводом: механизированные корпуса Юго-Западного фронта имели **многократное численное превосходство** в танках над 1-й танковой группой вермахта **при абсолютном превосходстве в качестве** бронетехники. При минимально-разумном управлении этой гигантской танковой ордой встречное танковое сражение на Западной Украине должно было закончиться лишь одним результатом — мехкорпуса Красной Армии должны были просто раздавить и размазать по стенке танковую группу Клейста.

Как таракана.

Практически так все и вышло. Только наоборот.

ИТОГИ

Прошло две недели с начала войны. Отгремело танковое сражение в «треугольнике» Луцк — Броды — Ровно. Закончился и повторный контрудар мехкорпусов 5-й армии. Войска немецкой Группы армий «Юг» прорвались в оперативную глубину обороны Юго-Западного фронта и стремительно приближались к так называемой «линии Сталина» (укрепрайонам на старой советско-польской границе). К вечеру 8 июля Новоград-Волынский укрепрайон был прорван на большей части его фронта, 3-й танковый корпус вермахта устремился на Житомир, а 48-й танковый корпус еще утром 8 июля захватил Бердичев, сорвав таким образом все планы советского командования на планомерный отвод разгромленных дивизий Ю-3. ф. за линию старой госграницы.

Вот в такой обстановке 7 июля 1941 г. был составлен следующий документ: «Доклад командующего войсками Юго-Западного фронта начальнику Генерального штаба Красной Армии о положении механизированных корпусов фронта» [29, стр. 82—83].

Документ по объему небольшой. Мы приведем его почти полностью. Для удобства читателя рядом с каждым географическим названием будет указано расстояние от западной границы, а рядом с цифрами остатка бронетехники в мехкорпусах будет указан процент потерь (по отношению к численности на начало войны). Кроме того, мехкорпуса будут перечислены в той последовательности, которая была принята нами во

второй главе, т.е. сначала мехкорпуса первого эшелона с севера на юг, затем два мехкорпуса резерва Юго-Западного фронта.

Данные по 16-му МК и 24-му МК, так и не принявшим участие в танковом сражении, будут пропущены.

Итак:

«Сов. секретно

Начальнику Генерального штаба Красной Армии

Докладываю о состоянии механизированных корпусов:

22-й механизированный корпус сосредоточен в районе Коростень (320 км), имея в своем составе 340 боевых машин. (52%)

15-й механизированный корпус сосредоточен в районе Березовка (300 км), имея в своем составе 66 боевых машин. (91%)

4-й механизированный корпус сосредоточен в районе Ив-ница (360 км), имея в своем составе 126 боевых машин. (87%)

8-й механизированный корпус сосредоточен в районе Ка-затин (380 км), имея в своем составе 43 боевые машины. (95%)

9-й механизированный корпус сосредоточен в районе Коростень (320 км), имея в своем составе 164 боевые машины. (48%)

19-й механизированный корпус сосредоточен в районе Корчевка (270 км), имея в своем составе 66 боевых машин. (85%)

В личном составе за период боев с 22.6.41 г. все корпуса имеют потери около 25—30%.

Военный совет Юго-Западного фронта полагает целесообразным... управления механизированных корпусов и танковых дивизий, корпусные и дивизионные части, а также танковые полки танковых дивизий и все тыловые учреждения отвести в районы Нежин, Прилуки, Пирятин, Яготин...» (это уже за Днепром, на 250 км к востоку от тех районов, в которых остатки мехкорпусов находились 7 июля. — М.С.).

Подписи: Кирпонос, Пуркаев, Хрущев.

Для начала — небольшое уточнение. На первый взгляд может показаться, что ситуация в 9-м МК и 22-м МК была значительно лучше средней. Они как будто потеряли «только» половину боевой техники.

Увы, эти цифры отражают всего лишь отсутствие у командования Ю-З. ф (которое уже 6 июля переместилось за Днепр, в Бровары под Киевом) достоверной информации о состоянии вверенных им частей. Уже через восемь дней, 15 июля 1941 г., в докладе начальника Автобронетанкового управления Ю-З. ф. «О состоянии и наличии материальной части мехкорпусов фронта» сообщалось, что в составе 22-го МК имеется всего лишь 30 танков (вместо 340), а в 9-м МК — 32 танка (вместо 164) [29, стр. 101]. Учитывая, что в течение этой недели мехкорпуса практически отводились из зоны боевых действий за Днепр, такое «сокращение численности», по всей вероятности, было связано не с

боевыми потерями, а просто с получением более достоверных отчетов.

Комментарии к этим докладам практически излишни. Это — разгром. Неслыханный, беспрецедентный разгром. Всего за две недели Юго-Западный фронт потерял **более четырех тысяч танков** (это больше, чем общее число танков вермахта **на всем Восточном фронте**).

Война без потерь не бывает. Но в чем же выражается **результат контрудара** мехкорпусов Юго-Западного фронта, за который они заплатили потерей 90% своего танкового парка? Авторы печально знаменитой 12-томной «Истории Второй мировой войны» рассказывают доверчивым читателям, что *«наступление гитлеровцев на направлении главного удара Группы армий «Юг» затормозилось... их основные силы оказались втянутыми в затяжные бои...»*.

Снова и снова повторим один и тот же вопрос — по сравнению с чем?

В мае 1940 г., сосредоточив мощнейший броневой кулак (девять танковых дивизий, 2574 танка) на 150-км участке от Льежа до Саарбрюккена, немцы прорвали оборону французской и бельгийской армий и за две недели, с 10 по 24 мая, вышли к Ла-Маншу, преодолев 300—350 км. Средний темп наступления — 26 км в день. Это советские историки любили называть и сейчас еще называют «триумфальным маршем вермахта по Западной Европе». Почему же прорыв 1-й танковой группы на 300—350 км в глубь Западной Украины за такие же две

недели летом 1941 г. должен называться «затяжными боями»?

По предвоенным планам Советского командования войска Юго-Западного фронта на 10—12-й день наступления должны были выйти на рубеж рек Висла и Дунаец, чему соответствует средний темп наступления в 10—12 км в день. Это — планы. А в реальности якобы «заторможенное» наступление немецкой Группы армий «Юг» в глубь Украины шло с темпом 20—25 км в день. И почему бы советским «историкам» не вспомнить, сколько дней (или месяцев) ушло на освобождение западных областей Украины в 1944 г.?

Уже 15 июля 1941 г. за подписью Жукова вышла Директива Ставки о расформировании мехкорпусов. Их короткая история на этом закончилась. А что же противник? Может быть, и от его танковых дивизий после этих «затяжных боев» остались одни только номера? Нет, история 1-й танковой группы вермахта еще только начиналась. Прорвав линию укрепрайонов на старой границе и выйдя к Киеву и Белой Церкви, немецкие танковые дивизии развернулись на 90 градусов и ринулись на юг Украины, в тыл беспорядочно отступающих войск 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта. В целях «укрепления руководства» Ставка 25 июля решила передать эти две армии Южному фронту. Пока большое начальство выясняло, кто за что отвечает, в первых числах августа обе армии (точнее сказать — их остатки) были окружены в районе Умани и сдались. В плен попало порядка ста тысяч человек, включая командующего 12-й армией генералмайора Понеделина и командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Музыченко.

Еще через месяц боев (к 4 сентября 1941 г.) безвозвратные потери 1-й танковой группы (1-й ТГр) вермахта составили **186 танков**, т.е. ОДНУ ДВАДЦАТУЮ от потерь Юго-Западного фронта за две первые недели войны. Кроме того, сотни танков были подбиты и временно вышли из строя, так что общее число боеготовых танков в 1-й ТГр сократилось в два раза — до 391 единицы [10, стр. 206].

В таком составе (по количеству боеготовых танков примерно соответствующем одной танковой дивизии Красной Армии) «стальная лавина» 1-й ТГр форсировала Днепр в районе Кременчуга (практически без боя, просто переехав через могучую реку по 1,5-км понтонным мостам) и 12 сентября 1941 г. устремилась на север, навстречу наступающей через реку Десна 2-й танковой группе. 15 сентября они соединились в районе Лубны — Лохвицы (170 км к востоку от Киева), окружив таким образом 21, 5, 37, 26 и 38-ю армии. В гигантском Киевском «мешке» в немецкий плен попало, по сводкам командования вермахта, более 600 тыс. человек. 20 сентября у села Шумейково близ г. Лохвицы погибли командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, начальник штаба фронта генерал-майор В.А.Тупиков и член Военного совета фронта М.А. Бурмистенко.

Не останавливаясь на достигнутом, танковая группа Клейста снова развернулась, на этот раз на 180 градусов, и практически без оперативной паузы 24 сентября начала наступление на юг, к Азовскому морю. Продвинувшись за 15 дней на 450 км, немцы окружили и взяли в плен в районе Мелитополя еще 100 тысяч человек, затем, развернувшись на 90 градусов, прошли еще 300 км на восток и к 21 ноября 1941 г. заняли

Таганрог и Ростов-на-Дону. Итого: более полутора тысяч километров пути (не считая неизбежного в ходе боевых действий маневрирования), по «противотанковым» советским дорогам, на танках с узкими гусеницами и малосильными бензиновыми моторами. Нужны ли другие доказательства того, что контрудар мехкорпусов Юго-Западного фронта в июне 1941 г. не только не привел к разгрому, но даже и не оказал сколь-нибудь заметного влияния на боеспособность танковой группы Клейста?

И все же в одном отношении ситуация на Юго-Западном фронте качественно отличалась от той, что сложилась в первые недели войны на Западном фронте. В Белоруссии немцы, наступая двумя танковыми группами от Бреста и Вильнюса на Минск, смогли окружить большую часть сил Красной Армии. Разгром войск на поле боя был дополнен погромом, произведенным Сталиным среди командования Западного фронта. В результате ни штабных документов, ни хорошо информированных свидетелей почти не осталось, и историку приходится восстанавливать картину событий почти так, как палеобиологи реконструируют скелет динозавра по паре окаменевших костей.

А на Украине события развивались иначе. На всем южном ТВД от Полесья до Черного моря в распоряжении командования вермахта была одна-единственная танковая группа, и провести крупную операцию по окружению советских войск в первые дни войны немцам не удалось. Даже потерявшие почти всю боевую технику советские дивизии смогли отойти на восток, сохранив командование, боевые знамена и документы. Да и

реакция Сталина на провал контрнаступления Юго-Западного фронта была непостижимо мягкой. Все командиры мехкорпусов Ю-З. ф., которым суждено было остаться в живых, пошли на повышение. Выше всех шагнул командир 9-го МК Рокоссовский, закончивший войну в должности командующего фронтом, в звании маршала и с двумя Золотыми Звездами Героя Советского Союза. Большое будущее, скорее всего, ждало и командира 4-го МК Власова. После расформирования мехкорпусов Власова назначают командующим самой мощной на Ю-З. ф. 37-й армией; после разгрома этой армии в Киевском «мешке» он успешно командует 20-й армией в битве за Москву, затем Сталин вручает ему 2-ю Ударную армию — и вот тут блистательная карьера оборвалась и покатила под гору, напрямик к виселице, на которой этот самый знаменитый предатель и закончил свои дни.

Стремительно взлетел по служебной лестнице и командир 8-го мехкорпуса Рябышев. После расформирования корпуса он командует 38-й армией, а с 30 августа 1941 г. уже Всем Южным фронтом! Освободившуюся должность командующего 38-й армией занял еще один бывший командир мехкорпуса — Н.В. Фекленко (19-й МК). Дослужились до маршальского звания и командир 1-й артиллерийской противотанковой бригады (ПТАВ) Юго-Западного фронта К.С. Москаленко, и начальник оперативного отдела штаба Ю-З. ф. И.Х. Ваграмян, и командир 20-й танковой дивизии (9-й МК) М.Е. Катук. В результате недостатка в мемуарной и научно-исторической литературе, описывающей июньские бои на Западной Украине, не наблюдается. Уцелели и многие ценнейшие документы, включая

доклады командиров танковых дивизий 4, 15, 19 и 22-го мехкорпусов.

Одним словом — есть с чем работать. Но прежде чем мы начнем подробный разбор реальных событий этого, второго в нашем изложении и самого мощного в действительности, «сталинского удара», разберемся с тем, чего на самом деле не было. Просто для того, чтобы больше к обсуждению этих мифов нам не возвращаться.

ПРО ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Как вы уже догадались, уважаемый читатель, речь опять-таки пойдет про могучую немецкую авиацию, сокрушительный «первый обезоруживающий удар» и прочие чудеса.

В части 1 мы пытались, но так и не нашли никаких подтверждений страшных рассказов про то, как *«при внезапном ударе советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей...»*. Ничего подобного на Западном фронте не наблюдалось. Но, может быть, В. Суворов имел в виду начало боевых действий на Западной Украине? Может быть, это в полосе Юго-Западного фронта *«советские разведывательные самолеты не смогли подняться в небо... Нашему циклопу выбили глаз. Наш циклоп слеп. Он машет стальными кулаками и ревет в бессильной ярости...»*

И кто же выбил глаз «циклопу»? Да и чем? В составе 5-го авиационного корпуса люфтваффе, действовавшего совместно с Группой армий «Юг» над Украиной, было семь бомбардировочных и пять истребительных авиагрупп. Всего (с учетом временно

неисправных самолетов) в их составе утром 22 июня 1941 г. было **247** «горизонтальных» бомбардировщиков (163 Ju-88 и 103 He-111) и **109 истребителей** «Мессершмитт-109» [24]. Ни одного пикировщика Ju-87 (этого горячо любимого всеми кинорежиссерами символа «блицкрига»), ни одного истребителя-бомбардировщика Me-110 над Юго-Западным фронтом не было. Из этого, в частности, следует, что возможности 5-го авиакорпуса люфтваффе для бомбометания по подвижным точечным целям (каковыми являются танки и бронемашины) были близки к нулю.

Немецкой авиации противостояли ВВС Юго-Западного фронта и два (2-й и 4-й) дальнебомбардировочных авиакорпуса, насчитывающие по меньшей мере **1180 бомбардировщиков** (без учета устаревших тяжелых ТБ-3) и **1174 истребителя** (в том числе **222 новейших** МиГ-3 и Як-1) [23, 190]. То есть даже по числу истребителей «новых типов» советские ВВС имели численное превосходство над противником в полтора раза! Преодолеть с ходу такое огромное численное превосходство немцы не смогли. Как ни старались и как ни помогал им в этом тот хаос, в который погрузилась вся система управления и связи Юго-Западного фронта. В результате у командования 5-го АК, которому предстояло весьма хилыми силами атаковать более **216 аэродромов**, которыми располагала западнее Днепра авиация Ю-З. фронта [16, стр. 492]. просто не было сил и средств для того, чтобы еще и гоняться за тысячами советских танков, бронемашин, тягачей и орудий. В результате развертывание мехкорпусов Юго-Западного фронта и их выдвижение в исходные для наступления районы

произошло почти без помех со стороны немецкой авиации.

С севера на юг, от Полесья до Карпат, реальная картина событий была такова [29, 61, 92]:

— **22-й МК.** Штаб корпуса, 19-я танковая и 215-я моторизованная дивизии перед войной дислоцировались в Ровно (примерно 150 км к востоку от границы). О потерях в первые часы войны ничего не известно. Передовая 41-я танковая дивизия находилась значительно западнее, в районе Владимир-Волынского (15 км от границы). Эта дивизия действительно понесла потери: *«В 4.00 22.6.41 обстреливалась дальним артогнем противника и в период отмотилизования имела потери 10 бойцов убитыми».*

— **15-й МК.** Район предвоенной дислокации: Броды — Кременец (100—135 км от границы). В 4 часа 45 минут получено извещение о переходе германскими войсками нашей госграницы, объявлена боевая тревога, вскрыт пакет с директивой штаба Киевского особого военного округа. Кстати, в отчете о боевых действиях 15-го мехкорпуса указана и дата утверждения оперативного плана: 31 мая 1941 г. (!!!) Дивизии корпуса стали выходить в районы сосредоточения согласно данной директиве. Единственное упоминание о потерях первого дня войны встречается в отчете командира 37-й танковой дивизии:

«...в конце дня 22.6.41 г. в районе сосредоточения части дивизии впервые подверглись бомбардировке авиации противника. Особенно сильно бомбили район сосредоточения 73-го танкового полка, так как последний был сосредоточен вблизи Бродского

аэродрома, однако потерь машин не было. Пулеметным обстрелом с воздуха было убито 2 человека...»

— **4-й МК.** Район предвоенной дислокации: Львов (80 км к западу от границы того времени). Этот мехкорпус пришел в движение раньше всех. Уже 20 июня 1941 года по боевой тревоге были подняты 8-я танковая и 81-я моторизованная дивизии, одновременно из Львовского лагерного сбора были отозваны зенитные артиллерийские дивизионы этих дивизий, которые получили приказ прикрыть с воздуха расположения наземных войск. 32-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся на восточной окраине Львова, была поднята по тревоге в 2 часа ночи 22 июня и начала выдвижение по улицам города в сторону Яворовского шоссе. Корпусной мотоциклетный полк покинул место основной дислокации еще раньше, так как уже в 9 часов 45 минут вступил в бой с переправившимися через реку Сан немцами у городка Ляцке, в 70 километрах к западу от Львова. Сведений о потерях на марше от бомбардировок противника нет.

— **8-й МК.** Район предвоенной дислокации: Дрогобыч — Стрый (70—100 км от границы). Уже 19 июня 1941 г. командир корпуса Д.И. Рябышев приказал вывести большую часть личного состава из казарм в Дрогобыче в район сосредоточения. 20 июня по распоряжению штаба Киевского Особого военного округа все танки, даже находившиеся на консервации, были полностью заправлены горючим и получили боекомплект. В 3 часа утра 22 июня из штаба армии поступило указание «быть в готовности и ждать приказа». В 10 часов утра поступил приказ, в соответствии с которым корпус был поднят по тревоге и

к исходу дня вышел к пограничной реке Сан западнее Самбора.

Ранним утром 22 июня немецкая авиация бомбила Дрогобыч, но, как прямо указывает в своих мемуарах комиссар корпуса (заместитель командира по политчасти) Попель, *«части корпуса от бомбежки почти не пострадали»*. В ходе марша в район развертывания один мотострелковый полк 7-й моторизованной дивизии попал под бомбовые удары авиации врага и потерял 70 человек убитыми и 120 ранеными. И это были **самые большие потери** 22 июня среди личного состава всех мехкорпусов Ю-3. ф.

Силы немецкой авиации на этом участке были настолько малочисленны, что, уже описывая обстановку второй половины дня 24 июня, Попель отмечает:

«...вражеская авиация стала явно пренебрегать нами. Самолеты равнодушно пролетали над нашими колоннами, сберегая свой боезапас для каких-то других целей...» [105].

Разумеется, дело тут не в «пренебрежении» (8-й МК по числу танков превосходил всю 1-ю ТГр вермахта), а в элементарной нехватке сил, самолетов, бомб.

Дабы читатель мог самостоятельно оценить, насколько такие потери от «первого обезоруживающего удара» могли снизить боеспособность мехкорпусов, укажем их численность:

22-й МК - 24 087,

15-й МК - 33 935,

4-й МК - 28 097,

8-й МК - 31 927 человек [3].

Это данные на 1 июня 1941 г. С учетом того, что с конца мая 1941 г. в стране полным ходом шла скрытая мобилизация, 22 июня численность личного состава указанных мехкорпусов, вероятно, была еще выше.

— **16-й МК.** Корпус входил в состав 12-й армии, растянувшейся на 350-километровом фронте в Карпатах, от Ужокского перевала до границы с Молдавией. В первые дни войны это был один из наиболее пассивных участков, на котором малочисленные венгерские части вели беспокоящие боевые действия с целью сковывания сил 12-й армии. Генерал Б. Арушанян (в те дни — начальник штаба 12-й армии) так прямо и пишет: *«22 июня 1941 г. активных действий против войск армии противник не предпринимал»*. Дивизии 16-го МК, развернутые в районе Станислав (Ивано-Франковск) — Черновцы — Каменец-Подольск, только утром 23 июня вступили в первые эпизодические стычки с противником.

— **9-й МК.** Корпус числился в резерве фронта и дислоцировался в глубоком тылу, в районе Шепетовка — Новоград — Волынский (220—250 км к западу от границы). Утром 22 июня 1941 г., действуя по предвоенному оперативному плану, корпус начал выдвижение на Ровно — Луцк. К.К. Рокоссовский в своих воспоминаниях пишет: *«Немецкая авиация появлялась довольно часто. Преимущественно это были бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, как ни странно, без сопровождения истребителей»* [111]. Странного в этом мало. Малочисленные истребители люфтваффе были связаны боями над приграничными аэродромами, к тому же и радиус действия немецких «мессеров» просто не позволял им патрулировать небо над Шепетовкой.

— **19-й МК.** Корпус числился в резерве фронта и дислоцировался в глубоком тылу, в районе Житомир — Бердичев — Казатин (350—380 км от границы). Воздействию противника в первый день войны не подвергся. Приказ о выдвигении в район Ровно поступил только вечером, в 18 часов 22 июня 1941 г. При совершении марша колонны 40-й танковой дивизии западнее г. Новоград-Волынский *«неоднократно подвергались воздушному нападению противника, в результате которых 2 человека было убито и 4 человека ранено».* Далее в отчете о боевых действиях 40-й тд 19-го мехкорпуса говорится, что 24—25 июня *«при движении дивизии в район Клевань противник неоднократно пытался атакой с воздуха приостановить движение дивизии... В результате бомбежки дивизия потерь не имела...».* 43-я танковая дивизия в ходе выдвигения к Ровно потерь от авиации противника (насколько можно судить по докладу командира о боевых действиях дивизии) не понесла.

Вот и все, что было на самом деле. Таким был в реальности «внезапный обезоруживающий удар немецкой авиации».

Здесь автор считает необходимым извиниться перед читателями. Разумеется, для семей красноармейцев, в дома которых пришли первые «похоронки», эти жертвы были величайшим в их жизни горем, а не «единичными потерями». Но военная история пишется на своем, достаточно специфичном, языке. И на этом языке итог первого дня войны может быть обозначен единственным образом: мехкорпуса вышли в указанные им исходные районы для наступления, **понеся ничтожно малые потери от ударов вражеской авиации.**

Никакого «первого обезоруживающего удара» не могло быть, и в реальности его не было.

Исписав горы бумаги о том, чего не было и быть не могло, советские «историки» извели другую гору бумаги на отрицание того, что на самом деле было. Речь идет о такой важнейшей составляющей подготовки к войне, как **мобилизация**. В каждой без исключения книжке было сказано, что «история отпустила нам мало времени», что наша армия могла быть «полностью готова к войне никак не раньше 1942 г.», а до этого нам надо было изо всех сил оттягивать, оттягивать и оттягивать военное столкновение с Германией...

Что оттягивать? Куда? Зачем?

Что такое «полная готовность к войне», автор даже и представить себе не может. И уж тем более не способен он понять — сколько лет или веков требуется для достижения этого загадочного состояния «полной готовности».

Совсем другое дело — мобилизация. Это перечень абсолютно конкретных мероприятий, которые поименно названные должностные лица должны были осуществить в установленные с точностью до дней и часов сроки. Воздержавшись от дальнейших дилетантских пояснений, приведем сразу же большую цитату из монографии генерала Владимирского — в те дни заместителя начальника оперативного отдела штаба 5-й армии, — знавшего по долгу службы о мобилизационных мероприятиях почти все (ключевые слова подчеркнуты автором):

*«...Мобилизационные планы во всех стрелковых соединениях и частях были отработаны. Они систематически проверялись вышестоящими штабами, уточнялись и исправлялись. Приписка к соединениям и частям личного состава, мехтранспорта, лошадей, обочно-вещевого имущества за счет ресурсов народного хозяйства **была в основном закончена...***

Стрелковым вооружением дивизии обеспечившись полностью, за исключением некоторых его видов (автоматов ППД, крупнокалиберных пулеметов)...

*Артиллерийским вооружением стрелковые дивизии **обеспечивались в основном полностью**, за исключением 37-мм зенитных пушек, комплект которых составлял 50 процентов. Укомплектованность корпусных артиллерийских полков материальной частью составляла 82 процента...*

Обеспеченность механизированным транспортом стрелковых дивизий составляла 40[^]50 процентов. Недостающие автомашины и тракторы планировалось пополнить ресурсами народного хозяйства восточных областей Украины...

*С 20 мая 1941 г. в целях переподготовки весь рядовой и сержантский состав запаса привлекался на 45-дневные учебные сборы при стрелковых дивизиях. Это позволило довести численность личного состава каждой стрелковой дивизии **до 12—12,5 тыс. человек, или до 85—90 процентов штатного состава военного времени...**»*

Надеюсь, вы помните, уважаемый читатель, сколько тысяч раз нам ввали про то, что «дивизии Красной Армии содержались по штатам мирного времени и к 22 июня были в два раза меньше немецких»? Вы помните, как

великий наш «маршал Победы» размышлял в своих воспоминаниях о том, что *«накануне войны в приграничных округах 19 дивизий были укомплектованы по 5—6 тысяч человек, а 144 дивизии имели численность по 8—9 тысяч человек»?*

Фактически же, по данным официальной коллективной монографии Генштаба «1941 год — уроки и выводы», в стрелковых дивизиях приграничных округов численность личного состава была доведена: **«21 дивизия — до 14 тыс. человек, 72 дивизии — до 12 тыс. человек и 6 стрелковых дивизий — до 11 тыс. человек»** [3, стр. 82].

Вернемся, однако, к книге Владимирского:

*«...Предусмотренный мобилизационными планами частей порядок отмобилизования в основном сводился к следующему. Каждая часть делилась на два мобилизационных эшелона. В первый мобилизационный эшелон включалось 80—85 процентов кадрового состава части... Срок готовности первого эшелона к выступлению в поход для выполнения боевой задачи был установлен **в 6 часов.***

*Второй мобилизационный эшелон части включал в себя 15—20 процентов кадрового состава, а также весь прибывавший по мобилизации приписной состав запаса. Срок готовности второму эшелону частей... был установлен: для соединений, дислоцированных в приграничной полосе, а также для войск ПВО и ВВС — **не позднее первого дня мобилизации**, а для всех остальных соединений — **через сутки...***

Всем соединениям и частям устанавливались укрытые от наблюдения с воздуха районы отмобилизования вне пунктов их дислокации, а также

определялся порядок выхода частей в эти районы и прикрытия их во время отмотилизования.

*По заключению комиссий штабов армии и округа, проверявших состояние мобилизационной готовности стрелковых соединений и частей в мае — июне 1941 г., **все стрелковые дивизии и корпусные части признавались готовыми к отмотилизованию в установленные сроки...**» [92].*

Итак, традиционная версия была такова: Красной Армии был нужен еще как минимум целый год для того, чтобы подготовиться к войне. Немцы не стали по-рыцарски ждать и напали на «не подготовленную к войне» армию.

В несколько более облагороженном варианте этот бред звучал так: для полного завершения мобилизационных мероприятий нужно было еще две-три недели, но быстрое продвижение вермахта в глубь страны сделало мобилизацию невозможной. Что и послужило причиной...

А на самом-то деле **скрытая мобилизация была уже практически ЗАВЕРШЕНА**. Стрелковые дивизии западных военных округов (т.е. основной костяк армии той эпохи и, заметим, главная сила в обороне!) практически закончили отмотилизование, и плановые сроки их готовности к ведению боевых действий исчислялись даже не днями, а ЧАСАМИ. Небольшой «довесок» (второй мобилизационный эшелон) мог быть приведен в полную готовность всего лишь за один-два дня. Каким же образом «внезапное нападение» немцев могло лишиться Красную Армию этих считанных часов? Разве СССР по своим размерам был похож на Люксембург или Данию, которые вермахт занял за один день? Важно

отметить и то, что накануне войны никаких сомнений в реальности указанных сроков доукомплектования и приведения частей в полную боевую готовность у нашего командования не было.

Основные виды стрелкового и артиллерийского вооружения уже были в частях (см. выше). Отнюдь не предвещала катастрофу и отмеченная Владимирским нехватка 50% штатной численности транспортных средств.

Дело в том, что сами «штатные численности», предусмотренные сталинскими планами подготовки к Вольшой Войне, были огромны. Так, в гаубичном полку (36 гаубиц) стрелковой дивизии РККА по штатному расписанию апреля 1941 г. планировалось иметь 73 трактора (т.е. **два тягача на одну гаубицу**), 90 грузовых и 3 легковые автомашины. Причем два тягача на одно орудие — это двукратное резервирование средств мехтяги, а вовсе не свидетельство непомерного веса артсистем. 122-мм гаубица носила порядка 2,5 тонны, 152-мм гаубица — 4,2 тонны.

Для буксировки дивизионных гаубиц предназначались трактора производства Сталинградского и Челябинского вводов (СТЗ-3, СТЗ-5, С-60, С-65). Это именно то транспортное средство, которое в любой дождь и снег могло передвигаться по российским грунтовым дорогам. Трактора обеспечивали скорость буксировки орудий по пересеченной местности в 10—15 км/час — вполне достаточную для стрелковой (т.е. пехотной) дивизии, где от артиллерии требовалось лишь не отставать от идущих пешком солдат. В любом случае, противник о 72 гусеничных тягачах в артиллерийском полку даже и не мечтал. В единственном артиллерийском

полку пехотной дивизии вермахта все артсистемы (включая 150-мм гаубицы) таскали шестеркой лошадей.

В реальности к началу войны на вооружении войск Киевского округа было 2389 гаубиц (1277 калибра 122-мм и 1112 калибра 152-мм) [29, стр. 97]. В скобках заметим, что для полного укомплектования по штатным нормам всех дивизий округа (2 стрелковые, 16 танковых, 8 моторизованных) требовалось 2016 гаубиц. А исправных тракторов в артиллерии округа (не считая тракторов, состоявших на вооружении механизированных соединений!) было 2239 единиц [152, стр. 83]. Как нетрудно убедиться, **количество средств мехтяги почти равно численности объектов буксировки.** Кроме того, в артиллерии округа был еще и 161 специализированный тягач («Коминтерн», «Ворошиловец», «Коммунар»), предназначенный для буксировки тяжелых орудий.

В отдельном противотанковом дивизионе стрелковой дивизии Красной Армии по штатному расписанию на 8 пушек калибра 45 мм приходилось 24 автомашины и 21 тягач (в противотанковом дивизионе моторизованной дивизии — 27 тягачей на 18 пушек). Причем в качестве тягача использовался бронированный гусеничный «Комсомолец» — созданный на базе узлов и агрегатов легкого танка Т-38. вооруженный пулеметом в шаровой установке и в целом соответствующий по боевым возможностям немецкой танкетке Pz-I, которую все советские историки неизменно зачисляли в разряд «танков». К июлю 1941 г. было выпущено 7780 и передано в войска 6700 таких «Комсомольцев» [148]. В войсках Киевского ОВО числилось 1088 исправных «Комсомольцев», т.е. в среднем по 27 тягачей на каждый противотанковый дивизион. Одним словом — слухи о

«катастрофической нехватке средств мехтяги» в артиллерии Красной Армии сильно преувеличены.

Значительно хуже обстояли дела с мобилизационной готовностью механизированных корпусов. Оно и понятно. Во-первых, мехкорпус уже по определению требует огромного количества «механизмов», в том числе автомашин и тракторов (гусеничных тягачей), значительная часть которых по плану должна была работать в народном хозяйстве вплоть до дня объявления открытой мобилизации. Во-вторых, сталинская гигантомания, вследствие которой почти одновременно формировалось 29 мехкорпусов по тысяче танков в каждом, превысила реальные возможности экономики страны.

Признав все это, не будем опять-таки спешить с выводами, а лучше приступим к изучению конкретных фактов, взятых все из той же монографии Владимирского:

«22, 9 и 19-й механизированные корпуса формировались с апреля 1941 г. на базе бывших танковых бригад и к началу войны находились еще в стадии организации... Располагая относительно большей численностью личного состава (танковая дивизия — 9 тыс. человек, или 80 процентов, моторизованная дивизия — 10,2 тыс. человек, или 90 процентов штатов военного времени), механизированные соединения имели некомплект начальствующего и сержантского состава (40—50 процентов)... Особенно неблагоприятно обстояло дело с укомплектованностью частей командирами танков и танковых подразделений, а также механиками-водителями и другими специалистами...»

Не следует, правда, забывать, о **каких корпусах** пишет Владимирский. По предвоенным планам командования советских бронетанковых войск 19-й МК даже не входил в число девятнадцати «боевых мехкорпусов» и формировался по сокращенным штатам, а 22-й и 9-й МК должны были завершить формирование лишь в 1942 г. Отсутствие штатного количества командиров танков и механиков-водителей вполне «уравновешивалось» отсутствием штатного количества танков. Так, в 22-м МК было 712 танков (69%), в 9-м МК - 316 танков (31%), в 19 МК - 453 танка (44%).

Все познается в сравнении. Вермахт, численность которого с осени 1940 г. начали лихорадочно наращивать, испытывал те же самые проблемы:

«...в танковых и моторизованных дивизиях кадровые офицеры составляли 50% командного состава, в пехотных дивизиях — от 35 до 10%... Остальные были резервистами, чья профессиональная подготовка была значительно ниже...» [189, стр. 72]. Лишь в писаниях советских пропагандистов существовал пресловутый «двухлетний опыт ведения современной войны». Из пяти танковых дивизий 1-й танковой группы вермахта

- в польской кампании не участвовала **ни одна**,
- во вторжении во Францию участвовали **только две** (9-я тд и 11-я тд),
- 14-я тд успела до «Барбароссы» повоевать одну неделю в Югославии,
- 13-я и 16-я тд (созданные в октябре 1940 г. на базе пехотных дивизий) до 22 июня 1941 г. вообще **не принимали какого-либо участия в боевых действиях.**

Ситуация в ударных 4-го, 8-го и 15-го МК была значительно лучше. В частности, дивизии 15-го МК перед войной были укомплектованы рядовым составом на 94—100%, младшим командным составом — на 45—75%, старшими командирами — на 50—87%, причем некомплект командного состава в основном объяснялся нехваткой политработников и административно-хозяйственного персонала. 8-й МК еще до призыва приписного состава под видом «больших учебных сборов» в июне 1941 г. был укомплектован личным составом на 89%, его артиллерийские полки имели на вооружении 88% от штатной численности орудий, противотанковых 45-мм пушек было даже больше «нормы» (49 вместо 36). В этих трех мехкорпусах еще до объявления открытой мобилизации числилось по 2—3 тыс. автомобилей, от 165 (15-й МК) до 359 (8-й МК) тракторов и тягачей. И хотя до штатной укомплектованности (5165 автомобилей, что означает 1 автомобиль на 6 человек личного состава мехкорпуса, включая танкистов) было еще далеко, едва ли можно согласиться с теми авторами, которые заявляют, что *«так называемые механизированные корпуса представляли собой обычную пехоту с танковым усилением...»*.

В целом во всей Красной Армии сложилась следующая ситуация. В феврале 1941 г. в войсках уже числилось **34 тыс. тракторов** (гусеничных тягачей), **201 тыс. грузовых и специальных, 12,6 тыс. легковых** автомашин [16, стр. 622]. Разумеется, в феврале 1941 года оснащение Красной Армии военной техникой отнюдь не завершилось. Заводы работали в три смены, и военный заказ 1941 г. составлял 13 150 тягачей и тракторов [16, стр. 617]. Количество автомобилей в Красной Армии к июню 1941 г. выросло до 273 тысяч [2,

стр. 363]. Наконец, 23 июня была объявлена открытая мобилизация, и, несмотря на весь хаос и неразбериху катастрофического начала войны, уже к 1 июля 1941 г. из народного хозяйства в Красную Армию было передано еще **31,5 тыс. тракторов и 234 тыс. автомобилей** [3, стр. 115]. В среднем на каждую из 303 советских дивизий (всех типов, по всем округам) теоретически приходилось ;Жпо 220 тракторов и 1670 автомобилей;;Ж. На одну дивизию. В среднем. Это значит, что в дивизиях западных приграничных округов техники должно было бы быть раза в два больше — не в Сибирский же округ отправляли мобилизованные автомобили и трактора...

Вот тут бы нам и порадоваться огромным достижениям сталинской индустриализации, но радоваться-то на самом деле нечему. Открываем отчеты командиров советских корпусов и дивизий и практически в каждом читаем: *«Материальная часть, предусмотренная мобпланом, по мобилизации не прибыла»*. Как это? А куда же тогда прибыли эти самые *«234 тысячи автомобилей и свыше 31,5 тысячи тракторов»*???

Рокоссовский (в те дни — командир 9-го МК) пишет, что личный состав мотострелковых полков и дивизий корпуса, оказавшихся в начале войны и без лошадей, и без машин, должен был в буквальном смысле слова на своих плечах нести минометы, ручные и станковые пулеметы, боеприпасы, в результате чего «совершенно выбивался из сил и терял всякую боеспособность». Как же так вышло, что дивизиям механизированного корпуса не досталось ни 1700, ни даже 170 автомашин из числа мобилизованных в первую неделю войны?

А вот доклад командира 10-й тд (15-го МК):

«...приписных машин из народного хозяйства согласно мобилизационному плану должно было поступить к исходу М-2 (т.е. второго дня мобилизации): «ГАЗ-АА» — 188 и «ЗИС-5»—194. Ни одной машины из этого числа ни в М-2, ни в один из последующих дней дивизия не получила...»

«От командира 2-й ПТАБ полковника М. И. Неделина поступило донесение, что трактора из народного хозяйства он еще не получил и двинуть к границе сможет лишь один дивизион» — это строки из воспоминаний маршала Баграмяна [110].

Нет, не случайно Неделину в дальнейшем предстояло стать командующим Ракетными войсками стратегического назначения СССР: он все-таки смог даже в этой обстановке всеобщего хаоса вывести целый артиллерийский дивизион (12 противотанковых пушек). А вот 5-я ПТАВ, как пишет Владимирский, даже к 29 июня (на седьмой день войны!) *«из-за отсутствия тягачей оставалась в Новограде-Волынском»* (250 км к востоку от границы). Точно такая же ситуация сложилась со всеми остальными ПТАБами, на всех фронтах. Ни одна бригада — кроме 1-й ПТАБ Москаленко — не выполнила своей задачи в борьбе с вражескими танками, и все советские историки в один голос во всех своих книжках называют одну и ту же причину — отсутствие мехтяги. Как это? Куда же делась вся техника — и та, что уже 22 июня была в частях, и та, которую мобилизовали в первые дни? .

Все это, скажет иной читатель, отдельные частные недостатки. Извольте, вот вам и обобщенная картина:

«...крайне плохо проходила поставка по мобилизации механизированного транспорта... На

сдаточных пунктах скопились тысячи автомобилей и тракторов, нуждавшихся в ремонте. Были случаи, когда автомобили на сдаточные пункты военкоматов прибывали без горючего или из-за отсутствия его в хозяйствах вовсе не прибывали... Так, из МВО (т.е. из центрального, столичного округа. — М.С.) в ЗапОВО не удалось отправить своим ходом автомобили, на третьи сутки мобилизации была отправлена только четверть автомобилей... зачастую из-за большой спешки автомобильный транспорт грузился в эшелоны и отправлялся на фронт без водителей и горючего... 1320 эшелонов (50 347 вагонов) с автомобилями простаива/ш на железных дорогах...» [3]

Генерал Владимирский называет и некоторые причины странного хода мобилизации:

*«...Вечером 26 июня Военный совет 5-й армии заслушал доклад о ходе отмобилизации войск и тыловых органов 5-й армии. Было установлено, что отмобилизация войск и тылов армии, которое по мобплану должно было быть завершено в 24.00 25 июня, то есть на третий день мобилизации, объявленной с 00 часов 23 июня, фактически было сорвано... Основная масса рядового состава запаса — уроженцев западных (т.е. оккупированных в сентябре 1939 г. в ходе «освободительного похода» в Польшу. — М.С.) областей Украины — либо не успела явиться в части, либо **уклоилась от явки по мобилизации...** Немногочисленный автотранспорт местных предприятий в войска не поступил, так как **был использован для эвакуации на восток семей советских служащих и рабочих...**»*

Какая прелесть... Семьи РАБОЧИХ с комфортом, в автомобилях, загрузив свои домашние вещи (и фикус в придачу), едут в тыл. Может быть, те, кто родился и вырос где-нибудь в Новой Зеландии, могут в такое поверить...

Столь неожиданный и обескураживающий срыв мобилизации резервистов Владимирский объясняет *«психологическим воздействием внезапного нападения противника на настроения местного населения, быстрой передвижкой линии фронта к востоку и подрывной деятельностью вражеской агентуры на нашей территории»*.

Но и это еще не все: *«Командный и технический состав запаса, мехтранспорт и водительский состав, приписанный из **ВОСТОЧНЫХ** (т.е. находившихся под властью большевиков с 1919 г. — М.С.) областей, также не прибыли в армию...»* Вот эту информацию генерал Владимирский уже никак не стал комментировать...

В завершение главы еще раз подчеркнем главное. Красная Армия вовсе не была безоружной. В ходе скрытой предвоенной мобилизации она уже получила огромное, значительно большее, чем у противника, количество людей, пушек, танков и тракторов. Срыв планов открытой мобилизации ослабил ее боевые возможности, но отнюдь не свел их к нулю.

И тем не менее первый удар погребального колокола уже прозвучал. Хваленый сталинский «порядок» в первые же часы встречи с настоящим, вооруженным противником обернулся беспримерным хаосом и анархией. Цельный в теории армейский

механизм начал рассыпаться на отдельные «шестеренки» прежде, чем были сделаны первые выстрелы.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Теперь, закончив со всеми необходимыми пояснениями, отступлениями, справками, перейдем к самому простому — к описанию хода боевых действий.

Как было выше отмечено, Директива № 3 заметно отличалась от предвоенных планов Юго-Западного фронта. С одной стороны, объем поставленных задач сократился — из двух оперативных направлений (на Люблин и на Краков) осталось только одно. С другой стороны, на взаимодействие с левым флангом Западного фронта (а именно эта идея двустороннего охвата люблинской группировки немцев смежными флангами Юго-Западного и Западного фронтов неизменно присутствовала во всех предвоенных планах) рассчитывать уже не приходилось. 4-я армия Западного фронта в районе Брест — Кобрин была буквально сметена ударом самой мощной 2-й танковой группы вермахта, начала беспорядочный отход, и об участии ее в каких-то наступательных действиях совместно с 5-й армией Юго-Западного фронта не могло быть и речи. Следовательно, второе, северное, острие «танковых клещей», которые должны были сомкнуться в районе Люблина за спиной наступающей на Луцк — Броды группировки противника, предстояло создать на ходу, из тех весьма ограниченных сил, которыми располагала 5-я армия. Но к ночи с 22 на 23 июня (когда, как следует из мемуаров маршала Баграмяна, была получена и расшифрована Директива № 3) ситуация на фронте 5-й армии значительно обострилась.

Немецкое командование, решительно и смело концентрируя силы на направлении главного удара, сосредоточило на 70-километровом участке границы от Владимир-Волынского до Крыстынополя (ныне Червоноград) семь пехотных дивизий. Все мосты через пограничный Буг, охраняемые войсками НКВД, были захвачены немцами в целостности и сохранности. В отчете штаба 1-й ТГр вермахта отмечалось:

«...важнейший мост у Сокаль захвачен неповрежденным. Переправа через р. Буг проходила спокойно. Пехота забралась на высоты восточнее Буга, не встретив при этом никакого сопротивления...» [40, стр. 227].

К вечеру 22 июня немецкая пехота, форсировав Буг, отбросила от границы и частично окружила две стрелковые дивизии 5-й армии. На захваченный плацдарм переправились две танковые дивизии, которые перешли в наступление: 14-я танковая на Луцк, 11-я танковая — на Радехов (см. Карта № 4). Героическая борьба нескольких гарнизонов Владимир-Волынского и Струмиловского укрепрайонов (по рассказам местных жителей, некоторые доты вели огонь вплоть до конца июня) не могла, к сожалению, изменить общую оперативную обстановку.

Единственным ударным соединением, которым располагало в этом районе командование 5-й армии, была 41-я танковая дивизия из состава 22-го МК. По числу танков 41-я тд превосходила обе немецкие танковые дивизии, вместе взятые. Но командир 41-й тд, вскрыв утром 22 июня «красный пакет», обнаружил там приказ на марш из Владимир-Волынского на север, в район Любомль — Ковель. Приказ был выполнен, в

результате чего 41-я тд буквально «распахнула двери» перед наступающей на Владимир-Волынский 14-й танковой дивизией вермахта. В скобках заметим, что «красный пакет» совершенно определенно выводил 41-ю танковую дивизию в исходный район для наступления на Люблин, что может служить еще одним подтверждением того, что такое наступление готовилось задолго до начала войны.

Казалось бы, в сложившейся ситуации у командования 5-й армией было два варианта использования 41-й тд: ее можно было бросить в наступление на Люблин (во исполнение Директивы № 3) и ее можно было вернуть назад и использовать для контрудара во фланг наступающей вдоль шоссе на Луцк главной группировки противника. Но ни то ни другое не было реализовано. Помешала, как это ни странно, наша разведывательная авиация, по поводу «уничтожения» которой в первые же часы войны горестно сокрушались советские историки (и, как это ни парадоксально, В. Суворов).

Авиация, однако, не «уничтожилась». Она летала, ее было много (315-й и 316-й разведывательные авиаполки, 62 исправных самолета, в том числе 38 новейших скоростных разведчиков Як-4), и она доложила штабам 5-й армии и фронта, что от Бреста на Ковель, через леса и болота Полесья, движутся несметные вражеские полчища. Как пишет Баграмян [110], состав этой несуществующей в природе группировки оценивался тогда в **две тысячи танков** (и это при том, что ни в одной танковой группе вермахта фактически не было и одной тысячи танков). К сожалению, разведка 5-й армии в течение четырех дней (!!!) не смогла прояснить обстановку, т.е. сесть на мотоцикл и за два часа проехать

140 км по автостраде от Ковеля до пригородов Бреста (в сам Брест, захваченный в первый же день войны немцами, заезжать уже не следовало). Только утром 27 июня в разведсводке штаба Ю-З. ф. № 7 появилось, наконец, признание того, что *«сведения о действии крупных мотомеханизированных частей с направления Брест на Ковель не подтвердились»* [29, стр. 37]. Все это привело к тому, что не только 41-я тд, но и еще одна дивизия 22-го МК (215-я моторизованная) ушла по маршруту Ровно — Луцк — Ковель в леса и болота Полесья, навстречу мифическим танкам противника.

Вот так и получилось, что на пути наступающей вдоль шоссе на Луцк 14-й тд вермахта оказалась одна только 1-я противотанковая артиллерийская бригада под командованием К.С. Москаленко. Она и спасла положение. Несмотря на то что 1-я ПТАБ вступила в бой в самом невыгодном положении — с ходу в движении, на случайных огневых позициях, не замаскировав орудия, — мужество бойцов и командиров, великолепная выучка и подготовка артиллерийских расчетов, воинский талант командира бригады оказались сильнее вражеских танков. Сказалось и отсутствие у немецких командиров опыта ведения танкового боя — 14-я тд была сформирована в октябре 1940 г. на базе 4-й **пехотной** дивизии, и в ее «послужном списке» числилось лишь бесславное вторжение в Югославию в апреле 41-го.

Отдавая должное героизму солдат, отметим, правды ради, и качество советского вооружения. Мощнейшие орудия (76-мм и 85-мм пушки), которыми была оснащена бригада, пробивали броню любых немецких танков.

В оперативной сводке 5-й армии № 9 содержалось сообщение о том, что *«в период с 23 по 27 июня 1-я*

ПТАБ уничтожила и подбила около 150 танков противника» [75, стр. 40]. Цифра эта, разумеется, во много раз преувеличена—к началу августа 1941 г. безвозвратные потери 14-й тд вермахта составили всего 27 танков (6 Pz-IV, 17 Pz-III, 4 Pz-II), и еще 18 танков числились временно неисправными [10, стр. 206]. Но то, что вместо победного марша по автостраде на Луцк немецким танкам пришлось три дня прорываться с большими потерями через линию обороны 1-й ПТАБ, не вызывает никаких сомнений.

К сожалению, на радеховском направлении не нашлось другой такой бригады (хотя в составе Ю-3. ф. числилось четыре ПТАБ), "а главное — не нашлось другого такого Москаленко. К исходу дня 22 июня немецкая 11 -я танковая дивизия передовыми частями вышла в район Радехова (35 км от границы).

Южнее, в полосе от Рава-Русской до Перемышля (сейчас этот город снова в Польше, и на карте он обозначен как Пшемысль), немецкая пехота с переменным успехом пыталась отбросить от границы части 6-й и 26-й армий. *«На остальных участках 26-й армии положение не вызывало тревоги, — пишет в своих мемуарах Баграмян, — и совсем спокойно было в полосе 12-й армии, занимавшей оборону в Карпатах и Буковине».*

Такова была общая обстановка на Юго-Западном фронте в те часы, когда в ночь с 22 на 23 июня на командном пункте Ю-3. ф. в Тернополе собрались на совещание генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос (командующий фронтом), генерал-лейтенант Максим Алексеевич Пуркаев (начальник штаба фронта), корпусной комиссар Николай Николаевич Вашугин

(должность его называлась «член Военного совета фронта», но мы в дальнейшем будем называть его просто и понятно — комиссар), а также прибывшие в качестве полномочных представителей Ставки генерал армии, начальник Генерального штаба РККА Георгий Константинович Жуков и первый секретарь ЦК КП(б) Украины, будущий глава ядерной сверхдержавы Никита Сергеевич Хрущев.

Этой команде предстояло принять историческое решение. Огромные силы, собранные на Юго-Западном фронте, исключительно выгодное очертание границы (при котором львовская группировка советских войск нависала над глубокими тылами противника), надежно прикрытые болотами Полесья и Карпатскими горами фланги фронта — все это позволяло ставить задачу на окружение и полный разгром вражеской Группы армий «Юг». А такой поворот событий развалил бы немцам весь план «блицкрига», неизбежно заставил бы их снимать войска с главного оперативного направления Минск — Смоленск — Москва. Одним словом, история изменила бы течение свое...

Из мемуаров присутствовавшего на этом совещании Баграмяна (в то время — начальника оперативного отдела штаба фронта) известно, что Пуркаев и Вашугин высказали прямо противоположные мнения. Начальник штаба считал, что необходимо отвести войска на восток, на линию укрепрайонов за старой советско-польской границей, и только после этого, стабилизировав фронт обороны, перейти в наступление.

Комиссар фронта потребовал незамедлительно приступить к выполнению Директивы Ставки о переходе в контрнаступление.

Автор, сидя в мягком кресле перед компьютером, не считает себя вправе рассуждать о том, кто из них был прав. Тем более что оба они были правы, причем именно **по-своему** правы.

Начальник штаба, как никто другой, понимал, что для полного отмотобилизования войск (т.е. призыва приписного состава, мобилизации автотранспорта из народного хозяйства, развертывания тылов) фронту по предвоенным планам нужно еще три-четыре дня. Противник же ждать не будет, и его наступление может сорвать организованное отмотобилизование — вот почему лучше отойти самим на заранее подготовленный мощный оборонительный рубеж и уже за ним изготовиться для нанесения решительного контрудара.

Комиссар лучше других знал, сколько тысяч раз красноармейцам внушали, что Красная Армия будет «самой нападающей из всех армий», что она будет громить врага «на чужой земле» и т.д. Отход с первых дней войны, да еще и отход на глубину в 200—250 км, мог самым негативным образом сказаться на боевом духе войск — а это ничуть не менее опасно, нежели нехватка тракторов и грузовиков. К тому же в предложении Пуркаева был и весьма дурной политический подтекст — поспешный отход с «освобожденных» в сентябре 1939 г. территорий выглядел бы косвенным признанием неправомерности их захвата. Допустить такое комиссар не мог. И по-своему он был, конечно, прав.

Армия держится на единоначалии. Для того и есть на фронте командующий, чтобы, собрав воедино все разумное в предложениях своих подчиненных, принять единственное, обязательное для всех решение. А в той

ситуации, что сложилась на Юго-Западном фронте, соединить противоположное было не так уж сложно.

«Счастье на стороне больших батальонов», — говаривал Наполеон. «Бог войны не любит талантливых авантюристов, он любит крупные армии», — писал полтора столетия спустя американский военный историк Тейлор.

И вот в этом смысле Жукову и Кирпоносу несказанно повезло. В распоряжении командования Ю-З. ф. было достаточно сил и для того, чтобы **перейти к упорной обороне** в полосе 5-й армии, и для нанесения **сокрушительного удара** силами «трех богатырей» (15, 4 и 8-м мехкорпусами) в направлении Львов — Люблин, во фланг и тыл всей наступающей на фронте Луцк — Радехов группировки противника.

На столе перед генералами лежала карта. С тем самым очертанием «границы обоюдных государственных интересов на территории бывшего Польского государства», которую 28 сентября 1939 г., при подписании Договора о дружбе и границе с фашистской Германией, Сталин подписал аж в двух местах. И теперь, в ночь на 23 июня 1941 г., Жуков имел все основания поднять граненый стакан с чаем за мудрость и гениальную прозорливость товарища Сталина. Еще не сделав ни одного выстрела, мехкорпуса Юго-Западного фронта уже развертывались фактически в тылу немецких войск, а их передовые части уже стояли на 50—80 км западнее города Замостье, в котором находился штаб немецкой Группы армий «Юг».

Ударная группировка из трех мехкорпусов (15, 4, 8-го МК) насчитывала в своем составе **более двух с половиной тысяч танков, в том числе 720 танков**

Т-34 и КВ, неуязвимых для 37-мм противотанковых пушек немецких пехотных дивизий. Наступлением во фланг и тыл основных сил Группы армий «Юг», развернутых перед войной в районе Замостье — Люблин, советское командование с первых же дней войны могло навязать противнику свою волю, заставить его поспешно менять отработанные планы, перегруппировывать войска, терять время и инициативу. Как минимум.

Как максимум можно было окружить и разгромить 6-ю немецкую армию, не дожидаясь выхода этой армии к Сталинграду летом 1942 г. К наступлению на Люблин войска Киевского ОВО готовились самое малое полгода. Маршруты, рубежи, возможные контрмеры противника — все это было командным составом изучено и проработано. Наконец, такое наступление сделало бы абсолютно бесцельным и прорыв немецких танковых дивизий, загонявших таким образом самих себя в глубокий и безвылазный капкан у Дубно — Ровно.

С другой стороны, независимо от успеха (или неуспеха) танкового удара на Люблин, у командования Ю-3. ф. были все возможности для того, чтобы остановить наступление немцев на Луцк — Ровно. В самом деле, в считанные дни плотность обороны 5-й армии могла быть многократно увеличена. Два стрелковых корпуса (31-й и 36-й) еще 18 июня 1941 г., по утвержденному самим Жуковым приказу, начали выдвижение на запад. К исходу дня 23 июня эти корпуса (шесть стрелковых дивизий) находились на расстоянии 90—100 км, т.е. четырех суточных переходов, от линии Ковель — Луцк — Дубно [92]. Десятки тысяч автомашин, которые должны были получить войска фронта из народного хозяйства, позволяли перебросить эти дивизии к фронту не за четыре дня, а за четыре часа.

Две дивизии — 135-я стрелковая и 19-я танковая из состава 22-го МК — к угрозе 23 июня выходили к восточным пригородам Луцка. К 24 июня на рубеж реки Стырь выходили начавшие марш утром 22 июня два мехкорпуса резерва фронта: 9-й и 19-й. Наконец, разобравшись с мифической группировкой противника, якобы наступающей от Вреста на Ковель, можно было вернуть к активным боевым действиям и засевшие в ковельских лесах две дивизии 22-го МК: 41-ю танковую и 215-ю моторизованную.

Таким образом, семи пехотным (298, 44, 168, 299, 111, 75, 57-й), двум моторизованным (25-й и 16-й) и четырем танковым (14, 13, 11, 16-й) дивизиям вермахта, наступавшим в полосе Луцк — Радехов, Юго-Западный фронт мог противопоставить семь стрелковых, три моторизованные и шесть танковых дивизий — и это не считая тех двух стрелковых дивизий (87-й и 124-й), которые еще до начала войны занимали полосу обороны от Устилуга до Сокаля.

По совокупному числу танков группировка советских войск на ровенском направлении **в 2,5 раза** превосходила противника. Даже с учетом того, что 9-й и 19-й мехкорпуса не были отобилизованы и укомплектованы штатным количеством автотранспорта, соотношение сил сторон по всем канонам военной науки позволяло по меньшей мере **предотвратить паническое бегство и начать планомерную подвижную оборону** войск 5-й армии от рубежа к рубежу на восток.

Вопреки широко распространенному заблуждению, Боевые уставы Красной Армии отнюдь не исключали ведение обороны, в том числе — и подвижной обороны.

В Полевом уставе ПУ-39 этот вопрос был описан весьма подробно:

«п. 417. Подвижная оборона применяется в тех случаях, когда подавляющее превосходство противника исключает ведение упорной обороны на нормальном, а также на широком фронте. Подвижная оборона преследует цель — за счет потери пространства выиграть время, необходимое для организации обороны на новом рубеже, для обеспечения сосредоточения войск на данном направлении или для обеспечения свободы действий войск на других направлениях.

Подвижная оборона ведется в назначенной полосе и осуществляется рядом последовательных оборонительных боев на заранее намеченных рубежах.

Число оборонительных рубежей в данной полосе и длительность сопротивления на каждом из них зависят от времени, необходимого для задержки противника, и устанавливаются старшим командиром...

п. 419. Войска, обороняющие промежуточный рубеж, должны нанести наступающему противнику потери, заставить его развернуться, потерять время на организацию наступления и, не вступая с ним в упорный бой, ускользнуть из-под удара...»

О создании оборонительных рубежей в полосе 5-й армии позаботилась сама природа. С юга на север, практически с равными промежутками в 50—70 км, местность пересекают притоки Припяти: Турья, Стоход, Стырь, Го-рынь, Случь. Генерал Владимирский в своей монографии определяет эти реки как *«водные преграды оперативно-тактического значения. Они имели ширину русла — от 15 до 70 м, долины — от 0,5 до 2 км, берега рек местами были болотистые, дно илистое»*. Короче

говоря — местность достаточно противотанковая. Особенно если поставить у мостов и переправ четыре (!!!) противотанковые бригады, которыми располагал Юго-Западный фронт.

При этом еще и еще раз подчеркнем, что в сложившейся ситуации от войск 5-й армии и не требовалось «стоять насмерть». Необходимо и достаточно было лишь **затормозить наступление немцев**, связать боем его танковые дивизии. Сам по себе организованный и планомерный отход советских войск на 200—250 км от границы до рубежа рек Горынь или Случь не таил в себе ничего страшного. Это для Франции отступление на 200 км означало падение Парижа, это для Германии отступление на 150 км от французской границы означало потерю всего Рурского индустриального района. А у Советского Союза была совсем другая география. Ни в экономическом, ни в оперативном отношении временная потеря Волынской и Ровенской областей Западной Украины не могла оказать сколь-нибудь серьезного влияния на ход войны.

Увы, на Военном совете в Тернополе Жуков и Кирпо-нос **не решились ни на переход к подвижной обороне в полосе 5-й армии, ни на широкомасштабное наступление** силами трех мехкорпусов на люблинском направлении.

Командующему 5-й армии генерал-майору М.И. Потапову было приказано наступать с задачей «разгромить Владимир-Волынскую группировку противника и восстановить положение на границе». Наступать немедленно, не дожидаясь подхода фронтовых резервов (двух стрелковых и двух механизированных корпусов). А так как Жуков даже 24—25 июня продолжал

верить в существование крупных мотомеханизированных войск противника на направлении Брест — Ковель, то он *«твердым и уверенным тоном»* (так пишет в своей книге Владимирский) приказал Потапову загнуть правый фланг армии и *«надежно прикрыть Ковель от удара противника с брестского направления»*. В скобках заметим, что к этому моменту танковая группа Гудериана прошла уже 160 км от Бреста до Слонима, и общее направление ее движения (на Минск — Бобруйск) никаких сомнений не вызывало. В результате для выполнения приказа о наступлении на Владимир-Волынский командарм Потапов смог привлечь только те две дивизии, которые уже подошли к Луцку: 135-ю стрелковую и 19-ю танковую.

Командующему 6-й армией генерал-лейтенанту И.Н. Музыченко было приказано немедленно атаковать наступающую на Радехов — Берестечко танковую группировку противника силами одного только 15-го мехкорпуса, не дожидаясь сосредоточения в районе Броды двух других мехкорпусов (4-го и 8-го). Решение о передислокации 4-го и 8-го МК на 100—150 км к востоку от границы, в район города Броды, явно свидетельствовало о том, что от наступления из львовского выступа на Люблин (что было предусмотрено Директивой № 3) командование Ю-3. ф. молча отказалось. Вместо глубокой наступательной операции (теоретическая разработка которой неизменно приводится как пример высочайшего уровня советской военной науки) решено было заняться лихорадочным «латанием дыр» посредством поспешно организованных лобовых танковых атак.

Наверное, самое деликатное, что можно сказать по поводу такого «оперативного искусства», так это то, что принятое решение было «не самым оптимальным».

«Враг, неожиданным ударом начавший войну, диктовал нам свою волю, ломал наши планы» [105].

Вот так, потратив всего дюжину слов, комиссар 8-го мехкорпуса Н.К. Попель сказал практически все: и о предвоенных планах (в соответствии с которыми его корпус в первые же часы войны двинулся к переправам через пограничную реку), и о том, что **немецкое нападение в этих планах никак не предполагалось**, и о командовании фронта, позволившем врагу с первых же дней войны «диктовать нам свою волю».

«Счастье на стороне больших батальонов...»

Если бы силы сторон на южном ТВД были примерно равны, то принятое в ночь на 23 июня решение контратаковать противника разрозненными ударами отдельных частей и соединений привело бы к немедленному катастрофическому разгрому Юго-Западного фронта. Подобному тому, который в реальности произошел в первые дни войны с войсками Западного фронта в Белоруссии и Северо-Западного фронта — в Литве.

Но не зря огромная, богатейшая страна мира двадцатка лет голодала, ютилась в бараках и «коммуналках», не зря уже в мирное время военные заводы СССР работали в три смены, не зря в стране рабочих и крестьян кормящую мать возвращали от

двухмесячного младенца к станку, не зря лучшие головы многонационального советского народа день и ночь корпели над чертежами танков и самолетов. Результат великих трудов был. «Весомый, грубый, зримый». В распоряжение Жукова, Кирпоноса, Музыченко и прочих были предоставлены такие гигантские вооруженные силы, такое количество новейших вооружений, которые, казалось бы, одним своим масштабом могли компенсировать безграмотность руководства.

В самом деле, «один только» 15-й МК, которому приказано было, не дожидаясь подхода двух других мехкорпусов, атаковать радеховскую группировку противника, имел на своем вооружении 749 танков — **в пять раз больше**, чем в противостоящей ему 11-й танковой дивизии вермахта. И среди этих 749 танков было 136 с такими параметрами, о которых немецким танкистам оставалось только мечтать. Даже на луцком направлении, где встречный удар по 14-й танковой дивизии вермахта, уже изрядно потрепанной артиллеристами Москаленко, должны были нанести «только» две свежие советские дивизии (19-я танковая и 135-я стрелковая), соотношение сил, казалось бы, не предвещало беды.

Казалось бы...

23-25 ИЮНЯ 1941 г.

Анализ того, как были выполнены решения, принятые 23 июня 1941 г. на Военном совете в Тернополе, мы начнем с главного — с самого мощного на Юго-Западном фронте **4-го мехкорпуса** генерала Власова. Это не займет у нас много времени и бумаги — 4-й МК почти никакого участия в запланированном

контрударе не принял (о том, что скрывается за словом «почти», — см. ниже).

Командование РККА возлагало на этот корпус самые большие надежды. В августе — сентябре 1940 года на базе 4-го мехкорпуса проводится серия крупных войсковых учений на темы: «ввод мехкорпуса в прорыв», «действия мехкорпуса в глубине оперативной обороны противника», «марш и встречный бой». На итоговом учении 26—28 сентября лично присутствовали Нарком обороны Тимошенко и тогдашний начальник Генштаба Мерецков. На должность командира 4-го МК была назначена «восходящая звезда» советского генералитета А.А. Власов. На вооружение 4-го МК поступило 414 новейших танков Т-34 и КВ — ровно столько, сколько было во всех остальных мехкорпусах Ю-З. ф., вместе взятых. Уже после начала боевых действий в оперативное подчинение Власову передали два артполка РКК (441-й и 445-й). Эти полки были вооружены новейшими артсистемами: 152-мм гаубицами МЛ-20 на механической (тракторной) тяге.

Как же была использована эта стальная армада?

Уже в ночь с 22 на 23 июня 1941 г. Жуков, лично прибывший на командный пункт Ю-З. ф., потребовал от командующего 6-й армией Музыченко *«как можно быстрее перебросить 4-й мехкорпус на **правый фланг** армии»*, т.е. в район намеченного контрудара от Броды на Радехов. Но не тут-то было — легко и непринужденно генерал-лейтенант Музыченко проигнорировал прямое указание генерала армии, представителя Ставки и начальника Генштаба. Музыченко не только не отдал «свой» 4-й МК, но даже попытался (правда, безуспешно) «отныкать» у командования фронта и «чужой» 8-й МК. В

конечном итоге мощнейший 4-й мехкорпус не стал ни овладевать г. Люблин «к исходу 24 июня», ни догнать и громить 1-ю танковую группу вермахта. Несколько дней корпус метался в «заколдованном треугольнике» Немиров — Мостиска — Львов в качестве «пожарной команды», с помощью которой Музыченко пытался остановить продвижение немецкой пехоты на Львов. В докладе полковника Е.Г. Пушкина (погиб он в звании генерал-лейтенанта танковых войск 11 марта 44-го г.), командира 32-й тд 4-го мехкорпуса, события тех дней описаны так:

«...23.6.41г. Дивизия получила приказ во взаимодействии с 8-й танковой и 81-й мотострелковой дивизиями окружить и уничтожить противника в районе... Не пройдя 30 км, она получила в 10 часов на марше вторую задачу — уничтожить танки противника в районе м. Мосты Бельке. Колонну дивизии пришлось поворачивать по одной дороге на 180 градусов. По прибытии в район м. Мосты Бельке дивизия танков противника не обнаружила.

В 17 часов был получен новый приказ командующего 6-й армией на уничтожение авиационного десанта и 300 танков противника в районе Каменка Струмилова. Части дивизии и танковая группа Голяс стали выполнять новый приказ, но там танков противника не обнаружено, а в Каменка Струмилова были свои части... Танковые полки дивизии за сутки совершили марш в среднем до 100 км...

24.6.41 г. К 1 часу ночи дивизия сосредоточилась в районе... В 11 часов был получен новый приказ к 15 часам 24.6 сосредоточиться в районе... с задачей во взаимодействии с 8-й танковой и 81-й мотострелковой

дивизиями уничтожить противника в районе Ольшина, Хотынец, Млыны. 32-й мотострелковый полк по приказу командира 4-го механизированного корпуса отправлен во Львов в резерв армии (таким образом. Музыченко окончательно оставил 32-ю тд дивизию без мотопехоты. — М.С). Дивизия, совершая марш по улицам гор. Львов, встретилась с встречным потоком боевых и транспортных машин 8-го механизированного корпуса (8-й МК двигался на восток, догонять немецкие танки, а 32-я тд в очередной раз возвращалась на запад, к границе. — М.С). На улицах гор. Львов шли уличные бои с диверсантами (в городе началось полномасштабное вооруженное восстание украинских националистов. — М.С). С большими трудностями, преодолевая уличные пробки машин, дивизия к 2.00 25.6.41 г. сосредоточилась в районе...

25.6.41 г. В 10 часов дивизия получила приказ командира 4-го механизированного корпуса, по которому дивизия должна была развить удар 6-го стрелкового корпуса в его наступлении, но штаб 6-го стрелкового корпуса поставил танковой дивизии самостоятельную задачу — атаковать в направлении сильно укрепленного противотанкового района с наличием реки и болотистой местности, не поддержав действий дивизии ни пехотой, ни артиллерией...

26.6.41 г. В 4 часа дивизия получила приказ командира 4-го механизированного корпуса выйти в район Грудек Ягельонь-ски, Судовая Вишня с задачей разгромить колонну в 300 танков противника,двигающуюся из Мосциска на Львов. К 18 часам дивизия сосредоточилась в ур. Замлынье, но танков противника в этом районе не оказалось (в районе боевых действий 6-й армии, на острие Львовского выступа, никаких немецких

танковых частей не было вовсе. — М.С). Дивизия совершила в течение суток 85-километровый марш. В 17 часов получен приказ сосредоточиться дивизии в районе Оброшин и быть готовой к действию на Любень Вельки.

27.6.41 г. К 7 часам дивизия сосредоточилась в районе Конопница Заставе, Оброшин, имея задачу уничтожить противника в направлении Любень Вельки. Дивизия совершила ночной 40-километровый марш... По данным штаба корпуса, в районе Любень Вельки установлена группировка противника, фактически же этой группировки не оказалось...»

Хотя геометрические размеры «треугольника метаний» 4-го МК совсем невелики (примерно 50—60 км на сторону), дивизия, судя по докладу ее командира, «за первые три дня 23—25.6. совершила в общей сложности 350-км марш, не имея нормального отдыха для экипажей и восстановления материальной части. Марши совершались как днем, так и ночью. Проведение маршей удовлетворительное, несмотря на недостаточно подготовленный водительский состав. За этот период **дивизия боевых действий не проводила ввиду отсутствия противника** (подчеркнуто мной. — М.С.) в указанных районах» [28, стр. 181 — 189].

Пехота, в стычках с которой участвовал 4-й МК, была не простой, а горной (1-я и 4-я горнострелковые дивизии вермахта). Это, в частности, означает, что на ее вооружении не было тяжелых пушек калибра 105-мм, которые хотя бы теоретически могли использовать обычные пехотные дивизии вермахта для борьбы против КВ и Т-34. Стандартная же немецкая 37-мм противотанковая пушка в бою с новыми советскими танками была практически бесполезна, что в очередной

раз было подтверждено и в боях у Львова. Командир 32-й тд пишет в своем докладе: *«Броня наших танков 37-мм пушками немцев не пробивается; были случаи, когда танк KV имел до 100 попаданий, но броня не была пробита».*

А вот как описываются бои на западных подступах к Львову в истории 1-й горнострелковой дивизии вермахта: *«...ранним утром 25 июня русские танки один за одним появляются на опушке леса в районе населенного пункта Язув Старый... Наша 3,7-см противотанковая пушка спокойно выжидает, когда танки подойдут на достаточное для стрельбы удаление. Когда расстояние сокращается до 600 м, из орудия открывается огонь. Практически каждый выстрел приходится в цель. Отчетливо различимы огневые следы снарядов. Однако позже мы перестаем верить своим глазам: наши противотанковые снаряды просто отскакивают от танков. Не останавливаясь, танки неприятеля продолжают приближаться к нам, ведя огонь из всех орудий...»* [152, стр. 162].

Даже новейшая (для лета 1941 г.) немецкая 50-мм противотанковая пушка оказалась мало пригодна в бою против танков 4-го мехкорпуса. В описании боевых действий 4-й горнострелковой дивизии вермахта читаем:

«Передовая группа вышла на шоссе Грудек Ягелонски — Львов. В районе населенного пункта Кальтвассер группа встретила танки неприятеля. Снаряды 3,7-см и 5-см противотанковых орудий были не в состоянии пробить их броню. Мужественные артиллеристы продолжали вести огонь из 5-см пушек даже тогда, когда танки находились уже в 5 метрах от

них. Танки переезжали орудия. Материальные потери были огромны...» [152, стр. 209].

Отчаявшись «уговорить» командующего 6-й армии передать весь 4-й мехкорпус для участия во фронтовом контрударе, командующий Ю-3. ф. утром 24 июня приказал вывести 8-ю танковую дивизию из состава 4-го МК и передать ее в распоряжение командира 15-го МК генерала Карпезо. Однако фактически 8-я тд вышла в район Радехов — Лопатин (60 км к северо-востоку от Львова) только к утру... 28 июня!

Тем временем в районе Яворов — Немирув немецкая пехота прорвала фронт 6-й армии на стыке между 97-й и 159-й стрелковыми дивизиями 6-го СК. 24 июня эту брешь попытались закрыть силами 81-й моторизованной дивизии 4-го МК. В тот же день три полка этой дивизии (танковый, артиллерийский и 323-й мотострелковый) были окружены немецкой пехотой в районе Немирова. Не совсем понятно, как пехота может «окружить» танковый полк, на вооружении которого было **270 танков БТ**, но к вечеру разгром был завершен. Вся тяжелая техника была потеряна, без вести пропала большая часть личного состава, погиб командир 323-го мсп, пропали без вести командир дивизии полковник Варыпаев, замкомдива полковник Варабанов, начальник штаба дивизии полковник Спесивцев, начальники оперативного и разведывательного отдела штаба дивизии, начальник артиллерии дивизии, командир артполка, начальник штаба 323-го мсп. Что же касается 97-й и 159-й стрелковых дивизий, то 29 июня в докладе Военного совета 6-й армии их состояние описывалось следующими словами: *«159-я сд потеряла свое командование, дезорганизована авиацией и совершенно небоеспособна... 97-я сд понесла значительные потери,*

потеряла руководящий командный состав...» [29, стр. 199].

В то время как 4-й мехкорпус метался в «заколдованном треугольнике» Немиров — Мостиска — Львов, другой танковый «богатырь» — **8-й МК генерала Рябышева** — двигался к району будущего танкового сражения широким, размашистым зигзагом, как лыжник в слаломе-гиганте.

Накануне войны 8-й МК входил в состав 26-й армии, которой по предвоенным планам предстояло наступать по направлению Самбор — Жешув — Тарнув. Уже в 10 часов утра 22 июня из штаба армии поступил приказ, в соответствии с которым корпус был поднят по тревоге и к исходу дня, миновав Самбор, вышел непосредственно к пограничной реке Сан. Затем, вечером 22 июня, в 22 часа 40 минут, поступил новый приказ — к 12 часам 23 июня 8-й МК (уже прошедший 80 км на запад от Дрогобыча к Сану) должен был сосредоточиться в районе Куровичи (25 километров восточнее Львова, что означает отход от границы на 120 км) и поступить в распоряжение командующего 6-й армией Музыченко. Многокилометровые танковые колонны двинулись назад, описывая огромный крюк протяженностью более 150 км по маршруту Самбор — Дрогобыч — Стрый — Львов.

В середине дня 23 июня, когда главные силы танковых дивизий находились примерно на рубеже г. Николаева (38 км по шоссе юго-западнее Львова), а 7-я моторизованная дивизия уже вышла в предместья Львова, Музыченко приказал повернуть 8-й мехкорпус на запад и к 19 часам 23 июня сосредоточиться в лесу к югу от Яворова (т.е. в том самом районе, куда Музыченко, вопреки приказам командования фронта, направил и

главные силы 4-го МК). Огромные колонны танков, грузовиков, бронемашин во второй раз за последние сутки развернулись почти на 180 градусов и снова двинулись к границе. Совершив утомительный ночной марш, 8-й мехкорпус, пройдя еще километров 80—90, вышел к Яворову (см. Карта № 4). Там поздним вечером 23 июня командиру корпуса вручили пакет с новым (а по сути дела, со старым, так сказать «исходным») приказом командования фронта: опять развернуть корпус и к исходу дня 24 июня выйти в район Броды.

Но и это еще не все. В тот же самый день Музыченко предпринял последнюю попытку «занажить» хотя бы одну дивизию из состава 8-го МК. В соответствии с боевым распоряжением командующего войсками 6-й армии № 003 от 23 июня 1941 г. *«34-я танковая дивизия входит в состав 6-й Армии с непосредственным подчинением Военному совету армии. Дивизии быть готовой к нанесению удара в направлениях Немиров, Яворов, Краковец»* [29, стр. 185].

Эта попытка самоуправства оказалась, однако, неудачной, и 34-я тд осталась в составе корпуса.

Из-за пробок и уличных боев во Львове совершить еще один форсированный марш в указанный в приказе командования Ю-3. ф. срок не удалось: к вечеру 24 июня главные силы корпуса сосредоточились в Буске, а 34-я танковая дивизия, не ставшая втягиваться в лабиринт львовских улиц, вышла через Жолкев (Нестеров) к реке Вуг у г. Каменка-Бугская. К этому времени Каменка уже была захвачена передовыми немецкими частями, и через юрод пришлось прорываться с боем. Лишь к 6 часам утра 26 июня две танковые дивизии (12-я и 34-я) 8-го мехкорпуса вышли в район г. Броды (т.е. в исходный

район для нанесения контрудара во фланг наступающих немецких танковых дивизий), третья дивизия корпуса (7-я мотори-юванная) находилась в это время на марше между Бук и Броды, отставая от танковых дивизий на 20—25 км.

Хотя расстояние от Дрогобыча до Броды не превышает 150 км по прямой, танковые дивизии корпуса прошли (как явствует из доклада командира 8-го МК от 18 июля 1941 г.) 500 км, *«оставив на дорогах за время маршей до 50% наличия боевой материальной части»* [28, стр. 166]. Скорее всего, в такой оценке величины «маршевых потерь» явно сквозит желание оправдаться за разгром корпуса (каковой разгром к моменту написания доклада стал уже свершившимся фактом). Так, в другом тексте Рябышев пишет, что *«во время марша протяженностью почти 500 км корпус потерял до половины танков **устаревших конструкций**»*. Наконец, простое суммирование данных о потерях и числе оставшихся в строю танков KV и Т-34 позволяет сделать вывод о том, что даже после боев и потерь первого дня наступления (26 июня) корпус располагал еще 141 танком «новых типов», что составляет 83% от их первоначальной численности. Как бы то ни было, форсированный 500-км марш не мог не привести к большому количеству поломок, а с учетом того, что территория, по которой три дня и три ночи метался 8-й МК, еще через три-четыре дня была занята противником, все временно вышедшие из строя танки перешли в разряд «безвозвратных потерь».

Полным разгромом закончились боевые действия **22-го мехкорпуса** на владимир-волынском

направлении. Судя по всему, роковую роль сыграла гибель в первые дни войны командира корпуса генерал-майора СМ. Кондру-сева (из мемуаров маршала Москаленко следует, что это трагическое событие произошло в первый день войны и почти на его глазах, но генерал Владимирский в своей монографии пишет, что Кондрусев погиб вечером 24 июня, во время или после боя у поселка Войница).

Две дивизии 22-го мехкорпуса (19-я танковая и 215-я моторизованная) дислоцировались перед войной в г. Ровно. Совершив ночной марш, они вышли к утру 23 июня в район г. Луцка (см. Карта № 4). После этого чехарда приказов командования фронта и 5-й армии привела к тому, что 215-я мд ушла по шоссе Луцк — Ковель. навстречу мифической «танковой группировке противника», якобы наступающей от Вреста на Ковель. 19-я тд также получила приказ двигаться на Ковель, но затем решение было изменено и 19-я танковая дивизия получила задачу на рассвете 24 июня, совместно со 135-й стрелковой дивизией и при поддержке 1-й ПТАВ контратаковать противника, наступающего вдоль шоссе от Владимир-Волынского на Луцк.

Накануне войны 19-я танковая дивизия обладала солидной боевой мощью. Артиллерия дивизии имела полный штатный комплект вооружения: 12 гаубиц калибра 152 мм, 12 гаубиц калибра 122 мм, 18 минометов калибра 82-мм и 27 минометов калибра 50 мм. Для буксировки орудий и эвакуации с поля боя подбитых танков дивизия имела 52 трактора. Якобы отсутствующие в Красной Армии средства радиосвязи в 19-й тд также были: 2 мощные радиостанции РСВ, 4 полковые 5-АК, 52 батальонные рации (РВ, 6-ПК, РРУ), а также 85 радиостанций 71-ТК на ганках и бронемашинах.

Бронетанковое вооружение дивизии включало в себя 158 танков (122 Т-26, 7 огнеметных ОТ-26, 12 БТ-7, 17 БТ-5) и 58 пушечных бронеавтомобилей БА-10 [8, 92].

Противник (14-я танковая дивизия из состава 1-й ТГр вермахта) уступал в численности (всего 147 танков, включая 11 «командирских танков» с пулеметным вооружением), но превосходил в качестве: в составе 14-й тд было 56 танков Рз-III с 50-мм пушкой, которые, несомненно, превосходили по бронезащите легкие советские Т-26.

С другой стороны, 19-я танковая должна была вступить в бой совместно с 1-й ПТАБ, на вооружении которой к началу войны числилось 120 пушек (калибра 76 мм и 85 мм), которые гарантированно пробивали броню любых немецких танков. Наконец, в полосе предстоящего контрудара находился и 21-й артиллерийский полк РКК, на вооружении которого было, в частности, 20 дальнобойных пушек калибра 122 мм — орудия такой мощи могли пробить лобовую броню КВ, не говоря уже про немецкие танки. Дело оставалось за малым: наладить взаимодействие крупных сил Красной Армии, сосредоточенных в районе шоссе Владимир-Волынский — Луцк, и «размазать по асфальту» 14-ю танковую дивизию вермахта.

Дальнейший ход событий не вполне ясен. Из воспоминаний Москаленко следует, что 23-го и утром 24 июня 1-я ПТАБ вела ожесточенные бои с наступающими вдоль шоссе на Луцк немецкими танками и мотопехотой, причем без какого-либо взаимодействия с частями **22-го мехкорпуса**:

«...Договорились, что в 4 часа утра (23 июня. — М.С.) встретимся снова, но уже на опушке леса восточнее

Затурцы (37 км по шоссе к западу от Луцка. — М.С.), чтобы увязать взаимодействие. Но ни Тамручи (начальник штаба, в дальнейшем — командир 22-го МК), ни Артеменко (командир 27-го стрелкового корпуса) в назначенное время не явились... Бригада, отойдя на восток, заняла оборону в районе Затурцы, окопалась и замаскировалась... Так и не встретившись с Тамручи и Артеменко, я понял, что бригаде предстоит самостоятельно вести бой с противником» [75, стр. 33].

Медленно отступая с боем от рубежа к рубежу, противотанковая бригада Москаленко утром 24 июня заняла оборону у местечка Торчин, в 25 км к западу от Луцка, а к концу дня вела бой уже в пригородах Луцка. С другой стороны, из монографии Владимирского следует, что встречный танковый бой произошел в районе поселка Войница, т.е. в **25 км к западу** от Торчина. «19-я танковая дивизия к утру 24 июня еще не прибыла на исходный рубеж, и поэтому контрудар, назначенный на 4 часа 24 июня, был перенесен на более поздний срок... Подошедшая в 13 часов 24 июня 19-я тд имела в своем составе **всего 45 исправных танков Т-26 и 12 бронемашин** (подчеркнуто мной. — М.С.)... в 14 часов 24 июня во взаимодействии со 135-й стрелковой дивизией 19-я тд атаковала противника в направлении Пасека, Войница... В 17 часов 24 июня противник, введя в бой танки, вновь атаковал 135-ю стрелковую и 19-ю танковую дивизии... В итоге двухчасового боя 19-я танковая дивизия, потеряв большую часть своих танков, а 135-я стрелковая дивизия и 1-я артиллерийская противотанковая бригада — значительное количество личного состава и матчасти артиллерии, начали отходить на рубеж в 12—16 км западнее Луцка...» [92].

Совместить эти два описания боев на шоссе Владимир-Волынский — Луцк сложно. Автор склонен поверить Москаленко, который был и живым свидетелем, и главным действующим лицом этих событий. Скорее всего, 1-я ПТАБ и 19-я тд действовали по отдельности, причем в районе Войницы днем 24 июня ударная группа из 19-й тд п 135-й сд могла встретиться только с частью сил немецкой 14-й танковой дивизии, так как передовые части 14-й немецкой танковой дивизии в это время пытались прорваться через оборону бригады Москаленко в районе Горчина, т.е. были уже значительно восточнее Войницы.

Единственное, что не вызывает никакого сомнения, — это трагический результат встречного танкового боя у Войницы. Предоставим слово маршалу Рокоссовскому:

«...к вечеру 25 июня на КП нашего корпуса в районе Клепани (90 км восточнее Войницы. — М.С.) прибыл пешком командир 19-й танковой дивизии генерал-майор Семенченко « весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщлг, что его дивизия полностью разбита... Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглагольствования о гибели корпуса...» [111].

К сожалению, эти «разглагольствования» не были безосновательны. Вот как описывает Москаленко встречу с остатками 22-го МК, произошедшую днем 25 июня:

«...на мост неожиданно бросились тыловые подразделения и артиллерия на конной тяге из состава

частей 27-го стрелкового и 22-го механизированного корпусов. Поддавшись панике, несколько сот человек, мешая друг другу, пытались прорваться на восточный берег. Их кони ломали носы между шпалами, повозки и орудия сбивались в кучу. Образовалась пробка. А тут еще немцы открыли артиллерийский огонь по мосту. Началась невообразимая суматоха...» [75].

О состоянии дел в 19-й тд убедительно свидетельствует тот факт, что на марш от Луцка до Войницы (50 км) этой танковой дивизии потребовалось **полтора дня**, причем **из 158 танков до места боя дошло только 45, а из 58 бронемашин — только 12**. В бою у Войницы погибли командиры двух танковых и мотострелкового полков дивизии. Скорее всего, такие огромные потери командного состава явились результатом мужественной, но неорганизованной попытки горстки оставшихся в строю танкистов атаковать в лоб немецкие средние танки на легких Т-26 с противопульным бронированием.

Еще более странные события происходили в 215-й моторизованной дивизии. Утром 23 июня дивизия ушла к Ковелю. Только 25 июня (т.е. уже после разгрома 19-й танковой дивизии) 215-я мд на северных окраинах Владимир-Волынского встретилась с выдвигающейся из города на восток 298-й пехотной дивизией вермахта.

На вооружении 133-го танкового полка 215-й моторизованной дивизии перед войной было 129 танков БТ.

Более того, перед наступлением на Владимир-Волынский ей был передан (в дополнение к ее «собственному») и один из танковых полков (по другим сведениям — два танковых батальона) 41-й танковой

дивизии. Тем не менее, как пишет Владимирский, в бою 25 июня 215-я мд действовала как пехотное соединение, *«без танкового полка»*.

Куда же делись танки? Встречаются сообщения о том, что танковый полк 215-й мд отстал якобы из-за того, что «израсходовал горючее» — и это при том, что общая протяженность маршрута Ровно — Луцк — Ковель — Владимир-Волынский составляет 190 км по шоссе (значительно меньше запаса хода танков БТ), а на складах 5-й армии хранилось горючее в количестве 33 (тридцать три) заправки [92].

Встречный бой с немецкой пехотной дивизией закончился тем, что (как пишет Владимирский) уже на следующий день, 26 июня, *«215-я моторизованная дивизия сосредоточилась в районе Софияновки в 50 км восточнее Ковеля»*. Другими словами, дивизия была разгромлена и отброшена на 80 км к северо-востоку от места боя (на этот марш горючего, как всегда, хватило). 129 танков БТ из состава 133-го тп просто пропали безо всякого упоминания в известных автрру источниках. Правда, в конце июня в 215-й мд еще числилось (по данным Владимирского) 15 танков, но это были Т-26, вероятно, «прибившиеся» к дивизии из других частей.

Самым крупным соединением в составе 22-го МК была 41-я танковая дивизия. На ее вооружении было 414 танков (больше, чем в двух других дивизиях корпуса, вместе взятых), в том числе 31 сверхтяжелый танк КВ-2, вооруженный 152-мм гаубицей.

Как уже было отмечено выше, в первый день войны 41-я танковая дивизия ушла с основного операционного направления, с автострады Владимир - Волынский — Луцк в лесисто-болотистый район Ковеля. Там дивизия

фактически перешла в распоряжение командира 15-го стрелкового корпуса, выдвиженца Жукова, полковника И.И. Фелюнинского. Личность эта весьма незаурядная. В июне 41-го полковник Федюнинский командует генералами (начальник штаба 15-го СК — генерал Рогозный, командир 45-й дивизии корпуса — генерал Шерстюк). 8 октября 1941 г. бывший командир корпуса, ныне генерал-майор Федюнинский, принимает из рук Жукова командование целым фронтом, да еще каким фронтом — Ленинградским! Правда, через 18 дней этот блистательный карьерный рост покатился под гору, и на завершающем этапе Великой Отечественной войны генерал Федюнинский ушел в тень.

А в июне 1941 г. полковник Федюнинский (равно как и командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов) распорядился оказавшейся в его руках мощной танковой группировкой достаточно характерным для тех дней способом. Дивизию тут же разорвали на отдельные полки, батальоны, танковые роты, которым поручалось то рыскать по заболоченному лесу в поисках несуществующих немецких «десантов», то охранять штабы, то прикрывать отход 15-го СК от Ковеля в дебри Полесья. Если 19-я танковая и 215-я моторизованная хотя бы один день вели бой, то история исчезновения 41-й танковой дивизии и вовсе не поддается логическому описанию.

После гибели генерала Кондрусева в командование 22-м мехкорпусом вступил начальник штаба корпуса, генерал-майор Тамручи. Однако «Описание боевых действий 41-й танковой дивизии Юго-Западного фронта за период с 22 по 29 июня 1941 г.». (ЦАМО СССР, ф. 229, оп. 157, д. 712, л. 443—444) подписано почему-то временно исполняющим обязанности (ВРИО) командира

22-го МК полковым комиссаром Липодаевым и ВРИО начальника штаба корпуса **старшим лейтенантом (!!!)** Корецким. Что все это значит? Как на должности ВРИО начальника штаба мехкорпуса мог оказаться старший лейтенант? Где же в эти дни были майоры, подполковники и настоящие полковники?

Впрочем, не будем зря придираться к форме и перейдем непосредственно к содержанию.

На первой же странице «Описания боевых действий 41-й тд» читаем:

«...В 17.00 22.6.41 по приказу штаба армии выделена рота танков Т-26 в район Дубова для ликвидации десанта... ...В 17.25 22.6.41 приказом штаба армии выделена рота танков Т-26 для ликвидации десанта, высадившегося на шоссе Брест — Ковель...

...В 23.00 23.6.41 назначена рота танков из батальона капитана Кулакова для борьбы с 8 самолетами, приземлившимися в районе Новоселки (танки для борьбы с самолетами? — М.С.). Проездив всю ночь, капитан Кулаков ни десанта, ни самолетов не нашел...

...В 17.00 24.6.41 по распоряжению командира 15-го СК, совместно с 45-й сд рота танков атаковала в направлении Любомль и потеряла 3 танка. Атака проходила без поддержки пехоты...» [8].

Вы что-нибудь понимаете, уважаемый читатель? Рота атаковала совместно с дивизией (моська со слоном), но при этом слона-то и не было? Правда, описание этого же эпизода в монографии Владимирского выглядит гораздо солиднее:

«...в 14.30 24 июня 15-й стрелковый корпус силами введенного в бой корпусного резерва: 104-го стрелкового полка совместно с 61-м стрелковым полком. 45-й стрелковой дивизии при поддержке бронепоезда и роты танков 41-й танковой дивизии контратакой отбросил противника из Любомля...»

Далее в тексте «Описания боевых действий» никаких упоминаний о боевых потерях танков нет, но вдруг появляется фраза: *«После всех этих операций из 116 танков осталось 9 штук»*. Что значит «из 116 танков»?

К началу боевых действий в 41-й танковой дивизии было не 116, а 414 танков (по данным Владимирского, как и еще больше — 425). Куда же вся эта бронированная армада делась? Два танковых батальона были (по приказу командующего 5-й армией) переданы в распоряжение 87-й стрелковой дивизии, а затем — в распоряжение 215-й моторизованной дивизии (это те самые танки, которых не оказалось в наличии в ходе первого и последнего контрудара 215 мд). Но и отсутствие двух батальонов не объясняет загадочное превращение 414 танков в 116, из которых *«осталось 9 штук»*...

Вернемся снова к «Описанию боевых действий»:

27 июня 15-й стрелковый корпус оставил Ковель и начал отход в глубь Полесья. Разрывание остатков танковой дивизии на мелкие кусочки продолжилось: *«27.6.41 по приказу командира 15-го СК была выделена рота танков для прикрытия штаба корпуса в районе Ковель, две роты в районе Черкассы и одна рота в район Дубрава для прикрытия отхода 15-го СК из Ковеля. В период отхода частей 15-го С К распоряжением*

начальника гарнизона (какого гарнизона? Какой он «начальник» для танковой дивизии?) *5 танков КБ были взорваны*». Вы думаете, это легко — взорвать 52-тонную «стальную черепаху»? Гораздо проще было бы слить с танков горючее, зарыть в землю и использовать как готовый, мощный, неуязвимый для полевой артиллерии противника дот... Блуждая по непроходимым лесам и болотам, остатки тающей, как туман на рассвете, 41-й танковой дивизии только к концу июня соединились с основными силами 5-й армии.

Вот, собственно, и вся краткая история 22-го мехкорпуса. Гибель командира, развал управления и распад «броневых кулаков» на отдельные дробинки, гибель немногих оставшихся в строю танкистов в бою под Бойницей, где в первую и последнюю атаку на врага вместо 712 танков корпуса пошло всего-навсего 57 боевых машин. *«Броневой, ударный батальон...»*

Столь же непостижимые уму события происходили и на радеховском направлении, там, где **15-й мехкорпус** должен был контратаковать наступающую в глубь обороны советских войск 11-ю танковую дивизию вермахта.

В составе 15-го МК было три дивизии: 10-я и 37-я танковые, 212-я моторизованная. В распоряжении историков имеются три отчета о боевых действиях: как мех-корпуса в целом, так и каждой из его танковых дивизий [29, стр. 253, 28, стр. 193, стр. 217]. К сожалению, кажущееся обилие информации отнюдь не способствует прояснению ситуации.

Не говорю уже о том, что количество танков в дивизиях корпуса в различных документах разнится на

десятки единиц — хотя, казалось бы, составители докладов и рапортов не фантики считали, а крайне дорогостоящую и «дефицитную» на войне боевую технику. По имеющимся документам невозможно хотя бы в общих чертах прояснить злополучный вопрос об укомплектованности 15-го мехкорпуса автотранспортом и средствами мехтяги артиллерии. Опять же, речь идет не об общем для всей Красной Армии «чуде», вследствие которого при наличии огромного количества автотехники (даже ДО объявления открытой мобилизации в среднем на каждую из 303 советских дивизий приходилось **по 900 автомашин и 112 гусеничных тягачей** и тракторов) механизированные корпуса первого эшелона войск приграничных округов оказались без штатного количества тягачей, грузовиков и автоцистерн. Разительно не совпадают конкретные цифры в отчетах командиров одного и того же соединения.

Всего в 15-м МК на 10 июня 1941 г. (т.е. еще до начала войны и мобилизации техники из народного хозяйства) числилось 2035 автомашин (всех типов и назначений), 50 артиллерийских тягачей («Ворошиловец», «Коминтерн», С-2) и 115 тракторов [8]. По отчету ВРИО командира 10-й тд, к началу боевых действий в дивизии было (всего, с учетом неисправной техники) 962 автомобиля и 30 тягачей. Вопрос для второклассника: сколько автомобилей и тягачей осталось «на долю» двух других дивизий корпуса? Открываем доклад ВРИО командира 15-го МК и читаем:

*«...212-я моторизованная дивизия, имея почти полную обеспеченность личным составом красноармейцев, **не имела совершенно** (подчеркнуто мной. — М.С.) машин для перевозки личного состава и не могла даже обеспечить себя автотранспортом для*

подвоза боеприпасов, продовольствия и горюче-смазочных материалов, а также для перевозки вооружения. Артиллерийский полк имел 8 — 76-мм орудий, 16 — 122-мм орудий и 4 — 152-мм орудия, а **средств тяги было лишь на один дивизион** и то без тылов... Противотанковый дивизион 212-й мд **не имел средств тяги** (странно, но, судя по отчету командира 15-го МК, уже 25 апреля 1941 г. в 212-й мд числилось 27 «Комсомольцев», 20 тракторов и 6 тягачей «Коминтерн». — М.С.)».

Где же «гуляют» еще без малого тысяча автомобилей и тракторов? Может быть, они все оказались во второй по счету танковой дивизии корпуса? Ничего подобного. *«Мотострелковый полк 37-й танковой дивизии **не имел средств передвижения.** Артиллерийский полк 37-й тд находился в составе 12 орудий 122-мм без панорам (???), 4 орудия 152-мм и **всего 5 тракторов...**»*

По докладу ВРИО командира корпуса, в арtpолку 37-й тд к началу боевых действий было 12 гаубиц калибра 122 мм и 4 гаубицы калибра 152 мм. В докладе же командира 37-й тд количество артиллерийского вооружения дивизии выражено в процентах. Можно предположить — в процентах от штатной численности. А именно: *«122-мм гаубиц — 56%, 152-мм гаубиц — 33,3%»*. 33% от штатного количества 152-мм гаубиц — это, по простому говоря, 4 орудия. Эта цифра совпадает с докладом ВРИО комкора. Но вот 56% от штатного количества 122-мм гаубиц составляет 6,72 гаубицы. Это уже ни с чем не совпадает. В частности, не совпадает с дальнейшим текстом доклада командира 37-й тд, из которого следует, что в поход было выведено 4 гаубицы 122-мм, и еще 21 гаубица 122-мм была оставлена в месте

постоянной дислокации дивизии. Итого — 25 орудий из непонятно сколько имевшихся...

Разумеется, все это мелочные придирки. Цифра «21» скорее всего является опечаткой. Но вот можно ли считать малозначимой «мелочью» такие факты (опять же, если эти «факты» были на самом деле):

«...Полковая артиллерия была послана в полки почти вся неисправная... Личный состав корпусного мотоциклетного полка ни разу не стрелял... Приписных машин из народного хозяйства дивизия не получила. В пункт приема приписных машин Шепетовка было послано 8 представителей, но они, пробыв там несколько дней, вернулись обратно без единой машины, заявив, что машины, предназначенные для нашей дивизии, убыли в один из укрепленных районов (т.е. автотранспорт, предназначенный для МЕХАНИЗИРОВАННОГО соединения, убыл в НЕПОДВИЖНЫЙ по определению укрепрайон. — М.С.)... За весь период боев дивизия не могла ниоткуда получить ни одного снаряда для 37-мм зенитных пушек... Данных авиаразведки не имели до 25.6.41 г. и в дальнейшем тоже... Поддержки дивизии со стороны нашей авиации не было в течение всего периода боевых действий...»

Как ни дико это звучит, но бронебойных 76-мм снарядов для танковых пушек в одном из наиболее мощных мехкорпусов Красной Армии не было. Или почти не было. Сказать точнее трудно. В докладе командира 10-й танковой дивизии (63 танка KV и 38 Т-34) читаем: «Первые три дня боев дивизия не имела ни одного бронебойного снаряда для 76-мм пушек». В докладе, же командира корпуса о том же самом сказано несколько иначе: «Первые 3 дня боев не было бронебойных

снарядов (в 19-м и 20-м танковых полках 10-й тд было всего на полк по 96 бронебойных снарядов)».

Бронебойных снарядов калибра 76 мм в Красной Армии действительно было ничтожно мало. Это реальный, хотя и необъяснимый логически факт (осколочно-фугасных и зенитных снарядов того же 76-мм калибра было накоплено более 19 млн штук, а бронебойных — только 132 тыс. шт.). В результате по состоянию на 1 мая 1941 г. в среднем на одно 76-мм орудие в Киевском Особом военном округе имелось по 18 бронебойных снарядов [168, стр. 261]. В среднем. В соответствии же с Директивой начальника штаба округа № 0054 от 29 апреля 1941 г. имеющийся, очень скромный, запас должен был быть распределен с умом, а именно (68, стр. 23):

«...Бронебойными выстрелами части округа обеспечить по следующему расчету:

— на каждую 76-мм пушку стрелковых дивизий по 6 выстрелов;

- кавалерийских, мотострелковых дивизий и частей ук-репрайонов по 12 выстрелов...

*— на каждую 76-мм пушку **на танках КВ по 25 выстрелов** (подчеркнуто мной. — М.С).*

*— **на танках Т-34 по 13 выстрелов...**»*

Одна-две дюжины бронебойных снарядов в боекомплекте танка — это уже не так и мало. В конце концов, бронебойными снарядами (в отличие от осколочно-фугасных) не стреляют десятками тысяч «по площадям».

Одного-двух попаданий 76-мм бронебойного снаряда летом 41-го было вполне достаточно для уничтожения любого немецкого танка. И если бы приказ от 29 апреля был выполнен к 22 июня, то в 10-й танковой дивизии должно было оказаться более 2 тыс. бронебойных 76-мм выстрелов. Теоретически этого могло хватить если и не на всю 1-ю танковую группу вермахта, то на ту единственную немецкую дивизию (11-я танковая, 143 танка), с которой столкнулась 10-я танковая. Но не хватило... Традиционная советская историография называет это «неготовностью к войне». Не успели. «История отпустила нам мало времени...»

Перед войной дивизии 15-го МК (10-я тд, 37-я тд, 212-я мд) дислоцировались соответственно в районах Зо-лочев, Кременец, Броды. Как мы уже отмечали выше, *«212-я моторизованная дивизия, имея почти полную обеспеченность личным составом красноармейцев, не имела совершенно машин для перевозки личного состава»*. Отсутствие автотранспорта (будем считать, что такое отсутствие было в наличии) и лошадей превращало ее в малоподвижную стрелковую дивизию, правда, усиленную группой из 37 легких танков и 17 плавающих танкеток Т-37/40: Впрочем, малая подвижность 212-й мд в реальности никак не помешала ей. В соответствии с приказом командования фронта 212-я мд была с самого начала войны выведена из состава корпуса и **оставлена на месте своего постоянного расквартирования**, в городе Броды, с задачей обороны этого важного дорожного узла. Таким образом, еще не сделав ни одного выстрела, 15-й МК уже остался почти без пехоты (в боевых действиях 23—26 июня принимал участие лишь мотострелковый полк 10-й тд). Судя по всем отчетам, 212-я дивизия обороняла Броды до 28 июня, когда этот

город безо всякого боя был занят немецкой пехотой. Впрочем, из воспоминаний Рябышева и Попеля явствует, что никакой дивизии в Бродах они вообще не обнаружили...

Боевые действия танковых дивизий 15-го МК начались в 9 часов 50 минут 22 июня, когда передовой отряд 10-й тд в составе 3-го батальона 20-го танкового полка и 2-го батальона 10-го мотострелкового полка выступил к границе по маршруту Золочев — Радехов. Вечером, в 22 часа, отряд встретился с противником *«силою до двух батальонов пехоты с противотанковыми орудиями»* (вероятно, это были передовые части 57-й пехотной дивизии вермахта, прорвавшей оборону советских войск в районе Сокаль — Крыстынополь). *«В результате боя уничтожено 6 противотанковых орудий противника и до взвода пехоты. Наши потери — 2 танка. К исходу 22.6 передовой отряд занял Радехов...»* Это был первый и, увы, последний успех 10-й танковой дивизии, да и всего 15-го мехкорпуса.

Тем временем (в 18 часов 22 июня) начали выдвижение по направлению на Радехов — Лопатин главные силы 10-й и 37-й танковых дивизий. Задача была им поставлена в высшей степени решительно: *«уничтожить сокальскую группу противника, не допустив отхода ее на западный берег реки Буг»* (т.е. в первый день войны советское командование было обеспокоено тем, как бы не дать агрессору убежать назад, на сопредельную территорию).

С началом движения танковые полки 10-й тд завязли (примерно в 15—20 км от мест постоянной дислокации) в болотах, а части 37-й тд *«в 14.00 23 июня получили от прибывшего командира 15-го мехкорпуса*

генерал-майора Карпезо задачу уничтожить танки противника в районе Адамы. Впоследствии оказалось, что танков противника в районе Адамы не было...».

Пока части 10-й и 37-й танковых дивизий блуждали по лесам и болотам, 11-я танковая дивизия вермахта встретила в 5 часов 15 минут 23 июня на окраине Радехова с передовым отрядом 10-й танковой дивизии. Завязался ожесточенный неравный бой, в котором немецкой дивизии противостоял не 15-й мехкорпус и не одна из его дивизий, а только два батальона без бронебойных снарядов к пушкам Т-34. *«Результаты боя: уничтожено 20 танков противника, 16 противотанковых орудий и до взвода пехоты. Потеряно: танков БТ — 20 штук, Т-34 — 6 штук, убитыми 7 человек, ранено 11 человек, без вести пропавшими 32 человека...»*

Наконец, в три часа дня 23 июня к месту боя подошли два полка 10-й танковой дивизии (19-й танковый полк продолжал барахтаться в болоте и расстояние в 40 км от Броды до Радехова пока еще не преодолел). *«Атака мотострелкового и 20-го танкового полков 10-й танковой дивизии без поддержки артиллерии, при наличии явно превосходящих (???) сил противника, расположенных на выгодном рубеже, была неуспешной, и Радехов остался за противником. Подбито 5 танков противника и 12 противотанковых орудий...»* Про собственные потери дивизии в этом бою в докладе командира ничего не сказано.

Этот странный бой 23 июня, в ходе которого советские танкисты вынуждены были царапать броню вражеских танков осколочными снарядами, оказался **первым и единственным** столкновением 15-го мехкорпуса с немецкими танковыми соединениями

(строго говоря, в середине июля 41-го остатки частей 15-го МК в виде отряда из 21 танка и сводного батальона мотопехоты под командованием командира 10-й тд генерал-майора Огурцова приняли участие в многодневном танковом сражении у Бердичева). Немцы, почувствовав усиливающееся давление на южный фланг 1-й ТГр, ушли от Радехова на Берестечко (где уже вечером 23 июня захватили важнейшие переправы через реку Стырь) и далее от Берестечко по шоссе на Дубно (см. Карта № 4).

А в это время соединения 15-го мехкорпуса (подобно боксеру на ринге, пританцовывающему перед тем, как нанести удар) совершали некое хаотичное движение внутри «треугольника» Радехов — Броды — Бук. Части 10-й и 37-й тд, непрерывно сменяя друг друга на разных исходных рубежах, подгоняемые приказами командования корпуса и фронта, готовились то к наступлению на Берестечко, то к повторному наступлению на Радехов, то к отражению наступления несуществующего противника, «прорвавшегося» на Броды, а то и вовсе к отходу на Тернополь... Хотя геометрические размеры названного «треугольника» не превышают 50—60 км на сторону, 10-я и 37-я танковые дивизии вырабатывали (судя по отчету командования 15-го МК) по 10—13 моточасов в день!

Вся эта неразбериха закончилась в шесть часов вечера 26 июня сценой, вполне достойной фильма ужасов.

В отчете о боевых действиях 15-го МК читаем: *«18 самолетов противника подвергли тяжелой бомбардировке командный пункт корпуса... Бомбежка продолжалась в течение 50 минут, в результате ранено 2*

красноармейца и 1 убит». 18 самолетов, 50 минут бомбежки, потери — 3 человека? В ходе этого налета погиб командир корпуса, генерал-майор Игнатий Иванович Карпезо. Сослуживцы тут же, в лесу у местечка Топорув, похоронили генерала. Но тут на разбитый КП корпуса прибыл Иван Васильевич Лутай, заместитель командира по политчасти, проще говоря — комиссар корпуса. Прибыл, выслушал доклад о гибели командира — и приказал разрыть свежую могилу.

Писатель-фронтовик В.В. Карпов, член ЦК КПСС последнего срока, последний Первый секретарь правления Союза писателей СССР, в своей известной книге восхвалений мудрости «маршала Победы» Жукова дает такое объяснение действиям комиссара: Иван Васильевич, дескать, потерял самообладание от горя и начал биться над могилой, как истеричная барышня... Верится в такое с трудом. У наших комиссаров и биография и воспитание были слишком суровыми, чтобы их можно было представить в таком образе. Торопливость подчиненных, видимо, насторожила Лутая, и он, скорее, с наганом в руке, нежели со слезами на лице, решил лично разобраться в причине гибели командира корпуса. Могилу разрыли — Карпезо был жив, правда, без сознания, в тяжелой контузии. Бдительность и настойчивость, проявленные Лутаем, спасли генерала (И.И. Карпезо дожил до 1987 г. и ушел из жизни в возрасте 89 лет), но спасти 15-й МК от разгрома, к которому тот уже неудержимо катился, не удалось никому.

Никакого участия в танковом сражении в «треугольнике» Радехов — Броды — Дубно не смог принять и **16-й мехкорпус**. Первые четыре дня войны этот мехкорпус (как и вся 12-я армия в целом)

практически бездействовал на венгерской границе. Затем 16-й МК передали в состав войск бездействующего Южного фронта. Дело в том, что командующий Южным фронтом Тюленев «обнаружил» в Румынии целых 6 несуществующих танковых и моторизованных дивизий противника и срочно затребовал подкреплений. Тюленев был большой человек: генерал армии по званию (во всей Красной Армии было только пять человек в таком звании) и бывший командующий столичным военным округом. Ему поверили и отправили 16-й МК с пассивного на еще более пассивный участок фронта войны.

Затем, когда катастрофа в Белоруссии стала свершившимся фактом, 4 июля 1941 г. Ставка приказала срочно перебросить 16-й МК по железной дороге на Западный фронт, в район Мозыря. Но покинуть южный ТВД 16-му мехкорпусу было не суждено. Уже во время начатой передислокации, 8 июля, мехкорпус был выгружен из эшелонов и брошен в бой в районе Бердичева, где немецкие танки прорвали линию укрепрайонов на старой границе. Несколько дней, вплоть до 15 июля, в районе Бердичев — Казатин полыхало ожесточенное сражение, в ходе которого части 16-й МК понесли большие потери, и корпус фактически перестал существовать как танковое соединение. Остатки 16-й МК и его мужественный командир, комдив А.Д. Соколов, погибли в «котле» окружения под городом Умань.

Несколько более организованно прошло выдвижение мехкорпусов второго эшелона — **9-го МК Рокоссовского и 19-го МК Фекленко.**

Рокоссовский в первые же часы войны своей властью захватил окружную автобазу в Шепетовке и

посадил на «захваченные» там грузовики свою 131-ю моторизованную дивизию. Благодаря этому самоуправству 131-я мд, несмотря на сорванную, как и везде, мобилизацию автотранспорта из народного хозяйства, смогла уже 23 июня выйти к Луцку, обогнав на марше обе танковые дивизии 9-го МК. После чего командующий 5-й армией генерал Потапов изъял эту дивизию из мехкорпуса (*«сделано это было через голову командира корпуса»*), — сердито замечает в своих мемуарах Рокоссовский) и поставил ее в оборону на рубеж реки Стырь.

Это решение, хотя и ослабило и без того очень скромные возможности недоукомплектованного 9-го мехкорпуса, оказалось правильным и своевременным. 131-я мотодивизия спасла тогда положение и предотвратила прорыв фронта 5-й армии, явно назревавший 25 июня после разгрома 22-го механизированного и 31-го стрелкового корпусов.

24 июня танковые дивизии 9-го мехкорпуса вышли в район сосредоточения и вступили в бой с передовыми частями 13-й танковой дивизии вермахта, пытавшейся прорваться к шоссе Луцк — Ровно в районе п. Клевань (30 км западнее Ровно). Как пишет Рокоссовский, *«20-я тд на рассвете 24 июня головным полком с ходу атаковала располагавшиеся на привале в районе Олыка моторизованные части 13-й танковой дивизии немцев, нанесла им большой урон, захватила пленных и много трофеев... Закрепившись, дивизия весь день успешно отбивала атаки подходивших танковых частей противника...»*. Успех тем более впечатляющий, если принять во внимание, что в 20-й танковой дивизии числилось до начала боевых действий всего 36 (тридцать шесть) танков, из которых 30 были снятыми с

производства еще в 1934 г. легкими БТ-5. Фактически единственной относительно боеспособной танковой дивизией в составе 9-го МК была 35-го тд, на вооружении которой было 142 легких танка Т-26. Но и эта дивизия встретила войну с мизерным количеством автотранспорта и мехтяги (188 автомобилей и 7 тракторов) и половиной штатного числа артиллерии (4 гаубицы калибра 152 мм и 6 гаубиц калибра 122 мм).

Командиру **19-го МК** генерал-майору Н.В. Фекленко повезло меньше, чем Рокоссовскому: в Житомире и Бердичеве не нашлось бесхозной автобазы, да и маршрут предстоящего выдвижения 19-го МК был на 100 км длиннее, чем у корпуса Рокоссовского.

Тем не менее 19-й мехкорпус уже к утру 25 июня, пройдя более 200 км на своих крайне изношенных танках Т-26, вышел в исходный район развертывания. Высокий темп марша был обусловлен грамотными и инициативными действиями его командира. Фактически Фекленко сделал именно то, что следовало бы сделать высшему командованию в масштабе всех танковых войск Красной Армии — сократить непомерно раздутое число механизированных соединений и за счет этого довести укомплектованность немногих оставшихся до штатных норм.

Как пишет Владимирский, *«перед выступлением в поход каждая танковая дивизия 19-го мехкорпуса была разделена на два эшелона — подвижный и пеший. В подвижные эшелоны включили все исправные танки, сведенные в танковые полки (по одному сводному танковому полку в дивизии), а также личный состав мотострелкового полка и спецподразделений дивизий, который мог быть перевезен наличным автотранспортом.*

В пешие эшелоны включили весь остальной состав дивизий, не обеспеченный автотранспортом, а неисправные танки оставили на ремонтной базе в Новоград-Волынском... 213-я моторизованная дивизия, передвигавшаяся из-за недостатка автотранспорта комбинированным маршем, к утру 25 июня подтягивалась в район Полонное» (т.е. отстала на 150 км от основных сил корпуса и в дальнейшем воевала в составе 16-й армии генерала Лукина у Шепетовки, в боевых действиях 19-го МК участия не приняла). Таким образом, и 19-й мехкорпус (как и корпус Рокоссовского) остался без мотопехоты, что еще более снизило его скромные боевые возможности.

Первым из всех мехкорпусов Юго-Западного фронта 19-й МК вступил в танковое сражение у Дубно. В ночь на 26 июня передовые отряды 40-й и 43-й танковых дивизий вышли на окраины Дубно, где и завязался встречный бой с мотопехотой и танками 11-й танковой дивизии вермахта.

Отдавая должное инициативе, смелости и решительности генерала Фекленко, примем во внимание и тот факт, что в силу развала всей системы связи и управления на Юго-Западном фронте командир 19-го МК был на протяжении четырех дней избавлен от получения каких-либо указаний от вышестоящего начальства. Еще не известно, какая бы сложилась ситуация, если бы он (как, например, командир 8-го МК Рябышев) получал по три разных приказа в сутки...

ЧЕТВЕРГ, 26 ИЮНЯ

Именно в этот день, в 9 часов утра, в соответствии с решением командования Юго-Западного фронта должен

был начаться контрудар четырех мехкорпусов фронта по прорвавшейся к Дубно танковой группировке противника. Именно этот день и стал первым днем танкового сражения.

Прежде чем приступить к подробному описанию хода и результата этой операции, постараемся как можно точнее представить итоги четырехдневного оперативного развертывания советских войск, их дислокацию, а также состав и расположение сил противника. Никакой линии фронта, в прямом смысле этого слова, на Западной Украине в тот день не существовало. Были отдельные районы боевых действий, отдельные рубежи обороны не потерявших еще боеспособность частей 5-й и 6-й армий, а также дороги и мосты, по которым (часто вперемешку друг с другом) двигались механизированные колонны танковых дивизий вермахта и Красной Армии.

В целом ситуация на северном фланге Ю-З. ф. сложилась следующим образом (см. Карта № 4). На правом фланге 5-й армии, в лесисто-болотистом районе украинского Полесья, немецкая пехота медленно продвигалась в направлении Ковеля. В полосе обороны 6-й армии немецкая пехота оттеснила советские войска на 40—50 км от границы, на рубеж городов Яворов и Жолкев (Нестеров).

На направлении главного удара, в узком 50-километровом «коридоре» на стыке 5-й и 6-й армий, наступали два танковых корпуса противника: 3-й ТК в составе 14-й и 13-й танковых и 25-й моторизованной дивизии и 48-й ТК в составе 11-й и 16-й танковых и 16-й моторизованной дивизий. Они двигались по двум практически параллельным маршрутам: 3-й ТК — в направлении Луцк — Ровно, 48-й ТК — на Берестечко —

Дубно. К исходу дня 25 июня немецкие танковые колонны растянулись на десятки километров, так что указать какое-то точное местонахождение каждой из вышеперечисленных дивизий практически невозможно. Наибольшего продвижения добился 48-й ТК: наступающая в первом эшелоне 11-я тд, заняв главными силами Дубно, передовыми отрядами уже наступала на Мизоч — Острог, а дивизии второго эшелона корпуса (16-я танковая и 16-я моторизованная) растянулись на 50 км вдоль дороги Берестечко — Козин — Кременец (см. Карта № 6).

3-й ТК вермахта, встретивший на Луцком шоссе в первые дни войны упорное сопротивление советских войск, ценой больших потерь занял 25 июня Луцк, но с ходу продвинуться дальше на Ровно не смог. Тогда немецкое командование решило несколько «перестроить ряды»: 14-я тд и 25-я мд начали с боями прорываться на северо-восток, к реке Горынь, в районе Цумань — Клевань — Деражно, а 13-я тд ушла на юг к Дубно, вероятно, с целью выхода на шоссе Дубно — Ровно (см. Карта № 5).

Таким образом, три из четырех немецких танковых дивизий (13, 14, 16-я) оказались утром 26 июня сосредоточенными в окрестностях города Дубно. К началу боевых действий в составе этих трех дивизий числилось всего **438 танков**, в том числе **139 Pz-III** с 50-мм пушкой и **60 Pz-IV**. Вот и все силы противника, которые теоретически могли бы принять участие в «крупнейшем танковом сражении у Дубно». На самом деле, с учетом потерь, понесенных немцами за четыре дня наступления, боеготовых танков у них должно было оставаться еще меньше. Что же касается еще одного танкового корпуса (14-го ТК в составе 9-й тд и двух

моторизованных дивизий войск СС), входившего в состав 1-й ТГр вермахта, то он находился в резерве командующего группой и к этому времени не перешел еще советскую границу — причем по самой простой причине. 26 июня Гальдер делает в своем дневнике следующую запись: *«Находящийся еще в резерве танковый корпус фон Виттерсгейма нельзя двинуть на фронт вследствие крайне плохих дорог, которые и без того перегружены обозом и не могут быть использованы для переброски танков...»* [12].

Что могло реально противопоставить этим силам противника командование Юго-Западного фронта?

22-й МК был уже разгромлен, 16-й МК передан в состав Южного фронта, малочисленный и плохо укомплектованный 24-й МК оставался во фронтовом резерве, самый мощный 4-й МК под руководством Власова и Музыченко просто игнорировал приказы командования фронта и от участия в намеченном контрударе самоустранился. Таким образом, утром 26 июня принять участие в танковом сражении могли бы четыре мехкорпуса: 9, 19, 15 и 8-й. Клин, вбитый немецкими танковыми дивизиями от Радехова до Дубно, разделил ударную группировку Юго-Западного фронта на две неравные части: слабую «северную» (9-й МК Рокоссовского и 19-й МК Фекленко) и несравненно более мощную «южную» (8-й МК Рябышева и 15-й МК с приданной ему 8-й танковой дивизией 4-го МК).

Даже с учетом потерь и неразберихи первых дней войны Юго-Западный фронт все еще располагал огромными силами. В составе одной только «южной» ударной группировки к началу войны числилось более 1,5 тыс. танков. Бесспорным было и качественное

превосходство: полтысячи новейших КВ и Т-34 против двухсот средних (во всех смыслах слова «средний») танков Pz-III и Pz-IV в трех танковых дивизиях немцев.

Первоначально (Боевой приказ штаба фронта № 0015 от 21.00 24 июня) командование Ю-З. ф. планировало начать контрнаступление утром 25 июня, но, убедившись в том, что 8-й мехкорпус и 8-я танковая дивизия 4-го мех-корпуса не успевают даже выйти в исходный район (не говоря уже о времени, необходимом для рекогносцировки местности и разведки противника), перенесло начало контрудара на утро 26 июня. Боевой приказ штаба фронта № 0016 гласил:

«1. К вечеру 25.6.41 г. противник сосредоточил в районе Радзехув до двух-трех танковых и одной моторизованной дивизий.

Основная задача войск правого крыла Юго-Западного фронта — разгром в течение 26.6.41 г. радзехувской группировки противника.

2. Главный удар по механизированной группе противника нанести 8-м и 15-м механизированными корпусами, последний с 8-й танковой дивизией, в соответствии с задачами, поставленными этим соединениям приказом № 0015 на 25.6.41 г. Исходное положение для атаки занять к 4.30 26.6.41 г. Начало атаки - 9.00 26.6.41 г.

Военно-воздушным силам фронта с 4 часов начать бомбометание по местам скопления танков противника с целью максимального подавления к началу атаки. Атаку предварить и сопровождать мощными ударами с воздуха.

3. Командующему 5-й армией генерал-майору Потапову объединить под своим командованием 9-й и

19-й механизированные корпуса и занять ими исходный рубеж для атаки на фронте Грудек, Рымно (оба пункта 8 км юго-западнее Луцка) с целью содействовать 8-му и 15-му механизированным корпусам в разгроме радзехувской группировки атакой вдоль железной дороги (Луцк, Броды). Исходный рубеж занять к 4.30 26.6.41 г. Начало атаки — 9.00 26.6.41 г.

4. Обозначение своего расположения танками — серия красных ракет. Опознавательные знаки авиации — покачивание на левое крыло» [29, стр. 28].

Приказ № 0016 не мог быть выполнен даже теоретически: танковая группировка противника уже покинула район г. Радехов и ушла на восток, к Дубно, и далее. Указанный исходный рубеж для атаки «северной» группировки (Грудек — Рымно, юго-западнее Луцка) был день назад занят противником; что же касается 9-го и 19-го МК, то они еще только выходили в район г. Ровно (т.е. находились в 60—80 км восточнее указанного им исходного района). В результате вместо предусмотренного в приказах № 0015 и 0016 удара с юга и с севера в общем направлении на Берестечко «южная» группировка пыталась наступать от Броды на Берестечко, а «северная» — от Ровно на Дубно.

Уже одно это несовпадение затрудняло организацию взаимодействия «южной» и «северной» группировок. В реальности же никакого взаимодействия не было вовсе.

Судя по документам командования мехкорпусов и послевоенным мемуарам оставшихся в живых генералов, командование Ю-3. ф. даже не поставило командиров в известность о планах и действиях соседей. Так, бывший командир 8-го МК генерал Рябышев пишет, что только во

второй половине дня 27 (двадцать седьмого) июня на командный пункт корпуса *«прибыл начальник автобронетанковых войск фронта генерал-майор Р.Н. Моргунов.*

Он сообщил, что с северо-востока на Дубно должны наносить контрудар по противнику 9-й мехкорпус генерал-майора К.К. Рокоссовского из района Клевань, а 19-й мехкорпус генерал-майора Н.В. Фекленко — из района Роено.

Эта информация для меня была неожиданной. Затем генерал Моргунов уехал в 15-й мехкорпус, и никаких распоряжений от него не последовало...» [113].

В докладе о боевых действиях 43-й танковой дивизии (19-й МК) читаем:

«...за все время марша, вплоть до 26.6.41 г., никакой информации от высших штабов о положении на фронте штаб дивизии не имел». А что же изменилось после 26 июня? Читаем дальше: «...никаких данных о противнике и действиях наших частей на фронте штаб дивизии не имел, наша авиация также для ориентирования по обстановке ничего не дала...» [28, стр. 236, 237].

Дважды Герой Советского Союза В.С. Архипов — в те дни командир разведбата 43-й танковой дивизии — в своих воспоминаниях пишет:

«...когда вечером 26 июня... наша дивизия вышла к Дубно, никто из нас не знал, что с юга успешно продвигается к нам навстречу 8-й мехкорпус генерала Д.И. Рябышева... Подобная ситуация повторилась и на следующий день, когда мы и наши соседи, стрелки 36-го корпуса, вышли на подступы к Дубно, но не знали, что в

город уже ворвалась 34-я танковая дивизия полковника И.В. Васильева из 8-го мехкорпуса...» [109].

В мемуарах маршала Рокоссовского читаем:

«...Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу... По отдельным сообщениям в какой-то степени удавалось судить о том, что происходит на нашем направлении. Как идут дела на участках других армий Юго-Западного фронта, мы не знали. По-видимому, генерал Потапов был не в лучшем положении. Его штаб за все время, что я командовал 9-м мехкорпусом, ни разу не смог помочь нам в этом отношении...» [111].

К этому следует добавить и то, что все командиры во всех отчетах в один голос говорят об отсутствии какого-либо взаимодействия с авиацией, которая не только не *«сопровождала атаку мощными ударами с воздуха»*, но и не обеспечила наступающие танковые части истребительным прикрытием и разведывательной информацией. Разумного объяснения этому найти совсем уже невозможно, так как авиация Ю-З. ф. насчитывала к 24 июня без малого тысячу самолетов [190]. Где же они были? Куда летали? Какая в эти дни могла быть более важная задача, нежели поддержка наступления ударной танковой группировки фронта?

Вернемся, однако, к последовательному изложению событий.

Ранним утром 26 июня из района южнее Ровно двинулась в бой 43-я танковая дивизия 19-го мехкорпуса (см. Карта № 5). К сожалению, загадочный «танковый падеж» не обошел стороной и эту, покрывшую себя в те трагические дни неувядаемой славой дивизию: из **237 танков**, имевшихся в наличии до начала боевых

действий, в атаку пошла сводная танковая группа в составе **2 танка КВ, 2 танка Т-34 и 75 танков Т-26.**

О том, как развивались события, мы узнаем из сохранившегося доклада командира 43-й тд полковника И.Г. Цибина:

«...командование 43-й дивизии остановило отступающую пехоту и артиллерию 228 стрелковой дивизии, расположило их и отдало приказ о вступлении в бой совместно с танковой дивизией. После восстановления необходимого порядка было принято решение на немедленную атаку...

Артиллерия дивизии (43-й гап), двигавшаяся на тракторной тяге со скоростью 6 км в час, находилась еще в пути и к началу атаки открыть огонь не могла. В распоряжении дивизии не было представлено ни одного самолето-вылета, так что получить какие-либо данные о том, что происходит в глубине обороны противника, штаб дивизии не мог, в то время как авиация противника продолжала господствовать в воздухе, корректировала огонь и вела наблюдение за нашими действиями...

В 14.00 танки дивизии выступили в атаку, имея впереди два танка КВ и два танка Т-34, с ходу развернулись и ураганным огнем расстроили систему ПТО и боевой порядок вражеской пехоты, которая в беспорядке начала отступать на запад. Преследуя пехоту противника, наши танки были встречены огнем танков противника из-за засад и с места, но вырвавшимися вперед КВ и Т-34 (которых в этой дивизии было всего четыре штуки. — М.С.) танки противника были атакованы, а вслед за ними — и танками Т-26...

Танки противника, не выдержав огня и стремительной танковой атаки, начали отход,

задерживаясь на флангах, но быстро выбивались нашими танками, маневрировавшими на поле боя. Танки KV и Т-34, не имея в достаточном количестве бронебойных 76-мм снарядов, вели огонь осколочными снарядами и своей массой давили и уничтожали танки противника и орудия ПТО...

Бой длился около 4 часов... Противник, отходя в Дубно, взорвал за собою мосты, лишив таким образом дивизию возможности прорваться в Дубно на плечах его отходящей пехоты...» [28, стр. 237-239].

Быть может, с некоторым преувеличением, но зато гораздо нагляднее описывает этот день командир разведывательного батальона 43-й тд В.С. Архипов (вступивший в войну уже в звании Героя Советского Союза и закончивший ее дважды Героем). В своих воспоминаниях он пишет:

«...когда вечером 26 июня мы гнали фашистов к Дубно, это уже было не отступление, а самое настоящее бегство. Части 11-й танковой перемешались, их охватила паника. Она сказалась и в том, что кроме сотен пленных мы захватили много танков и бронетранспортеров и около 100 мотоциклов, брошенных экипажами в исправном состоянии. На подходе к Дубно, уже в сумерках, танкисты 86-го полка разглядели, что к ним в хвост колонны пристроились восемь немецких средних танков — видимо, приняли за своих. Их экипажи сдались вместе с машинами по первому же требованию наших товарищей. Пленные, как правило, спешили заявить, что не принадлежат к национал-социалистам, и очень охотно давали показания. Подобное психологическое состояние гитлеровских войск, подавленность и панику наблюдать

снова мне довелось очень и очень не скоро — только после Сталинграда и Курской битвы...» [109].

Чудо, конечно же, не произошло. Дивизия Цибина, еще до боя превратившаяся фактически в батальон легких танков, не смогла взять Дубно и разгромить стянутые к этому городу две танковые (11-ю и 13-ю) дивизии противника. Еще менее успешно развивалось наступление 40-й танковой дивизии 19-го мехкорпуса. Дивизия эта была «танковой» только по названию — из 158 боевых машин 139 были легкими танкетками Т-37 с пулеметным вооружением (дивизия только начала свое формирование, и пулеметные танкетки использовались как учебно-боевые машины). К северу от Дубно, на рубеже реки Ик-ва, 40-я танковая дивизия была разгромлена во встречном бою с частями 13-й танковой и 111-й пехотной дивизии вермахта. Не многим смог помочь и наступающий с севера 9-й мехкорпус (точнее говоря — две его недоукомплектованные дивизии без артиллерии и мотопехоты). В хо-пе боя 26 июня корпус Рокоссовского так и не смог прорвать оборону 299-й пд вермахта и выйти на соединение с 40-й танковой дивизией 19-го мехкорпуса.

В последующие два дня положение «северной» группировки советских войск значительно ухудшилось. Немцы, подтянув из района Луцка 14-ю танковую и 25-ю метризованную дивизии, сами перешли в наступление от Дубно на Ровно и далее к реке Горынь. Рокоссовский вспоминает:

«...выехав с группой офицеров штаба на высотку в расположении ведущих бой частей 20-й танковой дивизии, я наблюдал движение из Дубно в сторону Ровно

огромной ко-юнкны автомашин, танков и артиллерии противника.

А к нашему рубежу обороны с юга шли и шли немецкие части...»

С тяжелыми боями остатки 9-го и 19-го мехкорпусов к 28 июня были отброшены на 40—70 км от Дубно, в район Клевань — Тучин — Гоща, где они и закрепились на рубеже реки Горынь. Город Ровно — административный центр и важный дорожный узел Западной Украины — был захвачен противником. И тем не менее свою часть общей задачи бойцы и командиры Рокоссовского и Фекненко выполнили: малочисленная и плохо вооруженная «северная» группировка отвлекла на себя **три из четырех** танковых дивизий 3-го и 48-го корпусов вермахта, тем самым в огромной степени облегчив положение гораздо более мощной «южной» группировки. Образно говоря, отчаянная атака 19-го и 9-го мехкорпусов заставила немцев повернуться лицом на северо-запад, подставив тем самым свою почти ничем не защищенную спину под удар огромного танкового «колуна» 15-го и 8-го мехкорпусов.

Вероятнее всего, немцы тогда этого не понимали. Странно и прискорбно, что и командиры Красной Армии, судя по всему, не знали ни реального соотношения сил, ни всей выгоды своего положения. Вот как комиссар 8-й МК Попель описывает в своих воспоминаниях совещание, которое происходило в штабе корпуса накануне наступления:

«...Завтра занимаем исходный район и во взаимодействии с корпусом Карпезо (15 МК) наносим фланговый удар по группировке противника, состоящей, если верить разведке, из пяти танковых (???) и четырех

механизированных дивизий... Я прикидывал на клочке бумаги — пять танковых и четыре механизированных — примерно две тысячи (???) танков... Численный и технический перевес (???) немцев заставлял нас...» И т.д.

Фраза о «техническом превосходстве немцев», увы, не случайна. Приведем еще один фрагмент из воспоминаний Попеля:

«...Немцы пристреляли мост, и прямо в лоб переправляющемуся танку врезается снаряд... А он как ни в чем не бывало сворачивает направо и направляется в нашу сторону. Выходит, противотанковые пушки немцев не берут лобовую броню. Полезное открытие! Оно поднимает дух наших людей...» [105].

Полезное открытие ??? Советский Союз еще в тридцатые годы закупил в Германии эту самую 37-мм противотанковую пушку! Причем когда в ходе полигонных испытаний выяснилось, что реальная бронепробиваемость оказалась ниже заявленной, то начался большой скандал (оказалось, что советские стандарты на оценку бронепробиваемости были значительно жестче немецких) [87]. И для чего же тогда комиссия Тевосяна объездила в 1940 г. все немецкие танковые заводы? Для чего тогда был закуплен лучший на ту пору немецкий танк Pz-III, для чего гоняли его на испытательном полигоне в Кубинке? Куда же пошли результаты этих испытаний, в ходе которых с «тройки» сняли все характеристики, вплоть до шумовых? Получается, что все эти протоколы, украсившись грозными грифами «совершенно секретно», просто легли мертвым грузом в сейфы?

После того как 8-й МК вынужден был потратить четыре дня на бессмысленные марши, командование фронта потребовало начать немедленное наступление. Выбор направления удара (от Брод на Берестечко) по меньшей мере странный. Даже на современной карте автомобильных дорог Украины между этими городами невозможно обнаружить ни одной приличной дороги. Местность покрыта лесом со множеством мелких речушек. А от Брод на Дубно идет главная магистраль, идет по совершенно открытой местности — ни одного «зеленого» пятна на карте...

Корпусу пришлось начать атаку без рекогносцировки, без серьезной разведки противника, без артподготовки. От обещанной авиадивизии в небе до конца дня так и не появилось ни одной эскадрильи. Фактически развернутые левее полосы наступления мехкорпуса две стрелковые дивизии (139-я и 141-я), как пишет Попель, *«и слыхом не слыхали о наступлении корпуса. А могли бы очень помочь»*. Сосед слева — 15-й мехкорпус — продолжал судорожные метания по лесу в районе Вуек — Топорув и в атаку 26 июня так и не пошел. Именно вечером 26 июня и произошел кошмарный инцидент с закапыванием в землю живого командира 15-го МК, после чего корпус потерял боеспособность и на весь следующий день (наступление на Берестечко 15-го МК начал только в полдень 28 июня). 8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса, переданная в оперативное подчинение 15-го МК, все еще ползла со средней скоростью 20 км в сутки от Львова к

Буску и в контрударе 26 июня никакого участия не приняла...

И тем не менее — «против лома нет приема». Несмотря на всю безобразную подготовку и организацию наступления, даже действуя в одиночку, 8-й мехкорпус достиг 26 июня некоторого успеха.

12-я танковая дивизия генерал-майора Т.А. Мишанина при поддержке артиллерии и мотопехоты преодолела заболоченную местность и к 11 часам утра форсировала речку Слоновку. К 16 часам в ожесточенном бою 24-й танковый полк этой дивизии захватил селение Лешнев (20 км к северу от Брод). У Лешнева произошел первый танковый бой, после которого — как следует из мемуаров Попеля — немногие уцелевшие немецкие танки вынуждены были спасаться бегством: *«Немцы дрогнули и под прикрытием взвода Pz-IV пустились наутек. Бежали откровенно, беспомощно, трусливо... Наши КВ потрясли воображение гитлеровцев...»*

В документе (Доклад командира 8-го МК о боевых действиях корпуса с 22 по 29 июня 1941 г.) события 26 июня описаны гораздо более сдержанно:

«...Корпус атаковал обороняющиеся части 16-и бронетанковой дивизии противника в общем направлении Броды, Берестечко, Боремель, но, встретив организованное сопротивление противника, прикрывавшегося непроходимой для танков болотистой рекой и уничтожившего все переправы через эту реку, развить темп наступления не смог.

Части 12-й танковой дивизии, атакуя противника, форсировали р. Слоновка и вышли в район артиллерийских позиций, захватив к исходу дня высоты севернее Лешнев и уничтожив при этом 3 батареи и 4 танка противника.

В этом бою 12-я танковая дивизия понесла большие потери в личном составе и материальной части: 8 танков было подбито в бою, 2 танка завязли в болоте, кроме того, авиацией противника были уничтожены все тракторы артиллерийского полка и большая часть орудийных расчетов.

34-я танковая дивизия к исходу дня овладела районом Хотын, Редкув, Коморувка, уничтожив при этом 3 батареи, 2 батальона мотоциклистов, захватила два штаба батальонов и 4 танка противника... В этом бою 34-я тд потеряла 5 танков, из коих 4 танка были подбиты противником и 1 танк сгорел...» [28, стр. 167].

Как бы то ни было, но корпус наступал, и до Берестечко оставалось менее 20 км. Казалось бы, еще немного — и наметившийся успех можно будет превратить в прорыв оперативного масштаба. И это отнюдь не дилетантские прожекты. Генерал Рябышев в своих послевоенных мемуарах пишет:

*«...Обстановка для 8-го мехкорпуса складывалась благоприятно. Прикрывалась группировка немцев не сплошь, а на отдельных участках, ее войска были разбросаны на дорогах. В отличие от этого, соединения 8-го мехкорпуса занимали выгодное положение на флангах и в тылу вражеских дивизий... Отправляя в штаб фронта донесение об успешных действиях корпуса, я полагал, что командующий примет решение развить успех корпуса, разгромить врага и **отбросить его к границе** (выделено мной. — М.С.)» [113].*

Стоит отметить и тот отрадный факт, что успех был достигнут ценой минимальных (в сравнении с исходной численностью) потерь боевой техники: 12-я танковая дивизия потеряла в бою 8 танков, еще два завязли в

болотах, потери 34-й тд составили всего 5 танков. Теперь оставалось добиться, наконец, активных действий от мечущегося по лесам 15-го мехкорпуса, наладить взаимодействие с пехотой и артиллерией, прикрыть наступающие ганки с воздуха — и тогда спасти немцев от разгрома могло только чудо.

Чудеса иногда случаются. Чаще всего их делают сами поди. Помните, как в книжках про стародавние времена пишут: положил преступник голову на плаху, взмахнул палач топором — а тут как раз и скачет гонец с указом «нашего доброго короля» о помиловании... Нечто подобное и произошло в ночь с 26 на 27 июня 1941 г.

КОМАНДУЮЩИЙ

В описании Н.К. Попеля события разворачивались так:

«...В землянку (командный пункт 34-й тд полковника Васильева) ввалился Оксен (начальник контрразведки корпуса). Едва поздоровавшись, не извинившись, что было несвойственно уравновешенному, неизменно вежливому разведчику, он подошел ко мне,

— В тылах дивизии задержано шестеро красноармейцев. Они утверждают, что дивизия Мишанина (12-я тд) быстро отступает, два генерала сдались в плен... Божатся, что отход дивизии видели своими глазами, а о пленении генералов знают со слов. Дивизия, если им верить, стадом отходит через лес на юг...»

Установить радиосвязь ни со штабом корпуса, ни с КП танковой дивизии Мишанина не удалось. Рации молчали. Крайне встревоженный, Попель бросился на

танке Т-34 через пылающий после многократных бомбардировок хвойный лес к Бродам. Но в лесу на восточной окраине города, на том месте, где днем располагался штаб корпуса, уже никого не было: *«Ни души. Пустые землянки. Ветер лениво гоняет обрывки бумаг...»* Вскоре на лесную поляну выехала машина заместителя начальника разведки корпуса майора Петренко. Он также подтвердил достоверность невероятных сообщений:

«...дивизия Мишанина ушла с передовой... По дороге несколько раз натыкались на ее бойцов. Бредут как попало. Командиров не видно... Уверяют, что генерал Мишанин приказал отступить на Броды, а сам вместе с командиром-корпуса сдался в плен...»

Жанр этой книги — документальное историческое исследование, поэтому не будем дальше интриговать читателя, тем более что ничего загадочного и не произошло. Никаких X-лучей, никаких немецких десантов, никаких землетрясений в заболоченном лесу — просто 8-й мехкорпус в очередной раз накрыла «ударная волна» от очередного безумного приказа командования Юго-Западного фронта.

Маршал Баграмян в своих мемуарах с гордостью пишет, что *«в штабе фронта не чувствовалось и тени растерянности»!*

Не будем спорить. Поверим на слово. Растерянности — не было. Всего остального — евязи, разведки, достоверной информации о состоянии своих войск и войск противника, твердости и последовательности в принятии решений — тоже не было. Вечером 26 июня на основании панических слухов (которые неизбежно, как вши на заключенном в концлагере, заводятся в тылу

деморализованной армии) в штабе ЮЗФ. пришли к выводу, что начавшийся утром контрудар уже закончился неудачей. Оперативная сводка штаба ЮЗФ № 09 от 26.06.1941 г. сообщала: *«8-й мехкорпус в 9.00 26 июня нерешительно атаковал мехчасти противника из района Броды и остановлен противником в исходном (???) для атаки районе...»* [29, стр. 30].

Уже эта оценка ситуации, принятая в то самое время, когда 19-й и 8-й мехкорпуса (к сожалению, не имея связи друг с другом) наступали на Дубно и Берестечко, была совершенно неадекватна реальности. Ну а решение, принятое на основании такой оценки, было совсем уже странным. *«Слово взял начальник штаба фронта, — вспоминает Баграмян. — Его мысль сводилась к тому, что надо подходящие из глубины 36-й и 37-й стрелковые корпуса расположить на линии Дубно, Кременец, Золочев с задачей упорной обороной задержать врага. Механизированные корпуса отвести за этот рубеж»* [110].

Где тут логика, где следы здравого смысла? Даже если исходить из того, что мехкорпуса фронта, все еще располагавшие к тому времени полутора тысячами танков, оказались неспособны разгромить или по крайней мере задержать продвижение врага, то какие же были основания надеяться на то, что два стрелковых корпуса смогут справиться с такой задачей? Неужели в штабе фронта еще не знали, что стрелковые дивизии, укомплектованные в значительной части призывниками из западных областей Украины, разбегаются толпами после первых же выстрелов? И как можно ставить задачу *«отвести за этот рубеж»*, когда никакого оборудованного оборонительного рубежа на линии Кременец — Золочев еще и в помине не было, а пехота 36-го и 37-го

стрелковых корпусов в этот район еще только-только выходила?

Примечательно, что и Г.К. Жуков (начальник Генерального штаба и полномочный представитель Ставки на Юго-Западном фронте) прямо предупреждал **против такого решения:**

«...узнав, что Кирпонос намеревается подходовшие из глубины 36-й и 37-й стрелковые корпуса расположить в обороне на рубеже Дубно, Кременец, Новый Почаев, он решительно воспротивился против такого использования войск второго эшелона фронта:

— Коль наносить удар, то всеми силами!

...Перед тем как улететь 26 июня в Москву, Г.К. Жуков еще раз потребовал от Кирпоноса собрать все, что возможно, для решительного контрудара...» [110].

Полная несостоятельность принятого вечером 26 июня решения (которое Баграмян даже в своих послевоенных мемуарах без тени смущения называет «наиболее отвечающим изменившейся обстановке оперативным решением») выявилась не через несколько дней, а уже **через несколько часов** — утром 27 июня.

Продолжим чтение воспоминаний Баграмяна:

«..Не успели мы получить донесения о возвращении 8-го и 15-го мехкорпусов на прежние рубежи, как по штабу пронеслась весть: фашистские танки устремились на Острог. В штабе фронта — тревога (но ни тени растерянности. — М.С.)... Полковник Бондарев взволнованно доложил, что сегодня (27 июня. — М.С.) на рассвете 11-я немецкая танковая дивизия совершила стремительный рывок из района Дубно. Отбросив к югу находившиеся на марше части правофланговой дивизии

36-го стрелкового корпуса, она теперь почти беспрепятственно продвигается на Острог...»

Вот и весь «оборонительный рубеж, занятый стрелковыми корпусами»!

Но еще раньше, чем немецкие танковые части про-юлжили наступление с поля боя у Дубно на восток, на решение командования ЮЗФ отреагировала Москва. В ночь с 26 на 27 июня в штабе ЮЗФ заработал аппарат высокочастотной телеграфной связи «ВОДСО. Баграмян вспоминает:

«...Бегу в переговорную, подхватываю ленту, читаю: «У аппарата генерал Маландин (заместитель начальника Генштаба РККА. — М.С). Здравствуйте. Немедленно доложите командующему, что Ставка запретила отход и требует продолжать контрудар. Ни дня не давать покоя агрессору. Все».

Спешу к Кирпоносу. Выслушав мой доклад, он тихо чертыхнулся...»

Тихое чертыхание большого начальства оглушительно отозвалось в войсках.

На рассвете 27 июня Попель нашел, наконец, на южной окраине Брод штаб своего мехкорпуса:

«...мы увидели на обочине КВ командира корпуса. Около танка, не останавливаясь, туда и обратно, как заведенный, шагал Рябышев. Я видел комкора всяким. Но таким — никогда... Рябышев, едва кивнув мне, достал из нагрудного кармана сложенную вдвое бумажку:

— Ознакомься.

На листке несколько строк, выведенных каллиграфическим писарским почерком. Кругленькие, с

равномерными утолщениями буквы, притулившись одна к другой, склонились вправо. «37-й стрелковый корпус обороняется на фронте Нов. Почаев — Подкамень — Золочев. 8-му механизированному корпусу отойти за линию 37 СК и усилить его боевой порядок своими огневыми средствами. Выход начать немедленно».

Внизу подпись: «Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос». А над скобками — размашистая, снизу вверх закорючка...

С юга приближалась какая-то легковая машина. Остановилась неподалеку. Из нее вылез знакомый полковник из штаба фронта. Небритый, с красными от бессонных ночей глазами, он сухо с нами поздоровался и вручил Рябышеву конверт. Дмитрий Иванович сорвал сургучную печать, и мы увидели те же кругленькие, утомленно склонившиеся вправо буквы и ту же подпись — закорючку. Только текст совсем другой: корпусу с утра наступать из района Броды в направлении Верба — Дубно и к вечеру овладеть Дубно.

Рябышев оторопело посмотрел на полковника:

— А предыдущий приказ?

Полковник не склонен был вступать в обсуждение:

— Выполняется, как вам известно, последний...»

[105].

Поверить во все это трудно, но история с двумя приказами прямо противоположного содержания, полученными утром 27 июня, в целом находит свое подтверждение в документах. В упомянутом выше «Докладе командира 8-го МК о боевых действиях корпуса» читаем:

*«...В 2.30 27.6.41 г. к командиру 8-го механизированного корпуса прибыл генерал-майор Панюхов и передал ему следующий **устный приказ** (выделено мной. — М.С.) командующего Юго-Западным фронтом:*

«37-й стрелковый корпус обороняется на фронте м. Почаев Новы, Подкамень, Золочев. 8-му механизированному корпусу отойти за линию пехоты 37-го стрелкового корпуса и усилить ее боевой порядок своими огневыми средствами. Выход начать немедленно».

...В 6.00 27.6.41 г. в районе 2 км южнее Броды через бригадного комиссара Михайлова был получен второй приказ командующего Юго-Западным фронтом №2121 от 27.6.41 г. о наступлении 8-го механизированного корпуса с 9.00 27.6.41 г. в направлении Броды, м. Верба, Дубно...» [28, стр. 167].

В отчете о боевых действиях 15-го МК (подписан ВРИО командира корпуса полковником Ермолаевым) события описаны так:

«...27.6.41 г. На основании приказа Юго-Западного фронта (явно ошибочно указан номер другого приказа и совершенно нереальная дата — 29 июня. — М.С.) приказано отойти на рубеж Золочовских высот за оборонительную линию 37-го стрелкового корпуса для приведения себя в порядок.

Командиром 15-го механизированного корпуса был отдан к пшый приказ частям корпуса на отход...

Прибывший около 10 часов на командный пункт командира 15-го механизированного корпуса в лес у Каштеляны начальник Управления политпропаганды

Юго-Западного фронта бригадный комиссар Михайлов по поручению Военного совета фронта передал вновь приказ о наступлении корпуса в направлении Берестечко...» [29, стр. 261].

Как видим, Попель в своих мемуарах ошибся лишь с воинским званием того, кто доставил приказ на возобновление наступления (заменяв за чем-то бригадного комиссара Михайлова на «знакомого полковника из штаба фронта»). Не вполне ясно — был ли приказ на отход передан в устной форме или все же существовал листок бумаги с «подписью — закорючкой»... В любом случае, самое время прервать наш рассказ о трагических событиях июня 1941 г. для того, чтобы ближе познакомиться с тем человеком, который имел право ставить свою подпись рядом со словами «Командующий Юго-Западным фронтом».

Люди, лично знавшие генерала Кирпоноса, отзываются и о нем по-разному.

Маршал К.С. Москаленко пишет о нем тепло и уважительно:

«...Он был образованным в военном отношении человеком и проявил себя храбрым и волевым командиром во время войны с белофиннами... Храбрый, мужественный генерал погиб - дни тяжелых испытаний, оставив по себе добрую и светлую память в сердцах тех, кто знал его...»

Комиссар Попель дает более неоднозначную оценку командующему:

«...Безупречно смелый и решительный человек, он еще не созрел для такого поста. Об этом мы не раз

говорили между собой, говорили спокойно, не усматривая здесь в мирное время большой беды, забывая, что приграничный округ с началом боевых действий развернется во фронт...»

Маршал Рокоссовский описывает свою встречу с командующим Ю-3. ф. в весьма жестких выражениях:

«...Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность... Он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: «Что же делает ПВО? Самолеты летают, и никто их не сбивает. Безобразие.»

...Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО... Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать. В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным...»

Михаил Петрович Кирпонос погиб 20 сентября 1941 г. при попытке выйти из окружения восточнее Киева. Какими бы ни были обстоятельства его гибели (встречаются три версии: гибель в бою, самоубийство, чекисты выполнили секретный приказ Сталина не допустить пленение высшего командного состава фронта), генерал Кирпонос отдал свою жизнь за Родину, и это обстоятельство заставляет автора быть предельно сдержанным в оценках. Предоставим генералу Кирпоносу право рассказать о себе самостоятельно — благо в нашем распоряжении есть автобиография, написанная им 21

октября 1938 г. [187]. Приведем ее с очень небольшими сокращениями и краткими комментариями:

«Родился 9 января 1892 г. в м. Веркиевка Черниговской губернии, в семье крестьянина-бедняка. В хозяйстве имелось полдесятины земли, хата и больше ничего. Отец мой долго работал кубовщиком в чайной (какой же это «крестьянин»?) в нашем местечке... Начал учиться в церковно-приходской школе в 1899 г. В 1900 г. перешел в земскую школу в своем же местечке... Общее образование — окончил 3 группы земской школы и в 1903 г. поступил в 2-классное училище и в Борзенскую школу садоводства, но не смог там учиться из-за тяжелого материального положения моих родителей...

В декабре 1909 г. поступил на службу в Коровяковское лесничество лесным сторожем, в 1912 г. переведен в Михайловское лесничество на должность культурного надзирателя (работа в лесных питомниках) с окладом 12 руб. в месяц. В данном лесничестве я прослужил до сентября 1915 г., т.е. до мобилизации в царскую армию. Служил в 216-м запасном пехотном полку... В мае 1917 г. окончил фельдшерскую школу (т.е. в боевых действиях Первой мировой войны практически не участвовал).

На румынском фронте я был с августа 1917 г. по февраль 1918 г. в 258-м полку в качестве ротного фельдшера... Но время Октябрьской революции вел среди солдат агитацию за большевизм. Здесь я избирался председателем полкового комитета, членом дивизионного ревкома...

По возвращении с румынского фронта я явился инициатором организации красных партизанских отрядов для борьбы с контрреволюцией... В сентябре 1918 г. из

пределов Украины бежал на территорию РСФСР, где и вступил в ряды 1-й Советской дивизии повстанческих войск Украины... Занимал должности: пом. начальника дивизии, председатель ревтрибунала, командира 2-го Богунского полка...

1 июля 1919 г. приказом т. Щорса назначен был помощником начальника школы Красных командиров в г. Житомире... Вследствие болезни в этой же школе перешел на нестроевую работу — секретарем военкома школы...

В мае 1920 г. назначен во 2-ю Киевскую школу красных старшин, в которой работал на должностях от командира хозяйственной команды до комиссара школы.

С 23-го по 27-й г. — учеба в Военной академии РККА им Фрунзе. В январе 1931 г. назначен начальником штаба 51-й стрелковой дивизии в Одессе, в апреле 1934 г. с этой должности назначен начальником Казанского пехотного училища, где работаю и сейчас.

Общественная работа: в период борьбы с оппозицией вел активную работу по разоблачению и изъятию из Харьковской школы красных старшин «укапистов», поддерживая тесную связь с органами ЧК. В период учебы в Военной академии на занятиях вскрывал антипартийное лицо оппозиционеров. В 1927 г. мной был разоблачен как троцкист политрук Полищук. В связи с его разоблачением были выявлены и другие троцкисты... В Казанском пехотном училище принимал активное участие в разоблачении врагов народа Гобасова, Юсупова, Обрываева, Павловского и др... В 1937 г. по моей инициативе был привлечен и осужден зампред Зеленодольского горсовета за преступное отношение к составлению списков избирателей...

Никогда никаких колебаний и отклонений от генеральной линии партии не имел и не имею.

В 1937 г. наложено партвзыскание — выговор без занесения в личное дело за то, что проглядел очковтирательство при сдаче норм ГТО 2-й ступени...

Женился я в 1911 г. на гражд. (так в тексте!) Олимпиаде Васильевне Поляковой (дочь шорника), развелся с ней в 1919 г. Дочери после развода воспитывались у меня... Второй раз я женился в 1919 г. на Софье Александровне Пиотровской. От второй жены имею трех дочерей. Жена моя родилась в г. Житомире, по национальности полька. Отец ее служил в Госбанке сторожем, жили они все время очень бедно. До революции отец жены работал в ресторанах официантом, а мать готовила домашние обеды без применения наемной силы. Брат жены, Ян Пиотровский, в 1924 или 1925 г. ушел в Польшу, где он и что делает, ни я, ни моя жена не знаем...

Отец жены в 1930 г. был выслан из г. Житомира в Алма-Ату, куда уехали его жена и дочь Розалия... Жена считает, что у нее нет отца, матери, брата и сестры, и не интересовалась и не интересуется их судьбой. За что выслан отец жены, ни я, ни моя жена не знаем, но жена понимает, что отец ее, очевидно, заслужил это, и поэтому никакой жалости к нему не проявляла и не проявляет...»

Такая вот биография. Человек сугубо скромный в своих притязаниях (с 17 до 23 лет проработал лесником), выросший в семье сельского люмпен-пролетария. К воинской службе никогда не тяготел, от фронта Первой мировой войны уклонялся как только мог. Заботливый отец и нервный муж — другой бы на его месте быстро

развелся с дочерью репрессированного поляка. «Пятно» в личном деле смывал усерднейшим сотрудничеством с карательными органами. Пик карьерного роста — три года на должности начальника штаба дивизии. До и после этого — на нестроевых должностях от завхоза до начальника пехотного училища в провинциальном захолустье. Упоминание об учебе в Военной академии им. Фрунзе не должно вводить нас в заблуждение — чему и как учили в этой «академии», если слушателями были люди с незаконченным начальным образованием? По сути дела, это был закрытый, «элитный» ликбез, в котором малограмотных «выдвиженцев» с грехом пополам подтягивали до уровня средней семилетней школы.

Все познается в сравнении. Для того чтобы читатель мог по достоинству оценить биографию командующего Юго-Западным фронтом, приведем краткие данные и о командующем немецкой Группой армий «Юг» генерал-фельдмаршале Рундштедте.

Он был на 17 лет старше Кирпоноса, родился в 1875 г. в семье генерала прусской армии. Окончил военное учи-пище в Ораниенштейне, в 1893-м произведен в лейтенанты. В 1907-м окончил Военную академию. В годы Первой мировой войны — офицер Генерального штаба, затем — начальник штаба 53-го армейского корпуса на Восточном фронте, а к концу войны — начальник штаба 15-го корпуса по Франции. За боевые заслуги и личное мужество награжден Рыцарскими крестами 1-го и 2-го классов и орденом Дома Гогенцоллернов. После поражения Германии остался служить в рейхсвере. В конце 1932 г. Рундштедт был назначен командующим 1-й армейской группой в Верлине. В ноябре 1938-го вышел в отставку в связи с

тем, что высказался против оккупации Судетской области Чехословакии (интересно, что бы было с советским генералом, который, к примеру, высказался против «освобождения» Западной Украины?).

В мае 1939 г. вернулся на службу в вермахте. Во время вторжения в Польшу командовал Группой армий «Юг», занявшей Варшаву. Во время Французской кампании Рундштедт командует Группой армий «А», прорвавшей фронт у Седана и окружившей главные силы союзников у Дюнкерка. После победы во Франции получает высшее в Германии воинское звание генерал-фельдмаршала.

Назначение полководца такого уровня на должность командующего одной из трех Групп армий вермахта на Восточном фронте выглядит понятно и логично. Но как же его противником оказался бывший начальник Казанского пехотного училища?

Во всем виновата война. Финская. Начальник пехотного училища был призван в действующую армию и стал командиром 70-й стрелковой дивизии. В последние дни войны дивизия Кирпоноса совершила подвиг — страшный, кровавый, абсолютно бессмысленный. По условиям мирного договора город Выборг (Виипури) должен был отойти к СССР. Тем не менее Сталин и Тимошенко приказали, не дожидаясь дня и часа прекращения огня, взять город штурмом. 70-й стрелковой дивизии поручено было обойти город по льду Финского залива и «отрезать пути отхода окруженных в городе финских войск» (и это при том, что порядок и сроки отвода финских войск в это самое время согласовывались на переговорах в Москве). Разумеется, финны не отказали себе в удовольствии проучить

зарвавшегося агрессора. Снаряды тяжелых орудий береговых батарей проламывали огромные полыньи, ледяной воде исчезали живые и мертвые красноармейцы

Командир дивизии Кирпонос мужественно шагал впереди атакующих цепей — одним словом, товарищ Сталин мог быть совершенно доволен покорностью своих подлинных.

На тех, кто смог доставить такое удовольствие вождю, обрушился ливень наград, званий, новых назначений. Командарм 1 ранга Тимошенко стал маршалом и Наркомом обороны СССР, командующий 7-й армией, штурмовавшей «линию Маннергейма», командарм 2-го ранга Мерецков стал генералом армии и начальником Генерального штаба РККА. Не было забыто и личное мужество, проявленное Кирпоносом, — он получил Золотую звезду Героя Советского Союза и назначение на должность командира 49-го стрелкового корпуса.

Вот тут бы товарищу Сталину и остановиться — но нет, уж очень ему приглянулся скромный и мужественный новоиспеченный генерал-майор Кирпонос. В июне 1940 г., перескочив сразу через несколько ступенек служебной лестницы, бывший начальник Казанского пехотного училища назначается на должность... командующего поисками Ленинградского военного округа! Но и этого показалось мало! В феврале 1941 г. Сталин назначает Г.К. Жукова на должность начальника Генштаба, а освободившийся кабинет командующего войсками Киевского ОВО — крупнейшего военного округа Советского Союза — занимает 22 февраля 1941 г. Кирпонос, получивший при этом третье за 9 месяцев повышение в воинском звании (он стал

генерал-полковником). Ни Англия, ни США не имели в тот день сухопутной армии такого размера, как та, которой предстояло управлять ротному фельдшеру Первой мировой войны, признанному уже в 1920 г. годным лишь к нестроевой.

«И горе войскам, ему вверенным...»

Командование фронта, которому теперь (утром 27 июня) надо было продемонстрировать перед Ставкой свою готовность *«ни на день не давать покоя агрессору»*, не дало 8-му мехкорпусу ни дня для спокойной перегруппировки и развертывания на новых исходных рубежах. А корпус в этом очень даже нуждался.

Во-первых, существенно изменились и направление, и глубина предстоящего наступления. Правда, изменение было разумным: от Броды на Дубно идет шоссейная дорога, параллельно ей — насыпь железной дороги, местность открытая, для наступления танков удобная. Но на эту дорогу танковым дивизиям корпуса еще надо было выбраться из лесного массива у Лешнюв — Хотин. Расстояние от Броды до Дубно составляет 62 км по шоссе, и едва ли такая «задача дня» была реальной для мехкорпуса, части которого в результате чехарды приказов командования фронта оказались разбросаны на десятки километров.

12-я танковая дивизия удивительно быстро выполнила ночной приказ об отходе, в ряде случаев отвод войск перешел в беспорядочное бегство. Разложение в дивизии дошло до того, что тяжело контуженного при бомбежке командира дивизии генерала Мишанина просто затащили в брошенный танк и оставили одного в Бродах, под «присмотром» такого же

контуженого ординарца [105]. В докладе командира корпуса читаем:

«...В момент получения приказа Юго-Западного фронта 12-я танковая дивизия находилась в движении от Броды на Лодкамень, ее колонна была растянута на глубину 20—25 км. Делегатом штаба корпуса половина колонны боевых машин 12-й танковой дивизии немедленно повернута кругом и в составе 25 тяжелых и средних машин в качестве передового отряда была в 10.00 27.6.41 г. отправлена в направлении Козин, Верба, Дубно с задачей захватить Дубно...

...Вслед за указанным отрядом в 14.00 27.6.41 г. была введена 34-я танковая дивизия (150—156 танков, мотострелковый и артиллерийский полки) с задачей к исходу дня овладеть районом Дубно...

...Вслед за 34-й танковой дивизией в 17.00 27.6.41 г. из района Червоноармейск выступили части 23-го и 24-го танковых полков 12-й танковой дивизии (до 30 танков) в район м. Верба для совместных действий с 34-й танковой дивизией. К исходу 27.6.41 г. эти части соединились с 34-й танковой дивизией.

*Остальные части 12-й танковой дивизии в течение 27.6.41 г. находились в районе Подкамень, где приводили себя в порядок и **к исходу дня** (подчеркнуто мной. — М.С.) сосредоточились в лесах северо-восточнее Броды...» [28, стр. 168].*

Таким образом, 27 июня корпус был разорван (как стало ясно через несколько дней — разорван навсегда) на две части. Ударная группа под командованием комиссара корпуса Попеля, в состав которой вошли 34-я тд и отдельные группы танков из состава 12-й тд (всего порядка 220 танков и до 9 тыс. человек личного состава),

двинулась по шоссе на Дубно. Остальные соединения корпуса (основные силы 12-й тд, 7-я моторизованная дивизия, корпусные части) под командованием Рябышева в течение дня 27 июня сосредотачивались в районе Броды. Важно отметить, что большая часть танков новых типов (порядка 100 КВ и Т-34) **оказалась именно в группе Рябышева**; в составе группы Попеля могло быть не более 8 танков КВ из состава 34-й тд и порядка 40 танков Т-34 и КВ, переданных из 12-й тд.

К вечеру 27 июня группа Попеля, разгромив на ходу несколько разрозненных подразделений немецких войск, вышла к южным пригородам Дубно. В своих воспоминаниях Попель пишет:

«...Оборонявшие деревню Грановка батальон пехоты и рота танков противника были застигнуты врасплох. К орудиям, к танкам, в окопы немецкие солдаты бросались в одних трусах — загорали. С вражеским заслоном Волков разделался так быстро, что основным силам не пришлось даже притормаживать... Во всю ширину шоссе шли наши мотоциклисты. Правее них, по-над железной дорогой двигались танки с пушками, обращенными влево. Когда я с пригорка увидел эту разлившуюся лавину, то испытал ту особую радость, какую дает сознание собственной силы...»

Утром 28 июня группа Попеля встретилась с частями 111-й пехотной дивизии вермахта, которые заняли оборону в пригородах Дубно. В ходе напряженного боя советские танкисты продвинулись еще на 10 км и заняли поселок Сады Малы на южной окраине Дубно. Войти в сам город так и не удалось (хотя в донесении штаба Юго-Западного фронта, направленном в 22.00 28 июня в Генеральный штаб Красной армии, было сказано, что «по

данным на 14.00 28.6.41 г. 8-й механизированный корпус занимает Дубно») [29, стр. 44]. В любом случае, важнейший дорожный узел, через который шло снабжение 1-й танковой группы вермахта, был парализован, а в тылу ушедших на восток от рубежа р. Иква немецких дивизий появилось мощное танковое соединение советских войск.

ДВА КОМИССАРА

На предыдущих страницах этой книги было высказано много (слишком много, как скажет, возможно, иной читатель) критических замечаний в адрес Красной Армии образца 1941 года. Пора уже вспомнить и о том, что противник был исключительно силен и совладать с ним в то время не могла ни одна армия мира. Сила вермахта заключалась, разумеется, не в «многократном численном превосходстве», которого не было и в помине, и уж тем более не в «техническом превосходстве» худосочных немецких танков.

Сила была в другом: в общей для всех — от генерала до рядового — уверенности в своей непобедимости, в своем превосходстве над любым противником, в непреклонной твердости командования и стойкости войск. Приходится констатировать, что прорыв советского танкового клина в тыл главной ударной группировки вермахта не вызвал и тени растерянности у немецких генералов. **Панический вопль: «нас окружают» — так и не раздался.** Днем 28 июня начальник Генерального Штаба сухопутных войск Ф. Гальдер хладнокровно записывает в своем дневнике:

«...В полосе группы армий «Юг» 8-й русский танковый корпус наступает от Броды на Дубно в тыл

нашим 11-й и 16-й танковым дивизиям. Надо надеяться, что тем самым он идет навстречу своей гибели...»

Три из четырех танковых дивизий 1-й ТГр вермахта продолжили свое неуклонное продвижение на Восток. Вырвавшись из капкана у Дубно, 11-я тд уже 27 июня захватила Острог, форсировала реку Горынь и двинулась по шоссе к Шепетовке — важнейшему железнодорожному узлу Левобережной Украины. Дивизии 3-го танкового корпуса вермахта (13-я и 14-я танковые, 25-я моторизованная), развивая наступление от Дубно на северо-восток, к исходу дня 28 июня заняли Ровно и уже на следующий день вышли к реке Горынь в полосе Гоща — Тучин (см. Карта № 5).

Приходится признать, что немецкое командование нашло самое верное, точно соответствующее обстановке решение: немецкие танковые дивизии спаслись от неминуемого разгрома БЕГСТВОМ.

Да, именно так. Никакого танкового сражения у Дубно (подобного битве под Прохоровкой в июне 1943 г.) не было. Немецкие танки «сбежали с поля боя» — только сбежали они **не назад, а вперед, на восток**, в глубокий тыл Юго-Западного фронта. А для локализации прорыва советских танков у Дубно немецкое командование спешно стягивало с других участков фронта четыре пехотные дивизии (111, 44, 75, 57-я), а также часть сил 16-й танковой и 16-й моторизованной дивизий из состава 48-го танкового корпуса. В скобках заметим, что сам факт появления немецкой пехоты в 120 км от границы уже на пятый-шестой день войны совершенно однозначно свидетельствует о том, каким было на самом деле «ожесточенное сопротивление» советских войск. Для пехоты, идущей пешком, 20 км в

день — это темп марша, причем марша форсированного. Примечательно, что в октябре 1939 г. именно в этих местах, на территории оккупированной Восточной Польши, для отвода немецких и советских войск на согласованную линию новой границы был установлен как раз такой (20 км в день) график движения походных колонн [1, стр. 130]. Воевать и преодолевать «ожесточенное сопротивление» при таких темпах немецкой пехоте было бы просто некогда...

Разумеется, если бы вермахту в июне 1941 г. противостояла организованная, управляемая, умеющая и желающая сражаться армия, то такое решение командования привело бы немецкие войска на Украине к гибели. Брошенная под танки пехота была бы разгромлена, а отрезанные от линий снабжения танковые части сами загнали бы себя в западню, в которой им предстояло погибнуть без горючего и боеприпасов. Но немецкие генералы уже поняли (или интуитивно почувствовали), с кем они имеют дело. Паника, охватившая войска и командование Юго-Западного фронта после прорыва передовых немецких частей на Острог, оказалась самым эффективным оружием, гораздо более мощным, нежели малокалиберные пушки немецких танков...

Прежде всего командование Ю-З. ф. добилось от Ставки согласия на использование для парирования немецкого удара частей 16-й армии генерала Лукина, которая в первые дни войны прибыла с Дальнего Востока в район Проскуров (Хмельницкий) — Изяслав — Шепетовка. Да, немецкое вторжение спутало все предвоенные планы, и уже 26 июня 1941 г. 16-ю армию приказано было перебросить на Западный фронт к Смоленску, но благодаря энергичным и решительным

действиям командарма Лукина 109-я моторизованная дивизия и 114-й танковый полк 57-й отдельной танковой дивизии были сняты с погрузки и выдвинуты к Острогу. Затем Лукин присоединил к своей группе 213-ю моторизованную дивизию 19-го мехкорпуса, которая, как помнит внимательный читатель, из-за отсутствия автотранспорта двигалась пешком от Казатина на запад, к уже занятому немцами Ровно. В целом группа Лукина как минимум вдвое превосходила по численности противостоящую ей 11-ю танковую дивизию вермахта.

Кроме того, к борьбе с прорвавшимися на Острог немецкими танками была привлечена и большая часть авиации фронта, которая (если верить докладу штаба ВВС Ю-3. ф.) только в течение одного дня, 28 июня, выполнила 400 самолето-вылетов в район Острог — Мизоч [152, стр. 200]. 400 вылетов, 400 бомбовых ударов по колонне одной дивизии за один день — это уже вполне соответствует постоянно присутствующим в донесениях командиров Красной Армии фразам о том, что «авиация противника непрерывно висит в воздухе, гоняется даже за отдельными машинами...»

В августовском отчете командующего ВВС Ю-3. ф. утверждается, что авиации фронта *«в период 28.6—29.6. танковую группу противника (до дивизии) действиями наших бомбардировщиков во взаимодействии с войсками Шепетовского укрепрайона от Острог отбросила и рассеяла в песах»* [29, стр. 118]. Отбросила и рассеяла... Правда, по немецким данным, безвозвратные потери 11-й тд даже к 4 сентября составили всего 40 танков [10, стр. 206].

Кроме того, командование Ю-3. ф. распорядилось создать «отсечной оборонительный рубеж» по линии

Иишневец — Базаля — Староконстантинов, т.е. в 60—70 км к югу от маршрута движения немецкой 11-й тд. На ют рубеж были выдвинуты последние резервы фронта: 24-й мехкорпус (222 легких танка), три артиллерийские противотанковые бригады и 199-я стрелковая дивизия. Эти соединения простояли на указанном рубеже безо всякого соприкосновения с противником, который вовсе и не собирался поворачивать на юг, а рвался прямо на восток, в глубокий тыл Юго-Западного фронта.

Кроме того (как пишет в своих мемуарах Баграмян), Ставка решила — надо полагать, на основании панических донесений, которые летели из штаба Ю-З. ф. в Москву, что фронт своими силами *«не сможет сдержать лавину фашистских танков»* (к началу боев в 11-й тд было всего 143 танка). 29 июня Жуков в телефонном разговоре с Кирпоносом подчеркнул, что *«Ставка требует главное внимание уделить развитию событий на шепетовском направлении... Для этого танковые части Лукина в полном составе (13-я и 17-я танковые дивизии, 115-й тп 57-й танковой дивизии, не менее 900 танков. — М.С.) бросить на Здолбунов — Мизочь»* [110]. Едва ли отчаянно блефовавшее немецкое командование, бросившее изрядно потрепанную 11-ю танковую дивизию в «лихой кавалерийский рейд» по тылам советских войск, само рассчитывало на такой эффект...

За всей этой суматохой о 8-м и 15-м мехкорпусах, скорее всего, просто забыли. Впрочем, о том, что там происходило, лучше и не вспоминать.

После всей неразберихи со сменой приказов, после многодневных метаний в лесном районе Радехов — Броды — Бук, утром 28 июня 15-й МК перешел в

наступление. Танки противника к тому времени уже ушли от Берестечко далеко на восток, и 15-й мехкорпус, продвигаясь в направлении Бук — Лопатин, мог встретиться только с отдельными частями 297-й и 262-й пехотных дивизий вермахта (см. Карта № 6).

Отчету о бое 28 июня в итоговом докладе командира 15-й МК предшествует длинный перечень причин, по которым удар бронированного кулака, в котором все еще оставалось **более трех сотен танков**, был «обречен на поражение». В частности:

«...Местность. В полосе наступления корпуса до Берестечко — 5 серьезных водных преград: р. Радоставка, р. Остривка, р. Жечка, р. Лошувка и р. Соколувка. Все реки имеют болотистые берега и представляют собой трудно доступные рубежи для действия танков. Вся местность в полосе наступления лесисто-болотистая, командные высоты на стороне противника. Вывод: местность не способствует наступлению...»

С таким выводом спорить не приходится. Остается только задать вопрос — по какой местности наступали дивизии 1-й танковой группы вермахта? Как же они смогли преодолеть эти могучие, не обозначенные ни на одной географической карте лесные ручьи (Радоставку, Остривку, Жечку, Лошувку и Соколувку), а также Западный Буг, Стырь, Горынь, Случь, а далее и Днепр? И откуда в заболоченном лесу появились «командные высоты», и почему они оказались в руках противника, который появился в этом лесу всего лишь несколько дней (или даже часов) назад?

Впрочем, подписывая такой доклад, командир 15-го мехкорпуса лишь следовал в «общем русле» жалоб на

местность и противного противника, как это было уже задано вышестоящим начальством. Так, еще 3 июля 1941 г. начальник Автобронетанкового управления Юго-Западного фронта в докладе на имя начальника Главного АБТУ Красной Армии объяснял *«огромные потери и небоеспособность оставшейся в наличии материальной части»* тем, что мехкорпусам пришлось действовать на *«почти танконедоступной лесисто-болотистой местности»*, в условиях *«упорного сопротивления со стороны преобладающего (???) противника и отсутствия бронебойных снарядов для КВ и Т-34»* [28, стр. 134]. Последнее замечание, бесспорно, является правдой. Но кто же должен был озаботиться тем, чтобы хотя бы малая часть от 132 тыс. бронебойных 76-мм выстрелов, имевшихся на складах Красной Армии, была доставлена в тот военный округ, который получил танки, вооруженные 76-мм пушкой (КВ и Т-34), в количестве большем, чем все остальные округа, вместе взятые? Как начальник АБТУ Киевского ОВО мог есть, пить, спать, исполнять супружеские и служебные обязанности, зная, что в доверенных ему танковых дивизиях нет бронебойных снарядов? Или он узнал об этом только 3 июля?

Описания боя 28 июня, содержащиеся в отчетах командиров 15-го МК, 10-й и 37-й танковых дивизий, очень пространны, запутанны и противоречивы. Самый краткий конспект выглядит примерно так:

«...В течение дня части вели бой за овладение Лопатин... наступающие части 10-й тд были задержаны перед торфяными болотами, в районе которых единственная дорога оказалась совершенно непригодной для переправы танков... В процессе боя за Лопатин на рубеже р. Острівка наступавшие части были окружены

(танковая дивизия была окружена пехотой противника. — М.С.). *Остаться 10-й тд в данном районе на ночь, будучи окруженной, было бесцельно (???) и могло привести к потере всей дивизии...*

...Понеся значительные потери и не имея достаточной танковой поддержки (???), мотострелковый полк 37-й тд вынужден был приостановить наступление и перейти к обороне на западном берегу р. Стырь... Вследствие временной потери управления 73-й танковый полк 37-й тд с большим трудом удалось переправить на западный берег р. Стырь... Это дало возможность остаткам батальона противника, оборонявшего переправы у Станиславчик (батальон пехоты против танковой дивизии. — М.С.), отойти в лес... Попытка переправиться по мостам через р. Острувка была безуспешной, так как головные 2—3 танка, подошедшие к мосту, были моментально подбиты и загорелись. Несколько танков пытались обойти мост справа и слева, но это оказалось невозможным; танки застряли в болоте и были подбиты артиллерийским огнем противника... Из такой обстановки было ясно, что продолжать атаки без артиллерии, пехоты и авиации было бы бессмысленно, в свою очередь, оставаться на достигнутом рубеже на южном берегу р. Острувка было также рискованным...

...С наступлением темноты командиром 15-го механизированного корпуса был отдан приказ о выводе частей 10-й танковой дивизии на восток в район 37-й тд, а в дальнейшем, в связи с уже совершившимся (???) выходом из боя 37-й танковой дивизии — приказ на выход из боя и на возвращение в исходное положение...»

Трудно поверить, что все это происходило на своей собственной территории, в районе постоянной

предвоенной дислокации 15-го мехкорпуса, т.е. там, где каждая дорога, тропинка, канава, брод, мост должны были быть досконально изучены. Трудно поверить в то, что перед нами описание боевых действий мехкорпуса, в составе которого были понтонно-мостовые, саперные, инженерные, ремонтно-эвакуационные, разведывательные подразделения. На каждый танк в 15-м МК приходилось (по состоянию на 1 июня 1941 г.) 45 человек личного состава. Из этих 45 человек внутри танка находилось самое большее пять членов экипажа КВ (в ВТ — три человека). Все остальные должны были бы обеспечить боевые действия танкистов разведкой, ремонтом, топливом, снарядами, мостами, переправами и, самое главное, управлением...

В бою 28 июня вместе с 15-м мехкорпусом действовала и 8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса. 8-я танковая была практически полностью укомплектованной, «старой» кадровой дивизией. Примечательной особенностью 8-го тд было наличие на ее вооружении 68 трехбашенных танков Т-28, что делало эту дивизию грозным противником для немецкой пехоты. Впрочем, главным оружием дивизии были не экзотические трехбашенные танки, а 50 КВ и 140 Т-34. По количеству новейших танков (190 единиц) 8-я тд превосходила весь 15-й (или 8-й) мехкорпус. Л вот как описывает Н.К. Попель командира этой танко-ной дивизии:

«Смотрю на него и восхищаюсь — ничего природа не пожалела для этого человека: ни красоты, ни ума, ни отваги, ни обаяния... Красноармейцы рассказывают легенды о его подвигах в Испании и Финляндии... Командиры на лету ловят каждое его слово...»

К тому моменту, когда 8-я тд доползла, наконец, до исходного района наступления, ото всей дивизии остался один сводный танковый полк, на вооружении которого было **65 (шестьдесят пять)** танков [29. стр. 260]. В докладе о боевых действиях 15-го МК отмечено, что *«благодаря активным действиям 8-й танковой дивизии левый фланг корпуса был обеспечен с запада и 10-я и 37-я танковые дивизии смогли отойти на рубеж р. Радоставка»*. Это не опечатка. Результатом *«активных действий»* танковой дивизии в наступлении считается то, что две другие танковые дивизии смогли с ее помощью благополучно отойти, преследуемые пехотой противника. Хотя и это достижение отнюдь не бесспорно. Так, в отчете о боевых действиях 10-й тд читаем нечто прямо противоположное: *«Пути отхода дивизии были отрезаны танками и пехотой противника, так как 8-я тд (сосед слева), имевшая задачу прикрыть с запада действия дивизии, не смогла продвинуться через сильно укрепленный противотанковый район»* [28, стр. 197]. Странно это. Шестой день войны — а у немцев в глубине советской территории уже и противотанковый район готов, да еще и «сильно укрепленный»...

Основные силы 8-го мехкорпуса, несмотря на наличие мощного танкового тарана (кроме двух сотен легких танков в 12-й тд оставалось еще порядка 100 KV и Т-34), не смогли пробить оборону 75-й пехотной дивизии и мотопехотных частей 16-й немецкой танковой дивизии. Упорство и стойкость немецких солдат оказались сильнее стальной брони. Немецкий историк так описывает бой с советскими танками южнее Дубно:

«...Тарновка сотрясалась от взрывов противотанковых гранат, дома полыхали, все имеющееся в наличии оружие было направлено на уничтожение танков. Ветер разносил вокруг дым и гарь. Одному тяжелому пехотному орудию (короткоствольная пушка калибра 150 мм. — М.С.) удалось подбить два средних танка. 50-мм противотанковые пушки были бесполезны даже на дистанции в 400 м. Все новые и новые стальные колоссы входили в Тарновку, но бойцы 16-й танковой дивизии держались достойно. Одна 88-мм зенитная пушка в течение получаса уничтожила 4 танка.

Когда атака была отражена, убитые и раненые подобраны и дым рассеялся, на поле боя можно было насчитать 22 подбитых танка...» [193].

Продвинуться дальше рубежа Козин — Верба группе Рябышева так и не удалось. Тем временем немцы вернули из Кременца в район боя танковые части 16-й танковой дивизии, подтянули мотопехоту 16-й моторизованной дивизии. В тыл группы Рябышева вышла 57-я пехотная дивизия и практически без боя заняла город Броды (который якобы обороняла 212-я моторизованная дивизия 15-го мехкорпуса). К вечеру 28 июня соединения 8-го мехкорпуса оказались в окружении. Снова началась паника. Погиб генерал Мишанин, в пешем строю поднимавший бойцов в атаку. В своем докладе о боевых действиях корпуса Рябышев пишет:

«...Части 7-й мотострелковой дивизии прорывались из окружения в разных направлениях. Потеряв большое количество танков, артиллерии и автотранспорта, к 24.00 28.6.41 г. дивизия вышла из окружения и сосредоточилась юго-восточнее Броды» [28, стр. 169].

Мемуары Попеля дают гораздо более живые картины того, что скрывалось за скупой фразой «прорывались из окружения в разных направлениях»:

*«...Рябышев сел в «эмку» и помчался к Бродам. По пути он натыкался на бредущих толпами бойцов, горящие машины, **лежащих в кюветах раненых** (подчеркнуто мной. — М.С.). Рубеж, предназначенный 12-й танковой дивизии, никто не занимал... Какие-то неприкаянные красноармейцы сказали, что мотопехота покатила на юг, вроде бы к Тернополю. Командир корпуса повернул на южное шоссе и километрах в двадцати нагнал хвост растянувшейся колонны. Никто ничего не знал. Рябышев попытался остановить машины. Из кабины «полупорки» сонный голос спокойно произнес:*

— Какой там еще комкор? Наш генерал — предатель. К фашистам утек.

Рябышев рванул ручку кабины, схватил говорившего за портупею (рядовые бойцы ездят без портупей. — М.С.), выволок наружу. — Я ваш комкор.

Не засовывая пистолет в кобуру, Рябышев двигался вдоль колонны, останавливая роты, батальоны, приказывая занимать оборону фронтом на северо-запад...» [105].

После беспорядочного отхода остатков 8-го мехкорпуса на Броды — Подкамень группа Попеля была обречена: лишенную связи и снабжения танковую группу все плотнее и плотнее окружали части пяти немецких дивизий. Две стрелковые дивизии (140-я и 146-я) 36-го СК находились на расстоянии 15—20 км от Дубно, но, вопреки приказу командующего фронтом № 0018 от 28 июня, никакой поддержки группе Попеля не оказали. Колонна автомашин с горючим и боеприпасами для

группы Попеля была остановлена на шоссе Броды — Дубно. Остановлена случайно оказавшимся там командиром какой-то отступающей кавдивизии (скорее всего, это была 3-я кавдивизия из состава 6-й армии) и отправлена назад, так как «Дубно давно уже у немцев». Спорить с этим никто не захотел, грузовики развернулись и поспешно уехали в тыл...

Скорее всего, именно с трагической историей гибели 8-го мехкорпуса связана еще одна, личная трагедия — самоубийство члена Военного совета Юго-Западного фронта Н.Н. Вашугина. Восстановить точную картину событий трудно (если не сказать — невозможно). Начнем с отрывка из мемуаров Н.С. Хрущева, который был и свидетелем самоубийства и непосредственным участником событий (в качестве Первого секретаря ЦК КП Украины Хрущев входил в состав Военного совета фронта):

«...Хочу осветить неприятный для нас эпизод, который произошел с членом Военного совета Киевского ОВО.

Когда у нас сложились тяжелые условия в районе Броды, мы с командующим войсками приняли меры для перегруппировки войск и уточнения направления нашего удара против войск противника, который наступал на Броды. Чтобы этот приказ был вовремя получен командиром мехкорпуса Рябышевым и командиром другого корпуса, фамилию которого я забыл (судя по предыдущему описанию, речь идет о 15-м МК. — М.С.), мы решили послать члена Военного совета КОВО, чтобы он сам вручил приказы, в которых было изложено

направление удара. Перед отъездом в мехкорпуса он зашел вечером ко мне...

Член Военного совета (Хрущев упорно не называет Вашугина по фамилии. — М.С.) уехал в войска, а вернулся рано утром и опять пришел ко мне. Вид у него был страшно возбужденный, что-то его неимоверно взволновало.

Он пришел в момент, когда в комнате никого не было, все вышли, и сказал мне, что решил застрелиться.

Говорю: «Ну, что вы ? К чему вы говорите такие глупости ?»

«Я виноват в том, что дал неправильное указание командирам механизированных корпусов. Я не хочу жить».

Продолжаю: «Позвольте, как же это? Вы приказы вручили?»

«Да, вручил».

«Так ведь в приказах сказано, как им действовать и использовать мехкорпуса. Вы здесь при чем?»

«Нет, я дал им потом устные указания, которые противоречат этим приказам».

Говорю: «Вы не имели права делать это. Но если вы и дали такие указания, то все равно командиры корпусов не имели права руководствоваться ими, а должны выполнять указания, которые изложены в приказах и подписаны командующим войсками фронта и всеми членами Военного совета. Другие указания не являются действительными для командиров корпусов».

«Нет, я там...»

Одним словом, вижу, что он затевает со мной спор, ничем не аргументированный, а сам — в каком-то шоковом состоянии. Я думал, что если этого человека не уговаривать, а поступить с ним более строго, то это выведет его из состояния шока, он обретет внутренние силы и вернется к нормальному состоянию. Поэтому говорю: «Что вы глупости говорите? Если решили стреляться, так что же медлите?» Я хотел как раз удержать его некоторой резкостью слов, чтобы он почувствовал, что поступает преступно в отношении себя. А он вдруг вытаскивает пистолет (мы с ним вдвоем стояли друг перед другом), подносит его к своему виску, стреляет и падает... Его погрузили в машину и отправили в госпиталь, но там он вскоре умер...

...Не могу сейчас определить его умонастроение. Ясно, что он нервничал. Потом пришел ко мне и застрелился. Однако перед этим разговаривал с людьми, которые непосредственно с ним соприкасались, и они слышали его слова. Он считал, что все погибло, мы отступаем, все идет, как случилось во Франции. «Мы погибли!» — вот его подлинные слова... Потом я написал шифровку Сталину, описал наш разговор. Существует документ, который я сейчас воспроизвожу по памяти. Думаю, что говорю точно, за исключением, возможно, порядка изложения. Самую же суть описываю, как это и было тогда в жизни...» [31, стр. 306—307].

Хрущев не указывает точную дату этого мрачного события, нет в его воспоминаниях и каких-то конкретных деталей, которые позволили бы уточнить время действия. Есть лишь сообщение о том, что Вашугин уехал вечером, а вернулся в штаб фронта «рано утром». Это важная подробность, но, к сожалению, не слишком достоверная — Хрущев за давностью лет мог и

ошибиться в таких деталях. Самое главное — нет никакой расшифровки содержания «других указаний», которые Вашугин якобы дал командирам мехкорпусов. Увы, наиболее важное для историка заменено многоточием {«нет, я там...»}

В мемуарах Ваграмяна, Рябышева, Попеля (а на их основании — и во множестве исторических и художественных произведений) утверждается, что Вашугин отправился в 8-й мехкорпус утром 27 (двадцать седьмого) июня с целью ускорить начало наступления на Дубно. Соответственно, излишней горячностью комиссара и объясняется тот факт, что корпус начал наступление наспех, отдельными разрозненными частями. Наиболее ярко эта сцена описана Попелем (или, что более вероятно, — его «литконсультантами»):

«...Хлопали дверцы автомашин. Перед нами появлялись все новые и новые лица — полковники, подполковники. Некоторых я узнавал — прокурор, председатель Военного трибунала... Из кузова полуторки, замыкавшей колонну, выскакивали бойцы.

Тот, к кому обращался командир корпуса, не стал слушать рапорт, не поднес ладонь к виску. Он шел, подминая начищенными сапогами кустарник, прямо на Рябышева. Когда приблизился, посмотрел снизу вверх в морщинистое скуластое лицо командира корпуса и сдавленным от ярости голосом спросил:

— За сколько проданся, Иуда?

Рябышев стоял в струнку перед членом Военного совета, опешивший, не находивший, что сказать, да и все мы растерянно смотрели на невысокого, ладно скроенного корпусного комиссара.

Дмитрий Иванович заговорил первым:

— Вы бы выслушали, товарищ корпусной...

— Тебя, изменника, полевой суд слушать будет. Здесь, под сосной, выслушаем и у сосны расстреляем...

Я не выдержал и выступил вперед:

— Еще не известно; какими соображениями руководствуются те, кто приказом заставляет отдавать врагу с боем взятую территорию.

В голосе члена Военного совета появилась едва уловимая растерянность:

— Кто вам приказал отдавать территорию? Что вы мелете?

Дмитрий Иванович докладывает. Член Военного совета вышагивает перед нами, заложив руки за спину, смотрит на часы и приказывает Дмитрию Ивановичу:

— Через двадцать минут доложите мне о своем решении...

Корпусной комиссар не дал времени ни на разведку, ни на перегруппировку дивизий. Чем же наступать? Рябышев встает и направляется к вышагивающему в одиночестве корпусному комиссару.

— Корпус сможет закончить перегруппировку только к завтрашнему утру.

Член Военного совета от негодования говорит чуть не шепотом:

— Через двадцать минут решение — и вперед...» Несмотря на несомненные художественные достоинства, этот текст не слишком достоверен психологически.

Непонятно — что же вызвало такую дикую ярость Вашугина («*за сколько проданся... тебя, изменника, полевой суд слушать будет...*»). Не знать о приказе на отход, поступившем в мехкорпуса ранним утром 27 июня, член Военного совета фронта (причем постоянно находившийся перед этим в штабе фронта) не мог. Так что фраза «*Кто вам приказал отдавать территорию!*» выглядит совершенно нелепо. Вашугин был кадровым военным (а вовсе не партийным функционером, лишь за несколько недель до войны получившим комиссарскую должность и звание), соответственно, он не мог не понимать, что танки по воздуху не летают и повернуть мехкорпус за пару часов невозможно. Разумеется, могли быть претензии по поводу того, что Рябышев действует не так быстро, как хотелось бы, — но это еще не повод для обвинений в измене. Наконец, «быстро» и «медленно» — понятия относительные. Если вспомнить темпы, с которыми к полю боя двигалась 8-я танковая дивизия, то корпус Рябышева заслуживал скорее поощрения за мастерскую организацию форсированных маршей...

От психологических нюансов перейдем теперь к сухой прозе документов. Тут нас ждут еще большие неожиданности. Никаких упоминаний о визите Вашугина в докладах командиров 8-го и 15-го мехкорпусов нет (в то время как факт прибытия генерал-майора Панюхова с приказом на отход, а затем — бригадного комиссара Михайлова с приказом о наступлении, конкретно, с указанием часов и минут, отмечен в документах 8-го МК и 15-го МК).

Далее, приказ о **немедленном переходе в наступление на Дубно** Рябышев отдал в 7 (семь) часов утра, отнюдь не дожидаясь приезда высокопоставленного

«погонщика». В его «Докладе о боевых действиях корпуса» читаем:

«...В соответствии с приказом Юго-Западного фронта № 2121 командиром корпуса в 7.00 27.6.41 г. был отдан следующий боевой приказ:

«34-й танковой дивизии ударом в направлении Козин, м. Верба, Дубно к исходу 27.6.41 г. выйти в район Дубно...

12-й танковой дивизии ударом в направлении Ситно, Козин, м. Верба к исходу 27.6.41 г. выйти в район Подлуже, м. Верба, Судобиче.

7-й мотострелковой дивизии движением в направлении Броды, Червоноармейск, м. Верба к исходу 27.6.41 г. сосредоточиться в районе (иск.) м. Верба, Рудня, Берег...

Начало наступления в 9.00 27.6.41 г.».

Примечательно, что в своих послевоенных воспоминаниях Рябышев рисует совершенно другую картину событий:

*«...Я пришел к выводу, что можно приступить к выполнению нового приказа **только через сутки** (выделено мной. — М.С.)... Соединения и части корпуса должны были пройти исходный рубеж для наступления в 2 часа ночи 28 июня, а в 4 часа начать атаку... Подготовка велась в соответствии с принятым решением... Однако быстро меняющаяся обстановка не позволяла планомерно решать вопросы организации боевых действий. Днем 26 июня (это явная опечатка — или Рябышева, или «литконсультантов», или публикатора, т.к. «днем 26 июня» 8-й мехкорпус наступал на Лешнев — Хотин, и о двух приказах и*

наступлении на Дубно еще и речи не было. — М.С.) *в корпус прибыл член Военного совета фронта корпусной комиссар Н.Н. Вашугин и от имени командующего потребовал немедленно приступить к выполнению поставленной задачи...»* [113].

И тем не менее событие (встреча Вашугина с командиром 8-го МК), о котором, не сговариваясь, пишут четверо участников событий (Хрущев, Баграмян, Рябышев, Попель), скорее всего, произошло в реальности. В порядке рабочей гипотезы можно предположить, что произошло оно не 27, а 28 (двадцать восьмого) июня 1941 г. В этом случае многое «становится на свои места».

В ночь с 27 на 28 июня (если быть совсем точным, то в 4.00 28 июня) в штабе Ю-3. ф. был выпущен Боевой приказ № 0018 [29, стр. 37—38]. Мало того, что этот приказ был написан в самых решительных выражениях и ставил задачу на наступление как механизированным, так и стрелковым корпусам фронта — в приказе № 0018 **впервые** появились конкретные указания о том, где к исходу дня 28 июня **должны находиться штабы корпусов!** И форма, и содержание приказа свидетельствовали о том, что терпение командования фронта подошло к концу, и оно требовало от подчиненных ему командиров лично возглавить наступление. Так, штаб 15-го МК к исходу дня 28 июня должен был переместиться в Берестечко, штаб 36-го СК — в Дубно, штаб 5-го КК — в Козин. 8-му мехкорпусу было приказано *«обеспечив за собой рубеж р. Иква, атаковать мотомеханизированные части противника, действующие восточнее р. Иква в направлении на Оструг. Уничтожив противника, к исходу дня сосредоточиться в Здолбунув, Мизочь, Оженин. Штаб*

корпуса — Оженин (поселок и ж.-д. станция на реке Горынь, в 15 км севернее Острога. — М.С.)». (см. Карта № 5). Другими словами, 8-й мехкорпус, фактически лишь начавший бой за Дубно, должен был в течение дня форсировать р. Иква и продвинуться на 40—50 км к Острогу.

Под приказом № 0018 стоит подпись Вашугина — и это **последний** (!) подписанный им приказ. Учитывая, что Приказ № 0018 ставил очень решительные (если не сказать — авантюристические) задачи, то становится вполне объяснимой личная поездка в войска члена Военного совета (т.е. главного комиссара) фронта. Становится понятной и психологическая реакция Вашугина на то, что он увидел, оказавшись утром 28 (двадцать восьмого) июня в расположении 8-го мехкорпуса: мощное танковое соединение топталось перед наспех созданным заслоном немецкой пехоты, а затем и вовсе обратилось в бегство, бросив на верную гибель своих товарищей (группу Попеля), уже окруженных у южных пригородов Дубно. Перед глазами комиссара Вашугина проходило нечто невероятное: беспорядочно бредущие толпы бывших красноармейцев, сотни брошенных на обочине танков и орудий, оставленные в придорожных канавах раненые... Вероятно, тогда мысли и чувства этого человека, искренне верившего в партию, Сталина и «несокрушимую мощь Рабоче-Крестьянской Красной Армии», сложились в одну короткую фразу: *«Я не хочу жить...»*

РАЗГРОМ

С утра 29 июня 15-й мехкорпус был «выведен во фронтовой резерв», что практически означало

безостановочный отход к Днепру. Об обстановке тех дней красноречиво свидетельствует короткая фраза в докладе о боевых действиях 15-го МК: *«...Шоссе восточнее Золочев все забито горящими автомашинами бесчисленных колонн...»*

В отчете командира 15-го МК сообщается, что за день «ожесточенного» боя 28 июня 10-я тд потеряла семь человек: 1 убит и 6 человек ранено. Тут бы и порадоваться тому, что Красная Армия уже к концу июня 1941 г. научилась воевать «малой кровью». Увы, далее в отчетах появляются такие цифры, которые напрочь отбивают всякое желание чему-либо радоваться. Так, 10-я танковая за время боев 23—28 июня и последующего отхода за Днепр потеряла 210 человек убитыми, 587 — ранеными и 3353 человека «пропавших без вести», «отставших на марше» и пр. Впрочем, даже и по уровню потерь дивизия генерала Огурцова подтвердила свою репутацию одной из лучших. Как-никак, но к Пирятину (за Днепр) вышло 756 человек старшего командного состава, 1052 младших командиров, 3445 рядовых, итого — 56% от начальной (на 22 июня) численности. Дальнейшая судьба самого Сергея Яковлевича Огурцова была трагична. В ходе ожесточенных боев у Бердичева он попал в плен, в апреле 1942 г. бежал из плена, вступил в отряд польских партизан и погиб 28 октября 1942 г. в бою у городка Томашув, в 100 км от того самого Люблина, до которого так и не дошла его танковая дивизия...

37-я танковая дивизия, всё участие которой в «контрударе мехкорпусов Юго-Западного фронта» свелось к беспомощным попыткам отбросить батальон немецкой пехоты от переправы у местечка Станиславчик, потеряла 75% личного состава. В район сосредоточения

у Пиряти-на вышло 467 человек старшего командного состава, 423 младших командира и 1533 рядовых. Проще говоря, за время отхода к Днепру дивизия почти полностью «растаяла».

Ну а 212-я моторизованная дивизия 15-го МК и вовсе пропала. Почти без следа. Если во всех докладах командиров 15-го МК утверждается, что 212-я мд «обороняла Броды», то Рябышев и Попель в своих воспоминаниях в один голос говорят о том, что никаких наших войск в Бродах они вообще не обнаружили. Уже 1 июля, во время начавшегося общего отхода частей 15-го мехкорпуса,, пропали командир дивизии генерал-майор Баранов и начальник штаба полковник Першаков. Фактически С.В. Варанов был ранен, попал в плен и умер от тифа в лагере для военнопленных под Замостьем в феврале 1942 г. После потери командования 212-я мд быстро и окончательно развалилась — в Пирятин к 12 июля вышло всего 745 человек...

В те же самые дни (27—29 июня) начался безостановочный отход частей и соединений 4-го мехкорпуса, находившегося все это время в стороне от главных событий. Оперативная сводка штаба 6-й армии от 27 июня дословно гласит:

«...4-й мехкорпус, совершив ночной марш из района Судовая Вишня, с 6 часов начал сосредоточение в район леса севернее Оброшин (отход на 40 км к пригородам Львова. — М.С)... Перед фронтом корпуса 26.6.41 г. действовали части противника численностью до батальона (батальон пехоты против мехкорпуса. — М.С). В районе Мостиска противник не обнаружен. Корпус боя не принял...» [29, стр. 197].

С каждым днем темп отхода непрерывно нарастал: 29 июня 4-й МК оставил Львов, 3 июля корпус был уже в Збараже (135 км на восток от Львова), утро 9 июля застало 4-й МК в районе городка Иванополь (180 км от Збаража). Наконец, 12 июля остатки 4-й МК прошли по киевским мостам через Днепр и сосредоточились в районе Прилуки (120 км к востоку от Днепра, 650 км от границы). Фактически единого и управляемого мехкорпуса уже не было, так как одновременно с отходом главных сил за Днепр отдельные подразделения 4-го МК продолжали вести упорные бои в районе Бердичева и Казатина — значительно западнее Днепра...

Невероятно, но за все это командиру 4-го мехкорпуса Власову ничего не было. То есть потом его, конечно, повесили — но совсем за другое. А летом 1941 г. он даже пошел на повышение и стал командующим 37-й армией. Сравнивая карьеру Власова с трагической судьбой поголовно расстрелянного командования Западного фронта (раненного в бою командира 14-го мехкорпуса СИ. Оборина забрали на расправу прямо из госпиталя), приходится признать, что товарищ Сталин был воистину великим человеком. Понять логику его казней и милостей дано не каждому...

Для любителей конспирологических версий приведем «расшифровку» еще нескольких фамилий и должностей. Командующий 6-й армией Музыченко сдался в плен 6 августа 1941 г. в «котле» под Уманью, где и были разгромлены остатки 6-й армии. Начальник оперативного отдела штаба 6-й армии Меандров сдался в плен, стал одним из создателей и руководителей власовской «армии», повешен в 1946 г. Начальник штаба 6-го стрелкового корпуса 6-й армии генерал-майор Рихтер сдался в плен, активно сотрудничал с немецкими

спецслужбами (по некоторым сведениям, возглавил Варшавскую разведывательно-диверсионную школу абвера), расстрелян в августе 1945 г. Соседом 4-го мехкорпуса справа был 27-й стрелковый корпус. Командир корпуса генерал-майор Артеменко сдался в плен, в июне 1950 г. расстрелян, в июне 1957 г. — реабилитирован. Сосед слева — 13-й стрелковый корпус. Командир корпуса генерал-майор Кириллов сдался в плен, в августе 1950 г. расстрелян, реабилитирован в 1957 г.

А в это время, в обстановке общего хаоса и начавшегося неуправляемого отхода войск Юго-Западного фронта, командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов готовил новое наступление. По замыслу командарма 9-й мехкорпус Рокоссовского и 19-й мехкорпус Фекленко совместно с частями 15-го стрелкового корпуса должны были перейти в наступление с рубежа реки Горынь на Млынов (см. Карта № 5). После тяжелых боев эти мех-корпуса, уже изначально бывшие «слабым звеном» танковых войск Юго-Западного фронта, представляли собой остатки танковых соединений. Так, в 9-м МК числилось всего лишь 32 танка, в 43-й танковой дивизии Цибина (19-й МК) осталось в строю 60 танков Т-26 и одна «тридцатьчетверка». Численность приданной для усиления мехкорпусов 135-й стрелковой дивизии за неделю боев сократилась до 1511 человек [92].

Главной ударной силой нового (и, как оказалось, последнего) контрнаступления войск Юго-Западного фронта должна была стать 41-я танковая дивизия 22-го мехкорпуса. Внимательный читатель, надеюсь, еще

помнит, как эта дивизия в первые дни войны металась между Владимир-Волынским и Ковелем, как ее «разбирали по частям», как при отходе через глухие леса украинского Полесья дивизия потеряла большую часть своих танков. Но всему приходит конец — и в последних числах июня остатки 41-й танковой и 215-й моторизованной дивизий вышли на соединение с основными силами 5-й армии. По данным монографии Владимирского, к 29 июня 41 тд имела в своем составе 106 танков Т-26 и 16 тяжелых К-яВ-2; еще 15 легких танков Т-26, набранных по дорогам отступления, оказалось в 215-й моторизованной дивизии (изначально ее танковый полк был вооружен только танками БТ). Весьма мощной была и артиллерия 15-го стрелкового корпуса, которая (не считая полторы сотни дивизионных пушек калибра от 45 до 107 мм) насчитывала 60 гаубиц калибра 122 мм и 67 гаубиц калибра 152 мм (что по весу совокупного залпа в три раза превосходит огневую мощь полнокомплектной пехотной дивизии вермахта).

Замысел контрудара сулил успех. Но не тут-то было...

«Когда войска левого крыла 5-й армии заканчивали подготовку к переходу в наступление, — пишет Владимирский, — был получен новый приказ командующего Ю-3. ф., в котором 5-й армии ставилась задача начать отход с наступлением темноты 1 июля и на рубеж реки Случь отойти к утру 5 июля... В связи со сжатыми сроками отхода наступательные действия надлежало закончить не позднее вечера 1 июля» [92].

Нельзя не отметить то постоянство, с которым командование Ю-3. ф. срывало любые организованные наступательные действия вверенных ему войск. Тем не

менее 1 июля в 15.00 наступление началось. К 22 часам 1 июля танкисты 41-й тд, разгромив до трех батальонов немецкой мотопехоты, были уже в 15 км от Дубно. Если бы атака 41-й танковой дивизии была скоординирована по времени и месту с действиями группы Попеля, то, скорее всего, несколько тысяч бойцов и несколько десятков танков удалось бы вывести из окружения. Увы, в очередной раз никакого взаимодействия между группировками советских войск, находившихся на расстоянии в полсотни километров друг от друга, не было.

Тем временем противник, весьма обеспокоенный активностью 5-й армии, ввел в бой резерв командующего Группой армий «Юг». Утром 2 июля 99-я пехотная дивизия вермахта и моторизованная дивизия СС «Адольф Гитлер», срочно переброшенные через Луцк, нанесли удар в тыл группировки советских войск. Устоять перед натиском двух свежих немецких дивизий наши обескровленные предыдущими боями дивизии не смогли, да и приказ штаба фронта требовал скорейшего вывода частей из боя. Вечером 2 июля все соединения 5-й армии начали отход на рубеж реки Случь...

В полдень 30 июня, уже после того, как части 4, 15 и 8-го мехкорпусов откатились от Львова и Брод к Тернополю, окружившие со всех сторон г. Дубно немецкие дивизии начали наступление. Как свора собак на затравленного медведя, на группу Попеля ринулись три пехотные (111, 44, 75), 16-я танковая и 16-я моторизованная дивизии вермахта. Двухдневную паузу, подаренную им нерасторопностью советского командования, немцы использовали сполна — подтянули

крупные силы артиллерии, накопили большие запасы снарядов.

Наступление началось после мощной двухчасовой артподготовки. Попель вспоминает: *«Передовые наши позиции исчезли в дыму и пыли. Облака закрыли солнце... Исчезла граница между полем и лесом, исчезла дорога, исчез горизонт...»* [105]. Отвечать было почти нечем — в артиллерийском полку 34-й тд оставались считанные снаряды.

Но «медведь» был еще очень силен. Тяжелые танки КВ, расстреляв весь боекомплект, таранили немецкие танки, втапывали в украинский чернозем вражеские пушки. В ходе боя удалось захватить несколько немецких гаубичных батарей с большим запасом снарядов, которые тут же обрушились на голову врага.

К исходу дня бой затих. Немцы не продвинулись ни на километр, понесли большие потери. Но и положение группы Попеля стало критическим: кончалось горючее и боеприпасы, разбиты все радиостанции, медпункты переполнены ранеными. Поздним вечером 30 июня после долгих раздумий командиры приняли следующее решение: оставшиеся без боевых машин танкисты (а у них и пинтовок-то не было), медсанбат, тыловые службы под прикрытием одного танкового полка пробивают ночью кольцо окружения у м. Верба и уходят на юг, к Тернополю. Эту группу возглавил полковник Плешаков, командир 27-го мотострелкового полка. В каждый из шестидесяти танков этой группы положили всего по несколько снарядов — главная надежда была на эффект внезапности, на стремительный натиск и танковый таран. Этот расчет оправдался. Самонадеянные до безрассудства немцы спали. Отряд Плешакова

практически без боя ушел на восток. Примерно через неделю на шоссе Тернополь — Проскуров отряд догнал отступающие на восток части 8-го МК.

Главные силы группы Попеля (которые к этому моменту сократились до 80 танков и нескольких батарей артиллерии) с утра 1 июля предприняли последнюю попытку прорваться вдоль шоссе Дубно — Броды на юго-запад, туда, где по слишком оптимистичному предположению Попеля должен был находиться Рябышев с двумя дивизиями 8-го мехкорпуса. Роковую роль в принятии такого решения в очередной раз сыграло отсутствие связи и информации. Никаких наших войск в районе Брод уже не было.

Что можем мы рассказать про этот бой, если его очевидец, участник и руководитель пишет:

«...В пелене кровавого тумана встают отдельные эпизоды, сцены. Как бы я ни хотел, не смогу последовательно изложить это продолжавшееся весь день ни с чем не сравнимое побоище... Сочная трава вокруг пожелтела от дыма... Несмолкаемый грохот наполняет воздух, перекачивается по лесу. Не разберешь, где наши танки, где фашистские. Кругом черные стальные коробки, из которых вырываются тыки пламени...» [105].

Погиб командир 34-й танковой дивизии полковник И.В. Васильев, пропали без вести комиссар дивизии М.М. Немцев и командир 24-го танкового полка 12-й тд подполковник П.И. Волков; погибли, пропали без вести, оказались в немецком плену тысячи бойцов и командиров. На закате дня 1 июля в лесу у поселка Козин собрались выжившие — порядка одной тысячи человек.

«Я приказал построить личный состав, — пишет в своих воспоминаниях Н.К. Попель. — За этот день люди всего насмотрелись. Они не удивились бы, если бы из-за кустов поднялся в атаку немецкий полк. Но строиться? Зачем это нужно? Не свихнулся ли бригадный комиссар?»

Нет, комиссар Попель был прав. Вне всякого сомнения, именно эта установка: «мы часть регулярной армии, с ее Уставом, дисциплиной, знаменем» — спасла людей от позора и гибели в плену. Присоединяя к себе группы окруженцев из других частей, отряд прошел с боями 250 километров по огромной дуге Дубно — Славута — Коростень и в конце июля 1941 г. вышел в распоряжение частей 5-й армии в районе Белокоровичи.

ТАНКОВЫЙ ПАДЕЖ

Вот так, полным поражением и разгромом, закончилось «танковое сражение» на Западной Украине, крупнейшая битва первых недель войны. Надо полагать, только после того, как немцы собрали и пересчитали все брошенные на обочинах дорог танки, бронемашины, гаубицы, мотоциклы, они поняли — ЧТО им угрожало...

Современный историк находится в более сложном положении. Танков тех уж нет — то, что не было переплавлено в мартеновских печах Германии, после окончания войны было переплавлено на заводах Урала и Запорожья. Точно и безоговорочно определить причину, по которой был потерян каждый из пяти тысяч танков Юго-Западного фронта, невозможно. Тем не менее даже немногие доступные документы позволяют сформулировать вполне аргументированную гипотезу о причинах небывалого поражения.

Так как лучше всего документирована история разгрома **15-го мехкорпуса**, то с него мы и начнем изучение феноменального «падежа» танков, охватившего в конце июня 1941 г. войска Юго-Западного фронта. В корпусе было две танковые дивизии: 10-я и 37-я. Потери 10-й тд в бою 23 июня и в последующих стычках с противником подробно, по каждому дню и бою расписаны в докладах командира дивизии и командира корпуса [28, стр. 193—213 и 29, стр. 253—275]. Что же касается 37-й тд, то она до 28 июня боевого соприкосновения с противником — равно как и потерь от авиации противника — не имела вовсе. Сведем всю известную информацию в две таблицы:

10-я тд	КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	Всего
Было в дивизии по состоянию на 22 июня	63	38	51	181	30	363
Из них исправны и вышли в поход	63	37	44	147	27	318
Боевые потери 22—26 июня	13	6	0	32	2 (?)	53
Фактическое наличие к исходу дня 26 июня	10	5	4	20	0	39
???	40	26	40	95	25	226

37-я тд	КВ	Т-34	БТ-7	Т-26	Всего
Было в дивизии по состоянию на 22 июня	1	34	258	23	316
Оставлено в г. Кременец	1	0	15	10	26
Боевые потери 22—26 июня	0	0	0	0	0
Фактическое наличие к исходу дня 26 июня	0	29	185	7	221
???		5	58	6	69

Итак, самая мощная в 15-м МК (и одна из лучших по укомплектованности и подготовке личного состава во всей Красной Армии) 10-я танковая дивизия за пять дней превратилась в изрядно потрепанный танковый батальон!

От 318 исправных по состоянию на 22 июня танков к исходу дня 26 июня в строю осталось всего 39. **Потери «неизвестного происхождения» составили 226 танков. За пять дней.** Даже если предположить, что в докладе командира дивизии и упущены какие-то боевые потери в ходе эпизодических стычек с немецкими

пехотными частями, то эта неточность никак не объясняет расхождение между числом боевых (53 танка) и общих (279 танков) потерь. Особенно впечатляет динамика и структура потерь трехбашенных Т-28, которые тихо исчезают, так и не успев, вероятно, сделать ни одного выстрела по противнику. Если верить отчету, 48-тонные КВ с их 75-мм броней ничуть не превосходят по боевой живучести легкие БТ-7 и Т-26 с противоположным бронированием, что по меньшей мере странно. Самое же удивительное — ни в докладе врио командира дивизии, ни в докладе врио командира корпуса эти вопиющие факты даже никак не комментируются!

В 37-й танковой дивизии до 28 июня дела обстояли значительно лучше. 221 танк (из 316) готов вступить в бой.

Еще 26 танков ждут своего часа на месте постоянной дислокации дивизии в г. Кременец. Три четверти от общего числа «безнадёжно устаревших» БТ-7 успешно выдержали многодневные бестолковые метания по лесным дорогам и, судя по отчету командира дивизии, пока еще исправны. Неизвестно, куда пропало «всего лишь» 69 танков.

Потери танков 10-й танковой дивизии в бою 28 июня указаны конкретно: 1 КВ, 1 Т-34, 7 БТ-7. С утра 29 июня 15-й мехкорпус был выведен во «фронтной резерв», что означало безостановочный отход к Днепру. Состояние танкового парка 15-го мехкорпуса по состоянию на 6—8 июля было нижеследующим:

10-я тд	КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	Всего
Фактическое наличие к исходу дня 26 июня	10	5	4	20	0	39
Боевые потери 28 июня	1	1	0	7	0	9
Фактическое наличие к 6 июля	2	3	1	12	2 (?)	20

На момент подписания доклада врио командира 10-й танковой дивизии танков в дивизии уже не было. Ни одного. Это прямо указано в тексте доклада [28, стр. 211]. Есть в докладе и таблица с «расшифровкой» причин потерь танков. Первое же, что бросается в глаза, — огромный «ассортимент» причин. Вместо ясной и четкой классификации:

- потеряны от воздействия противника (подбиты),
- потеряны без воздействия противника по техническим причинам (сломались),

— брошены,

составители отчета придумали 10 витиеватых типов причин:

- 1) *разбито и сгорело на поле боя;*
- 2) *вышло из строя при выполнении боевой задачи и осталось на территории, занятой противником;*
- 3) *не вернулось с экипажами с поля боя после атаки;*
- 4) *сгорело в результате бомбардировок (сразу же отметим, что в этой категории ровно ОДИН танк БТ-7);*
- 5) *осталось с экипажами в окружении противника из-за технических неисправностей или отсутствия ГСМ;*

6)осталось из-за отсутствия ГСМ и невозможности его подать, т.к. район захвачен противником;

7)пропало без вести с экипажами;

8)уничтожено на сборных пунктах аварийных машин в связи с невозможностью эвакуировать при отходе;

9)оставлено при отходе по техническим неисправностям и невозможности восстановить и эвакуировать;

10)застряло на препятствиях с невозможностью извлечь и эвакуировать.

К потерям от воздействия противника явно относятся только пункты 1 и 4. Конкретный смысл п. 2 и 3 неясен. Если танк «не сгорел в результате бомбардировок» (п. 4) и не «разбит и сгорел на поле боя» (п. 1), то по какой еще причине он «не вернулся с экипажами с поля боя после атаки»? Танк — это ведь не дальний бомбардировщик, который улетел в тыл врага и его никто никогда больше не видел... А как надо понимать п. 2? Строго говоря, начиная с утра 22 июня ЛЮБЫЕ потери танков можно подвести под категорию «вышло из строя при выполнении боевой задачи», а после стремительного (в отдельные дни июля — по 150—200 км в день) отхода на восток все без исключения танки остались «на территории, занятой противником». Не следует забывать и о том, что отчет этот писался в конце июля 41-го, за сотни километров от места событий, в условиях, которые напрочь исключали возможность осмотра потерянных машин и **проверки достоверности заявленных причин** исчезновения трех сотен танков...

Вероятно, для того, чтобы статистика потерь приобрела хоть какой-то внятный смысл, надо

объединить п. 1 и 4 («боевые потери»), п. 2 и 3 («предположительно боевые»), п. 4—10 («без воздействия противника»). В таком случае вырисовывается следующая картина:

10-я тд	КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	Всего
Исправны и вышли в поход 22 июня	63	37	44	147	27	318
Боевые потери	11	20	4	54	7	96
Предположительно боевые	11	4	4	5	5	29
Без воздействия противника	34	8	36	41	12	131
???	7	5	0	47	3	62

Итак, две трети танков, которые вечером 22 июня были вполне исправны, потеряны без воздействия противника.

В частности, 41 непробиваемый КВ из 63, имевшихся в наличии. И, наконец, для объяснения причин потери 62 танков (а это танковая бригада по штатам осени 1941 г.) не подошла ни одна из 10 лукавых формулировок.

О них составители отчета просто и коротко умолчали.

Танки 37-й танковой дивизии почти полностью пропали за время отхода. Про потери танков в единственном бою у Станиславчик точных данных нет, но, судя по приведенному выше описанию боя, дивизия потеряла никак не более 10—20 танков. После чего

количество танков сократилось с двух сотен до 14 по «неизвестным причинам». В целом 80% танков 37-й тд потеряны неизвестно где и как.

37-я тд	Т-34	БТ-7	Т-26	Всего:
Фактическое наличие к исходу дня 26 июня	29	185	7	221
Боевые потери 28 июня				20 (?)
Фактическое наличие к 6—8 июля	2	12	0	14
???	27	173	7	187

Самым мощным по числу танков (в том числе — новейших КВ и Т-34) на Юго-Западном фронте был **4-й мехкорпус**. В составе корпуса было две танковые дивизии: 8-я и 32-я.

В первые два дня войны 8-я тд вместе со всем 4-м МК металась в районе Яворов — Немиров, где в ходе стычек с немецкой пехотой было потеряно 19 танков Т-34. Про потери других типов танков в докладе командира дивизии ничего не сказано, но в оперативное подчинение командира 15-го МК дивизия поступила, имея на вооружении 65 танков. Где же были в этот момент остальные 240 танков одной из самых мощных танковых дивизий Красной Армии? Во время боя 28 июня в районе Топорув — Лопатин 8-я танковая дивизия потеряла 12 танков. После этого был отход и участие группы танков 8-й тд в многодневном сражении у Бердичева. Командир 8-й тд полковник Петр Семенович Фотченков погиб в августе 1941 г. в Уманском «котле».

Дивизии как танкового соединения к тому времени уже давно не было. Но остался отчет, составленный командиром 8-й тд, который содержит развернутый и подробный ответ на поставленные выше вопросы. Незаурядной особенностью этого отчета является прямое и явное использование термина «брошено» (по этой причине убыло 107 танков). Для удобства восприятия сведем все данные в одну таблицу [152, стр. 246]:

	КВ	Т-34	Т-28	БТ-7 и Т-26	Всего
Исходное кол-во на 22.06.1941 г.	50	140	68	67	325
Подбито	13	54	10	8	85
Брошены, пропали без вести, прочие	25	49	27	28	129
Отправлены на завод, отработали моточасы	8	32		8	48
Завязли в болотах	2	2		2	6
Арифметический остаток	2	3	31	21	57

Итак, главной составляющей потерь танков в одной из лучших дивизий Красной Армии было: «брошены», «пропали без вести», «завязли в болоте», загадочное «прочее». Остаток в 57 танков существует, увы, арифметически, но не практически. Так, судя по сводкам Автобронетанкового управления Юго-Западного фронта от 15—17 июля, в 8-й тд числится всего 32 танка, и среди них нет ни 31, ни даже одного Т-28. На фоне такого «порядка в танковых частях» вызывает большие сомнения достоверность сведений о боевых потерях: 13

КВ и 54 Т-34, практически неуязвимых для 37-мм противотанковых немецких пушек, якобы подбиты, но при этом танков с противопульным бронированием и бензиновыми моторами (Т-28, БТ и Т-26) подбито почти в четыре раза меньше!

Аналогичной была и ситуация с потерей танков в 32-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса. Существует подробный отчет командира 32-й тд полковника Е.Г. Пушкина о боевых действиях дивизии [28, стр. 181—192]. Суммирование потерь, понесенных дивизией во время боев с немецкой пехотой в период с 23 по 29 июня, дает цифру в 23 танка. Еще 11 танков потеряли два танковых батальона, которые вечером 22 июня были выдвинуты в район Радехова, где днем 23 июня произошел бой с частями 11-й немецкой танковой дивизии. Итого **боевые потери составили 34 танка**. После этих боев начался отход за Днепр, в ходе которого 32-я танковая дивизия имела отдельные стычки с преследовавшими ее передовыми отрядами немецких моторизованных частей. Конкретная цифра потерь в этих стычках названа в докладе полковника Пушкина только один раз:

«...10.7.41 г. Группа танков капитана Карпова (10 танков и 2 бронемашины) сосредоточилась в районе Бейзымовка и в 20 часов атаковала противника в направлении Ольшанка, но, не поддержанная пехотой, в 23 часа отошла и заняла оборону в 300—400 м южнее Ольшанка. В течение последующего дня группа вела непосильный бой в этом же районе и в результате бегства с фронта 32-го мотострелкового полка была уничтожена и оставлена на поле боя, за исключением одного танка...» [28, стр. 185].

Итак, **43 танка** «поименно» потеряны в бою. Можно предположить, что какая-то, сопоставимая с названной, цифра потерь не была отражена в описании боевых действий дивизии. Однако же в приложенной к докладу «Сводной ведомости материальной части» стоят совершенно другие цифры потерь. Всего **потеряно 269 танков** (37 КВ, 146 Т-34, 28 БТ-7, 58 Т-26).

Впрочем, даже эти феноменальные цифры потерь непробиваемых танков не совпадают с наличным остатком. Простая арифметика показывает, что даже после потери 37 КВ в 32-й тд должно было оставаться еще 12 таких танков. Но в подписанном 15 июля 1941 г. начальником АБТУ Юго-Западного фронта докладе «О состоянии и наличии материальной части мехкорпусов фронта» сказано, что во всем 4-м МК (а не в одной только 32-й тд!) осталось всего 6 танков КВ [29, стр. 89].

О том, что большая часть потерь танков не была связана с воздействием противника, свидетельствует и соотношение потерь личного состава и боевой техники. Так, согласно докладу командира 32-й тд, 63-й танковый полк этой дивизии в период с 22 июня по 30 июля 1941 г. потерял 17 человек убитыми и 63 ранеными. В то же время было потеряно 145 единиц бронетехники (14 КВ, 61 Т-34, 42 Т-26, 19 Т-37, 9 БА-10) [28, стр. 190]. Для понимания этих цифр следует вспомнить, что личный состав танкового полка вовсе не состоит из одних только танковых экипажей, соответственно, танкисты составляют только часть от указанного выше числа людских потерь...

Документы, позволяющие выявить и детализировать феноменальный «падеж танков», охвативший в первые

недели войны Красную Армию, были рассекречены более сорока лет назад. На том экземпляре «Сборника боевых документов Великой Отечественной войны № 35», с которым я работал (и из которого взята большая часть информации, приведенной в предыдущих главах), стоит синий штампик: «Рассекречено. Директива ГШ № 203995 от 30.11.65 г.».

Однако в нашей стране рассекретить и сделать доступным — совсем не одно и то же. Так называемой «широкой общественности» эти документы неизвестны (а честно говоря — и недоступны) фактически по сей день. Но что интересно — так называемые советские «историки» начали заблаговременно готовиться к тому моменту, когда шило все-таки вылезет из мешка. В сотнях книг и статей они уже успели объявить «городу и миру», что советские танки были крайне ненадежные, примитивные, изношенные, с выработанными моторесурсами... Вот поэтому-то они и рассыпались на ходу в первые же дни войны...

К сожалению, я не шучу. В претендующих на научную фундаментальность изданиях на протяжении четырех десятилетий тиражировался миф о том, что «к началу войны три четверти танков нуждались в ремонте», причем не то 29%, не то 44% — в «капитальном ремонте». Печально, но даже составители такого авторитетного статистического исследования, как «Гриф секретности снят», не постеснялись сообщить читателям, что из 14,2 тыс. советских танков, находившихся 22 июня 1941 г. в действующей армии, «полностью боеготовых было 3,8 тыс. единиц» [35, стр. 345].

Из сочинений советских «историков» этот бред переписывался в монографии и иных западных «исследователей» (вроде печально известного американского полковника Дэвида Гланца) и уже в качестве, «первосортного импортного продукта» возвращался на книжные полки российских магазинов...

При этом реальные данные по техническому состоянию танкового парка Красной Армии известны по меньшей мере с ноября 1993 г. (со дня известной публикации Н. Золотова и С. Исаева «Боеготовы были» в № 11 «Военно-исторического журнала»), Н. Золотов и И. Исаев показали и тот воистину изящный способ, при помощи которого была выстроена многолетняя фальсификация. Дело в том, что на основании Приказа Наркома обороны СССР № 15 от 10 января 1940 г. было предусмотрено деление бронетехники на следующие пять категорий:

1. Новое, не бывшее в эксплуатации и вполне годное к использованию по прямому назначению.
2. Находящееся в эксплуатации, вполне исправное и годное к использованию по прямому назначению.
3. Требующее ремонта в окружных мастерских (средний ремонт).
4. Требующее ремонта в центральных мастерских и на заводах (капитальный ремонт).
5. Негодное (танки этой категории снимались с учета и в сводные ведомости не зачислялись).

Надеюсь, читатель уже догадался, как именно ему морочили голову: в разряд «боеготовых» зачисляли только 1-ю категорию, т.е. абсолютно новые танки, а всю 2-ю категорию отнесли к разряду «нуждающихся в

ремонте»! Это примерно то же самое, как признать технически исправными только автомобили, стоящие на подиуме в салоне, а все те, что ездят по улицам, объявить «нуждающимися в ремонте»...

Последняя предвоенная «Ведомость наличия и технического состояния боевых машин по состоянию на 1 июня 1941 г.» (ЦАМО, ф. 38, оп. 1 1353, д. 924, л. 135-138, д. 909, л. 2—18) свидетельствует, что на вооружении войск пяти западных приграничных округов числилось (не считая устаревших и выведенных из состава боевых частей танкеток Т-27) 12 782 танка, из которых «годными к использованию по прямому назначению» (1-й и 2-й категории были 10 540 танков — **82,5% всего парка**). В частности, в Киевском ОВО (будущем Юго-Западном фронте) числилось 5465 танков, из них к 1-й и 2-й категории отнесено 4788 единиц (**87,6%**).

Этими цифрами, однако, не описывается техническое состояние танков, находившихся непосредственно в мехкорпусах Киевского ОВО. Дело в том, что танков в округе было несколько больше, чем танков в мехкорпусах.

На вооружении восьми (22, 15, 4, 8, 16, 9, 19, 24-го) мехкорпусов Киевского ОВО было «только» 4808 танков из общего числа 5465. Более шести сотен танков находилось в составе разведбатов стрелковых дивизий в танковых полках кавалерийских дивизий, в учебных центрах, на рембазах и на складах. Есть все основания предположить, что именно в мехкорпуса, а отнюдь не в стрелковые дивизии, поступали новые (или почти новые) танки, соответственно, и процент «годных к

использованию по прямому назначению» в мехкорпусах был еще **выше, чем в среднем по округу.**

Теперь от общих цифр перейдем к оценке технического состояния танков 10-й танковой дивизии 15-го мех-корпуса — той самой дивизии, с рассказа о феноменальных потерях которой мы начали эту главу. Открываем еще раз «Доклад о боевой деятельности 10-й танковой дивизии на фронте борьбы с германским фашизмом» и там читаем: *«...танки KV и T-34 все без исключения были новыми машинами и к моменту боевых действий проработали до 10 часов (прошли в основном обкатку)...*

Танки T-28 имели запас хода в среднем до 75 моточасов...

Танки BT-7 имели запас хода от 40 до 100 моточасов...

Танки T-26 в основном были в хорошем техническом состоянии и проработали всего лишь часов по 75...» [28, стр. 207].

Теперь от «моточасов» перейдем к понятным каждому километрам пробега. При очень скромной (а для быстроходного танка BT — абсурдно низкой) маршевой скорости 10 км/час «жалкий» остаток в 75—100 моточасов превращается в 750—1000 километров пробега. Для рейсового автобуса, который должен с утра до вечера возить пассажиров, этого ничтожно мало. Для танка — более чем достаточно. На войне танки столько и не живут. Крупная наступательная операция фронтового масштаба предполагает продвижение на 200—250—300 километров. С учетом неизбежного в условиях многодневных боев маневрирования эти цифры следует увеличить в 1,5—2 раза, до 500—600 км. Танки 10-й

танковой дивизии имели моторесурс более чем достаточный для того, чтобы дойти до Люблина и Кракова. А большего от них и не требовалось. Танк, который «дожил» до конца большой фронтовой операции, полностью оправдал все расходы на свое производство и эксплуатацию. После этого его можно с чистой совестью списывать или ставить на капитальный ремонт.

И это отнюдь не абстрактное теоретизирование. В реальности в 1943—1945 г. все происходило именно так:

*«...В 3-й Гвардейской танковой армии в Львовско-Сандомирской операции (лето 1944 г.) количество отремонтированных танков и САУ значительно превышало число боевых машин, имевшихся в танковой армии к началу операции. Иными словами, в течение одной операции каждый танк (САУ) **выходил из строя два-три раза** (здесь и далее выделено мной. — М.С.) и столько же раз снова возвращался в боевые порядки частей и соединений...»*

...Анализ данных потерь танковых армий в 11 наступательных операциях позволяет отметить ряд важных моментов в рассматриваемой проблеме.

Во-первых, безвозвратные потери танковых армий в наступательной операции продолжительностью в среднем 15—20 суток составляли около 25% первоначального количества танков и САУ, а общие потери — около 82%.

Во-вторых, боевые машины, подлежащие восстановлению, составляли до 70% общих потерь (т.е. 57% от первоначального количества танков. — М.С.). В числе машин, подлежащих восстановлению, было примерно 70% танков и САУ, вышедших из строя по

*боевым повреждениям, и 30% (т.е. **всего 17% от первоначального количества.** — М.С.) вследствие застревания и технических неисправностей...*

Процент танкоремонтов к числу танков и САУ, имевшихся к началу операции, составлял от 115% (Белгород-Харьковская операция, 1-й Гв. ТА) до 221% (Висло-Одерская операция, 2-я Гв. ТА) [167, стр. 218-219].

Это отрывки из монографии «Танковый удар». Автор — генерал армии А.И. Радзиевский, начальник Военной академии им. Фрунзе, в годы войны — начальник штаба 2-й Гвардейской танковой армии.

И лишь потери танков в ходе так называемого «контрудара мехкорпусов Юго-Западного фронта» в июне 1941 г. абсолютно не укладываются в «нормальные», подтвержденные многолетним опытом войны рамки. Нормальной (насколько это слово вообще применимо к войне) является ситуация, при которой главной причиной выхода танков из строя является, разумеется, воздействие противника. Технические неисправности и застревание на местности составляют порядка 17% (т.е. меньше одной пятой) от первоначального числа танков.

Наконец, можно твердо констатировать, что **ни до лета 1941-го, ни после него** такой массовый «падеж» советских танков никогда не отмечался. «Ненадежными», «неисправными», «ремонтнепригодными» они оказались только в первые недели советско-германской войны. До этого советские танки демонстрировали чудеса выносливости.

Первым эпизодом боевого применения танков БТ была война в Испании. На базе 50 танков БТ-5 был сформирован танковый полк республиканской армии,

который в октябре 1937-го вышел в район боевых действий на р. Эбро, совершив за двое с половиной суток марш в 630 (шестьсот тридцать) км (97). Пожалуй, самым тяжелым испытанием ходовых возможностей танков БТ стал Халхин-Гол. В конце мая 1939 г. две танковые бригады (6-я и 11-я) совершили беспрецедентный 800-км марш по раскаленной монгольской степи (температура воздуха в те дни достигала 40 градусов, о том, что творилось внутри раскаленных солнцем стальных коробок, можно только догадываться) в район будущих боевых действий. Вот как описывает эти события Герой Советского Союза К.Н. Абрамов — командир танкового батальона 11-й бригады:

«...Для нашей бригады сигнал боевой тревоги прозвучал 28 мая. На сборы по тревоге нам отводилось полтора часа, батальон был готов к движению через 55 минут. Предстоял невиданный по напряжению и протяженности 800-километровый марш по безводной монгольской степи... Колонна двигалась по едва заметной степной дороге, протоптанной верблюжьими караванами. Местами дорога пропадала — ее замело песком. Для преодоления песчаных и заболоченных участков приходилось переводить танки с колесного хода на гусеничный. Эту работу хорошо подготовленные экипажи выполняли за 30 минут...»

К исходу дня 31 мая батальон в полном составе вышел в намеченный район. Чуть больше времени (6 дней) потратила на 800-км марш 6-я танковая бригада. Через шесть лет после боев на Халхин-Голе, в августе 1945 г., танки БТ-7 в составе 6-й Гвардейской ТА приняли участие в так называемой «Маньчжурской стратегической операции». Танковые бригады прошли тогда 820 (восемьсот двадцать) км через горный хребет Большой

Хинган со средним темпом марша 180 км в день [167]. **Из общего числа 1019 танков всех типов в ходе операции было потеряно всего 78** (семьдесят восемь) единиц! [35, стр. 373]. Старые «бетешки» (самые свежие из которых были выпущены пять лет назад) выдержали и такое испытание. Если даже предположить, что все шесть лет танки просто простояли на консервации, то и в этом случае их техническое состояние могло только ухудшиться: охрупчились резиновые шланги, «отжались» уплотнительные прокладки, коррозия подъела контакты...

История танка Т-34, как написано об этом во всех книжках, началась с того, что в марте 1940 г. два первых опытных танка своим ходом **прошли 3000 км** по маршруту Харьков — Москва — Минск — Киев — Харьков. Прошли в весеннюю распутицу, по проселочным дорогам (двигаться по основным магистралям и даже пользоваться в дневное время мостами было из соображений секретности запрещено). Да, такой марш дался технике нелегко — подгорели диски главных фрикционов, обнаружались сколы на зубьях шестерен коробок передач, перегревались тормоза.

В конце концов межремонтный пробег для серийных танков Т-34 был установлен не в 3000 км (а именно такая фантастическая цифра предусматривалось техническим заданием), а «всего лишь» в одну тысячу км.

В январскую стужу 1943 г. в ходе наступательной операции «Дон» советские танковые бригады прошли более 300 км по заснеженной задонской степи и разгромили крупные силы немецкой Группы армий «А», прорвавшейся летом 1942 г. к нефтеносным районам Моздока и Грозного. Летом 1944 г. в ходе операции

«Багратион» (разгром немецкой Группы армий «Центр» в Белоруссии) 5-я Гвардейская ТА, наступавшая по бездорожью, среди лесов и болот, прошла 900—1300 км при темпе наступления до 60 км в день и общем расходе моторесурсов в 160-170 часов [167, стр. 227]. В мае 1945 г. танки 3-й и 4-й гвардейских танковых армий прошли 400 км от Берлина до Праги. По горно-лесистой местности, за пять дней, и при этом — без существенных технических потерь. Легендарная «тридцатьчетверка» прошла всю войну, во многих армиях мира она простояла на вооружении до середины 50-х годов. В финской армии трофейные советские танки и легкие артиллерийские тягачи «Комсомолец» прослужили аж до 1961 г.! Без запчастей, без инструкции по эксплуатации, среди финских снегов и болот...

Однако самое удивительное подтверждение надежности и живучести советской техники мы сможем найти, анализируя... потери мехкорпусов Красной Армии летом 1941 г. Но не потери танков, а **потери автомобилей**.

Открываем еще раз отчет командира 10-й танковой дивизии. До начала боевых действий в дивизии числилось 864 исправных грузовика и автоцистерны. Из них за Днепр, в Пирятин, пришло 613 машин. Отличный результат! Без малого три четверти от исходного числа автомашин прошли как минимум 500 км (в отчете названа цифра аж в 3000 км) от границы до Днепра — и это по разбитым фунтовым дорогам, под ударами авиации противника, без ремонтных служб и запчастей. Продолжая «обязательный советский набор» причин разгрома, надо было бы еще добавить фразу про

«отсутствие ГСМ», но так в природе не бывает, поэтому придется признать, что для грузовиков бензин нашелся.

Если из 864 машин пришли в Пирятин 613, значит, были и потери. Арифметика дает нам цифру 251, в отчете указаны причины потерь для 293 автомашин. Эта нестыковка может быть, в частности, связана с тем, что кроме грузовых в дивизии были еще и десятки легковых автомобилей. Но не будем придираться к этим малозначимым частностям, важнее другое — каковы были причины потерь автомашин?

«210 машин потеряно в результате боя, 34 машины осталось с водителями в окружении противника из-за технических неисправностей и из-за отсутствия горюче-смазочных материалов, 2 машины уничтожено на сборном пункте аварийных машин в связи с невозможностью эвакуировать при общем отходе части, 6 машин застряло на препятствиях из-за невозможности их эвакуировать и 41 машина оставлена при отходе части из-за технических неисправностей и невозможности их восстановления». Итак, **из-за технических неисправностей** потеряно не более 77 машин — **менее 9%** от общего исходного количества. Это просто великолепный показатель технической надежности. Что же это за сверхнадежные и высокопроходимые машины? В докладе есть точный ответ и на этот вопрос: 503 ГАЗ-АА и 297 ЗИС-5.

«Газик» ГАЗ-АА — это бывший американский «Форд-А». Простой и дешевый, «бюджетный» грузовик. Простой и дешевый для начала 20-х годов, когда он и был разработан и запущен в производство. В начале 40-х его уже можно было размещать в техническом музее. Передний мост на одной рессоре, да и та поперек рамы,

задний мост висит на двух обрубках — полурессорах, карбюратор без воздушного фильтра (просто дыра для забора воздуха, и все). На «бешеной скорости» в 40 км/час удержать эту машину в прямолинейном движении могла только глубокая колея. После двух-трех поездок с колхозного поля на городской элеватор водитель «газика» с чувством исполненного долга ставил ее на ремонт:, перетягивать баббитовые подшипники коленвала, промывать «пылесосный» карбюратор и прочее. И это убожество обладало надежностью, проходимостью и защищенностью от атак с воздуха большей, нежели бронированные гусеничные машины, часть которых (БТ-7, Т-34) по всем показателям подвижности могли считаться лучшими танками мира?

Можно ли делать далекоидущие выводы на основании данных о потерях одной-единственной дивизии? Конечно, нет, поэтому пойдем дальше. 37-я танковая дивизия все того же 15-го мехкорпуса. Точное количество автомашин, имевшихся к началу боевых действий, не указано ни в отчете командира дивизии, ни в докладе врио командира корпуса. Есть только жалобы на то, что «мотострелковый полк был совершенно не укомплектован автомашинами». 15 июля 1941 г. в дивизии, сосредоточенной в Пирятине, числилось: «танков Т-34 — 1, танков БТ-7 — 5, бронемашин БА-10 — 11, колесных машин — 173». Сто семьдесят три автомобиля. И всего 6 танков из 316.

Берем доклад командира 32-й танковой дивизии 4-го МК. Из 420 автомашин всех типов (легковые, грузовые, специальные, автоцистерны) потеряно 133 [28, стр. 189—192], 32% от первоначальной численности. Танков, напомню, было потеряно 269 из 323.

18-й мехкорпус Южного фронта. Как и другие соединения Южного фронта, он вступил в боевые действия и был разгромлен на несколько недель позднее, нежели мехкорпуса Юго-Западного фронта. К концу июля 18-й МК еще существовал. На его вооружении осталось всего 43 танка ВТ и 19 танков Т-26, а также 100 легковых и 1771 грузовая и специальная автомашина, в том числе 1230 «сверхнадежных» ГАЗ-АА.

Дольше всех просуществовал 2-й мехкорпус Южного фронта. По состоянию на 1 августа в корпусе числилось 136 танков (26% от первоначальной численности) и 3294 автомобиля (87% от первоначальной численности) [152, стр. 412, 415].

Теперь перейдем к самым обобщенным данным. Для чего снова обратимся к официальному источнику — многократно упомянутому выше статистическому сборнику «Гриф секретности снят». Составители этого труда поработали на совесть. На четырнадцати страницах перечислены потери вооружений и боевой техники по годам войны. Танки — отдельно, пушки — отдельно, гаубицы 122-мм отдельно от гаубиц 152-мм и т. д. Во втором полугодии 1941 г. проценты потерь чудовищно велики: 73% танков, 70% противотанковых пушек, 65% станковых пулеметов, 61% минометов... А автомобилей потеряно всего 33% от общего количества [35, стр. 352—363].

Как такое может быть? Примитивные «газики» и немногим превосходящие их ЗИСы оказались во много раз надежнее танков? Надежнее бронеавтомобилей, созданных на базе тех же самых ЗИСов? Фанерные кабинки оказались прочнее стальных бронекорпусов? И бензин для своевременного отъезда с занятой

противником территории нашелся? Автомобиль — это ведь ни лошадь, и уж тем более не красноармеец, — сколько ни «дави на сознательность», а без горючего он и с места не сдвинется...

Но, может быть, мы просто чего-то важного не понимаем? Может быть, есть какой-то неведомый дилетантам закон войны, по которому боевая живучесть фанерных автомобилей выше живучести бронированных танков?

Эти сомнения не давали мне покоя, пока я не открыл хорошо известную специалистам монографию Рейнгардта «Поворот под Москвой» [171, стр. 381]. В конце книги «битого гитлеровского генерала» помещена табличка с цифрами потерь вооружения и боевой техники (включая автомобили) вермахта на Восточном фронте в 1941 г. И последние сомнения пропали. Чудес не бывает — потери автомобилей **в воюющей армии** в десятки раз превосходят потери танков:

	танки	автомобили	k=
Красная Армия	20 500	159 тыс.	8
Вермахт	2 831	116 тыс.	41

Разница цифр разительная. Мы пока не обсуждаем вопрос о том, почему потери отступающей Красной Армии больше потерь наступающего вермахта. Тому можно найти или придумать множество «объективных» причин. Но в вермахте на один потерянный танк приходится 41 автомобиль, а в Красной Армии — всего 8.

И это все — в среднем за второе полугодие 41-го года. Если же рассматривать структуру потерь мехкорпусов Юго-Западного фронта за первые три недели войны (пока еще танки были в наличии), то там число потерянных автомашин и танков практически равно, или даже танков потеряно в абсолютных цифрах больше, чем машин!

А все очень просто. Вермахт воевал. Да, воевал ради грабежа чужой земли, выполняя преступную волю бесчеловечного режима. Но немецкая армия воевала, и поэтому она прежде всего берегла свои танки. Красная Армия с первых же часов войны превратилась в толпу вооруженных беженцев, для которых допотопные «газики» были гораздо ценнее новейших, лучших в мире танков...

Часть 3

БОЧКА И ОБРУЧИ

АРИФМЕТИКА ИСТОРИИ

17 сентября 1939 года войска Белорусского и Украинского фронтов Красной Армии вторглись в Польшу. Так, с вероломного нападения на страну, с которой был подписан Договор о ненападении (заключен в 1932 г., в 1937 г. продлен до 1945 г.), начал Советский Союз свое прямое участие во Второй мировой войне. Два года спустя, в конце лета 1941 г., очень многим и друзьям и врагам Советского Союза казалось, что война эта подходит для него к концу.

Задача, поставленная перед вермахтом по плану «Барбаросса» (*«основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев...»*), была выполнена уже к середине июля 1941 г. Войска Прибалтийского и Западного военных округов (более 70 дивизий) были разгромлены, отброшены на 350—450 км к востоку от границы, рассеяны по лесам или взяты в плен.

Чуть позднее то же самое произошло и с новыми 60 дивизиями, введенными в состав Северо-Западного и Западного фронтов в период с 22 июня по 9 июля. Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину и Днепр. 9 июля немцы заняли Псков, 16 июля —

Смоленск. Две трети расстояния от западной границы до Ленинграда и Москвы были пройдены менее чем за месяц. Войска Юго-Западного фронта в беспорядке отступили за линию старой советско-польской границы, в середине июля 1941 г. танковые части вермахта заняли Житомир и Бердичев, вышли к пригородам Киева.

То, что советские историки скромно называли «неудачей приграничного сражения», означало на деле полный разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий превосходившего любую армию Европы, а по количеству танков превосходившего их все, вместе взятые). Практически вся техника и тяжелое вооружение войск западных округов были потеряны. К 6—9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли **11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов, более 1 млн единиц стрелкового оружия** [35, стр. 368]. Особенно тяжелые, практически невозполнимые потери понесли танковые войска. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов были официально расформированы.

Войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в период с 22 июня по 6—9 июля потеряли 749 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести [35, стр. 162—164]. Эта цифра не включает потери тех частей и соединений Второго Стратегического эшелона, которые уже в начале июля приняли участие в боевых действиях; не включает потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия соответственно 29 июня и 2 июля 1941 г.

Понять подлинное значение этих ужасающих цифр можно, только сравнив их с потерями личного состава вермахта. В знаменитом «Военном дневнике» начальника штаба Сухопутных войск Германии Ф. Гальдера приведены следующие цифры общих потерь (убитые, раненые, пропавшие без вести) вермахта на Восточном фронте:

— **64 132** человека к 6 июля 1941 г.

— **92 120** человек к 13 июля 1941 г.

Таким образом, потери наступающего — причем очень успешно, по 20—30 км в день наступающего — вермахта и обороняющейся Красной Армии соотносятся примерно как **1 к 10**. Не менее красноречивы и цифры, характеризующие соотношение потерь боевой техники. Как было отмечено выше, Красная Армия уже к 9 июля потеряла **11,7 тыс. танков**, а безвозвратные потери танковых дивизий вермахта к концу июля 1941 г. составили всего **503 танка**. К этой цифре следует добавить потерю 21 «штурмового орудия» StuG-III. Можно приплюсовать и потерю 92 танкеток Pz-I. Даже при таком подходе соотношение безвозвратных потерь танков сторон составляет **1 к 19**.

Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. По здравой логике — и по всей практике войн и вооруженных конфликтов, — потери наступающего должны быть больше потерь обороняющегося. Соотношение потерь 1 к 10 возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, обороняющихся копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона не уступала

противнику ни в численности, ни в вооружении, значительно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара — танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе мощных естественных преград и долговременных оборонительных сооружений.

К 10—15 июля 1941 г. немцы заняли (точнее сказать — прошли) территорию площадью в 700 тыс. кв. км, что примерно **в 3 раза больше** территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 г., и в 6 раз больше территории Бельгии, Нидерландов и клочка Северной Франции, захваченных вермахтом в мае 1940 г.

На сопоставлении событий мая 40-го и июня 41-го стоит, наверное, остановиться чуть подробнее. Десятки лет советская историческая пропаганда распространяла слухи про «триумфальный марш», каковым вермахт якобы прошел по «поверженной Франции». В последнее время звуки этого «марша» все громче и все чаще раздаются со страниц наиновейших публикаций. Оно и понятно — после того как масштаб катастрофического разгрома Красной Армии стал известен широкой публике, у авторов определенной политической ориентации появилось большое желание изобразить поражение французской армии в самых ярких красках. Мы же в очередной раз обратимся к простым и скучным школьным предметам: арифметике и географии.

Воевые действия мая 1940 г. происходили на «пяточке» Нормандии и Фландрии, с максимальными расстояниями в 300 км по фронту и 350 км в глубину. По площади эта территория примерно соответствует размерам Литвы, которую **одна из трех**, самая

малочисленная, Группа армий «Север» **заняла за одну неделю** июня 1941 г. К берегам Ла-Манша передовые танковые соединения вермахта вышли в районе Вулонь-Кале 23 мая 1940 г. Это был, конечно же, блистательный успех — за 14 дней наступления немецкие танковые дивизии прошли 350 км.

Все познается в сравнении. Для того чтобы определить, где находились немецкие танковые дивизии на 14-й день «похода на Восток», обратимся опять же к дневнику Ф. Гальдера. В оценках и выводах «битый гитлеровский генерал» часто и сильно ошибался, но местоположение своих войск начальник Генерального штаба вермахта все-таки знал:

«5 июля 1941 года, 14-й день войны

Обстановка: На всех участках фронта отмечается продвижение в соответствии с планами...

На фронте Группы армий «Центр» правое крыло танковой группы Гудериана удержало плацдарм на р. Днепр в районе Рогачева (450 км до ближайшей точки на границе. — М.С.)... Танковая группа Гота кроме Дриссы форсировала также и Западную Двину выше Полоцка в районе Улла (425 км от границы. — М.С.) и закрепились на северном берегу реки... На фронте Группы армий «Север» танковая группа Гёпнера успешно продвигается и приближается своим левым флангом к Острову (470 км от границы)

7 июля, 16-й день войны

...На фронте Группы армий «Юг» наши войска прорвали центральный участок оборонительной полосы противника. 11-я танковая дивизия прорвалась восточнее Полонное (260 км) и теперь прокладывает себе путь на

Бердичев среди колонн отступающих русских войск. 16-я танковая дивизия находится в Староконстантинове (250 км). 9-я танковая дивизия в настоящее время участвует в большом танковом сражении в районе Проскурова (280 км)...»

Так что если говорить про темп «марша», то летом 41-го вермахт наступал несколько быстрее и на гораздо большем по протяженности фронте, нежели в мае 1940 г. Теперь взглянем на ситуацию первых недель войны с другой стороны. Какие потери нанес вермахт в ходе так называемого «триумфального марша» во Франции и преодолевая «ожесточенное сопротивление» Красной Армии на Восточном фронте?

В известной монографии Типпельскирха приведены такие цифры потерь вермахта во Французской кампании: 27 тыс. убитых, 18,4 тыс. пропавших без вести, 111 тыс. раненых, **итого — 156 тыс.** человек [127]. По уточненным данным, представленным в столь же хрестоматийно-известной работе Мюллер — Гиллебранда, число погибших составило 49 тыс. человек [11], что даже несколько больше, чем общее число безвозвратных потерь, указанных Типпельскирхом.

В дневнике Ф. Гальдера сопоставимые цифры общих потерь вермахта на Восточном фронте появляются **только в конце июля** 1941 г. Если перевести данные Гальдера в более привычный для нас вид (объединив потери солдат и офицеров), то получится следующее:

— 102 588 человек (не считая больных) к 16 июля 1941 г.

— 179 500 человек к концу июля (запись от 2 августа).

— 213 301 человек к 31 июля (запись от 4 августа).

В конце июля 1941 г. вермахт наступал на гигантском фронте от Нарвы до Кишинева (1450 км по прямой), за спиной наступающих была уже территория, десятикратно превышающая по площади зону боев Французской кампании. С учетом этого едва ли будет уместно сравнивать немецкие потери по простому «календарному принципу»: за 35—40 дней на Западе и за 40 дней на Востоке.

Значительно более корректным будет сравнение, построенное на принципе «цена—результат». По общепринятой в отечественной историографии хронологии «приграничное сражение», т.е. разгром войск западных приграничных округов (Прибалтийского, Западного и Киевского) ограничено рамками 22 июня — 9 июля. Уже на этом этапе результат, достигнутый немецкими войсками (численность разгромленных войск противника, глубина наступления, захваченные трофеи), превысил все военные (не путать с политическими) достижения Французской кампании. Потери же вермахта к этому моменту, как было выше отмечено, оставляли порядка 65—90 тыс. человек, т.е. были в **1,5—2 раза меньше** потерь «триумфального марша» на Западном фронте!

Заслуживает внимания и соотношение потерь немецких танков [10, 36].

	Pz-II	Pz-35/38 (t)	Pz-III	Pz-IV	Pz,Bef	Всего
Потери во Франции (май—июнь 1940 г.)	240	99	135	97	69	640
Восточный фронт (к концу июля 1941 г.)	97	140	153	96	17	503
Восточный фронт (к 4—10 сентября 1941 г.)	152	231	252	125	38	798

Особенно впечатляют практически равные цифры потерь средних немецких танков (Pz-III и Pz-IV) на Западном и на Восточном фронтах — и это при том, что основным орудием французской ПТО была 25-мм «Марианна» фирмы Гочкис, а противотанковые вооружения Красной Армии начинались с 45-мм пушек в стрелковых дивизиях и заканчивались 76-мм и 85-мм пушками в составе ПТАВов. Мы не стали здесь учитывать потери пулеметных танкеток Pz-I. Во-первых, потому, что это не танк, во-вторых, потому, что огромные их потери во Франции (182 единицы) сделают соотношение потерь еще более сюрреалистичным.

К аналогичным выводам приводит и сравнение потерь, понесенных немецкой авиацией во время майских (1940 г.) боев в небе Франции и летом 1941 г. на Восточном фронте. За первые три недели войны на Западном фронте (с 10 по 31 мая 1940 г.) безвозвратные потери люфтваффе (самолеты всех типов) составили **978 самолетов**. За первые три недели войны на Восточном фронте (с 22 июня по 12 июля 1941 г.) безвозвратные

потери люфтваффе (самолеты всех типов) составили, по данным разных источников, **от 473 до 550 самолетов**. В два раза меньше, чем в небе Франции. В целом за все время кампании на Западе (с 10 мая по 24 июня) люфтваффе потеряло на Западном фронте 1401 самолет безвозвратно, и еще 672 было повреждено. За сопоставимый промежуток времени (с 22 июня по 2 августа 1941 г.) потери немецкой авиации на Восточном фронте составили **968** сбитых и 606 поврежденных самолетов (приведены максимальные известные цифры).

Таким образом, потери люфтваффе на Западном фронте были — в любом из рассматриваемых интервалов времени — выше, чем на Восточном фронте. Остается только добавить, что максимальное число летчиков-истребителей французской авиации и базировавшихся во Франции частей английских ВВС составляло к 10 мая 1940 г. порядка 700—750 человек, а в составе истребительных частей ВВС западных военных округов СССР, ВВС Черноморского и Балтийского флотов к началу войны было порядка 3500 летчиков-истребителей (самолетов-истребителей было гораздо больше, так как авиация перевооружалась на новые типы самолетов, и в некоторых истребительных авиаполках самолетов было в 1,5—2 раза больше, чем летчиков).

При всем при этом майские бои во Франции отнюдь не являются примером успешно проведенной оборонительной операции. Никто из французских политиков, историков, писателей пока еще не догадался назвать это позорище «великой патриотической войной французского народа». Наоборот, слова «май 1940 года» стали для Франции синонимом катастрофы и величайшего национального унижения. *«Потрясенная*

нация находилась в оцепенении, армия ни во что не верила и ни на что не надеялась, а государственная машина крутилась в обстановке полнейшего хаоса» — так описывает в своих мемуарах май 1940 г. Шарль де Голль. Черчилль вспоминает, как утром 15 мая 1940 г. его разбудил телефонный звонок — глава правительства Франции П. Рейно в начале шестого дня войны спешил сообщить ему, что «все пропало...». И те потери, которые французские, английские, бельгийские, голландские солдаты смогли нанести тогда противнику, но тот *minimum minimumum*, который оказался достижим к условиям общего хаоса, паники и паралича воли у высшего руководства страны...

В середине июля 1941 г., после блестящего успеха первых операций, немецкому командованию пришлось узнать, что окруженные и разгромленные армии западных поенных округов СССР представляли собой лишь часть *«основных сил русских сухопутных войск»*. А на место разбитых дивизий из глубин огромной страны приходили не новые, новые и новые соединения. В конкретных цифрах эта круговерть смерти выглядела так. К началу войны Западный фронт (3, 10, 4, 13-я армии) насчитывал в своем составе **44 дивизии**. После того как почти все они были уничтожены в огромном «котле» между Велостоком и Минском, Ставка создает фактически новый Западный фронт в составе пяти армий: 16, 19, 20, 21, 22-й. Вслед за этим 14 июля в тылу Западного фронта развертывается Резервный фронт в составе шести армий: 24, 28, 29, 30, 31 и 32-й. К концу июля на западном направлении развертываются еще три армии: 33, 43 и 49-я.

Причина, по которой Красная Армия стремительно наращивала свою численность в объемах, совершенно недосягаемых для противника, предельно проста. То количество дивизий, которое вермахт смог сосредоточить у границ Советского Союза, представляло собой максимум, который смогла достичь 80-миллионная Германия на втором году после начала всеобщей мобилизации. С другой стороны, полторы сотни дивизий Первого стратегического эшелона, которые Красная Армия сосредоточила у западных границ к середине июня 1941 г., представляли собой тот минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в рамках скрытой, тайной мобилизации, еще ДО объявления открытой всеобщей мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных сил было призвано **5,3 млн человек** (что означало увеличение общей численности военнослужащих **в два раза** по сравнению с состоянием на 22 июня). Но 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась...

Всего в ходе двухмесячного Смоленского сражения на западном направлении было введено в бой **104 дивизии и 33 бригады**. На два других стратегических направления (ленинградское и киевское) Ставка направляет еще **140 дивизий и 50 бригад** [21]. И все это бесчисленное воинство было разгромлено, окружено и пленено в новых «котлах» — у Смоленска и Рославля, Умани и Киева, Вязьмы и Брянска. Немцы захватили Киев, Харьков и Одессу, блокировали Ленинград, вышли к Москве.

К концу сентября 1941 г. Красная Армия только в ходе семи основных стратегических операций потеряла **15 500 танков, 66 900 орудий и минометов, 3,8 млн**

единиц стрелкового оружия [35, стр. 368]. Потери авиации уже к концу июля достигли отметки в **10 000 боевых самолетов**. С потерями противника эти цифры даже невозможно сравнивать — у вермахта просто не было такого количества тяжелых вооружений.

3 сентября 1941 г. Сталин, пытаясь одновременно и напугать и разжалобить Черчилля, писал ему: *«Без этих двух видов помощи (речь шла о высадке англичан во Францию и о поставках в СССР 400 самолетов и 500 танков ежемесячно. — М.С.) Советский Союз либо потерпит поражение, либо... потеряет надолго способность к активным действиям на фронте борьбы с гитлеризмом...»* [72, стр. 233]. Десять дней спустя Сталин совершил то, в чем обвинялись и за что были расстреляны десятки тысяч жертв Большого Террора: призвал британских империалистов совершить вторжение в страну победившего пролетариата. 13 сентября он уже просил Черчилля *«высадить 25—30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР»* [72, стр. 239]. Потрясенный таким поворотом событий, Черчилль писал Рузвельту: *«Мы не могли избавиться от впечатления, что они (советские руководители. — М.С), возможно, думают о сепаратном мире...»*

Как знать — если бы Гитлер послушал умного совета многих своих подельников и завершил войну с Советским Союзом примерно на таких же условиях, на каких 24 июня 1940 г. было подписано перемирие с Францией (т.е. сокращение армии до 10 пехотных дивизий, разоружение французской авиации и военно-морского флота, демилитаризация экономики), то история Старого Света сложилась бы иначе...

За три месяца войны, с 22 июня по 26 сентября, только на южном ТВД советские войска потеряли **1 934 700** единиц стрелкового оружия всех типов, т.е. винтовок, пулеметов, автоматов и револьверов. Всего же в 1941 г. Красная Армия потеряла **6 290 000 единиц стрелкового оружия** [35, стр. 367]. Строго говоря, одна эта цифра дает уже исчерпывающий ответ на вопрос о пресловутой «загадке 1941 года». Для самых возмущенных гнусными намеками автора читателей напоминаю, что эта цифра взята из статистического сборника «Гриф секретности снят», составленного сотрудниками Генерального штаба Российской Армии под общим руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева.

На странице 367 того же сборника каждый желающий может прочитать, что на всех фронтах за шесть месяцев 1941 г. было потеряно 40 600 орудий всех типов и 60 500 минометов. Ну, эти потери еще как-то объяснимы. Пушка — вещь тяжелая. Даже самая легкая (76-мм полковая образца 1927 г.) весила без малого тонну. Дальнобойная 152-мм пушка образца 1935 г. весила 17 тонн. Как ее вытащить из окружения, если тягач сломался или остался в хаосе отступления без горючего? И как переместить это чудище через первую же речушку? Вброд — завязнет, через мост — но его еще надо найти, да и не всякий мост выдерживает 17 тонн.

Потерю десятков тысяч танков и самолетов советские историки объяснили давно и просто: старые, ненадежные «гробы», горели «как свечи», горючего не было, запчастей не было... О чем тут еще спорить? Но куда же делись миллионы единиц стрелкового оружия? Самое массовое «стрелковое оружие» 1941 г. — винтовка Мосина. Винтовка эта была и осталась непревзойденным

образцом надежности и долговечности. Ее можно было утопить в болоте, зарыть в песок, уронить в соленую морскую воду - а она все стреляла и стреляла. Вес этого подлинного шедевра инженерной мысли — 3,5 кг без патронов. Это значит, что любой молодой и здоровый мужчина (а именно из таких и состояла летом 1941 г. Красная Армия) мог без особого напряжения вынести с поля боя 3—4 винтовки. А уж самая захудалая колхозная кобыла, запряженная в простую крестьянскую телегу, могла вывезти в тыл сотню пинтовок, оставшихся от убитых и раненых бойцов.

И еще. Винтовки «просто так» не раздают. Каждая имеет свой индивидуальный номер, каждая выдается персонально и под роспись. Каждому, даже самому «молодому» бойцу первого года службы объяснили, что за потерю личного оружия он пойдет под трибунал.

Впрочем, не будем упрощать. На войне как на войне. Не всегда удается собрать на поле боя все винтовки до последней. Не каждый грузовик и не каждый вагон с оружием в боевой обстановке доходят до места назначения. Наконец, какое-то количество винтовок и автоматов на самом деле могли быть испорчены огнем, взрывом, заполярным холодом... На той же странице 367 сборника «Гриф секретности снят» можно прочитать, что за четыре месяца 1945 г. было потеряно 1,04 млн единиц стрелкового оружия, а за 12 месяцев 1944 г. — 2,81 млн. единиц.

Значит ли это, что за шесть месяцев 1941 года «нормальные» для Красной Армии (в вермахте потери стрелкового оружия были несравненно меньше) потери стрелкового оружия должны были бы выражаться цифрой примерно в 1,5 млн единиц? Нет, это неверный,

поспешный вывод. В 1944—1945 гг. численность действующей армии была в два раза больше, чем в 1941 г. (6,4 млн. против 3,0 млн, см. Стр. 53 того же сборника). Больше людей, больше оружия — больше и потери оружия. Правильнее будет считать примерно так: в 1944 г. один миллион солдат «терял» в месяц 36 тысяч единиц стрелкового оружия, следовательно, за шесть месяцев 1941 г. «нормальные» потери не должны были бы превысить 650—700 тысяч единиц. А потеряно — 6,3 млн.

Итак, налицо «сверхнормативная» утрата в 1941 г. более **5,5 миллиона** единиц стрелкового оружия. Запомните, уважаемый читатель, это число. Оно нам вскоре опять встретится. А сейчас мы постараемся оценить «сверхнормативные потери» в других видах вооружений.

Гитлеровский «блицкриг» — это главным образом танковая война. Главное средство противотанковой обороны того времени — противотанковые пушки. По состоянию на 22 июня 1941 г. их в Красной Армии числилось 14 900 (на самом деле — еще больше, так как составители сборника «Гриф секретности снят» почему-то не учли 76-мм и 88-мм пушки, стоявшие на вооружении ПТАВов). За шесть месяцев 1941 г. промышленность передала в войска еще 2500 противотанковых пушек. Итого — общий ресурс в 17 400 единиц, из которого **70% (12 100 пушек)** было потеряно.

А за весь 1943 г. — за все его 12 месяцев — потеряно 5500 противотанковых пушек, что составило всего лишь **14,6%** от общего ресурса. В качестве примера для сравнения 1943 г. выбран не случайно. Это

год грандиозных танковых сражений на Курской дуге, это тот год, когда немцы начали массовое производство тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», против которых наши «сорокапятки» (а именно они все еще составляли 95% от общего ресурса 1943 г.) были совершенно беспомощны. И тем не менее в 1943 г. Красная Армия теряла в среднем по 460 противотанковых пушек в месяц, а в 1941 г. — в то время, когда два из трех немецких танков на Восточном фронте были легкими машинами с противоположным бронированием, — по 2000 в месяц. **В 4,5 раза больше.**

Столь же «выразительными» являются и пропорции потерь орудий полевой артиллерии. В 1943 г. потеряно 5700 орудий (**9,7%** ресурса), а за шесть месяцев 1941 г. — 24 400 (**56%** от общего ресурса). Условные «среднемесячные» потери 1941 г. были **в 8,5 раза больше**, чем в году 43-м. На общем мрачном фоне резко выделяется одно-единственное «светлое пятно», а именно: потери тяжелых орудий большого калибра (203-мм и более) составили в 1941 г. всего лишь 9,1% от ресурса. Разгадка пре дельно проста. Перед нами характерный пример того, что называется «исключение, которое лишь подтверждает правило».

Тяжелая артиллерия (а она и вправду была тяжелой, от 17 до 45 тонн) в первые же дни войны была **выведена с территории Западных военных округов** в глубокий тыл. Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев (начальник ГАУ в годы войны) вспоминает:

«...Наиболее крупным мероприятием, которым я горжусь и по сей день, явилось принятое по моей рекомендации категорическое распоряжение Ставки об отводе всей артиллерии большой и особой мощности в

тыл. Причем отвода немедленного, без ссылок на тяжелейшую обстановку первых дней войны... Все орудия калибра 203 и 280 мм, а также 152-мм дальнобойные пушки (потеряны были всего лишь единицы) с кадровым составом вовремя оказались в глубоком тылу...» [170, стр. 92].

Трудно сказать, стоит ли гордиться таким решением, но оно было реализовано, и вывезенные «в глубокий тыл» орудия оказались вне зоны хаоса и панического бегства первых месяцев войны. Потому и уцелели.

Теоретически самым надежным видом огнестрельного оружия является миномет. Труба — она и есть труба, ломаться там просто нечему: нет затвора, нет ни одной подвижной детали, сама «труба» (в отличие от ствола артиллерийского орудия) почти не нагружена давлением пороховых газов. И тем не менее во втором полугодии 1941 г. потери 50-мм минометов составили 64% от общего ресурса, 82-мм минометов — 60% ресурса, 120-мм минометов — 51% ресурса. В точности такие же минометы в 1943 г. ломаться почти перестали: за 12 месяцев потеряно соответственно 12,5, 9,2, 8,6% общего ресурса минометов калибра 50, 82 и 120 мм.

Главный вопрос: летом 1941 г. все эти пушки (минометы, пулеметы, танки, винтовки, самолеты) **были потеряны в бою или брошены** разбежавшимися по лесам и полям бойцами и командирами Красной Армии?

СТОЛЬКО И ЕЩЕ РАЗ СТОЛЬКО

17 июля 1941 г. начальник Управления политпропаганды Юго-Западного фронта Михайлов докладывал:

«...В частях фронта было много случаев панического бегства с поля боя отдельных военнослужащих, групп, подразделений. Паника нередко переносилась шкурниками и трусами в другие части, дезориентируя вышестоящие штабы о действительном положении вещей на фронте, о боевом и численном составе и о своих потерях.

Исключительно велико число дезертиров. Только в одном 6-м стрелковом корпусе за первые 10 дней войны задержано дезертиров и возвращено на фронт 5000 человек...

По неполным данным, заградотрядами задержано за период войны около 54 000 человек, потерявших свои части и отставших от них, в том числе 1300 человек начсостава...» [68].

Это по «неполным данным», и это только те, кого удалось в обстановке общего развала Юго-Западного фронта задержать в течение трех недель....

О количестве непоиманных дезертиров можно судить по тому, что, по данным сборника «Гриф секретности снят», потери Юго-Западного фронта с 22 июня по 6 июля составили:

- 65 755 раненых и больных,
- 165 452 убитых и пропавших без вести.

С помощью буквы «и» составители сборника ловко спрятали дезертиров в общем числе безвозвратных потерь, но принимая во внимание очень стабильное для всех вооруженных конфликтов XX века соотношение раненых и убитых как 3 к 1, можно предположить, что порядка **140 тысяч человек (десять дивизий!)** подались в бега или сдались в плен. И это только на

одном фронте и только за две первые недели войны. Те самые недели, во время которых и произошел полный разгром мехкорпусов Юго-Западного фронта (о чем шла речь в части 2 нашей книги).

Те, кого поймали и тем или иным способом вернули в строй, составляли лишь часть (как будет показано далее — малую часть) от общего числа «дезертиров». Кавычки поставлены не случайно. Обстановка, сложившаяся в Красной Армии летом 1941 г., была такова, что использование общепринятых терминов для ее описания становится крайне затруднительно.

«Типовая схема» разгрома и исчезновения воинской части Красной Армии (как это видно из множества воспоминаний, книг, документов) была следующей:

Пункт первый. Потеря командира. Причины могли быть самые разные: погиб, ранен, уехал выяснить обстановку в вышестоящий штаб, застрелился, просто сбежал. Применительно к частям, сформированным в западных, «освобожденных» регионах СССР, к этому перечню можно добавить и «убит подчиненными». Потеря командира была самым распространенным, но не единственным «толчком», приводившим к стремительному распаду воинской части. Таким толчком мог послужить и реальный прорыв вражеских танков во фланг и тыл, и автоматная стрельба, устроенная небольшой группой немецких мотоциклистов, а то и просто чей-то истошный вопль: «Окружили!»

Пункт второй. Младшие командиры, взявшие на себя командование обезглавленной воинской частью, принимают решение «прорываться на восток». Спасительная простота такого решения обманчива. Оторваться пешком от моторизованного противника

невозможно, а транспорт и горючее в лишенной связи и снабжения воинской части быстро заканчивается. Вышедшие из полевых укреплений и оставившие большую часть тяжелого вооружения войска превращаются в беззащитную мишень для авиации и артиллерии врага. Наконец, сама обстановка отступления, ощущение своей слабости перед лицом противника крайне деморализуют войска.

Пункт третий. После нескольких неудачных попыток прорыва уцелевшие решают «отходить мелкими группами». Все. Это — конец. Через несколько дней (или часов) бывший батальон (полк, дивизия) рассыпается в пыль и прах.

Пункт четвертый. Огромное количество одиноких «странников», побродив без толка, без смысла и без еды по полям и лесам, выходит в деревни, к людям. А в деревне — немцы. Дальше вариантов уже совсем мало: сердобольная вдовушка, лагерь для военнопленных, служба в «полицаях». Вот и все.

Каким словом вправе мы назвать этих людей? Дезертиры, изменники Родины, отставшие от воинской части, пропавшие без вести, сдавшиеся в плен, захваченные в плен? Какими весами, какой линейкой можно измерить, чего в этой схеме больше: «не умели воевать» или «не хотели воевать»? Да и можно ли вообще разделить эти категории — умение и желание, квалификация и мотивация — в таком «роде деятельности», как война, где от человека требуется ежеминутно преодолевать основной для всего живого инстинкт самосохранения?

Отнюдь не претендуя на то, чтобы подменять судебные органы и давать персональные оценки,

постараемся хотя бы ориентировочно оценить масштаб самого явления.

Хронологически первым (и, вероятно, самым массовым) видом дезертирства стало уклонение от призыва по мобилизации в первые дни и недели войны. Для читателя, родившегося в послевоенном СССР и воспитанного на бесконечных рассказах о толпах старшеклассников, осаждавших военкоматы, сама подобная формулировка прозвучит как злостная клевета. Однако уже в 1992 г. вполне официальные военные историки, авторы монографии «1941 год: уроки и выводы» назвали такие цифры:

«Всего на временно захваченной противником территории было оставлено 5 631 600 человек из мобилизационных ресурсов Советского Союза... в Прибалтийском ОВО эти потери составили 810 844, в ЗапОВО - 889 112, в КОВО-1 625 174 и в Одесском ВО — 813 412 человек...» [3, стр. 114].

Разумеется, далеко не каждый из этих **5,6 млн случаев неявки** военнообязанных на призывной пункт следует рассматривать как преднамеренное уклонение от призыва. Сплошь и рядом сам военкомат исчезал раньше, чем к нему успевали прибыть призывники. Но и преувеличивать значение быстрого продвижения вермахта, и уж тем более объявлять это главной причиной многомиллионных потерь призывного контингента не стоит.

География с арифметикой в этом вопросе предельно простая.

Западный Особый ВО занимал территорию всей Белоруссии и Смоленской области РСФСР. Немцы заняли

большую часть этой территории только **к концу июля** 1941 г.

Киевский ОВО — это вся Правобережная Украина и часть левобережья в пределах Киевской области. Немцы появились за Днепром только **в сентябре**.

Одесский ВО — это не только Одесская область, но и Николаевская, Херсонская. Днепропетровская, Запорожская области Украины, Молдавия и Крым. Оккупация этих огромных пространств Причерноморья и Приазовья была завершена только **поздней осенью** 1941 г.

Если нескольких месяцев не хватило для сбора призывников, на который по мобилизационному плану отводились **считанные дни**, то использование термина «уклонение от призыва» становится вполне уместным и оправданным. Не стоит забывать и о том, что далеко не все прибывшие в военкомат оказались затем в рядах армии. На Восточной, в значительной степени русифицированной, Украине (современная Харьковская область) это «далеко не все» выразалось в таких цифрах: на конец октября 1941 г. процент дезертиров из числа новобранцев составлял 30% по Чугуевскому райвоенкомату, 35% — по Сталинскому, 45% — по Изюмскому. Это — Восточная Украина. По оценкам современных украинских историков, абсолютное большинство мобилизованных на Западной Украине остались на оккупированной немцами территории.

Что же касается дезертирства непосредственно из воинских частей, то во второй половине 1941 г. органами НКВД по охране войскового тыла было задержано 638 тыс. человек, заподозренных в дезертирстве. Всего за время войны за дезертирство было осуждено (по данным

все того же сборника «Гриф секретности снят») **376 тыс. военнослужащих** [35, стр. 140]. Еще **940 тысяч** человек было «призвано вторично» [35, стр. 338]. Этим странным термином обозначены те бойцы и командиры Красной Армии, которые по разным причинам «потеряли» свою воинскую часть и остались на оккупированной немцами территории, а в 1943—1944 гг. были повторно поставлены под ружье. Причем среди них обнаружались не только колхозные мужики в солдатских обмотках, но и два генерала: начальник артиллерии 24-й армии Мошенин и командир 189-й сд Чичканов. При этом не следует забывать и о том, что исходное число «потерявшихся» было значительно больше — далеко не каждый смог пережить эти два-три года нищеты, голода, обстрелов, расстрелов, облав и бомбежек...

На странице 140 сборника «Гриф секретности снят» суммарное число всех категорий выбывшего личного состава: убитые, умершие, пропавшие без вести, пленные, осужденные и отправленные в ГУЛАГ (а не в штрафбат, который является частью армии), демобилизованные по ранению и болезни и «прочие» — не сходится с указанным на предыдущей странице общим числом «убывших по различным причинам из Вооруженных сил» на 2 343 000 человек. Сами авторы сборника прямо объясняют такую нестыковку «значительным числом разысканных дезертиров».

Остановить поток беглецов сталинское руководство пыталось единственным известным и доступным ему способом — массовыми расстрелами. Только за неполные четыре месяца войны (с 22 июня по 10 октября 1941 г.) по приговорам военных трибуналов и Особых отделов НКВД было расстреляно 10 201 военнослужащий. Всего же за годы войны только военными трибуналами было

осуждено свыше 994 тыс. советских военнослужащих, **из них 157 593 человека расстреляно** [118, стр. 139]. **ДЕСЯТЬ ДИВИЗИЙ** расстрелянных!

Все познается в сравнении. Немецкий историк Фриц Ган на основании докладных записок, которые командование вермахта подавало Гитлеру, приводит следующие цифры. За три года войны (с 1 сентября 1939 г. по 1 сентября 1942 г.) в многомиллионном вермахте был приговорен к смертной казни 2271 военнослужащий, в том числе 11 офицеров [60]. 2 человека в день. А в Красной Армии в 1941 г. — 92 человека в день.

Всего за четыре года войны (с 1.09.39 г. по 1.09.44 г.) в вермахте расстреляли 7810 солдат и офицеров. В **двадцать раз меньше**, чем в Красной Армии. Нет, это не просто разные цифры, разные количества. Это уже разное качество общества и власти.

Война не бывает без потерь, без убитых, без раненых. И без пленных. Никому еще не удавалось так организовать боевые действия, чтобы ни один солдат, ни одно подразделение не оказались в беспомощном состоянии, в окружении, без оружия и боеприпасов. Вот и в вермахте, несмотря на всю немецкую организованность и любовь к порядку, за первые три года Второй мировой войны (до 1 сентября 1942 г.) общее число без вести пропавших и пленных достигло 69 тысяч человек. В среднем — по две тысячи человек каждый месяц. Это — по немецким, возможно, заниженным учетным данным.

По данным советского Генерального штаба, за первый год войны (до 1 июля 1942 г.) Красная Армия взяла в плен 17 285 солдат и офицеров противника.

Летом 1944 г. в ходе грандиозной и блестяще проведенной наступательной операции советских войск в Белоруссии (операция «Багратион») была практически полностью разгромлена немецкая Группа армий «Центр». Около 80 тысяч военнослужащих вермахта оказались тогда в советском плену.

Все познается в сравнении. То, что произошло летом и осенью 1941 г. с Красной Армией, выходит за все рамки обычных представлений. История войн такого не знала. Откроем еще раз статистический сборник «Гриф секретности снят», на этот раз — на страницах 234—246. Там приведены данные о потерях действующих фронтов в 1941 г. Уникальность указанных страниц в том, что цифры (прошу вас, уважаемый читатель, забыть на время о той трагедии, что стоит за этими цифрами, и сосредоточиться на простой и ясной арифметике) убитых и пропавших без вести не объединены в единый массив при помощи лукавой буквы «И», а показаны отдельно. Для большей наглядности сведем имеющуюся информацию в очередную таблицу.

	Общие потери, тыс. чел. /%	Убитые, %	Санитарные потери, %	Пропало без вести, небоевые и проч., %
Северный фронт	148/100	15,1	42,4	42,6
Северо-Западный фронт	270/100	11,7	32,5	55,8
Западный фронт	1.298/100	8,2	26,3	65,4
Юго-Западный фронт	852/100	7,1	15,7	77,2
Южный фронт	312/100	10,4	23,6	66,0
Центральный фронт	143/100	6,4	22,4	71,2
Брянский фронт	198/100	7,2	21,5	71,3

Как видим, за исключением далекого северного фланга войны (Северный фронт), **число пропавших без вести в 5—10 раз превосходит число убитых.** Или, другими словами, именно **массовое пленение и дезертирство являются основной составляющей безвозвратных потерь Красной Армии 1941 г.** Ситуация на Северном фронте вполне подходит под определение «исключения, подтверждающего правило». Ни условия местности, ни вооружение нищей финской армии не позволяли ей провести крупные операции по окружению противника. Боевые действия имели характер медленного «выталкивания» частей Красной Армии за линию границы 1939 г. Впрочем, и при этом

«выталкивании» в плену у финнов оказалось 64 188 советских солдат [32].

Приведенные выше чудовищные цифры **значительно занижены**. Реальность была еще страшнее и позорнее. Дело в том, что, по данным сборника «Гриф секретности снят», общее число пропавших без вести по всем фронтам якобы составило в 1941 г. «всего лишь» 2335 тысячи человек [35, стр. 146], в то время как, по сводкам верховного командования вермахта, число одних только пленных (без учета дезертиров, численность которых немцы шать не могли) составило 3886 тыс. человек (в том числе 113 тыс. в июне и 2369 тыс. — в третьем квартале 1941 г.).

Военная пропаганда врага? Как знать, немцы были очень аккуратны и сдержанны в этом вопросе. Так, выступая 11 декабря 1941 г. в рейхстаге, Гитлер заявил, что Красная Армия потеряла 21 тысячу танков, 17 тысяч самолетов, 33 тысячи орудий и **3 806 865 военнопленных** [115]. Как видно, цифры потерь боевой техники в целом не превышают официальные данные современной российской военной истории, а потери орудий так даже и занижены! Схожая цифра — 3,6 млн пленных, оставшихся в живых по состоянию на конец февраля 1942 г., — называется и в переписке Кейтеля и Розенберга, переписке секретной и для целей пропаганды отнюдь не предназначавшейся [74].

Уже к концу июля 1941 г. поток военнопленных превысил возможности вермахта по их охране и содержанию. 25 июля 1941 г. был издан приказ генерал-квартирмейстера № 11/4590, в соответствии с которым началось массовое освобождение пленного ряда национальностей (украинцев, белорусов, прибалтов). За

время действия этого приказа, т.е. до 13 ноября 1941 г., было распущено по домам 318 770 бывших красноармейцев (главным образом украинцев — 277 761 человек) [35, стр. 334].

И советское руководство сочло необходимым как-то отреагировать на такое неслыханное поведение своих подданных. 16 августа вышел знаменитый Приказ Ставки № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». Для вящей убедительности Приказ № 270 был скреплен подписями Сталина, Молотова, Буденного, Ворошилова, Тимошенко, Шапошникова и Жукова. Едва ли в военной истории цивилизованных стран найдется аналог такому документу:

«Приказываю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы

пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи...

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах» [6, стр. 479].

Исключительно важным для понимания образа мыслей товарища Сталина является тот факт, что в этом основополагающем приказе он не счел возможным или нужным даже упомянуть о таких высоких мотивах, как «защита завоеваний Октября», «спасение человечества от фашистского варварства». Он не стал говорить ни про Дмитрия Донского, ни про Александра Невского, ни про тысячелетнюю историю России. Просто и без обиняков военнослужащим Красной Армии напомнили о том, что их семьи — если они находятся на территории, контролируемой властью НКВД/ВКП(б)), — являются **заложниками их поведения на фронте**. Угроза уничтожить сдающихся в плен *«всеми средствами, как наземными, так и воздушными»* также не была пустым звуком. Осенью 1941 г. советская авиация бомбила лагеря военнопленных в районе Орла и Новгород-Северского. Стоит вспомнить тот общеизвестный факт, что Советский Союз отказался от всякого сотрудничества с Международным Красным Крестом, что сделало невозможным оказание помощи — прежде всего продовольствием и медикаментами — находящимся в немецком плену красноармейцам.

Увы, даже такими мерами пробудить воспетую в свое время Ворошиловым «любовь советских людей к

войне» не удалось. Красноармейцы продолжали бросать оружие и толпами разбредались по лесам. Не прошло и месяца со дня выхода Приказа № 270, как 12 сентября была принята Директива Ставки № 001919 о создании заградительных отрядов, численностью не менее одной роты на стрелковый полк. В первых строках этой Директивы говорилось дословно следующее:

*«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые **при первом же нажиме со стороны противника** (подчеркнуто мной. — М.С.) бросают оружие, начинают кричать «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах...»* [5, стр. 180].

К моменту выхода этой Директивы в немецком плену находилось уже более полутора миллиона бойцов и командиров Красной Армии (1493 тыс. на конец августа). Через два дня после принятия Директивы Ставки № 00191.9, 14 сентября 1941 г., передовые подразделения 1-й и 2-й танковых групп вермахта замкнули кольцо окружения гигантского Киевского «котла». Огромная, полумиллионная группировка советских войск прекратила организованное сопротивление менее чем за одну неделю. Верховное командование вермахта сообщило тогда о захвате 665 тыс. пленных, 3718 орудий и 884 танков.

Октябрь 1941 г. начался с окружения главных сил Западного, Резервного и Брянского фронтов (67 стрелковых и 6 кавалерийский дивизий, 13 танковых

бригад) в двух крупнейших «котлах» — у Вязьмы и Брянска. По утверждению Верховного командования вермахта, в плен попало 658 тыс. человек, было захвачено 5396 орудий и 1241 танк. Октябрьская катастрофа (списать которую на «внезапность нападения» и пресловутую «неотмобилизованность армии» никак нельзя) по своим масштабам **намного превзошла разгром Западного фронта, имевший место в июне 1941 г.** Еще одним качественным отличием Вяземского «котла» от «котла» Минского было множество генералов самого высокого уровня, оказавшихся в немецком плену. В их числе: командующий 19-й армией Лукин, командующий 20-й армией Ершаков, член Военного совета 32-й армии Жиленков, командующий 32-й армией Вишневский, начштаба 19-й армии Малышкин, начальник артиллерии 24-й армии Мошенин, начальник артиллерии 20-й армии Прохоров...

Наряду с пленными, захваченными в бою (или по крайней мере в боевых порядках советских войск), в первые же недели войны немцы столкнулись и с массой перебежчиков, которые спешили покинуть расположение своей части и сдаться в немецкий плен еще до боя. Для их содержания вермахту пришлось даже создать несколько специальных лагерей. Правда, в докладе Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий сообщается, что число перебежчиков в Красной Армии было совсем малым: *«В первый год войны не более 1,4—1,5% от общего числа военнопленных»* [74]. Да, в процентном исчислении это почти ничего. Но в абсолютных цифрах — по меньшей мере 40 тыс. человек. Сравнить это с числом немецких перебежчиков просто невозможно — количество

перебежчиков в вермахте за три первых года войны выражалось двузначным числом 29.

Само звучание слова «перебежчик» может вызвать в воображении читателя образ человека, бегущего по полю и истошно вопящего: «Нихт шиссен, Сталин капут!» Бывало, разумеется, и так. А бывало и совсем по-другому. Например, 22 августа 1941 г. ушел к немцам майор И. Кононов, член партии большевиков с 1929 г., кавалер ордена Красного Знамени, выпускник Академии имени Фрунзе. Ушел вместе с частью бойцов своего 436-го стрелкового полка (155-я сд, 13-я армия, Брянский фронт), с боевым знаменем и даже вместе с комиссаром (!) полка Д. Панченко. Через год, в сентябре 1942 г., сформированный из военнопленных под командованием Кононова «102-й казачий дивизион» вермахта насчитывал 1799 человек [74, 119].

Десятки летчиков перелетели к немцам вместе с боевыми самолетами. Позднее из них и находившихся в лагерях летчиков была сформирована «русская» авиачасть люфтваффе под командованием полковника Мальцева. Были среди них и два Героя Советского Союза: истребитель капитан Бычков и штурмовик старший лейтенант Антилевский. Да и сам Мальцев в свое время был уже представлен к награждению орденом Ленина, но попал под «колесо» массовых репрессий в 1938 г. [120].

«Казачьи дивизионы» и «русская авиачасть люфтваффе» - это экзотика. Гораздо более надежным, понятным и, как следствие, наиболее массовым способом использования бывших советских людей стало зачисление их в регулярные части вермахта в качестве так называемых «добровольных помощников»

(Hilfswillige, или, сокращенно, «Хиви»). Первоначально «хиви» служили водителями, кладовщиками, санитарями, саперами, высвобождая таким образом «полноценных арийцев» для непосредственного участия в боевых действиях. Затем, по мере роста потерь вермахта, русских «добровольцев» начали вооружать. В апреле 1942 г. в германской армии числилось **200 тысяч**, а в июле 1943 г. — **600 тысяч** «хиви». Особенно много их было в тех частях и соединениях вермахта, которые прошли по Украине и казачьим областям Дона и Кубани. Так, в окруженной у Сталинграда 6-й армии Паулюса в ноябре 1942 г. было 51 800 «хиви», а в 71, 76 и 297-й пехотных дивизиях этой армии «русские» (как называли всех бывших советских) составляли до 40% личного состава! Летом 1942 г. в 11-й армии Манштейна числилось 47 тысяч «добровольцев». С октября 1943 г. «хиви» были включены в стандартный штат немецкой пехотной дивизии в количестве 2 тыс. человек на дивизию (74, 119, 153, 155-я).

В конце концов масштабы этого беспрецедентного как в истории России, так и в истории Второй мировой войны сотрудничества с оккупантами стали столь велики, что верховным командованием вермахта был создан специальный пост «генерал-инспектора восточных войск». В феврале 1943 г. под началом генерала Кестринга в рядах вермахта, СС и ПВО служило порядка 750 тысяч человек. Такую цифру называют зарубежные историки. С ними вполне согласны и современные военные историки из российского Генштаба: *«Численность личного состава военных формирований «добровольных помощников», полицейских и вспомогательных формирований к середине июля 1944 г. превышала 800 тыс. человек...»* [35, стр. 385]. Еще

одним показателем масштабов массового сотрудничества с фашистскими захватчиками может служить тот факт, что в августе 1945 г. к высылке на «спецпоселение» было приговорено 145 тыс. человек, служивших в «полицаях» и «хиви» [118, стр. 146]. Сто сорок пять тысяч выслано — а сколько ушло на запад с немцами, скольких уничтожили в боях партизаны, скольких расстреляли под горячую руку...

Возвращаясь снова к событиям 1941 года и отнюдь не претендуя на абсолютную точность цифр (сама природа таких явлений, как дезертирство и плен, исключает возможность точного, поименного учета), попытаемся оценить общее число пленных и дезертиров.

1 мая 1942 г. начальник организационно-учетного отдела Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии полковник Ефремов подписал справку *«О численности Красной Армии, пополнении и потерях за период с начала войны до 1 марта 1942 г.»* (опубликована со ссылкой на ЦАМО, ф. 14, оп. 113, д. 1, л. 228-238 в книге С.Н. Михалев. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941-1945. Статистическое исследование. Красноярск: РОИ КГПУ, 2000). В этом важнейшем документе приведено много цифр (некоторые из них мы обсудим ниже), а заканчивается он следующими двумя предложениями:

*«Всего должно быть в Красной Армии с учетом потерь **14 197 000 чел.***

Фактически, по данным оргштатного управления, на 1 марта 1942 г. в Красной Армии имеется **9 315 000».**

Точка. Дата. Подпись. Никаких комментариев к без-пестному отсутствию без малого пяти миллионов (4882 тыс, если быть точным) военнослужащих полковник Ефремов не дает. Что же касается исходного числа в 14 197 тыс. человек, то получено оно было «балансовым методом» (в принципе известным каждому школьнику на примере решения задачи про бассейн, в который по одной трубе вливается, из другой выливается), а именно:

— к численности Красной Армии на начало войны (которое Ефремов определяет в 4924 тыс. человек)

— добавляется общее количество мобилизованных (12 490 тыс., в том числе 11 790 тыс. призванных до конца 1941 г.)

— и вычитаются учтенные безвозвратные потери (3217 тыс. человек).

Сразу же отметим, что число мобилизованных 41-го года, приведенное в докладе Ефремова, значительно (на 2,2 млн. человек) меньше того, которое назвали авторы монографии «1941 год — уроки и выводы». По их подсчетам, всего до конца 1941 г. было мобилизовано 14 млн. человек. [3. стр. 110].

Суммируя обе составляющие (3217 тыс. учтенных и 4882 тыс. безвестно отсутствующих) безвозвратных потерь, мы получаем общую оценку «убыли» личного состава в **восемь миллионов** человек.

Эта оценка не завышена, в чем можно убедиться через оценку баланса численности личного состава действующей армии. По данным, приведенным в докладе Ефремова, к 1 августа 1941 г. в составе действующих фронтов числилось 3242 тыс. человек, к 1 декабря 1941

г. — 3267 тыс. Как видим, общая численность действующей армии почти не меняется, но при этом военкоматы мобилизуют и передают в состав Вооруженных Сил миллионы людей (от 12 до 14 млн. во втором полугодии 1941 г.). Во внутренних округах (по докладу Ефремова) по состоянию на 1 декабря 1941 г. числилось 4527 тыс. военнослужащих, т.е. их число по сравнению с началом войны увеличилось не более чем на 3 млн. Остальные мобилизованные (порядка $12-3 = 9$ млн.) потеряны безвозвратно на фронте.

Безвозвратные потери — это убитые, умершие от ран в госпиталях, уволенные из армии вследствие ранения («комиссованные», как говорили в народе). И пропавшие без вести. Ни точного, ни даже ориентировочного распределения безвозвратных потерь по этим категориям в докладе Ефремова нет, но есть одна очень содержательная фраза: *«Общее число раненых и контуженых, обмороженных и заболевших (с начала войны) составляет 1 665 000, число возвращенных в строй, по данным Сану правления, равняется примерно 1 000 000 чел.»*.

Именно данные по количеству раненых, поступивших на излечение в госпитали, являются (по мнению автора) наиболее достоверными. В глубоком тылу и порядка было больше, и учет был по меньшей мере двойной (как при поступлении, так и при выписке). Исходя из очень постоянного для всех войн XX века соотношения раненых и убитых как 3:1, можно предположить, что числу в 1665 тыс. раненых соответствует порядка 600 тыс. убитых. Стоит отметить, что эта оценка вполне сопоставима с приведенным в сборнике Кривошеева («Гриф секретности снят») числом погибших: по сводкам штабов частей и соединений на 1

марта 1942 г., число убитых (не считая умерших от ран в госпиталях) составило 741 тыс. человек (потери января — февраля 1942 г. здесь рассчитаны как 2/3 потерь первого квартала 1942 г.). [35, стр. 146].

Один миллион раненых вернулся из госпиталей в строй, 665 тыс. раненых военнослужащих безвозвратно убыли (умерли или демобилизованы по ранению). Таким образом, даже в общей сумме **УЧТЕННЫХ** (подчеркнем это слово тремя жирными чертами) безвозвратных потерь пропавшие без вести составляют почти два миллиона человек:

$$3217 - 600 - 665 = 1952.$$

Если принять число убитых по статсборнику Кривошеева, то получится 1811 тыс.

И еще 4882 тыс. военнослужащих, пропавших безо всякого следа в донесениях штабов. В общем итоге — **более шести с половиной миллионов человек**, пропавших неведомо куда. **Столько, сколько было в составе действующей армии к началу войны, и еще раз столько.**

Впрочем, что значит «неведомо куда»? Никаких чудес не было:

— **3,8 млн. человек** взято немцами в плен

— **не менее 1,0—1,5 млн. отставших от своей части** уклонились и от фронта, и от плена

— арифметическая разница в **1,0—1,5 млн. человек** — это **раненые, брошенные при паническом бегстве, и неучтенные в донесениях с фронта убитые.**

И что самое удивительное - советские «историки» никогда не считали эти чудовищные факты одной из причин (хотя бы даже самой малозначимой причиной) того, что они деликатно называли «временными неудачами Красной Армии». Плохой маслофильтр на танковых дизелях — это важная причина разгрома, о нем и пишут много, а в амбразурах дотов Киевского УРа стояли заслонки устаревшего образца — и об этом исписаны горы бумаги. А то, что миллионы солдат Красной Армии бросили оружие и разбрелись по лесам, — это мелочи, это к истории войны отношения не имеет...

БЕЗ ГОЛОВЫ

Таковы факты. Эти факты достоверны, их избыточно много, и в своей совокупности они позволяют утверждать, что **главная причина военной катастрофы 1941 года лежит вне сферы проблем оперативного искусства или техники вооружений.**

В самой краткой формулировке ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к трем словам: **АРМИИ НЕ БЫЛО.** В начале советско-германской войны на полях сражений встретились не две армии, а организованные и работающие, как отлаженный часовой механизм, вооруженные силы фашистской Германии с одной стороны, и почти неуправляемая вооруженная толпа — с другой. **Результат столкновения армии и толпы не мог быть иным.** Даже огромное количество первоклассного вооружения не позволит толпе победить армию. И за свое поражение неорганизованная толпа заплатит потерями, намного превосходящими потери

армии противника. Именно это и произошло летом 1941 г.

К сожалению, такой вывод, простой и ясный, основанный на готовности честно посмотреть в глаза фактам, все еще воспринимается многими читателями как «сенсационный и скандальный». Увы, связь времен распалась, и то, что отчетливо понимали участники и свидетели величайшей трагедии, приходится сегодня «открывать заново». В порядке иллюстрации того, что даже выросшие в дурмане сталинской пропаганды люди первого советского поколения сохраняли способность мыслить ясно и честно (способность, в значительной степени утраченная их детьми и внуками), приведем отрывок из книги М. Корякова «Освобождение души». В 1941 г. автору было 30 лет, войну он начал рядовым, закончил капитаном. После Победы эмигрировал на Запад; книга была издана в Нью-Йорке в 1952 г.:

«...Каких-нибудь четыре месяца тому назад Красная Армия стояла на Немане, Буге, Пруте. Прибалтика, Полесье, Волынь, Галиция, Буковина, Бессарабия были оккупированы, присоединены к СССР, «освобождены», по советской терминологии. Наслаждаясь легкими, молниеносными победами, отъедаясь на даровых и обильных оккупационных харчах, бойцы и командиры Красной Армии были настроены залихватски. То была «сталинская молодежь», выращенная в искусственном, оранжерейном климате, полная веры в гений «великого, мудрого и любимого Сталина», в «освободительную миссию Красной Армии», в «непобедимость советского оружия».

Началась война... Нестойки оказались росточки веры в Сталина, выращенные в оранжерейном,

тепличном климате. Они тотчас завяли, едва на них повеяло жарким, опаляющим дыханием тяжелых и неудачных боев. На протяжении десятилетий большевизм вытраивал в молодом поколении органическую, национальную веру в Россию; теперь напористый ураган войны выдул и веру в Сталина, — в душе советского солдата стало пусто, хоть шаром покати. Так начался разброд Красной Армии.

В июле и августе — первые два месяца войны — в действующую армию влились новые контингенты: миллионы крестьян Украины, Северного Кавказа, Поволжья, среднерусской полосы. Не комсомольцы, а тридцатилетние — сорокалетние люди, новый — более глубинный — народный слой, слабо затронутый большевистской пропагандой, идеями «освобождения» Европы, наступательной войны. На памяти этих бойцов лежало другое: как в 1930 году большевики разоряли единоличные — отцами и дедами построенные — хозяйства, отбирали лошадей, коров и насильно загоняли в колхозы; как в 1932 году целые деревни, села и станицы вымирали от голода, зарастали бурьянами, высылались на поселение в полярную тундру, пески Туркестана, концентрационные лагеря Колымы.

Новое пополнение принесло на фронт антисоветские настроения, которые сразу нашли отклик у «сталинской молодежи», разгромленной на границах в первые дни войны. Не только отклик, но и четкое оформление — прямую установку на пораженчество. Потеряв веру в Сталина, опустошенные душевно, молодые люди «сталинской эпохи» потянулись к немцам. Появились «нырики», прятавшиеся в погребах, подвалах. Немецкая волна прокатывалась — «нырики» вылезали. Бывшие коммунисты и комсомольцы, как правило,

поступали на немецкую службу. Пожилые бойцы переодевались в крестьянскую одежду, подавались ближе к родной деревне, чтобы делить колхозы и заново строить единоличные дворы. Кто не имел поблизости родной деревни, оседал в хате какой-нибудь деревенской вдовушки, солдатской женки.

На полях России разыгрывалась большая военная, социальная, политическая, но главное — глубочайшая психологическая народная драма. Неправильно думать, что миллионы русских людей пошли к немцам. Ни к немцам, ни к большевикам, а просто — куда глаза глядят...

...Никто не знал, чем все это кончится. Меньше всего знали в Верховной Ставке, в Кремле. Было очевидно, что и позиция на Ламе — последний водный рубеж перед Москвой — будет вскоре сдана неприятелю. Не потому, что позиция была дурна, непригодна для обороны. Будь она много лучше, отвечай она всем требованиям тактики — теперь это не имело никакого значения. Беда была не в том, что войска отступали, а в том, что войска разбрелись...»

Насколько проста и очевидна непосредственная причина разгрома Красной Армии, настолько же сложен и неоднозначен ответ на другой вопрос: **ПОЧЕМУ? Почему Красная Армия оказалась в таком бессильном, недееспособном состоянии?** Как такое могло произойти в государстве, которое и по сей день представляется многим образцом строжайшего порядка и железной дисциплины? Почему грандиозная военная машина тоталитарной деспотии в считанные дни

превратилась в грудю хаотично разбросанных «колесиков и винтиков»?

Простого и короткого ответа на эти вопросы нет и быть не может. Простая арифметика закончилась, и далее в нашей книге речь пойдет о проблемах, которые, далеко выходя за рамки военной истории как таковой, требуют обращения к социальной психологии, политологии, т.е. к таким наукам, которые в принципе не позволяют прийти к точным, количественным оценкам.

Первым в ряду причин, предопределивших ничтожную боеспособность Красной Армии образца июня 1941 г., следует назвать крайне низкое качество ее командного состава.

Ветеран войны полковник Т.Г. Ибатуллин в своей книге пишет:

«Моральное состояние участника боевых действий зависит от ответа прежде всего на три вопроса:

— в чем смысл войны, справедлива и законна ли она?

— способен ли мой командир организовать бой так, чтобы с минимальными потерями выполнить задачу?

— уверен ли я в своей собственной подготовке к действиям в боевой обстановке?» [74].

Если ответ на первый вопрос определяется политикой, проводимой высшим руководством страны, то ответы на второй и третий вопрос зависят не от «высоких правительственных сфер», а от ротного старшины, от комбата и комдива. Именно они должны превратить толпу вооруженных людей в боеспособную армию. Именно они должны «организовать бой с

минимальными потерями», а для этого — денно и нощно обучать своих подчиненных, готовить их к «действиям в боевой обстановке».

Уровень профессиональной подготовки командного состава Красной Армии, качество военного обучения рядовых бойцов — все это тема для отдельного, серьезного исследования. Специалисты, которые возьмут на себя труд глубоко и беспристрастно исследовать эту проблему, в огромной степени продвинут нас в понимании того, что произошло в 41-м и последующих годах. Отнюдь не считая себя компетентным в таких, сугубо военных вопросах, автор считает возможным отметить лишь некоторые факты, лежащие, что называется, на поверхности.

«Надо быть чрезвычайно невежественным или слепым квасным патриотом, чтобы не признать, что все наши военные средства и наша пресловутая, будто бы бесчисленная армия ничто в сравнении с армией германской». Такие вот «русофобские» мысли высказывал более ста лет назад знаменитый анархист М. Бакунин. Какие же великие достоинства усмотрел он в немецкой армии? А вот какие:

«...Немецкий военный мир имеет огромное преимущество — немецкие офицеры превосходят всех офицеров в мире теоретическим и практическим знанием военного дела, горячею и вполне педантическою преданностью военному ремеслу, точностью, аккуратностью, выдержкою, упорным терпением, а также и относительною честностью. Вследствие всех этих качеств организация и вооружение немецких армий существует действительно, а не на бумаге только, как это

было при Наполеоне III во Франции, как это бывает сплошь да рядом у нас...»

С мнением русского анархиста вполне солидаризировался и немецкий марксист Ф. Энгельс:

«...Русский солдат является одним из самых храбрых в Европе... И тем не менее русской армии не приходится особенно хвалиться. За все время существования России как таковой русские еще не выиграли ни одного сражения против немцев, французов, поляков или англичан, не превосходя их значительно своим числом. При равных условиях они всегда были биты...» [122, стр. 480].

Едва ли Ф. Энгельс может считаться военным экспертом, тем паче экспертом беспристрастным (критическое, мягко говоря, отношение Энгельса к России и русским было секретом только для советских коммунистов). Впрочем, и беспристрастные факты свидетельствуют о том, что после триумфа 1812 года Россия с удручающим однообразием демонстрировала неспособность превратить мужество, терпение, выносливость, самоотверженность русского солдата в военную победу. Крымская война, в ходе которой огромной (в теории) русской армии противостоял малочисленный десант западных союзников, закончилась сокрушительным поражением. Таким же сокрушительным — но еще более кровопролитным и дорогостоящим — поражением закончилась война с Японией (1904—1905). Первая мировая война, в ходе которой русская армия понесла людские потери большие, нежели ее западные союзники, закончилась для союзников победой, а для России — цепью тяжелых поражений на фронте, нарастающим экономическим кризисом в тылу, распадом

государства и, наконец, «Брестским миром», условия которого мало чем отличались от капитуляции.

Одним словом — в военной области большевикам досталось не самое завидное наследство. Мало того, они еще сами поработали над тем, чтобы это «наследство» промотать и растратить. Тех кадровых офицеров русской армии, которые не погибли в сражениях Гражданской войны и не успели эмигрировать, большевики истребили почти поголовно. Беспощадно стреляли в 1918—1920 годах; несколько тысяч бывших офицеров арестовали в 1929—1931 гг.; в рамках крупнейшей чекистской операции «Весна»; немногих уцелевших добились в годы Большого Террора 1937—1938 гг.

Вот так, с «чистого листа», залитого кровью командиров старой русской армии, Сталин начал готовить новое поколение командных кадров. Будем справедливы — Хозяин старался как только мог. Он холил и лелеял верхушку армии, осыпал ее почестями и привилегиями. Уровень материального и социального комфорта, в котором жили «красные командиры», намного превосходил все, что было доступно высококвалифицированному инженеру или врачу (не говоря уже о нищем колхознике или живущем в фабричном бараке полуголодном рабочем). Затраты были большими. Значительно хуже обстояли дела с результатом.

В любой стране и во все века военная карьера была одним из способов, позволяющих парню из простой, бедной семьи «выбиться в люди». Беда в том, что в Советском Союзе этот способ стал едва ли не единственным, а происхождение из семьи «беднейшего

крестьянина» стало неременным условием успешной карьеры. В итоге желающих подняться «из грязи в князи», ничего не делая, ничему не учась, ни за что реально не отвечая, а всего лишь согласившись носить казенные сапоги и шинель, стало слишком много. На свою командирскую службу они смотрели как на счастливый лотерейный билет, гарантирующий пожизненный комфорт и беззаботное существование. Увы, на вчерашних деревенских люмпенов, не имевших ни ума, ни образования, ни дворянской чести, ни пролетарской «революционной сознательности», обильная жратва (и еще более обильная выпивка) подействовала совершенно разлагающе.

«...Роскошный зал клуба был погружен в полумрак. Большой вращающийся шар, подвешенный к потолку, разбрасывал по залу массу зайчиков, создавая иллюзию падающего снега. Мужчины в мундирах и смокингах и дамы в длинных вечерних платьях или опереточных костюмах кружились в танце под звуки джаза. На многих женщинах были маски и чрезвычайно живописные костюмы, взятые напрокат из гардеробной Большого театра. Столы ломились от шампанского, ликеров и водки... Какой-то полковник пограничных войск кричал в пьяном экстазе: «Вот это жизнь, ребята! Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Так знаменитый чекист-невозвращенец, резидент НКВД в Испании, Орлов (Фельдбин) описывает бал в клубе НКВД, имевший место быть в 1936 г. Разумеется, были и другие командиры, и кричать они пытались совсем о другом. Так, командующий Белорусским военным округом командарм И.П. Белов, побывавший в

служебной командировке в Германии, 7 октября 1930 г. писал оттуда Наркому обороны СССР Ворошилову:

«...Когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры — от подпоручика до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости. Хочется кричать благим матом о необходимости самой напряженной учебы — решительной переделке всех слабых командиров...» [71, стр. 272].

Белова расстреляли. И не его одного. Подробное рассмотрение причин, замысла и хода Большого Террора выходит далеко за рамки нашего повествования. Отметим лишь несколько моментов, имеющих непосредственное отношение к теме данной главы.

Один из самых распространенных мифов состоит в том, что к середине 30-х годов были подготовлены высокопрофессиональные и (что уже совсем необъяснимо) «опытные» военные кадры, и лишь «репрессии 37-го года лишили армию командного состава». Спорить по данному вопросу не о чем. Надо просто знать факты. За два года (1938—1939) Красная Армия получила 158 тысяч командиров, политработников и других военных специалистов. За три предвоенных года (1939—1941-й) военные училища окончили 48 тыс. человек, а курсы усовершенствования — 80 тысяч. В первой половине 1941 г. из училищ и академий в войска было направлено еще 70 тыс. офицеров. Всего на 1 января 1941 г. списочная численность командно-начальствующего состава армии и флота составляла 579 581 человек. Кроме того, за четыре года (с 1937-го по 1940-й) было подготовлено 448 тыс. офицеров запаса [150].

Арестовано же в 1937—1938 г. было (по данным разных авторов) никак не более 10 тысяч командиров и политработников [1, стр. 368]. Что же касается именно погибших в годы репрессий, то наиболее полный поименный перечень, составленный О. Сувенировым, состоит из 1634 фамилий расстрелянных и замученных в ходе «следствия» командиров [149]. Не пытайтесь даже в малейшей степени оправдать это тягчайшее преступление и обелить руководителей и непосредственных исполнителей кровавого террора, следует все же признать тот очевидный факт, что если бы все погибшие остались в живых, то общее число командиров Красной Армии выросло всего лишь на 0,3 процента.

Весьма скромный некомплект командного состава (13% на 1 января 1941 г.) был обусловлен вовсе не репрессиями, а трехкратным за три года ростом численности и огромным ростом технической оснащенности Вооруженных сил. Наконец, следует в очередной раз вспомнить о том, что пресловутый «некомплект» — это всего лишь несоответствие фактической и штатной численности. А штатные расписания могут быть самые разные. Например, в вермахте на одного офицера по штатным нормам приходилось 29 солдат и унтер-офицеров, во французской — 22, в японской — 19. И только в Красной Армии предполагалось наличие одного офицера (политработника) на 6 солдат и сержантов [1, стр. 365]. Нельзя сказать, чтобы от такого «избытка» командиров в Красной Армии стало больше порядка.

«Я воевал в войну 1914—1917 годов, — писал 10 июля 1942 г. секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову командир 141-й сд полковник Тетушкин. — В штабе полка были

двое: командир полка и адъютант, в штабе дивизии трое-четверо — и все. Теперь у нас на КП командира полка — десятки людей, на КП командира дивизии — сотни, а в армии или на фронте я даже не могу сказать, там — тучи. Причем все они ездят на машинах, приезжает, привезет какую-нибудь писульку и завалится спать при этом штабе на неделю. А у противника штат тылов и штабов минимум раз в десять меньше нашего...»

Ни на чем, кроме голословных утверждений, не основан и тезис о том, что в 37-м году «расстреляли самых лучших, а на их место назначили бездарей и проходимцев». Если судить по такому формальному критерию, как уровень образования, то с 1937 по 1941 г. число офицеров с высшим и средним военным образованием не только не сократилось, но значительно (в два раза) выросло. Со 164 до 385 тыс. человек. На должностях От командира батальона и выше доля комсостава без военного образования составляла накануне войны всего лишь 0,1% [1, стр. 366]. Среди командиров дивизий по состоянию на 1 января 1941 г. высшее военное образование имело 40%, среднее военное — 60%. Среди командиров корпусов соответственно 52 и 48% [68].

Другой вопрос — каков был «коэффициент полезного действия» этого обучения, если в Военную академию им. Фрунзе принимали командиров с двумя классами церковно-приходской школы. К сожалению, в этих словах нет преувеличения. Именно с таким «образованием» поднялись на самый верх военной иерархии Нарком обороны Ворошилов и сменивший его на посту Наркома Тимошенко, командующий самым мощным, Киевским военным округом Жуков и сменивший его на этом посту Кирпонос. На таком фоне просто

неприлично интеллигентно смотрится предшественник Жукова на должности начальник Генштаба Мерецков — у него было четыре класса сельской школы и вечерняя школа для взрослых в Москве.

К слову говоря, точно такая же ситуация была и в гражданской администрации. В середине 30-х годов среди секретарей райкомов и горкомов ВКП(б) 70% имели лишь начальное образование. Наркомом оборонной (а затем и авиационной!) промышленности трудился М.М. Каганович, в биографии которого вообще не обнаруживаются следы какого-либо образования. Приведем еще один пример из более позднего периода. В апреле 1948 г. среди 171 военного коменданта в Восточной Германии (а на такую должность, надо полагать, подбирались наиболее «солидные» во всех отношениях офицеры) 108 человек обладали лишь начальным образованием, средним — 52 и только 11 офицеров имели высшее образование [74, стр. 65].

Отнюдь не репрессии 37-го года стали причиной такого прискорбного положения дел. Привлечение полуграмотных, но зато «социально близких» кадров было основой кадровой политики и в 20-х, и в 30-х, и в 40-х годах. Почему-то принято забывать о том, что немалое число так называемых «опытных военачальников, героев Гражданской войны» благополучно пережили 37-й год и встретили год 41-й в самых высоких званиях. Это Нарком обороны маршал Тимошенко, его заместители маршалы Буденный и Кулик, председатель Комитета обороны при СНК СССР маршал Ворошилов, командующий Московским военным округом (с начала войны — Южным фронтом) генерал армии Тюленев, главком кавалерии генерал-полковник Городовиков... Все они — люди того же поколения, той

же политической и жизненной школы, что и репрессированные Блюхер, Егоров, Тухачевский, Дыбенко, Федько. Все они так «славно» проявили себя, что уже через полгода-год после начала войны Сталину пришлось отправить их, от греха подальше, в глубокий тыл. На завершающем, победном этапе войны этих горекомандиров в действующей армии уже мало кто и помнил.

Почему же, зная о том, как проявили себя уцелевшие, мы продолжаем строить иллюзии по поводу расстрелянных? Почему принято считать, что расстрел Тухачевского деморализовал армию в большей степени, нежели массовые расстрелы тамбовских крестьян, произведенные летом 1921 г. по приказам самого Тухачевского? Наконец, были ли сами «жертвы 37-го года» мужественными полководцами (а для военачальника отсутствие личного мужества является не чем иным, как признаком профнепригодности) или всего лишь ожиревшими чиновниками военного ведомства?

Среди нескольких сотен высших командиров армии и НКВД (а у каждого из них была охрана, личное оружие, секретная агентура) не нашлось ни одного, кто решился бы поднять «микромятеж» или хотя бы оказать вооруженное сопротивление при аресте. На пассивное сопротивление (побег) дерзнуло лишь несколько человек (убежали за кордон начальник Дальневосточного НКВД Люшков и резидент НКВД в Испании Орлов, несколько месяцев скрывался в бегах главный чекист Украины Успенский). Все остальные покорно несли свою голову на плаху, исправно «обличали и разоблачали» своих арестованных товарищей, в лучшем случае — пускали себе пулю в лоб.

Командарм 1 ранга, командующий войсками Киевского округа И. Якир, приговоренный к расстрелу за преступления, которые он заведомо не совершал, из тюремной камеры писал Сталину: «Родной, близкий товарищ Сталин! Я умираю со словами любви к Вам...» 2 июня 1937 г., выступая на заседании высшего Военного совета, Сталин сказал по поводу застрелившегося начальника Главного политуправления Красной Армии Я. Гамарника: *«Я бы на его месте попросил свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя»*. Что стояло за этими словами? Глушение? Провокация? Крик измученной души человека, которого утомило общение с ничтожными людишками?

Как известно, в Вооруженных силах Германии ничего подобного репрессиям против высшего комсостава Красной Армии не было — и это в то время, когда Германия переживала радикальную смену правящих элит. И это при том, что высший генералитет позволял себе откровенное фрондерство по отношению к ефрейтору, ставшему Верховным главнокомандующим. Выла ли невероятная (по меркам товарища Сталина) терпимость, проявленная Гитлером, проявлением мудрой предусмотрительности — или же командный состав вермахта просто не позволял «фюреру» обращаться с собой иным способом?

Разумеется, негативное влияние массовых репрессий на боеспособность Красной Армии было, и оно было огромным. Массовые репрессии, массовое доносительство, массовое превращение вчерашних героев во «врагов народа, презренных шпионов и вредителей» подрывало основу основ армейской морали: безоговорочный авторитет командира. Армия держится на единоначалии, но это единоначалие нельзя

обеспечить только предусмотренным Уставом правом командира на «применение силы и оружия» по отношению к неповиющемуся подчиненному. На поле боя страх перед командиром будет немедленно сметен страхом перед вооруженным противником. Подчиненный должен уважать своего командира, верить в то, что тот способен *«организовать бой так, чтобы с минимальными потерями выполнить задачу»*. О каком доверии можно было говорить в армии, в которой военачальника любого ранга можно было превратить в «лагерную пыль» одним анонимным доносом...

Самым же парадоксальным феноменом Красной Армии следует признать то, что даже жесточайшие репрессии ни на йоту не способствовали наведению разумного порядка, дисциплины и минимальной организованности.

«Совершенно секретно. Приказ НКО № 0049 от 17 сентября 1940 г.

...Проверкой установлено, что в ряде штабов, благодаря грубейшим нарушениям приказов НКО, совершен ряд преступлений в отношении учета и хранения секретных документов...

1. Начальник штаба Барабашского укрепрайона майор К. оставил открытым и допечатанным сейф с документами особой важности, который в таком положении оставался на протяжении 10 суток. Порядок в штабе Барабашского УР настолько безобразный, что никто из офицеров штаба, в том и числе и дежурные по штабу, на протяжении 10 дней не приняли мер к закрытию и опечатыванию сейфа. (Необходимо пояснить, что в данном случае слова «особой важности» — это не эпитет, а термин. К разряду «особой важности» по

принятой в Красной Армии классификации относились наиболее секретные документы из числа «совершенно секретных». Была разработана строжайшая инструкция на 15 страницах о порядке составления и хранения документов «особой важности». В частности, эти документы не разрешалось передавать даже старшим по званию и должности — только лично в руки тому, кому данный документ был адресован. Документ должен был быть написан лично от руки «на твердой подложке, не оставляющей оттиска от пера», все черновики и промокательная бумага должны уничтожаться по акту, документ должен был храниться в опечатанном сейфе, находящемся в комнате с опечатываемой же железной дверью и стальными решетками на окнах...)

2. Штабом 135 стрелковой дивизии при убытии к новому месту расквартирования оставлены никому не переданные и никем не охраняемые (в открытом деревянном шкафу в кладовке стойматериалов) мобилизационные документы.

3. В частях и соединениях Забайкальского военного округа выявлена недостача 59 секретных и совершенно секретных документов...»

«Совершенно секретно. Приказ НКО № 0031 от 31 мая 1941 г.

...в 23-й авиационной дивизии (Московский ВО. — М.С) до 10 мая отсутствовал авиабензин, в результате чего самолеты оставались на несколько недель неспособными подняться в воздух... Боевые авиабомбы были брошены на разгрузочной площадке железной дороги, где пролежали под снегом полтора месяца...

...в 24-й истребительной авиадивизии (Московский ВО) с октября 1940 г. и до последнего времени не

проведено ни одного учения по взаимодействию со средствами ПВО, не проведено ни одной тревоги с вылетом истребителей, управление истребителями в воздухе с КП ПВО совершенно не отработано...»

«Совершенно секретно. Доклад сотрудника Главного контрольного управления Комитета Обороны при СНК СССР тов. Семина на имя Председателя СНК тов. Молотова от 9 июля 1940 г.

...17 июня нами обнаружена 235-я отдельная строительная рота, которая в течение 3 месяцев бездельничала, т.е. ничего не строит и никаких занятий с бойцами не проводит. При подробном ознакомлении выяснилось, что о существовании этой роты штаб Ленинградского ВО не знал и никаких задач ей не давал. 19 июня между Выборгом и Те-риоки в 300 м от Выборгского шоссе нами также был обнаружен 1-й аэродромно-строительный батальон (430 человек), который также в течение 3 месяцев ничего не делает... Несмотря на то, что батальон располагается на берегу озера, все красноармейцы, командиры и особенно комиссар тов. Ц. исключительно грязные...

...На вокзалах г. Ленинграда, особенно на Московском и Финляндском, очень много красноармейцев, отставших от своих частей (война с Финляндией закончилась 13 марта, т.е. за четыре месяца до дня составления этого доклада. — М.С.) ходят грязные, небритые и в зимнем обмундировании...»

Теперь от сухой строки документов перейдем к весьма красочно написанным мемуарам:

«...Началась подготовка. Для своего отделения я подобрал одиннадцать статных молодцов — красноармейцев ростом от 175 до 180 сантиметров. И

приступили... Строевая подготовка, политзанятия, чистка оружия и прогулка в строю по окрестным дорогам, с песнями... И так каждый день, в течение целого месяца... Одно лишь смущало: не слишком ладно в сравнении с другими владел я командным голосом. Не получалось это: «Ррр — ясь, ррр — ясь, рьясь, а — а, три — и — и...» Или «Пады — ы — майсь!..» Нет, такого у меня не получалось.

И тогда я решил действовать по Демосфену: регулярно стал удаляться в сопки и там кричать! Именно кричать — что есть силы, громко, ошалело, потом декламировать стихи, выкрикивать команды, отдельные слова, петь...

...После блестящей победы в строевой подготовке у меня появилась новая забота. Теперь к командующему предстояло являться всякий раз «по всей форме». А это значит — при сабле и со шпорами. Опять проблема! Саблю я раз надел да чуть не упал: запуталась она у меня между ног... Чтобы держать марку лучшего строевика, мне предстояло еще немало поработать самому, и каждое утро у себя в кабинете я добросовестно тренировался...»

Уважаемый читатель, как вы думаете — о чем ЭТО? Это дважды Герой Советского Союза, замечательный летчик-истребитель, маршал авиации Е.Я. Савицкий с восторгом рассказывает в своих мемуарах о том, как весной 1941 г., когда до начала войны оставались считанные дни, он потратил целый месяц на освоение это самого «ррр — ясь, ррр — ясь, рьясь, а — а, три — и — и...». А какую должность занимал весной 1941 г. 28-летний капитан Савицкий? Отвечаем — командовал **29-й истребительной авиадивизией**. А кто тот идиот

— другое слово подобрать не удастся, — который весной 1941 г. отвлекает командира авиационной дивизии на конкурс строя и песни, а потом еще и требует ходить по аэродрому в шпорах и с саблей? Это командующий Дальневосточным фронтом, герой Гражданской войны, генерал армии Апанасенко. Говорят, один из лучших сослуживцев Буденного и Тимошенко...

Разумеется, наряду с идиотами были в Красной Армии и талантливые, ответственные командиры, которые «зверски работали над собой» и использовали каждый час для боевой подготовки вверенных им частей. Если бы таких командиров не было, то немцы дошли бы от Бреста до тех дальневосточных сопок, среди которых капитан Савицкий (не по своей, правда, воле) кричал: «Пады — ы — майсь!» В предыдущих главах многократно говорилось о 1-й противотанковой артиллерийской бригаде, которая среди общего хаоса и панического отступления сдерживала продвижение немецких танков на Луцк — Ровно. Открывая мемуары маршала К.С. Москаленко, бывшего командира 1-й ПТАБ, мы обнаруживаем, что успешные боевые действия бригады не были результатом случайного везения — в бригаде был командир, который готовил своих подчиненных не к конкурсу строевой песни, а к войне:

«...Расписание должно было предусматривать уплотненную боевую подготовку: по 8—10 часов в день, а также 2—3 ночных занятия в неделю... Красноармейцы и младшие командиры от подъема до отбоя видели рядом с собой своих непосредственных начальников. Командиры и политработники всех рангов учили личным примером, по очень простому, но всегда оправдывающему себя методу «делай, как я»...

...Занятия по огневой подготовке сменялись маршами, полевыми учениями с большим количеством вводных, отрыв-кой окопов, сменой огневых позиций и боевыми стрельбами. Учеба велась днем и ночью, при любой погоде... Бойцы и командиры убедились в мощности своих орудий, в том, что броня современных немецких танков в случае их нападения наверняка будет пробиваться нашими снарядами. Уверенность в этом, появившаяся после того, как орудийные расчеты начали действовать слаженно, поражая без промаха цели на стрельбищах, имела исключительно важное значение. Ведь первое условие успеха в бою — вера в свои силы...»

И что совсем уже удивительно — в бригаде Москаленко обнаружилось и бронебойные 76-мм снаряды («мы были полностью обеспечены снарядами, в том числе бронебойными»). Как на другой планете — в танковых дивизиях ударных мехкорпусов 76-мм бронебойных снарядов нет вовсе, генералы пишут (а современные историки с готовностью переписывают) жалостные отчеты об отсутствии бронебойных снарядов, а у Москаленко и снаряды есть, и мишени, и стрельбища... Остается только добавить, что формирование 1-й ПТАБ началось в начале мая 1941 г., и времени на боевую подготовку было меньше двух месяцев. А в сотне километров от места расположения 1-й ПТАБ развертывались другие соединения, командиры которых писали потом в своих докладах:

«...Гаубичный артиллерийский полк не успел провести ни одной стрельбы из орудий... Личный состав не был подготовлен к стрельбе в полевых условиях... Не было учебных пособий и экспонатов... Полковая артиллерия послана в полки почти вся неисправная... Зенитная артиллерия имела крайне ограниченное

количество снарядов... Артиллерийский полк находился в составе 12 орудий без панорам... Личный состав мотоциклетного полка не обучен, даже ни разу не стрелял...»

Непостижимой уму особенностью тоталитарного сталинского режима оказалось полное отсутствие единого, всеобщего порядка — хотя само слово «тоталитарный» предполагает унификацию и единообразие. Вероятно, мы не сильно ошибемся, предположив, что всеобщим и универсальным в империи Сталина (и в Красной Армии, как ее важнейшей составной части) был беспорядок, **лишь в ряде счастливых случаев нарушаемый порядком**. Причем порядок этот обеспечивала не государственная система власти и управления, а личный энтузиазм, личная добросовестность, личная инициатива отдельных командиров.

На рассвете 22 июня 1941 года началась война. Не очередной «освободительный поход», а настоящая, большая война. И вот тут-то товарищу Сталину пришлось столкнуться с ошеломляющей неожиданностью — оказалось, что многие его генералы, полковники и подполковники даже не задумывались о том, что за право есть, пить и не работать профессиональный военный должен платить — платить готовностью в любой момент отдать свою жизнь за ту страну, которая и подарила ему эти права и привилегии.

«...24 июня в районе Клевани мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили

знаки различия. В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим (сидящим перед генералом. — М.С.), а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не тронулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдал из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады...»

Это отрывок из мемуаров маршала Рокоссовского. На третий день войны группа бывших командиров 5-й армии Юго-Западного фронта уже успела не только бросить оружие, но и спороть знаки различия. Стоит ли обобщать отдельные позорные эпизоды? Конечно, не стоит. Надо просто ознакомиться с подписанным 26 июля 1941 г. приказом № 044 командующего Северо-Западным фронтом генерал-лейтенанта Собенникова:

«В ряде частей фронта некоторые командиры и политработники грубо нарушают элементарные основы дисциплины Красной Армии. Они не соблюдают установленной формы одежды, не имеют на шинелях и гимнастерках петлиц, нарукавных знаков и знаков различия... Приказываю:

1. Командирам и военным комиссарам соединений и частей обязать всех командиров и политработников, под их личную ответственность, в трехдневный срок нашить на шинели и гимнастерки петлицы, нарукавные знаки и знаки различия. Военкому Северо-Западного фронта обеспечить соединения и части всеми необходимыми эмблемами.

2. Впредь всех лиц начсостава, допускающих нарушения формы одежды, снявших знаки различия, рассматривать как трусов и паникеров, бесчестящих высокое звание командира Красной Армии, и привлекать их к суровой ответственности, вплоть до предания суду военных трибуналов.

3. Командирам и военным комиссарам соединений и частей довести до сознания всех командиров и политработников абсолютную недопустимость подобных нарушений формы одежды, а к нарушителям создать нетерпимое отношение со стороны командирской общественности» [195].

Приказ беспрецедентный, причем не только по содержанию, но и по форме. В нормальной, воюющей, армии в подобном приказе должны были быть названы конкретные фамилии тех нескольких мерзавцев из числа командного состава, которые были расстреляны по приговору военного трибунала за то, что в боевой обстановке спорили знаки различия. Но, как явно следует из приказа командующего С-З. ф., позорное явление достигло таких масштабов, что расстрелять всех «беспогонных офицеров» уже не представляется возможным. Не представляется даже возможным нашить споротые петлицы быстрее, чем за три дня. Более того, генерал Собенников в своем приказе стыдливо называет

фактическую подготовку к дезертирству и сдаче в плен врагу всего лишь *«нарушением формы одежды»!*

За шесть месяцев 1941 г. в плену оказалось **шестьдесят три генерала**. А всего за время войны — 79 генералов (мы не стали причислять к этому перечню генералов А.Б. Шистера, М.О. Петрова, Ф.Д. Рубцова, И.А. Ласкина, Ф.А. Семеновского, которые находились в плену всего несколько часов или дней).

Разумеется, плен плену рознь. Автор совершенно не призывает мазать всех одним дегтем. Многие генералы (Лукин, Карбышев, Ткаченко, Шепетов, Антюфеев, Любовцев, Мельников и другие, всего порядка двадцати человек) были захвачены противником ранеными, в беспомощном состоянии. Многие из тех, кто оказался в плену, в дальнейшем отвергли попытки врага склонить их к сотрудничеству и были расстреляны или замучены гитлеровцами. Так погибли генералы Алавердов, Ершаков, Карбышев, Макаров, Никитин, Новиков, Пресняков, Романов, Сотенский, Старостин, Ткаченко, Тхор, Шепетов. Несколько человек (генералы Алексеев, Огурцов, Сысоев, Цирульников) бежали из плена, перешли линию фронта или примкнули к партизанским отрядам [20, 124].

Все это — правда. Другая часть горькой правды состоит в том, что большая часть плененных генералов забыла о том, что личное оружие было выдано им не только для того, чтобы гнать в бой подчиненных. Нынешним гуманистам, призывающим войти в «тяжелое положение беззащитных генералов», следовало бы вспомнить о том, что каждый сдавшийся врагу командир губил тем самым тысячи своих солдат, отдавал фашистам на растерзание сотни тысяч мирных жителей. И мера

ответственности за разгром армии и разорение страны для мобилизованного колхозного мужика и осыпанного всеми благами жизни генерала (которого государство наделило правом распоряжаться жизнью и смертью тысяч таких мужиков) должна, безусловно, быть разной.

За добровольную сдачу в плен и сотрудничество с оккупантами после войны было расстреляно или повешено **двадцать три бывших генерала Красной Армии** (и это не считая тех, кто получил за предательство полновесный лагерный срок). Среди них были и командиры весьма высокого ранга:

- начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта Трухин;

- командующий 2-й Ударной армией Власов;

- начальник штаба 19-й армии Малышкин;

- член Военного совета 32-й армии Жиленков;

- командир 4-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Егоров;

- командир 21-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Закутный;

- командир 27-го стрелкового корпуса (Юго-Западный фронт) Артеменко.

Да, десять человек из числа казненных генералов были в конце 50-х посмертно реабилитированы. Но при этом не следует забывать, что реабилитации 50-х годов проводились по тем же самым правилам, что и репрессии 30-х. Списком, безо всякого объективного разбирательства, по прямому указанию «директивных органов»... Весьма показательной как для оценки порядка расследования дел пленных генералов, так и

для понимания умонастроений высшего командного состава Красной Армии образца 1941 г., может служить судьба генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина.

Выдающийся полководец, герой сражений у Шепетовки, Смоленска и Вязьмы, он был захвачен в плен после тяжелого ранения, в бессознательном состоянии (в немецком госпитале ему ампутировали ногу). В ходе спецпроверки были выявлены какие-то факты его «антисоветской деятельности», но 31 августа 1945 г. в докладе на имя Сталина начальник «Смерш» Абакумов написал: *«Учитывая, что в результате ранения он остался калекой, считал бы целесообразным освободить и обеспечить агентурным наблюдением»* [124].

В дальнейшем генерал Лукин медленно, но верно стал превращаться в плакатный образец негиблого героя, который, оказавшись в немецком плену, «с презрением отверг все посулы и угрозы врага». Лукин был награжден орденом Ленина (1946 г.), двумя орденами Красного Знамени (1946, 1947 гг.), орденом Красной Звезды (1967 г.). Ему было присвоено звание «Почетный гражданин Смоленска», и его именем названа улица в этом городе. Появилась и побежала из публикации в публикацию легенда о том, как Сталин сказал вернувшемуся из плена генералу: «Спасибо за спасение Москвы». Наконец, в 1993 г. генералу Лукину было посмертно присвоено звание Герой России.

К этому времени и был переведен на русский язык и опубликован давно уже известный западным историкам протокол допроса от 14 декабря 1941 г., в ходе которого пленный генерал Лукин вел с немцами такие беседы:

«...Коммунисты пообещали крестьянам землю, а рабочим — фабрики и заводы, поэтому народ поддержал

их. Конечно, это было ужасной ошибкой, поскольку сегодня крестьянин, по сравнению с прошлым, не имеет вообще ничего, а средняя зарплата рабочего 300—500 рублей в месяц, на которую он ничего не может купить. Когда нечего есть и существует постоянный страх перед системой, то, конечно, русские были бы очень благодарны за ее разрушение и избавление от сталинского режима....

Если будет все-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они смогут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России, и в-третьих, они увидят, что на вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Такое правительство может стать новой надеждой для народа...

Если Буденный и Тимошенко возглавят восстание, то тогда, возможно, много крови и не прольется. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство... Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики (разумеется, речь шла не о предоставлении независимости, а о передаче этих частей сталинской империи под немецкую оккупацию. — М.С.), будучи в хороших отношениях с Германией...» [173].

Судя по его реальным действиям, товарищ Сталин достаточно быстро понял, что в довоенные годы он крупно ошибся в деликатном деле подбора, расстановки

и истребления кадров, и очень старался исправиться. Но как? Подобно заключенному в тюрьме, обшаривающему всю камеру в надежде найти затерявшийся окурок, он все тасовал и перетасовывал генералов в надежде найти, наконец, того, кто совершит чудо, «превратит камни в хлеба» и заставит нищих колхозников воевать за «родную партию и ее великого вождя».

За первые четыре месяца войны на главном стратегическом направлении командующего Западным фронтом поменяли **семь раз** (Павлов, Еременко, Тимошенко, снова Еременко, снова Тимошенко, Конев, Жуков). Командующего 21-й армией (на том же самом западном направлении, за тот же срок) меняли шесть раз (Герасименко, Кузнецов Ф.И., Ефремов, Гордов, другой Кузнецов В.И., снова Гордов). Немногим лучше обстояли дела у соседей 21-й армии. Пять командиров в 20-й армии (Ремезов, Курочкин, Лукин, Ершаков, Власов), четыре командира в 13-й (Филатов, Ремезов, Голубев, Городнянский), по три командира сменилось за лето-осень 1941 г. в 19-й и 22-й армиях.

Командармы появлялись и исчезали, не успевая даже познакомиться со своими новыми подчиненными. Довольно быстро в этой чехарде выработалось некое универсальное правило. Оно не требовало ни знакомства с подчиненными, ни разведки противника, ни знания военной техники. Оно полностью заменяло собой все тонкости тактики и оперативного искусства. Оно гремело и грохотало по всем штабам, окопам и блиндажам.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

А в довесок к этому правилу — лукавое самооправдание: «Война все спишет».

Все и списали. Или даже возвели в образец «несгибаемого мужества и героизма». Как, например, печально-знаменитый «Невский пяточок». А ведь это действительно ярчайший образец. Только чего?

Осенью 1941 г., после установления блокады Ленинграда, в наших руках остался крохотный плацдарм на левом (южном) берегу Невы. Клочок земли площадью 2 на 3 км. Удержание плацдарма (пусть даже и ценой больших потерь) имеет оперативный смысл только в том случае, если с его территории планируется в ближайшее время начать наступление крупными силами. Плацдарм в переводе с французского как раз и означает «место для армии». На «Невском пяточке» можно было развернуть стрелковый батальон, от силы — полк. Да и прорывать кольцо окружения предстояло главным образом ударом извне, а не со стороны умирающего от голода города. «Невский пяточок» не мог играть (и фактически не сыграл) никакой существенной роли при прорыве блокады в январе 1943 г. Тем не менее этот «плацдарм» приказано было удерживать. Любой ценой. Его и удерживали. 400 дней подряд. Немецкая артиллерия простреливала каждый метр этой огромной братской могилы. Общее количество истребленных на том проклятом месте солдат оценивается разными исследователями от 50 до 100 тыс. человек...

Скажем честно — порой даже высшее руководство Красной Армии выражало свое возмущение такой практикой растраниживания «людских контингентов». Сам Сталин как-то раз потребовал от своих генералов *«научиться воевать малой кровью, как это делают немцы»* (телеграмма командованию Юго-Западного направления от 27 мая 1942 г.). И даже кровавый маршал Жуков (в ту пору — командующий Западным

фронтом) подписал 30 марта 1942 г. директиву, которая начиналась такими словами:

*«В Ставку Верховного Главнокомандования и Военный совет фронта поступают многочисленные письма от красноармейцев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно халатном отношении к сбережению жизней красноармейцев пехоты. В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи людей при атаках на неуничтоженную оборону противника и неуничтоженные пулеметы, на неподдавленные опорные пункты, при плохо подготовленном наступлении. Эти жалобы, **безусловно, справедливы и отражают только часть** (выделено мной. — М.С.) существующего легкомысленного отношения к сбережению пополнения...» [117, стр. 238].*

Увы, толку от таких директив было мало — прежде всего потому, что сам Жуков и его ближайшие соратники и до и после отдания этой директивы губили людей десятками и сотнями тысяч «при плохо подготовленном наступлении». Вот как описывает в своих воспоминаниях полковник А. К. Кононенко визит заместителя командующего Западным фронтом (т.е. заместителя Жукова) генерала Г.Ф. Захарова в штаб легендарного 1-го Гвардейского кавалерийского корпуса Белова:

«...Злоба туманила его и так не весьма ясный рассудок. Захаров говорил, то повышая тон, то снижая его до шепота с каким-то змеиным присвистом, злоба кипела и клокотала в нем... «Меня прислали сюда, — сказал Захаров, — чтобы я заставил выполнить задачу любыми средствами, и я заставлю вас ее выполнить, хотя бы мне пришлось для этого перестрелять половину

вашего корпуса. Речь может идти лишь о том, как выполнить задачу, а не о том, что необходимо для ее выполнения»...

Он по очереди вызывал к телефону командиров полков и дивизий, атаковавших шоссе, и, оскорбляя их самыми отборными ругательствами, кричал: «Не прорвешься сегодня через шоссе — расстреляю!» Он приказал судить и немедленно расстрелять пять командиров, бойцы которых не смогли прорваться через шоссе... Этот человек, который по ошибке стал военачальником, природой предназначался на роль палача или пациента нервно-психиатрической клиники...» [163].

Коммунистические историки-пропагандисты заблаговременно успели сочинить для Жуковых и Захаровых очень благозвучное оправдание: «Страна была на грани гибели, решались судьбы всего мира, вынужденная безжалостность к своим солдатам была оправданна и необходима...»

Звучит красиво. Вероятно, настало время задаться встречным вопросом — а не эта ли бездумная безжалостность командования подтолкнула миллионы солдат к дезертирству и сдаче в плен врагу? Не она ли поставила страну на грань гибели? Да и не скрывались ли за этой озабоченностью «судьбами мира» другие, гораздо более низменные мотивы?

Возьмем еще два документа. Это приказы маршалов Конева и Жукова, отданные в один и тот же день апреля 1945 г. Страна уже не стояла на грани гибели. Она была на пороге величайшего триумфа. Не только «судьбы мира», но и послевоенные границы в Европе уже были

начерчены и согласованы в Тегеране и Ялте. В такой обстановке 20 апреля Конев пишет приказ:

«Командующим 3-й и 4-й гв. танковыми армиями. Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести...»

Приказ Жукова был чуть подробнее:

«Командующему 2-й гв. танковой армией. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе...» [74].

Зачем посылать всего лишь по одной бригаде от корпуса? А так быстрее удастся «донести для доклада т. Сталину» и войти в историю, как «великому маршалу победы». Почему быстрее? Потому что корпуса и танковая армия в целом «отягощены» артиллерией, саперными подразделениями, мотопехотой. Они тормозят движение. Поэтому две лучшие бригады Жуков заведомо посылает на убой. Зачем? Для «объявления в прессе»?

Бездушное и безжалостное расходование «живой силы» естественным образом сочеталось с диким, первобытным стилем взаимоотношений внутри самой командной верхушки армии. В упомянутом выше письме Маленкову командир 141-й стрелковой дивизии так описывает порядок «взаимодействия» высшего комсостава с подчиненными ему командирами:

«...Командарм или его начальник штаба, или даже начальник оперативного отдела вызывает к телефону командира дивизии, его начальника штаба и кричит:

*«Сволочь, оболтус... твою мать..., почему ваш полк не может взять деревню, сегодня приеду и расстреляю вас всех». Конечно, **никто из них за полгода к нам не приезжал** (выделено мной. — М.С.), а по телефону расстреливали до пяти раз в день. В какой армии были или есть такие отношения? Эта закваска спускается вниз, кругом стоит сплошной мат... Командарм 33-й армии даже бил по лицу командиров, причем ни за что...»*

Невероятная на первый взгляд фраза про мордобой, принятый среди высших офицеров, не была свидетельством уникального для Красной Армии события. Красные генералы из числа тех, кого «природа предназначала» на роль главаря воровской шайки, другого способа руководства просто не знали:

«...Еременко, не спросив ни о чем, начал упрекать Военный совет в трусости и предательстве Родины. На мои замечания, что бросать такие тяжелые обвинения не следует, Еременко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожая расстрелом. Я заявил — расстрелять он может, но унижать достоинство коммуниста и депутата Верховного Совета не имеет права. Тогда Еременко вынул маузер, но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел.

После этого он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Еременко истерически выкрикивал ругательства. Несколько остыв, Еременко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову...»

Цитируемое письмо Сталину было написано 19 сентября 1941 г. Безобразная сцена происходила в штабе 13-й армии, куда приехал командующий Брянским

фронтом. Но, может быть, Ефремов и автор письма, член Военного совета армии Ганенко, и вправду провинились так, что заслуживали расстрела — пусть и в более правовой форме, т.е. через трибунал? Нет, судя по дальнейшим событиям, Еременко тут же решил помириться с разоблаченными им «предателями»: *«Сев за стол ужинать, Еременко заставлял пить с ним водку Ефремова, а когда последний отказался, с ругательствами стал кричать, что Ефремов к нему в оппозиции и быть у него в заместителях не может...»* [117, стр. 162].

Сталин почему-то любил генерала Еременко. Он простил ему не только такие мелочи, как насаждение нравов уголовной среды в войсках, но и разгром Брянского фронта (разгром, ставший прологом окружения и гибели Юго-Западного фронта в Киевском «мешке»). В дальнейшем именно Еременко стал тем генералом, к которому Сталин в первый и единственный раз за всю войну приехал на фронт.

Тогда же, осенью 1941 г., Сталин отреагировал на письмо комиссара Ганенко, издав приказ № 0391 от 4 октября 1941 г. Приказ назывался «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». Увы, не все приказы товарища Сталина выполнялись. Всего через два месяца, 12 декабря 1941 г., маршал Тимошенко издает приказ войскам Юго-Западного фронта № 0029 «О фактах превышения власти, самочинных расстрелах и рукоприкладстве». В приказе констатируется, что не все командиры *«приняли к неукоснительному исполнению приказ тов. Сталина и сделали из него практические выводы»*. Причем самочинные расстрелы *«совершались в*

пьяном состоянии, на виду у красноармейских масс и местного населения...» [68].

У всякой палки есть два конца. Укоренившееся в сознании многих командиров отношение к людям, как к самому дешевому «расходному материалу», вполне адекватно дополнялось безразличным отношением красноармейцев к уставной обязанности оберегать командира в бою. К сожалению, речь идет вовсе не об отдельных позорных случаях. Масштабы бесследного исчезновения командиров в Красной Армии потрясают. Всего за четыре года войны только в Сухопутных войсках (т.е. без учета авиационных командиров, не вернувшихся с боевого вылета) без вести пропали: **163 командира дивизии (бригады), 221 начальник штаба дивизии (бригады), 1114 командиров полков** [35, стр 319].

Даже к началу 90-х годов (полвека спустя) не были известны места захоронений сорока четырех генералов Красной Армии [126]. Это не считая тех, кто был расстрелян или умер в тюрьмах и лагерях, не считая погибших в плену! Сорок четыре генерала — среди них два десятка командиров корпусного и армейского звена — разделили судьбу рядовых солдат, бесследно сгинувших в пучине страшной войны.

Солдат было много, в Красной Армии счет шел на миллионы. Солдат часто воюет в одиночку и гибнет без свидетелей. Вот почему многочисленность непогребенных по-людски солдат если и не оправдана, то, по меньшей мере, объяснима. Но как же может пропасть без вести генерал, командир корпуса или дивизии? Командир в одиночестве не воюет. Командование и штаб дивизии имели численность (по штату апреля 1941 г.) в 75 человек. Это не считая

личного состава политотдела, трибунала и комендантского взвода. В штабных структурах корпуса и армии людей еще больше. До каких же пределов должно было дойти моральное разложение Красной Армии, чтобы погибшие генералы оставались брошенными в чистом поле, без приметы и следа...

«Я ДРУГОЙ ТАКОЙ СТРАНЫ НЕ ЗНАЮ...»

Даже в странах с устойчивой, многовековой демократической традицией вступление в мировую войну вызвало рост авторитарных тенденций, существенные ограничения прав и свобод граждан, ослабление системы общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. Но в Советском Союзе все было точно наоборот. Невероятным фактом является то, что именно с началом войны перед миллионами людей открылась реальная возможность **ВЫБОРА**.

До рокового дня 22 июня 1941 г. советский человек не мог выразить свое отношение к власти ни избирательным бюллетенем (в СССР не было даже слабого подобия честных выборов), ни свободным словом в независимой газете, ни ногами (попытка покинуть пределы «государства рабочих и крестьян» считалась преступлением и вполне официально, в соответствии с буквой Уголовного кодекса, называлась «побегом»).

Летом 41-го случилось небывалое — перед глазами ошеломленного населения оказались распахнутые настежь двери опустевших райкомов и горкомов, автомобили с панически бегущим партийным и военным

«начальством», гипсовые головы любимого «вождя народов», валяющиеся в пыли среди прочего мусора — разорванных партбилетов и пухлых томов сочинений классиков марксизма.

В эти безумные дни каждый мог сделать свой личный выбор, выбор без страха перед «родной партией» и ее «вооруженным отрядом» славных чекистов. Нет, никакого массового антисталинского восстания не произошло. Не было ни митингов, ни «солдатских комитетов». Молчаливое большинство (а в нашей стране оно было особенно молчаливым) бойцов Красной Армии молча бросали винтовку, молча вылезали из опостылевшей стальной коробки танка, срывали петлицы и пристраивались к одной из огромных колонн военнопленных, которые в сопровождении десятка немцев-конвоиров брели на запад. В каждом из городов, городков и местечек за несколько дней «безвластия» (между моментом бегства партийного начальства и появлением немецкой комендатуры проходило, как правило, 2—3 дня) были разграблены все магазины. Если это и был бунт, то бунт бессмысленный и жалкий, «бунт на коленях».

Да и можно ли было ожидать другого от людей, которым пришлось пережить то, что пережил советский народ за двадцать лет людоедской власти большевиков?

В XX веке, в эпоху авиации и радио, в стране с гигантскими посевными площадями плодороднейших земель, большевики возродили людоедство в таких масштабах, которые и не снились каннибалам каменного века.

Это не метафора, а простая констатация факта. Свирепая жестокость сталинского режима ни в коей мере

не была следствием дурных садистских наклонностей новых вождей. Ничего подобного. Головы у них были холодные, сердца — каменные, и они отлично понимали, что и зачем они делают. Даже в относительно благополучные, урожайные годы реальная товарность русского крестьянского хозяйства не превышала 15—20%. Это означает, что прокормить одну семью городского рабочего могли только пять-шесть крестьянских дворов. Разумеется, такие пропорции не могли устроить товарища Сталина, задумавшего в кратчайший срок создать огромную армию и вооружить ее новейшей техникой. И тогда большевистская власть сознательно и хладнокровно обменяла несколько миллионов человеческих жизней на американские тракторные (танковые) заводы, на французские авиамоторы, на германские станки.

В 1930 г. на Украине государство забрало у колхозов 30% зерна, на Северном Кавказе — 38%. В следующем году — соответственно 42 и 47%. План 1932 г. превышал показатели 1931 г. на 32%. Более того, когда осенью 1932 г. стало очевидно, что выполнить план заготовок не удастся даже путем полной конфискации всего зерна (включая семенные фонды), разъяренные кремлевские вожди потребовали конфисковать в колхозах, не выполнивших хлебозаготовительный план, так называемые «незерновые продовольственные ресурсы»: сало, картошку, лук, свеклу, соленья [129, 131].

Крайне сомнительно, чтобы при существовавшей тогда инфраструктуре транспортировки, хранения и переработки сельхозпродукции хотя бы малая часть конфискованной еды попала в заводские столовые. Фактически это был «террор голодом». В очередной раз большевики вспомнили завет своего вождя и учителя

(«Проучить так, чтобы на несколько десятков лет они ни о каком сопротивлении и думать не смели»). И на Украине, на Дону, затем в Поволжье и Казахстане начался массовый смертный голод. Голодомор. Спасаясь от голодной смерти, миллионы крестьян поехали, пошли, поползли в города. Власть отреагировала быстро. 22 января 1933 г. за подписями Молотова и Сталина вышло постановление правительства СССР:

«...Центральный Комитет и Правительство имеют доказательства того, что массовый исход крестьян организован врагами советской власти, контрреволюционерами и польскими агентами... Запретить всеми возможными средствами массовое передвижение крестьянства Украины и Северного Кавказа в города...» [129, стр. 170].

Обреченные на голодную смерть районы оцеплялись войсками. За первый же месяц действия этого «карантина» ОГПУ отрапортовало о задержании 219 460 человек! Итальянский консул в Харькове докладывал своему начальству в Риме:

«...За неделю была создана служба по поимке брошенных детей... В полночь их увозили на грузовиках к товарному вокзалу на Северском Донце... здесь находился медицинский персонал, который проводил сортировку. Тех, кто еще не опух от голода и мог выжить, отправляли в бараки на Голодной Горе или в амбары, где на соломе умирали еще 8000 душ, в основном дети. Слабых отправляли в товарных поездах за город и оставляли умирать вдали от людей. По прибытии вагонов всех покойников выгружали в заранее выкопанные большие рвы... Каждую ночь в Харькове собирают по 250 трупов умерших от голода или тифа.

Замечено, что большое число из них не имеет печени, из которой готовят пирожки и торгуют ими на рынке...»
[129]

У голодомора 1933 г. было два принципиальных отличия от смертного голода 1921 г.

Во-первых, это был искусственно организованный мор, в то время как голод 1921 г. был вызван «естественными» причинами (если только разорение и упадок народного хозяйства в результате войны, развязанной большевиками, можно считать «естественным» процессом). Урожай 1932 г. был действительно низким, но вовсе не недород послужил причиной гибели миллионов. Так, только на Украине в счет государственных хлебозаготовок было собрано 36,5 млн центнеров зерна [123]. Исходя из того, что на пропитание одного человека достаточно двух центнеров зерна в год, мы приходим к выводу, что одних только украинских госзаготовок было достаточно для того, чтобы обеспечить буханкой хлеба 18 млн голодающих. А сколько зерна просто сгнило из-за недостатка крытых токов и элеваторов, сколько перегнали на водку...

Во-вторых, добрый дедушка Ленин все-таки выделил какие-то деньги на закупку продовольствия за рубежом. Товарищ Сталин **ВЫВЕЗ** на экспорт из голодающей страны 17,3 млн центнеров зерна в 1932 г. и 16,8 млн центнеров — в 1933 году [132]. В тот самый год, когда в Харькове пекли пирожки с человечинной, из СССР на экспорт было отправлено 47 тыс. тонн мясомолочных продуктов, 54 тыс. тонн рыбы; страна людоедов экспортировала муку, сахар, колбасы, подсолнечник... [132].

Точные цифры, характеризующие масштаб этого беспримерного в истории преступления, уже не будут названы никогда. По самым осторожным расчетам советского украинского историка С. Кульчицкого (в современной Украине называют значительно большие цифры), только в 1933 г. и только на Украине от голода умерло **3—3,5 миллиона человек** [131]. **С 6 до 3 миллионов** человек сократилось в те годы население Казахстана [74]. В Поволжье «изъятия незерновых ресурсов» не было (т.е. картошку и соленые огурцы колхозникам все-таки оставили). В результате от голода там умерло «всего лишь» **400 тысяч человек**.

Главным по численности «неприятелем», с которым боролись большевики, было экономически самостоятельное (а поэтому — потенциально опасное для диктаторской власти) крестьянство, составлявшее к 1917 г. четыре пятых населения страны. Но и горожан новая власть не забывала.

С февраля 1930 г. по декабрь 1931 г. из крупных городов было депортировано **более 1,8 млн человек**, так называемых «деклассированных элементов и нарушителей паспортного режима» [129]. Под это определение попадали не только буржуазные профессора и буржуазные инженеры, не только бездомные крестьяне, бежавшие от колхозного голода в город, но и городские рабочие, которых облава застала на улице без паспорта в кармане.

В архивных документах отмечены случаи, когда ловили и людей с паспортом — для численности в отчете; отмечен эпизод, когда из Москвы как «нарушителя паспортного режима» депортировали начальника райотдела милиции, который имел

неосторожность выйти из дома без паспорта и служебного удостоверения в кармане...

Тех депортированных, кому крупно повезло, ждали принудительные работы на «великих стройках коммунизма». Так, в Магнитогорске в сентябре 1932 г. жило 42 462

«спецпоселенца», что составляло две трети населения этого воспетого в стихах и прозе «города мечты». Но такое везение ждало отнюдь не всех.

«...20 и 30 апреля 1932 г. из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов, всего 6144 человека... Прибывши в Томск, этот контингент был пересажен на баржи и доставлен на остров Назино... На острове не оказаалось никаких инструментов, никаких построек, ни семян, ни крошки продовольствия... 19 мая выпал снег, поднялся ветер, а затем и мороз... Люди начали умирать. В первые сутки бригада могильщиков смогла закопать 295 трупов. Только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать по несколько сот грамм. Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку, падала и задыхалась, умирая от удушья... Вскоре началось в угрожающих размерах людоедство... В результате всего из 6100 чел., прибывших из Томска, к 20 августа осталось в живых 2200 человек...» [129, стр. 162].

Это — строки из отчета инструктора Нарымского горкома партии в Западно-Сибирский крайком ВКП(б). Судя по итоговой статистике, кошмар на острове Назино вовсе не был чем-то из ряда вон выходящим. В ходе

первой же перерегистрации «спецпоселенцев», проведенной в январе 1932 г., была выявлена **убыль 500 тыс. человек**, умерших или сбежавших (на верную гибель) в тайгу.

Массовые репрессии и Голодомор 1929—1933 г. наряду с простыми, прозаическими, «хозяйственными» задачами (обеспечить растущую промышленность сверхдешевой рабочей силой и дармовыми сельхозпродуктами, набрать золото и валюту для закупок западной технологии) имели своей целью и решение одной весьма сложной социальной проблемы. Новый правящий класс сверху донизу был наполнен людьми, имевшими личный опыт. Опыт организации восстаний, переворотов, партизанских отрядов, «красных гвардий» и пр. Этот опыт и наличие этих людей не могли не беспокоить партийную верхушку. И только после раскулачивания и коллективизации Сталин и компания смогли вздохнуть спокойно. Теперь они знали — для «активистов», выгребавших кашу из котелка у голодающих, дороги назад, к ограбленному народу, уже нет и не будет никогда. Связанные круговой порукой безмерного злодейства, они могли теперь лишь покорно брести вдоль по извилистой «линии партии».

В январе 1934 г. горячо любимый нашими «либералами 60-х годов» С. Орджоникидзе писал еще более любимому ими С.М. Кирову: *«Кадры, прошедшие через ситуацию 32—33-х годов и выдержавшие ее, закалились как сталь. Я думаю, что с ними можно будет построить Государство, которого история еще не знала»*. Пророческие слова. Глубоко верные. История России раньше такого не знала. И таких «кадров», которые могли бы ежедневно выгружать опухших от голода детей

в голую степь, в старые времена, в старой России еще надо было поискать.

К сожалению, ни автор письма, ни его адресат не дожили до июня 1941 г., а поэтому и не увидели, как повели себя эти «закаленные кадры» перед лицом вооруженного неприятеля.

Пока же, в условиях затянувшейся на долгие годы «мирной передышки» (которая для простого народа оказалась гораздо страшнее империалистической войны), новая элита «пролетарского государства» не теряла время зря.

«Вышла я замуж в июне 1929 г. ... Сказочная жизнь, сказочная... Квартира на Манежной площади, напротив Кремля. Шесть комнат... Я ездила за обедами... Везли в термосах — не остывало, это же близко от Кремля, а машине нашей — везде зеленый свет... Обеды были вкусные, повара прекрасные, девять человек были сыты этими обедами на двоих... К обедам давалось всегда полкило масла и полкило черной икры... Вместе с обедом можно было взять гастрономию, сладости, спиртное...: Водка красная, желтая, белая. В графинчиках... Чудные отбивные...» [130, стр. 154].

Это воспоминания жены. Жены не начальника даже, а всего лишь сына бывшего члена Политбюро, к тому времени уже опального Каменева. Кремлевские отбивные, как сочную метафору своей будущей судьбы, он ел в скромной шестикомнатной квартире. Действующие, приближенные к Хозяину начальники «морально разлагались» с гораздо большим размахом. Так, 3 февраля 1938 г. Политбюро приняло очередное постановление, в котором отмечалось, что «ряд арестованных заговорщиков (Рудзутак, Розенгольц,

Антипов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи-дворцы в 15—20 комнат, где они роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение».

Увы, борьба Сталина с «разложенцами и перерожденцами» по результативности соответствовала попыткам вытащить себя из болота, потянув за собственные волосы. Если не дачи, не дворцы и не водку «красную, желтую, белую, в графинчиках», то что же другое мог он предложить своим соратникам? Мечта о мировой революции была изгнана вместе с Троцким, ну а предложить поднявшемуся «из грязи в князи» быдлу идею всеобщего равенства и братства не мог даже сам Хозяин. Ему только и оставалось, что стрелять одних «красных бояр» для устрашения других. Много лет спустя уцелевшие дети и внуки репрессированных начальников внушили легковерным потомкам мысль о том, главные жертвы Большой Резни — это большевики «ленинской гвардии», мужественные военачальники и мудрые министры. Если бы...

В 1937—1938 г. органами НКВД было **арестовано более 1,5 млн человек, из них 680 тыс. расстреляны, 115 тыс. погибли под пытками во время «следствия» или умерли в тюрьмах и лагерях** [196]. Где же было набрать столько генералов, большевиков «ленинской гвардии» и чекистов «школы Дзержинского»? Вероятно, мы не сильно ошибемся, если предположим, что на одного «верного ленинца» пришлось сто невинно загубленных крестьян, рабочих, инженеров, врачей... Но мир устроен так, что даже сто тысяч колхозников не смогут привлечь к трагедии своей

семьи столько общественного внимания, сколько привлечет один наследник члена Политбюро.

К началу 1939 г. отстрел руководящих работников резко пошел на убыль, а вот репрессии против рабочих и колхозников шли по нарастающей. Рекордным по числу осужденных стал 1940 год — 2,3 млн человек. Примечательно, что в тот год «политические» составляли лишь 25—30% от общего числа репрессированных. Руководствуясь нормальной человеческой логикой, можно было бы предположить, что остальные 70% были уголовниками. Но это не так. Разумеется, были и уголовники, но основную массу узников ГУЛАГа составляли люди, которые стали жертвами криминальных методов руководства, узаконенных сталинской бандой (важно отметить, что 57% всех находящихся в ГУЛАГе имели срок заключения менее 5 лет). Сажали за 30-минутное опоздание к станку, за сломанное по неопытности (или из-за нереальных норм выработки) сверло, за то, что родился в «освобожденной» Восточной Польше или Вессарабии, за то, что дальний зарубежный родственник прислал по глупости почтовую открытку...

Накануне войны, в январе 1941 г., в лагерях ГУЛАГа содержалось 1930 тыс. осужденных, еще 462 тыс. человек находилось в тюрьмах, на «спецпоселении» насчитывалось более 1200 тыс. Итого: 3,6 миллиона. Общий же итог предвоенной «семилетки» — 6 млн человек, побывавших за решеткой в период с 1934 по 1941 г. [129]. И когда 3 июля 1941 г., звякая дрожащей челюстью по краю стакана с водой, Сталин обратился к «братьям и сестрам», он знал, что практически у каждого из униженных, ограбленных, обманутых им «граждан» или отец, или брат, или сын, или друг расстрелян,

брошен в тюрьму, сослан в Сибирь на каторжные работы...

Одним из самых известных заклинаний, с помощью которого коммунистические «историки» объясняли поражение Красной Армии летом 1941 г., звучало так: «История отпустила нам мало времени». Это неправда.

Злополучная «история» отпустила сталинскому режиму недопустимо много времени. Для разрушения всех норм морали и права, для духовного растления народов России в его распоряжении оказалось два десятилетия. Начиная с осени 1939 г. в состав сталинской империи начали входить все новые и новые «освобожденные территории», а вместе с территориями — и многомиллионное, многонациональное местное население. Вот для «воспитательной работы» с этим населением времени было действительно мало (Большая Война приближалась с каждым днем), поэтому партия и НКВД работали в оккупированной Восточной Польше и Прибалтике с удвоенной энергией.

Известный чекист Судоплатов без малейшего смущения пишет в своих воспоминаниях:

«...Во Львове атмосфера была разительно не похожа на положение дел в советской части Украины. Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни, оптовая и розничная торговля находилась в руках частных, которых вскоре предстояло ликвидировать...» [162].

Ликвидировали быстро и решительно. Насильственная коллективизация в деревне, внесудебная реквизиция частной собственности в городах, роспуск всех и всяческих политических, общественных, культурно-просветительских организаций, гонения на

верующих (в особенности на связанных с Западом католиков и униатов). Бдительность чекистов дошла до того, что они не поленились перечитать тысячи сочинений выпускников польских школ — на предмет выявления «шибко умных и грамотных», семьи которых первыми загрузили в товарные вагоны, уходящие в Сибирь... [129].

По самым минимальным оценкам, более 400 тысяч жителей присоединенных территорий были высланы в Сибирь и Казахстан просто по решению местных «административных органов». Иногда, надо полагать — в порядке черного юмора, уроженцев Польши, ни сном ни духом ни слыхавших про Троцкого, увозили из родных домов на основании Приказа НКВД СССР от 30 июля 1937 г., как «членов семей троцкистов и диверсантов» [161]. Всего с сентября 1939 г. по февраль 1941 г. в западных областях Украины и Белоруссии органами НКВД / НКГВ было арестовано 92 500 человек. Среди них: 41 тысяча поляков, 23 тысячи евреев, 21 тысяча украинцев, 7,5 тысячи белорусов [160]. Дискриминации по национальному признаку, как видим, не было, сажали и стреляли всех.

В частности, в Западной Белоруссии чекисты ухитрились выявить некую «еврейско-фашистскую организацию проанглийской (!!!) направленности...».

По тому же сценарию, но в еще более сжатые сроки, происходила советизация Прибалтики. Единственное отличие было в том, что если в оккупированной Восточной Польше пострадало главным образом зажиточное меньшинство, то в странах Балтии переход на советские деньги, советские цены и советские

зарплаты привел к обнищанию большинства рабочих, ремесленников, служащих, крестьян.

За несколько недель до войны масштаб репрессий значительно вырос. К июню 1941 г. общее число арестованных в западных областях Украины и Белоруссии выросло до 107 тыс. человек. В двухмиллионной Латвии только за 14—17 июня 1941 г. было репрессировано (арестовано или выслано) 15 171 человек, а всего в трех странах Прибалтики в эти дни было арестовано 14 467 и депортировано 25 711 человек [155, 160, 161]. Заметим, что и эти цифры — минимальные из встречающихся в литературе.

В результате такой настойчивой «работы с населением» западные районы СССР — тыловой район будущих военных действий Красной Армии — начали превращаться в действующий фронт, причем еще задолго до 22 июня 1941 г.

В отчетах штабов внутренних войск НКВД предвоенного периода говорится о десятках разгромленных (или находящихся в «оперативной разработке») вооруженных бандформирований, о практически постоянных перестрелках, диверсиях, изъятиях оружия и взрывчатки. Особенно напряженной была обстановка в западных областях Украины, где действовали партизанские отряды ОУН (Организация украинских националистов), накопившие за годы террористической борьбы с польскими властями немалый боевой опыт. Внимательное чтение мемуаров советских командиров показывает, что без упоминания этой темы не обходятся ни одни воспоминания «освободителей» Западной Украины. Из множества примеров отберем два, связанных с одним и тем же городом Ковелем.

Герой Советского Союза, выдающийся летчик-истребитель (467 боевых вылетов, 30 лично сбитых самолетов противника) Ф.Ф. Архипенко встретил начало войны в звании младшего лейтенанта в 17-м истребительном авиаполку. Полк базировался на аэродроме Любитов в районе Ковеля. В своих мемуарах Архипенко пишет:

«...Помнится, что перед войной в тех местах нередко пропадали командиры из других частей, и, находясь вне воинской территории, приходилось быть бдительным... Весной 1941 года по заданию комиссара в одной из деревень под Ковелем мне довелось прочитать доклад, посвященный дню Красной Армии... Во время доклада под окнами раздалось несколько выстрелов. Возможно, что неудовлетворенные советской властью (колхозами) селяне решили проверить на практике, в моем лице, моральную стойкость Красной Армии.

После доклада были танцы, я тоже приглашал девчат и танцевал, хотя и отвлекался, посматривая по сторонам, чтобы не пристрелили... Атмосфера вокруг была довольно напряженной, и пришла мысль, что неплохо бы быстрее уехать отсюда, пока жив. Хотя меня оставляли ночевать, я настоял на отъезде и на извозчике уехал в Ковель, всю дорогу держа пистолет в готовности за пазухой...» [59, стр. 25].

Командир 15-го стрелкового корпуса полковник Федюнинский прибыл в Ковель в апреле 1941 г. Обстановку в городе он описывает так:

«...Женам командиров в Ковеле, Львове и Луцке чуть ли не открыто говорили: «Подождите! Вот скоро начнется война — немцы вам покажут...»

Война началась на рассвете 22 июня. Первыми выстрелами войны, которые услышал полковник Федюнинский, стали выстрелы украинских националистов:

«...Отдавая частям необходимые распоряжения, я услышал несколько пистолетных выстрелов, гулко разнесшихся по тихим ночным улицам. Немного позже дежурный по штабу доложил, что машина, которую он выслал за мной, при возвращении в штаб была обстреляна, шофер ранен... Точно такая же история произошла и с начальником штаба генерал-майором Рогозным. Он, как и я, после звонка дежурного отправился в штаб пешком, а высланную за ним машину тоже обстреляли.

...В Ковеле, где пока оставался штаб корпуса, было беспокойно. Усилились провокационные вылазки бандеровцев. То в одном, то в другом районе города вспыхивала стрельба... К вечеру 28 июня стрельба, не стихавшая в самом городе в последние дни, усилилась. Мне доложили, что бандеровцы взорвали мост через Турью, отрезав нам отход...»

Пожар мятежа разгорался по всей Западной Украине. Да и не только в Западной. Так, в описании боевых действий 32-й танковой дивизии (4-й МК) читаем: «К вечеру 6.7.41 дивизия подошла к Староконстантинову, но в город войти не удалось, так как в городе паника и беспорядки». Староконстантинов находится в Проскуровской (ныне Хмельницкая) области. Это «старая советская» часть Украины. И даже там «беспорядки» оказались такой силы, что командир танковой (!!!) дивизии не рискнул войти в город. При этом в самом областном центре, как докладывал начальник

Управления политпропаганды Юго-Западного фронта Михайлов, *«после панического отъезда из города районных и областных руководителей была взорвана электростанция и разрушен водопровод. Отошедшие в Проскуров наши части остались без света и воды...»* [68].

Главные события разворачивались во Львове — историческом центре Галиции. Бои в городе начались в первые же дни войны. Вот как описывает события 24 июня комиссар 8-го мехкорпуса Н.К Попель:

«...Мотоциклетному полку пришлось выполнять несвойственную ему задачу — вести бои на чердаках. Именно там были оборудованы наблюдательные и командные пункты вражеских диверсионных групп (так, подчиняясь внутренней самоцензуре, Попель называет бандеровцев), их огневые точки и склады боеприпасов. Противник контролировал каждое наше движение, мы же его не видели, и добраться до него было нелегко. Схватки носили ожесточенный характер... Понять, где наши, где враги, никак нельзя — форма на всех одинаковая, красноармейская. Нелегко было навести порядок и на центральной магистрали Львова...» [105].

Не чем иным, кроме как широкомасштабным вооруженным мятежом, нельзя назвать ситуацию, сложившуюся в первые дни войны в Прибалтике.

Латышская военизированная организация «Айзсарг» (созданная еще в 1919 г.) к 1941 г. насчитывала в своих рядах до 40 тыс. человек. В Литве 17 ноября 1940 г. был учрежден подпольный «Фронт литовских активистов», боевые группы которого к весне 1941 г. насчитывали 35 тыс. человек. В докладе от 21 мая 1941 г. немецкая военная разведка с чувством глубокого удовлетворения констатировала:

«...Восстания в странах Прибалтики подготовлены, и на них можно надежно положиться. Подпольное повстанческое движение в своем развитии прогрессирует настолько, что доставляет известные трудности удержать его участников от преждевременных акций...» [155].

Тщательно изготовленная совместными усилиями сталинцев и гитлеровцев «мина замедленного действия» взорвалась 22 июня 1941 г. Раньше, чем в Каунас вошли передовые части вермахта, контроль над городом установила некая «литовская комендатура» во главе с полковником бывшей литовской армии Бобялисом. 23 июня в Каунасе было сформировано «Временное правительство», 27 июня объявлено о восстановлении органов власти и законодательства независимой Литвы [26, стр. 130]. Один из очевидцев событий свидетельствует:

«...Советские руководители Литвы поспешили удрать на машинах первыми, а за ними потянулись милицейские органы, тем самым развязав руки контрреволюционным бандам в Литве... Каунас и вся Литва вообще в течение нескольких дней находились без гражданских властей. 23 и 24 июня контрреволюция организовала боевые дружины, привлекая даже гимназистов 5-го класса...» [155, стр. 386].

Убежать куда-либо из Риги (столицы Латвии) сложнее — город стоит на берегу морского залива. Возможно, поэтому в городе разгорелись настоящие уличные бои. В документе под названием «Краткое описание боевых действий 5-го мотострелкового полка войск НКВД» обстановка в городе описана следующим образом:

«...Враждебные элементы наводили панику в тылу армии, деморализовали работу штабов, правительственных и советских учреждений... Враги установили на колокольнях церквей, башнях, чердаках и в окнах домов пулеметы, автоматы и вели обстрел улиц, зданий штаба Северо-Западного фронта, ЦК Компартии Латвии, телеграфа, вокзала...»

В ночь на 24 июня группа мятежников ворвалась в дом, где проживали работники ЦК Компартии Латвии. О масштабе этого ночного боя в столице можно судить по тому, что *«в ходе боя 128 человек нападавших было убито, 457 взято в плен»* [155, стр. 404]. 28 июня (войска немецкой Группы армий «Север» заняли Ригу только 30 июня) мятежники захватили радиостанцию Риги и объявили о создании «Временного правительства Латвии»... [26, стр. 207].

Таким оказался конечный результат «мудрой внутренней и неизменно миролюбивой внешней» политики советского государства. **Аннексированные в 1939—1940 гг. территории Восточной Польши, Литвы, Латвии, Бессарабии превратились для Красной Армии в ловушку.** В ловушку попали не только части действующей армии, в этом смертельном капкане оказались и семьи командного состава Красной Армии.

Семьи командного состава. Это еще одна окровавленная — и тщательно забытая — страница истории начала войны. Среди хаоса и неразберихи первых дней семьи комсостава оказались в городах и поселках, охваченных «беспорядками» такой силы, что даже танковые дивизии (вспомним 4-й и 8-й мехкорпуса) с трудом могли вырваться оттуда. Эта трагедия была

совершенно беспрецедентной — ни в одной стране, вступившей в войну против гитлеровской Германии, ничего подобного не было. Ни во Франции, ни в Бельгии, ни в Польше, ни в Норвегии в армейских командиров и их малолетних детей не стреляли изо всех чердаков и подворотен. Почему стреляли в оперативном тылу Красной Армии, понятно: в Прибалтике и на Западной Украине война началась скорее как «малая гражданская», нежели «великая отечественная», и обе стороны в такой войне действовали за гранью милосердия. Вопрос в другом: каким образом семьи комсостава оказались на «освобожденных» в 1939—1940 гг. территориях?

За редчайшими исключениями жены (и уж тем более дети) командиров Красной Армии не были уроженцами западных «присоединенных» земель. Они туда приехали вместе со своими мужьями-военнослужащими. Практически у всех на востоке остались родители, братья, сестры. Организованная, своевременная эвакуация семей комсостава из зоны будущих боевых действий была вполне возможна. Более того, прецедент такого «разъединения» семей был. 22 декабря 1940 г. нарком обороны СССР издал приказ № 0362, в соответствии с которым переводились на казарменное положение *«летчики, штурманы и авиатехники, независимо от имеющихся у них военных званий, находящиеся в рядах Красной Армии менее 4 лет»*. Пункт 7 приказа гласил:

«...Семьи лётно-технического состава, переводимого на казарменное положение, к 1 февраля 1941 г. вывести с территории военных городков. Выселяемые семьи отправить на родину или переселить на местные

городские и поселковые жилфонды вне расположения авиачасти...» [17, стр. 202].

На проезд семьи по железной дороге выдавались бесплатные проездные документы и «пособие на устройство в новом месте» в размере от 2000 до 3500 руб. (в зависимости от состава семьи). Деньги немалые, учитывая, что средняя зарплата рабочего промышленности составляла в то время 350—400 руб.

Примечательно, что в преамбуле приказа было сказано:

«...В современной международной обстановке, чреватой всякими неожиданностями, переход от мирной обстановки к военной — это только один шаг. Наша авиация, которая первая примет бой с противником, должна поэтому находиться в состоянии постоянной мобилизационной готовности... Задача создания обученных и вполне подготовленных к бою летчиков несовместима с современным положением, когда летчик переобременен семейными заботами... Нигде в мире не существует таких порядков, чтобы летчики жили по квартирам с семьями и чтобы авиационные части представляли из себя полугражданские поселки. Терпеть такое положение далее — это значит ставить под удар дело боевого воспитания наших летчиков, дело укрепления нашей авиации, оборону нашей страны...» [17, стр. 201].

Золотые слова. Но если в декабре 1940 г. обстановка оценивалась как «чреватая всякими неожиданностями», и поэтому даже в далекой Сибири или Казахстане летчиков переводили из-под семейного крова в казарму, а семью за государственный счет «отправляли на родину», то что же мешало принять

аналогичные меры применительно ко всем семьям комсостава, находившимся в западных округах в тот момент, когда немецкие войска уже снимали проволочные заграждения вдоль границы?

Рациональный ответ на этот вопрос найти не удастся. Разумеется, добровольные адвокаты Сталина и в этом случае скажут, что заблаговременная эвакуация семей комсостава не была проведена, дабы «не дать Гитлеру повода к нападению». Спорить на эту тему бессмысленно да и, честно говоря, надоело. В мае — июне 1941 г. десятки тысяч вагонов с людьми, танками, орудиями, боеприпасами мчались на запад, срывая графики движения по всем железным дорогам Советского Союза. Какие еще «поводы» нужны были Гитлеру? Масштаб начавшегося стратегического развертывания Красной Армии был настолько велик, что Сталин уже и не пытался его отрицать. Вместо этого 13 июня 1941 г. в знаменитом «Сообщении ТАСС» была сделана весьма неуклюжая, на дурачка рассчитанная, попытка дать успокоительное для Гитлера объяснение происходящего:

«...проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата...»

В такой обстановке отъезд на восток нескольких тысяч женщин и детей ничего бы не добавил и не убавил.

Скорее всего, здесь проявились самовлюбленная заносчивость кремлевских правителей (воевать они планировали на чужой земле, под гром оркестров) и обычное для сталинского режима безразличие к судьбам и чувствам людей. Мало того, что власть сама не

организовала эвакуацию семей, она еще и активно препятствовала проявлению личной (или коллективной) инициативы в этом вопросе. Бывший начальник Управления НКГБ г. Белостока товарищ Бельченко в своих воспоминаниях пишет: *«На бюро обкома партии мы рассматривали решения некоторых приграничных райкомов партии об исключении из ВКП(б) тех, кто начал отправлять свои семьи в наши тыловые объекты»* [62].

Надо ли напоминать о том, что означало для командира Красной Армии исключение из партии? И не только в Белостоке принимались такие безумные решения. Открываем книгу генерала Сандалова (в начале войны — начальника штаба 4-й армии Западного фронта) и читаем:

«...19 июня 1941 г. состоялся расширенный пленум Брестского областного комитета партии... На пленуме первый секретарь обкома тов. Тупицын обратил внимание на напряженность международной обстановки и возросшую угрозу войны. Он призывал к повышению бдительности... На вопросы участников пленума, можно ли отправить семьи из Бреста на восток, секретарь обкома ответил, что этого не следует делать, чтобы не вызвать нежелательных настроений...» [79].

Впрочем, уже через несколько дней партийное начальство во всем винило начальство армейское. Секретарь ЦК КП(б) Латвии Я. Калберзин докладывал в Москву, что *«благодаря недопустимому и непонятному поведению штаба Прибалтийского Особого военного округа семьи партийных и советских работников были эвакуированы в самый последний момент, когда уже выступила «пятая колонна» и на улицах шла ружейная и пулеметная стрельба»* [112].

Вот так и получилось, что утром 22 июня 1941 г. многие тысячи командиров Красной Армии оказались перед нечеловеческим выбором: выбором между долгом мужчины, обязанного защищать свою женщину и своих детей, и долгом военачальника, отвечающего за боеспособность вверенной ему части. Бог им всем судия, но вышло так, что практически повсеместно командиры Красной Армии бросили своих солдат и занялись спасением жен и детей. Не нам судить их, но как не понять людей, чьи семьи оказались под угрозой почти неминуемой гибели — если не от немецкой бомбы, то от пули местных националистов.

В это окаянное время, при отсутствии общего и ясного порядка эвакуации, каждый командир, каждый партийный функционер действовал в меру своей совести и своих возможностей. Кто-то ограничился тем, что «съездил проверить тылы», посадил жену с ребенком в уходящий на восток товарный поезд и вернулся в свою воинскую часть. Кто-то грузил в машину, предназначенную для перевозки боеприпасов, домашнее барахло и фикус с горшком. Председатель Витебского горсовета Азаренко, как отмечено в докладе военного прокурора, *«загрузил в приготовленный им грузовик бочку пива, чтобы пьянствовать в дороге, как он обыкновенно это делает в городе у себя на службе...»* [68].

«История отпустила нам мало времени...» Организовать эвакуацию семей комсостава не успели. Зато успели, несмотря на хаос и панику, пресловутое «отсутствие боеприпасов и горючего», провести то, что в служебных отчетах НКВД скромно называлось «эвакуация тюрем».

12 июля 1941 г. начальник тюремного управления НКВД Украины капитан госбезопасности А.Ф. Филиппов докладывал в Москву: (ГАРФ ф. 9413, оп. 1, д. 23, л.л. 147-153):

«...из тюрем Львовской области убыло по 1-й категории 2464 человека... Все убывшие по 1-й категории заключенные погребены в ямах, вырытых в подвалах тюрем, в городе Злочеве — в саду... Все документы и архивы в тюрьмах сожжены, за исключением журналов по учету заключенных, картотек и учета ценностей. Все эти документы прибыли в г. Киев...

Во время эвакуации в двух тюрьмах г. Самбор и Стрый убыло по 1-й категории 1101 человек... 27 июня при эвакуации тюрьмы г. Самбор — осталось 80 не зарытых трупов...

Из 3 тюрем Станиславской области по 1-й категории убыло 1000 человек. По заявлению нач. тюрьмы г. Станислава Гриценко, погребение произведено за пределами тюрьмы в вырытой для этой цели яме. Часть 1-й категории погребено на территории тюрьмы в яме...

В тюрьме г. Тарнополь убыло по 1-й категории 560 чел. Погребение произведено в вырытых специально для этой цели ямах, однако часть (197 чел.) погребены в подвале НКГБ, мелко очень зарыты...

В тюрьме г. Бережаны убыло по 1-й категории 174 чел. ... Из общего количества убывших по 1-й категории осталось в подвале тюрьмы 20 человек, которых не успели вывезти, так как нач. райотдела НКГБ Максимов категорически отказал в предоставлении машин для вывоза трупов...

Из тюрьмы г. Дубно по 1-й категории убыло 230 человек...» [198, 199].

В докладе были вскрыты и отдельные упущения в работе, правда, вся вина за них была возложена на «смежников», т.е. на местные органы НКГБ (тюремное же ведомство входило в состав НКВД):

«...Местные органы НКГБ проведение операций по 1-й категории в большинстве возлагали на работников тюрем, оставаясь сами в стороне, а поскольку это происходило в момент отступления под огнем противника, то не везде работники тюрем смогли более тщательно закопать трупы и замаскировать внешне...»

Закапывали действительно очень небрежно. Жуткий смрад разлагающихся на 30-градусной жаре трупов висел надо Львовом. В районе тюрьмы работать без противогазов было и вовсе невозможно. Ведомство Геббельса выпустило позднее целую книгу писем немецких солдат, в которых они рассказывали о прибитых гвоздями к стенам изуродованных, четвертованных телах, обнаруженных внутри Львовской тюрьмы. Затем советская пропаганда пять десятилетий подряд яростно отрицала сам факт массового убийства заключенных...

В западных областях Белоруссии провести столь массовую резню не успели — вермахт наступал там слишком быстро. Но к востоку от Минска НКВД продолжал работать. В докладе военного прокурора Витебска читаем:

«...Сержант госбезопасности, член ВКП(б) Приемышев 24 июня вывел из Глубекской тюрьмы в г. Витебск 916 осужденных и следственно-заключенных (оцените количество узников в тюрьме захолустного

уездного городка. — М.С.). По дороге этот Приемышев в разное время в два приема перестрелял 55 человек, а в местечке около Умы, во время налета самолета противника, он дал распоряжение конвою, которого было 67 человек, перестрелять остальных, и было убито еще 65 человек... По его заявлению всего было перестреляно 714 заключенных. Нами по личным делам установлено, что среди этих заключенных более 500 человек являлись подследственными (т.е. вина этих людей даже по советским законам не была еще доказана. — М.С.)» [68].

Разумеется, гитлеровская пропаганда оценила и максимально использовала в своих целях щедрый «подарок», который вручили немецким оккупантам славные чекисты. Окровавленные останки раскладывали на площадях, сгоняли людей, которые опознавали изуродованные тела своих родных и близких. Затем населению «объясняли», что во всем виноваты «жидовские комиссары», и в обстановке массовой истерии подстрекаемая провокаторами толпа начинала еврейский погром. Так, у разрытых могил одна кровавая диктатура передавала «эстафетную палочку» чудовищных преступлений другой...

КАТАСТРОФА

Катастрофа. Это слово многократно появлялось на страницах нашего повествования для обозначения того, что произошло с Красной Армией летом 1941 г. Но в истории Второй мировой войны у этого слова есть еще одно значение. Катастрофа или Холокост (всесожжение по-древнегречески) — этими терминами принято называть гибель большей части еврейского населения

Европы в результате организованного гитлеровской Германией геноцида. По меньшей мере две причины делают главу о Холокосте необходимой частью этой книги. Во-первых, именно разгром и беспорядочное отступление Красной Армии в первые недели войны обрекли на гибель почти 3 миллиона евреев — половину всех жертв Катастрофы. Во-вторых, в истории Холокоста на советской земле исключительно ярко проявились те характерные черты взаимоотношений народа и власти, официозной пропаганды и реального состояния общественного сознания и морали, без учета которых невозможно понять причины беспримерной военной катастрофы, постигшей Советский Союз и его армию.

Для начала — немного сухих цифр и общеизвестных фактов.

На протяжении нескольких столетий на территории стран Восточной Европы — Польши, Литвы, Венгрии, Румынии, России — проживала большая часть всего еврейского народа. К моменту начала Второй мировой войны в западных областях Советского Союза, позднее оккупированных немецкими и румынскими войсками, проживало 2,15 млн евреев. В дальнейшем каждый новый шаг «активной внешней политики СССР» переводил в разряд граждан Советского Союза все новые и новые сотни тысяч евреев: 250 тысяч в Литве, 80 тысяч в Латвии, 300 тысяч в Бессарабии. Самый большой «улов» состоялся в сентябре 1939 г., когда в состав советских Украины и Белоруссии были включены обширные районы Восточной Польши, на которых проживало 1300 тыс. евреев. Таким образом, к 22 июня 1941 года на территории, которой предстояло стать

оккупированной, было сосредоточено **более 4 млн евреев**. Кроме того, в приграничных районах находилось порядка 200—250 тыс. еврейских беженцев из западных областей Польши, Чехословакии, Румынии [159].

Позднее, уже после войны, коммунистические историки проделали нехитрый арифметический трюк и перестали считать советскими гражданами уроженцев Польши, Прибалтики, Румынии. Таким образом им удалось более чем в два раза снизить число жертв Холокоста на советской земле, «переписав» погибших в разряд жертв геноцида в Польше, Румынии и т.д. Эта постыдная шулерская игра не только противоречит всем юридическим нормам (на момент оккупации будущие жертвы были подданными СССР), но и совершенно не стыкуется с многолетними разглагольствованиями советской пропаганды о том, что «освободительные походы» имели своей целью как раз «защиту населения Польши и Прибалтики от ужасов фашистской оккупации».

Судя по тому, как развивались события лета 1941 г., тогдашним руководителям — как и позднейшим пропагандистам — была абсолютна чужда мысль о том, что государство несет какую-то ответственность за жизнь своих подданных. По сей день не обнаружено ни одного документа, ни одного свидетельства того, что советское правительство хотя бы искало пути спасения тех своих граждан, которых в условиях оккупации ждала не тяжелая, безрадостная, голодная ЖИЗНЬ, а жестокая и неминуемая СМЕРТЬ.

Директива Ставки № 45 от 2 июля 1941 г. «О порядке эвакуации населения и материальных ценностей» содержит множество пунктов и подпунктов. В

пункте 9 предписано *«больных лошадей не эвакуировать, уничтожать на месте»*. Далее, после больных лошадей, в пункте 13 сказано: *«Семьи военных и руководящих гражданских работников эвакуировать ж.д. транспортом»* [5, стр. 43]. И ни одного слова о том, что же делать с семьями (как правило — многодетными) евреев.

Разумеется, вывезти в считанные дни (Красная Армия отступила из Литвы, большей части Белоруссии, западных областей Украины за первые 7—10 дней войны) два миллиона человек было технически невозможно. Констатация этого бесспорного факта не должна умалять значения того, что **власти не предприняли ни малейших попыток** вывезти хоть кого-то, хотя бы несколько тысяч детей. Более того, в первые, самые критические для судеб еврейского населения приграничных областей дни на «старой границе» (т.е. советско-польской границе 1939 г.) **продолжали действовать погранзаставы, которые задерживали всех, у кого не было специального разрешения на выезд или партбилета!** [159, стр. 268].

Эта абсурдная практика эвакуации населения лишь по «разрешениям на выезд» продолжалась до тех пор, пока волна немецкого наступления не смела сами погранзаставы на «старой границе». Объяснить все это аргументами здравой логики трудно. Люди — это ценнейший «ресурс», оставлять который неприятелю нет никакого резона. Кстати, во время «второго отступления» (летом 1942 г.) эвакуация рассматривалась как патриотическая обязанность советского человека. Скорее всего, в начале войны просто сработал извечный чиновничий инстинкт: «хватать и не пущать». Любая самостоятельная деятельность — тем более такая значимая, как смена места жительства, — без

специальной санкции властей представлялась нарушением всех норм и устоев.

Если спасти хотя бы часть еврейского населения было трудно, а вывезти всех — практически невозможно, то оповестить людей о грозящей им смертельной опасности было достаточно просто. Гораздо проще и дешевле, чем уничтожать больных лошадей. Черная «тарелка» громкоговорителя висела на каждой деревенской улице, не говоря уже про города. Газеты и листовки издавались и сыпались многомиллионными тиражами. Что-что, но наставлять население «на путь истинный» советская власть умела, и необходимая для этого инфраструктура была создана еще задолго до войны. Но ничего сделано не было. Абсолютно ничего. Даже в тех случаях, когда явно описывался акт массового уничтожения евреев, в газетных статьях использовались или общие формулировки («гитлеровцы согнали к противотанковому рву несколько тысяч мирных советских граждан...»), или идеологически выгодные штампы: «передовых рабочих», «комсомольцев», «родителей и жен красноармейцев».

Первая широкомасштабная информационная акция состоялась лишь 24 августа 1941 г. В тот день по Всесоюзному радио транслировался «радиомитинг еврейской общественности». Отчет о митинге поместили и все центральные газеты. Главной задачей мероприятия была активизация еврейских общин Англии и США, что должно было подтолкнуть правящие круги этих стран к оказанию более действенной помощи СССР. Но, независимо от замысла организаторов, эта радиопередача способствовала информированию евреев Советского Союза о нависшей над ними угрозе. К сожалению, информация крайне запоздала. К тому

времени Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, большая часть Левобережной Украины, западные районы Смоленщины были уже оккупированы.

Что же касается официальных заявлений руководства страны, то первое упоминание о зверских расправах с еврейским населением появилось в ноте Наркомата иностранных дел СССР от 6 января 1942 г. В этом документе целый абзац был посвящен трагедии Бабьего Яра и гибели 52 тысяч евреев Киева. Наконец, 19 декабря 1942 г. было опубликовано специальное Заявление НКВД «Осуществление гитлеровскими властями планов уничтожения еврейского населения Европы». Правда, к моменту выхода этого Заявления оповещать было уже некого. В декабре 1942 г. в гетто и концлагерях на оккупированных территориях Советского Союза доживали свои последние дни последние 250 тыс. узников [159]. Примечательно, что Заявление, фактически подводя итог реализации «планов гитлеровских властей», отнюдь не призывало местных жителей, партизанских командиров спасти тех, кого еще можно было спасти...

Таким образом, единственным средством оповещения стала изустная народная молва, а основным транспортным средством беженцев — пара ног. Лошадей уже не было («неоспоримые успехи сталинской коллективизации»), личного автотранспорта еще не было. И тем не менее около 1 млн (по другим данным — до 1,5 млн) евреев смогли обогнать наступающую немецкую армию.

Спаслись главным образом жители РСФСР и восточных областей Украины — у них было больше времени, к тому же многие были вывезены в

организованном порядке как работники эвакуируемых промышленных предприятий. **Порядка 3 млн человек остались на оккупированной территории**, в том числе: 220 тыс. в Литве, 620 тыс. в Западной и 180 тыс. в Восточной Велоруссии, 250 тыс. в Молдавии, 1500 тыс. на Украине [159].

Для уничтожения евреев на территорию СССР было направлено четыре «айнзатцгруппы» СС общей численностью порядка 3 тыс. человек. В том числе — не менее 600 человек технического персонала: водители, механики, радисты, переводчики. Для того чтобы такими силами найти, выявить и уничтожить 3 млн евреев (которые при этом всячески скрывались, подделывали документы, прятались в лесах и болотах), гитлеровцам, наверное, потребовалась бы как раз та тысяча лет, которую надеялся просуществовать Третий рейх. Другими словами, и темпы и сама возможность осуществления «окончательного решения еврейского вопроса» в огромной степени зависели от отношения к этому делу местных жителей.

История Холокоста дает примеры самых разных вариантов развития событий. Так, полностью отказались участвовать в реализации гитлеровских планов геноцида Финляндия, Испания, Болгария — страны, считавшиеся союзниками фашистской Германии. В Италии и Венгрии массовое истребление евреев началось лишь после оккупации этих стран немецкой армией (соответственно в 1943—1944 гг.). Власти и народ Дании спасли практически всю еврейскую общину своей страны, переправив по морю 8 тыс. человек в нейтральную Швецию.

В поверженной Франции накануне войны проживало 350 тыс. евреев. Порядка 100 тыс. человек укрыли местные жители и католические монастыри, еще 40—50 тыс. евреев тайно переправили в Испанию и Швейцарию. Погибло 83 тыс. человек — менее одной четвертой предвоенного еврейского населения Франции. Смогли пережить оккупацию треть еврейских общин Чехии и Сербии. Остался в живых каждый четвертый еврей Бельгии и Нидерландов — факт удивительнейший, если принять во внимание размеры этих стран, плотность населения, отсутствие крупных лесных массивов и полные четыре года немецкой оккупации.

На оккупированных территориях Советского Союза «пропорция уничтожения» повсеместно превышала 90%. Беспрецедентным по темпам, жестокости, степени вовлеченности местного населения стал Холокост в Прибалтике — там было уничтожено до 96% евреев, оставшихся в оккупации. В общей сложности **от рук оккупантов и их местных пособников погибло 2825 тысяч советских евреев** [159, стр. 43, 96, 167, 206].

Большая часть уцелевших приходится не на спасенных местными жителями, а на узников гетто в румынской зоне оккупации (так называемая Транснистрия, т.е. территория Украины между Днестром и Южным Бугом). В начале войны истребление евреев румынскими войсками и жандармерией носило массовый и крайне изуверский характер (так, 23 октября 1941 г. в помещении артиллерийских складов в Одессе было заживо сожжено 19 тыс. человек). Но после разгрома фашистских войск под Сталинградом румынское руководство прекратило массовые убийства, а затем

даже разрешило доставку в гетто продовольственной помощи от международных организаций.

Что же касается зоны немецкой оккупации, то там погибли практически все не успевшие эвакуироваться евреи.

Даже если бы в нашем распоряжении не было никаких других документов и воспоминаний, уже одна только высочайшая «эффективность» и тотальность геноцида, достигнутая на советской земле, неопровержимо свидетельствует о том, что эсэсовские палачи нашли здесь необходимое количество пособников из местного населения. К сожалению, есть и документы, и факты, и чудом выжившие свидетели таких зверств, которые просто не укладываются в человеческое сознание. Именно палачи и изуверы из числа бывших советских граждан внесли в дело «окончательного решения еврейского вопроса» ту страсть, которой были лишены служащие бездушной машины гитлеровского государства.

4 июля 1941 г. латышские националисты в г. Рига согнали в синагогу и заживо сожгли 500 человек, в Каунасе 4000 евреев были забиты ломами или утоплены, 10 июля в западно-белорусском местечке Едвабне (ныне это территория Польши) местные жители после многодневных пыток и издевательств заживо сожгли 1600 евреев. Часто местные «активисты» спешили взяться за такую «работу», от которой на начальном этапе войны отказывались сами немцы. Так, первый массовый расстрел малолетних еврейских детей на Украине был произведен 19 августа под Белой Церковью силами местной полиции. 6 сентября 1941 г. зондеркоманда СС, уничтожив в Радомышле 1100

взрослых евреев, поручила украинской полиции убить 561 ребенка. Садистский «энтузиазм» был столь велик и заразителен, что 24 сентября командующий Группой армий «Юг» фельдмаршал Рундштедт издал приказ, запрещающий военным вермахта «участвовать в эксцессах местного населения...».

Но даже не эти ужасающие события следует рассматривать как главные различия в практике осуществления Холокоста на советской земле и в Западной Европе. Принципиально важно отметить, что **на Западе геноцид евреев скрывали, а на Востоке — настойчиво демонстрировали. Почему?**

Создание и эксплуатация любой фабрики — в том числе и «фабрики смерти» — требует денег. Высоченные трубы крематориев надо было построить, печи — обеспечить топливом, газовые камеры — дорогостоящими химикатами. Доставка с разных концов оккупированной Европы сотен тысяч евреев в Освенцим и Майданек отвлекала от обеспечения нужд фронта паровозы, вагоны, запасы угля. Так, летом 1944 г. немцы вывезли в Освенцим 445 тыс. евреев Венгрии. Это огромная дополнительная нагрузка на железные дороги, и Германия пошла на нее, несмотря на то что военная обстановка в то лето складывалась для вермахта немногим лучше, чем для Красной Армии летом 1941 г.! И, только евреев Советского Союза (за отдельными редкими исключениями) никуда далеко не возили, уничтожали прямо по месту жительства, открыто, на глазах населения и с привлечением всех желающих.

Одним из возможных объяснений этого странного на первый взгляд парадокса можно считать то, что для Западной Европы гитлеровцы так и не смогли придумать

никакого удовлетворяющего общественное мнение объяснения целесообразности геноцида евреев. Тезис о том, что евреи являются «расово-неполноценными недочеловеками», мог только напугать и насторожить француза или венгра («а не объявят ли нас следующими?»).

Ну а старая злоба по поводу того, что «евреи Христа распяли», в цивилизованной Европе XX века уже не работала.

В результате, дабы не вызывать нежелательные для них настроения среди населения Западной Европы, нацисты пошли на огромные, крайне обременительные в условиях большой войны, транспортные расходы.

На Восточном фронте все было совершенно по-другому. «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича». Текст этой знаменитой листовки, в огромных количествах сыпавшейся с неба на колонны отступающих советских войск, в простой, доступной, запоминающейся форме выразил самую суть дела. Не просто «жида» и не просто «политрука», а именно «жида-политрука». Маленькая черточка (вопреки всем правилам арифметики) стала знаком не вычитания, и даже не сложения, а умножения ненависти. Секретарь ЦК Белорусской Компартии товарищ Пономаренко уже на четвертый день войны докладывал Сталину: *«Вся их (немцев. — М.С.) агитация, устная и письменная, идет под флагом борьбы с жидями и коммунистами, что трактуется как синонимы»* [112].

Именно на доказательство тождественности понятий «еврей и комиссар», «евреи и советская власть», «евреи и НКВД» был направлен весь мощнейший пропагандистский аппарат Третьего рейха. В миллионах

листовок, в тысячах газетных публикаций (а на оккупированных территориях издавалось множество газет на русском, украинском и других языках), в бесчисленных устных выступлениях проводилась мысль о том, что именно евреи являются главной действующей силой коммунистического режима, что именно они развязали «красный террор», что именно и только евреи участвовали в наведении «советского нового порядка» на аннексированных территориях Восточной Польши и Прибалтики.

В скобках заметим, что, не говоря уже об абсолютной юридической и моральной неприемлемости тезиса о «коллективной уголовной ответственности» целого народа за преступления, совершенные отдельными лицами, само утверждение о «засилье евреев» в органах советской власти и НКВД к концу 30-х годов не соответствовало реальным фактам. Да, действительно, в годы революции и Гражданской войны (1917—1921) доля евреев в руководстве левых экстремистских организаций (большевиков, эсеров, анархистов) была непропорционально велика. Выжившие в огне Гражданской войны «кадры» перешли затем на руководящие должности в партийном и советском аппарате, в органах ВЧК — ГПУ. После Большого Террора 1937—1938 г. ситуация радикально изменилась.

В 1934 г. в высшем руководстве НКВД (центральный аппарат наркомата и начальники областных и республиканских управлений) евреев было 37% [140, стр. 495]. Из 37 руководителей НКВД, получивших в 1935 г. высшие персональные звания «комиссар госбезопасности», соответственно 1, 2 и 3 рангов, евреев было 20 человек (54%). Но к 1941 г. из этих 37 «чекистских генералов» в живых осталось только двое!

[196, стр. 19, 395]. Новые кадры, пришедшие в количестве 74 человек в центральный аппарат НКВД весной—летом 1938 г. (т.е. еще при Ежове), на 73% (54 человека) состояли уже из лиц славянских национальностей (русские, украинцы, белорусы). Затем большая часть «выдвиженцев Ежова» (85%) была физически уничтожена после прихода поздней осенью 1938 г. нового руководства НКВД во главе с Л. Берия [196, стр. 348, 400]. По состоянию на 1 июля 1939 г. доля евреев в высшем руководстве НКВД снизилась до 4% [140, стр. 495]. К руководству карательной системы пришли новые, весьма молодые (30—35 лет) кадры, на 80% состоящие из лиц славянских национальностей.

Не приходится говорить и об «избытке» евреев в административном аппарате «освобожденных» территорий.

Так, в Белостокской области (Западная Белоруссия) к середине 1940 г. на большие и малые должности в советском и партийном аппарате было назначено 11 598 человек, в том числе 5195 поляков, 3214 белорусов, 2431 еврей, 613 русских (РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 230, л. 69). В Дрогобычской области (Западная Украина) на административные должности назначено 3885 украинцев, 1920 русских, 336 евреев, 245 поляков (РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 3108, л. 38) [197]. Таким образом, в Белостоке доля евреев в административных органах несколько меньше, а в Дрогобыче — значительно меньше их доли в общей численности населения (в городах и местечках Восточной Польши евреи составляли 25—35% населения). Арестовывали же евреев гораздо «охотнее», нежели назначали на «теплые места», — как выше уже было отмечено, с сентября 1939 г. по февраль 1941 г. в западных областях Украины и Белоруссии было

арестовано 23 тысячи евреев, 21 тысяча украинцев, 7,5 тысячи белорусов.

Разумеется, фашистская пропаганда обращалась не к цифрам и фактам, а к застарелым иррациональным антисемитским предрассудкам, соединенным с горячей волной ненависти к коммунистической власти и ее карательному аппарату. Публичное унижение, а затем и зверское истребление евреев должно было, по замыслу гитлеровских оккупантов, разжечь ненависть ко всему, что было связано с советской властью, вовлечь население оккупированных областей в активное сотрудничество с фашистами. И если умчавшееся в комфортабельных автомобилях партийное начальство было далеко и недоступно, то беззащитные многодетные еврейские семьи были рядом, и на них можно было выместить накопившуюся злобу и отчаяние.

То, что абсолютное большинство жертв геноцида не имели ничего общего с карательной системой НКВД, да и внешне совершенно не походили на «жирующее начальство», не смущало ни гитлеровцев, ни их пособников, ни (что самое главное и трагичное) рядовых обывателей. Советское общество было давно и тщательно психологически подготовлено к таким явлениям, как массовый внесудебный террор, наказание без преступления, коллективная ответственность целых групп населения за преступления (часто — вымышленные) отдельных лиц. Разве так называемые «кулаки» были похожи на валяющихся на печи «эксплуататоров»? А много ли так называемых «троцкистов» видели живого Троцкого или хотя бы прочитали какую-нибудь его книгу? Да и зачисление целых народов в разряд «подозрительных элементов» (нашедшее свое выражение в арестах и депортациях

корейцев, китайцев, поляков, латышей, финнов) было для советских людей уже не в диковинку.

Будем справедливы — среди кровавого безумия нашлись люди, способные на высочайший героизм, мужество, самопожертвование. Несмотря на зверский террор оккупантов (расстрел, причем расстрел всей семьи, полагался не только за укрывательство евреев, но и за недонесение!), тысячи людей всех национальностей пришли на помощь обреченным. Израильским мемориально-исследовательским центром «Яд ва-Шем» установлено более 18 тысяч имен людей, спасавших евреев в годы геноцида. **Среди них 5500 поляков, 1609 украинцев, 488 литовцев, 440 белорусов** (следует уточнить, что в данном контексте термины «поляк», «украинец» обозначают скорее место действия, а не конкретную национальность спасителей).

В белорусском местечке Бреслав спасением евреев занималось 60 семей — простые крестьяне, врачи, православные и католические священники. В городе-герое Бресте из 25 тыс. евреев в живых осталось 19 человек. Шестерых из них спасла, спрятав в своем домике, семья Полины Макаренко. Житель Умани, ветеран и инвалид Первой мировой войны Александр Дятлов, спрятал в своем доме 12 евреев. Кто-то из соседей донес немцам. Расстреляли всю семью Дятловых, включая троих детей. Воспитатели детских домов Минска на протяжении трех лет оккупации скрывали от карателей более 500 еврейских детей. 12 детей спасла заведующая детским домом № 2 в Киеве. Капитан вермахта Вилли Шульц вывез на грузовой машине из минского гетто 26 человек. Бургомистр города Кременчуг Синица-Верховский был расстрелян в ноябре 1941 г. за то, что выдавал евреям подложные удостоверения

личности. Крестьяне села Раковец (Западная Украина) укрыли 33 еврейские семьи. В селе Куяльник (Одесская область) колхозник В.М. Иванов спас 25 человек... [159].

Строго говоря, палачи и их активные пособники составляли самое большее 2—3% от общей численности взрослого населения оккупированных районов СССР. Не следует забывать и о том, что нормальные люди были лишены возможности выразить им хотя бы моральное осуждение — каратели были вооружены и опирались на поддержку всей военной машины гитлеровской Германии. Однако было бы неуместным и фальшивым упрощением реальной ситуации утверждать, что позиция большей часть населения была нейтральной. И дело не только в том, что отсутствие простого человеческого сочувствия (тем более — насмешки и глумление со стороны недавних соседей, сослуживцев, учеников) буквально ошеломило евреев, лишило многих из них воли к жизни и сопротивлению. Значительная часть населения, хотя и не участвуя непосредственно в убийствах, спешила занять «освободившуюся жилплощадь», охотно наживалась на грабеже еврейского имущества, на мародерской «торговле», когда за кусок хлеба выменивались фамильные драгоценности. Появились даже люди новой профессии — так называемые «шмальцовники». Так прозвали охотников за евреями, которые, обнаружив скрывающихся, вымогали у них выкуп за недонесение. Затем, отобрав у жертвы все, что возможно («вытопив смалец»), они выдавали евреев оккупационным властям [159, стр. 295].

Яркой иллюстрацией ко всему сказанному может служить такой отрывок из пространного отчета К.Ю.

Мэттэ — одного из руководителей коммунистического подполья в городе Могилеве:

«...В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений (заметьте — не ненависть к палачам, не сострадание к жертвам, а «различные рассуждения». — М.С.). Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически...

...Остальная часть населения, советски настроенная, сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, не сделав ни одной, хотя бы стихийной попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны... Просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места, установили круговую поруку между собой... «И вот теперь евреи тоже ожидают помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают», — говорили они...

...Учитывая настроение населения, невозможно было в агитационной работе открыто и прямо защищать евреев, так как это, безусловно, могло вызвать отрицательное отношение (подчеркнуто мной. — М.С.) к нашим листовкам даже со стороны наших, советски настроенных людей, или людей, близких нам...» [158].

Текст потрясающий. Судя по нему, жители Могилева воспринимают происходящее как войну между евреями и немцами. Меньшинство активно выступает на стороне немцев, основная масса обывателей тихо злорадствует («евреи сами виноваты»). Лучшие люди очень возмущаются «пассивностью евреев», но при этом сами сидят в городе и «массовый уход в партизаны» отнюдь не планируют. Одна только мысль о том, что «русский Иван» должен влезть в эту, **чужую для него (!!!)**, драку вызывает крайнее раздражение у этих замечательных «советски настроенных» людей. Стоит отметить, что оккупационные плакаты, вывешенные в Могилеве весной 1943 г., обещали 5 пачек махорки за одного выданного еврея [159]. Дешево, даже по голодному военному времени дешево. Но, видимо, жители города и не старались *«устроиться на более доходные места»*, многих вполне устраивала махорка...

БОЧКА И ОБРУЧИ

Долгие годы любое обсуждение черт сходства сталинского и гитлеровского режимов было абсолютно запретной темой. Даже в немногих цветных кинофильмах «про войну» нельзя было увидеть фашистский флаг в его реальном, т.е. красном, цвете. Затем, с конца 80-х годов, историков и публицистов как прорвало: вспомнили и перечислили все, вплоть до общей песни, которую в одной стране пели на слова «все выше, и выше, и выше», а в другой — «майн фюрер, майн фюрер, майн фюрер...».

Самое время теперь вспомнить и обсудить два важнейших различия в устройстве этих тоталитарных деспотий.

Гитлер пришел к власти на волне националистического подъема (им же и организованного). «Германия превыше всего» — вот главный лозунг, который в деле восхождения Гитлера к власти выполнил ту роль, которую в нашей стране сыграло гениальное изречение Ленина «грабь награбленное». Грабить своих, единокровных немцев, нацисты категорически не разрешали. Они стремились сплотить свою, немецкую нацию, в то время как большевики только тем и были озабочены, чтобы натравить рабочих на работодателей, солдат — на офицеров, батраков — на крестьян, левых — на правых, правых — на левых...

Немцам не пришлось пережить ни «раскулачивания», ни разоблачения миллионов «вредителей». Весь необходимый для функционирования тоталитарной диктатуры заряд массовой ненависти был направлен не внутрь, а наружу — на внешних врагов Германии. И результат превзошел все ожидания. До самых последних дней войны немецкий солдат готов был проливать кровь ради спасения фатерлянда от «азиатских орд большевиков» и «наемников еврейской плутократии Запада».

На этом фоне идеология и практика большевизма смотрятся редкостным идиотизмом. Признавая неизбежность (более того — желательность) все новых и новых, мировых и европейских войн, Ленин и его приспешники объявили патриотизм опасным и вредным пережитком мелкобуржуазного сознания. Во время Первой мировой войны (которую официальная российская пропаганда именовала тогда «второй Отечественной») они призывали «воткнуть штык в землю» и замирились с солдатами противника. Захватив

власть, большевики даже из названия своей армии изгнали всякие следы чего-либо национального. Армия стала и не «русской», и не «российской», и даже не «советской» (по названию государства). Армия была названа «рабоче-крестьянской», солдат стал «красным армейцем», все враги были названы «белыми»: бело-поляки, белокитайцы, белофинны...

Ленина еще понять можно. Проведя лучшие годы жизни в эмигрантских кофейнях Парижа и Цюриха, в узком кругу сектантов-фанатиков, он оторвался от реалий российской жизни и всерьез поверил в то, что русский мужик пойдет на войну ради «торжества Мировой Революции». Но товарищ Сталин — беспринципный прагматик и холодный реалист — как он мог пойти таким путем? Да, конечно, потом Сталин опомнился, разогнал Коминтерн, достал из запасников светлые образы «царских генералов», а Александр Невский занял в пропаганде место создателя Красной Армии Льва Троцкого... Но все это будет потом. А на войне опаздывать смертельно опасно.

Еще более значимым для темы нашего исследования является другое различие между большевистской и фашистской диктатурами.

К моменту начала советско-германской войны Гитлер выполнил большую часть своих обещаний. Сталин и большевики надули доверившихся им простаков почти во всем.

Гитлер объединил всех немцев в одном государстве, дал каждому рабочему работу и достойную зарплату, создал впечатляющую систему социальной поддержки материнства и детства, многократно расширил территорию рейха, провел немецкую армию под

триумфальной аркой Парижа, не обидел никого из тех представителей старой элиты Германии, кто согласился работать с новой властью. Гитлер не боялся показать немецким рабочим реальные картины жизни сталинского «государства рабочих и крестьян». Выступая с радиообращением к нации 3 октября 1941 г., он мог сказать: *«Наши солдаты пришли на земли, 25 лет бывшие под большевистской властью. Те из солдат, у которых в сердцах или в умах еще жили коммунистические идеи, вернутся домой, в буквальном смысле этого слова, исцеленными... Они прошли по улицам этого «рая». Это — исключительно фабрика по производству оружия против Европы, выстроенная за счет жизненного уровня граждан...»*

Большевики выполнили только одно из множества своих обещаний: обещали вырезать всех «господ» под корень — и вырезали. Причем с большущим перебором. Во всем остальном обман был полный.

Делить экспроприированное у экспроприаторов, проще говоря — награбленное, — они ни с кем не стали. Несмотря на астрономические суммы, изъятые у царской семьи, аристократии, церкви, частного капитала, реальный уровень жизни большей части населения богатейшей страны мира оставался таким же нищенским, каким он был и до революции.

Вместо обещанного равенства появилась новая знать, которая в стране нищих и людоедов летала на самолетах, каталась на лакированных «паккардах», жила в имениях великих князей, отдыхала на императорских пляжах, одним словом — наслаждалась жизнью по стандартам американских миллионеров.

Обещания переселить семьи рабочих из бараков во дворцы закончились тем, что немногие уцелевшие дворцы были превращены в перенаселенные, загаженные коммунальные ночлежки.

Обещания отдать «заводы — рабочим» закончились тем, что бывшие вольнонаемные рабочие были превращены в крепостных, лишенных даже права уволиться с завода, на котором они работали в три смены за жалкие гроши, но получали полновесный лагерный срок за получасовое опоздание.

Помещичьи земли, захваченные крестьянами в 1917 г., у них отобрали. Вместе со всем нажитым трудом и потом имуществом, вместе со свободой, а у многих — и вместе с жизнью. Нищета, в которой прозябал смоленский или новгородский колхозник, потрясла немецких солдат, которые просто не могли поверить, что люди в Европе могут жить так.

За редчайшими исключениями все военные, инженеры, экономисты, дипломаты старой России, которые добровольно пошли на службу к большевикам, до июня 1941 г. не дожили — их расстреляли или «стерли в лагерную пыль».

Так какая же пропаганда могла восполнить такой обман, такой крах надежд и ожиданий миллионов людей?

Вот поэтому товарищ Сталин за тридцать лет своей власти так и не съездил ни в один колхоз, не посетил ни одного заводского цеха и хороводы с ребятишками не водил. Он не искал любви народных масс, да и вряд ли верил в ее существование. Ему нужна была одна только покорность, покорность абсолютная и нерассуждающая, и он добивался ее одним известным и доступным ему способом. Террором. Массовым и чудовищно жестоким

террором. Он был убежден, что всеобщий страх — это и есть тот камень, на котором будет покоиться его незыблемая власть, и «врата ада не смогут одолеть ее...».

Это и была главная ошибка его жизни.

Что и говорить — страх наказания является мощным инструментом воздействия на поведение человека. Отрицать это бессмысленно. Но **еще более абсурдными были надежды товарища Сталина на то, что задавленный террором народ можно поднять на Великую Отечественную войну.** Многие годы безраздельно и бесконтрольно управляя Россией, Сталин так и не понял смысл мудрой русской поговорки: «Клин клином выбивают». Сильнейший удар, нанесенный вермахтом, разрушил старый страх новым страхом, а револьвер чекиста потускнел и затерялся среди грохота тысяч орудий, среди лязга гусениц тысяч танков. И тогда сталинская империя, скрепленная террором и террором управляемая, стала стремительно и неудержимо разваливаться.

Как бочка, с которой сбили обручи.

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА?

Спасение пришло оттуда, откуда Сталин и ожидать-то его не мог. Это чудесное избавление от неминуемой гибели так потрясло вождя народа, что он не смог сдержаться и заявил об этом во всеуслышание. Правда, потом быстро опомнился и больше ТАКОГО вслух не говорил. Но в ноябре 1941 г., выступая с докладом на торжественном собрании, посвященном очередной

годовщине большевистского переворота, Сталин вдруг сказал правду: *«Глупая политика Гитлера превратила народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии»* [172]. В этих словах коротко и точно сформулирована главная причина того, почему драка за передел разбойничьей добычи между двумя кровавыми диктатурами превратилась в конце концов в Великую Отечественную войну советского народа.

Гитлер совершил длинную череду вопиющих глупостей в то время, когда победа над сталинской империей буквально валилась ему в руки. Первейшей ошибкой была сама стратегическая установка на сугубо военный разгром противника. Полторы сотни немецких дивизий не могли оккупировать страну, раскинувшуюся от Вреста до Владивостока и от Мурманска до Ашхабада. Если Советский Союз и мог быть разрушен, то только взрывом изнутри (что и произошло в реальности ровно через полвека), и единственным смыслом военной операции могло быть лишь инициирование такого взрыва. Но Гитлер, этот самовлюбленный изувер, возомнивший себя орудием «провидения», не смог (или не захотел) понять столь очевидные истины. И тем не менее, независимо от изначальных планов гитлеровского руководства, процесс внутреннего разложения советского государства пошел со всевозрастающим темпом.

В национальных окраинах СССР (Прибалтика, Западная Украина, позднее — Северный Кавказ и Кубань) началось полномасштабное вооруженное восстание, приведшее к появлению во Львове, Риге и Каунасе правительств самопровозглашенных «государств». Большая часть населения центральных областей страны встречала немцев хотя и без цветов, но со смешанным

чувством недоверия и ожидания. Уже к началу осени в плену у немцев было полтора миллиона бывших военнослужащих Красной Армии, в течение сентября—октября 1941 г. это число увеличилось более чем в два раза. Фактически это был огромный «призывной контингент», с командными кадрами, с военными специалистами всех видов и с циклопическими горами боеприпасов и оружия — от винтовок до танков КВ включительно, — которое ведь не испарилось бесследно, а осталось в гигантском количестве на контролируемой вермахтом территории.

Генералы вермахта, которые видели ситуацию в Красной Армии и в лагерях для военнопленных с близкого расстояния, неоднократно обращались к Гитлеру с предложением использовать уникальную ситуацию с целью скорейшего вывода СССР из войны. Совершенно реальной представлялась возможность повторить опыт 1917— 1918 гг., когда Германия, поддержав смену власти в России, заключила с новым правительством сепаратный Брестский мир и обеспечила себе таким образом свободу рук для наступления на Западном фронте. Формула Тараса Бульбы («я тебя породил, я тебя и убью») вполне могла быть применена немцами к большевистскому режиму в России.

На развалинах Советского Союза могло быть создано несколько союзных гитлеровской Германии «независимых государств» (вроде Словакии или Хорватии), которые бы обеспечивали вермахт продовольствием, сырьем для военной промышленности, вспомогательными воинскими формированиями. Однако Гитлер, в больном мозгу которого расистский бред о «неполноценности славян» причудливо мешался со страхом перед восточным гигантом, отвечал, что он не

нуждается в союзе со славянскими «недочеловеками», а от вермахта требуется просто и быстро разгромить Красную Армию. Потом и вовсе перестал отвечать. Когда командующий Группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Вок отправил в Берлин проект создания «освободительной армии» из 200 тысяч добровольцев и формирования русского правительства в Смоленске, то его доклад был возвращен в ноябре 1941 г. с резолюцией Кейтеля: *«Такие идеи не могут обсуждаться с фюрером»*.

Для самых предвзятых и невнимательных читателей поясню: вышеизложенное — это не рассказ о том, «как хорошо могло бы быть». Это грустные мысли о том, что все могло быть еще хуже, чем было в реальности, хотя, казалось бы, куда уж хуже? В огне мировой войны не было брода, и поражение Сталина означало бы лишь колоссальное усиление позиций Гитлера, в руках которого могли оказаться гигантские сырьевые ресурсы богатейшей страны мира, да еще и миллионы послушных, ко всему привычных, работников. Режим, который мог бы быть установлен на «освобожденной» от власти НКВД/ВКП(б) территории, скорее всего, отличался бы от сталинского лишь цветом знамен и надписями на дверях начальственных кабинетов. Впрочем, не исключено, что и фамилии хозяев многих кабинетов могли остаться прежними...

К счастью для человечества, Гитлер упустил уникальный шанс, который предоставило ему многолетнее большевистское хозяйничанье в России. Он даже не попытался «подсластить пилюлю» и представить свою агрессию против СССР как «освободительный поход». Пленных красноармейцев, от которых отказалось советское государство, сгоняли как скот на огромные,

опутанные колючей проволокой поляны и морили там голодом и дизентерией. Лучше всех агитаторов ГлавПУРа, вместе взятых, фашистские лидеры показали и доказали бойцам Красной Армии, что и плен не является спасением от смерти. Начатое в свое время по инициативе армейского командования освобождение пленных красноармейцев ряда национальностей было 13 ноября 1941 г. прекращено. А затем пришла ранняя и лютая зима, в которую от холода, голода и болезней погибло две трети пленных 1941 г.

С такой же категоричной ясностью оккупационная администрация продемонстрировала ошеломленному населению, что формулу «Немцы — культурная нация» пора забыть, а привыкать надо к «новому порядку», который оказался даже проще старого — расстрел на месте за любую провинность. С вызывающей откровенностью народу объясняли, что обслуживание представителей «высшей расы» отныне станет единственным смыслом жизни для тех, кому разрешат жить. Разрешали не всем. Кошмарные сцены геноцида евреев, массовая гибель военнопленных, расстрелы заложников, публичные казни — все это потрясло население оккупированных областей. И даже те, кто летом 1941 г. встретил немецкое вторжение с ожиданием перемен к лучшему, ужаснулись и задумались о том, что под таким «новым порядком» жить нельзя.

Да, конечно, листовки, которые в миллионных количествах сыпались с немецких самолетов, обещали солдатам Красной Армии хорошую кормежку в плену и возвращение домой после окончания войны. Но «беспроволочный телефон» людской молвы работал — и работал с удивительной эффективностью. Так с каждым днем и месяцем все новые и новые миллионы советских

людей начинали осознавать, что война, на которой им приходится воевать и умирать, идет уже не ради освобождения очередных «братьев по классу» в Занзибаре, не ради окончательного торжества «вечно живого учения Карла Маркса», а просто для того, чтобы они, их семьи, их дети могли жить и надеяться на лучшее будущее.

Вот тогда и началась Великая Отечественная война.

Не будем упрощать. Жизнь многомиллионного человеческого сообщества бесконечно сложнее любой схемы.

Предложенная выше формула («империя, скрепленная террором и террором управляемая») хотя и отражает главную доминанту сталинского государства, является предельным публицистическим упрощением реальности. Поэтическая фраза *«как один человек, весь советский народ»* годится только для песни. Советское общество было весьма и весьма неоднородно. Выполнить задачу форсированной индустриальной модернизации одним лишь рытьем каналов (да еще и воровством западной технологии) было невозможно. Эпоха модернизации вызвала к жизни появление многомиллионной «армии» энергичной, честолюбивой молодежи, детей дворников и сторожей, которым революция открыла дорогу на вершину социальной лестницы. Для них — молодых инженеров и стахановцев, летчиков и поэтов — советская власть была «нашей родной советской властью».

Это было удивительное поколение, которое за 10—15 лет проходило путь от деревенской избы под гнилой соломенной крышей, в которой жили его

родители, до лекционного зала столичного университета; от студенческой скамьи до кабинета директора огромного завода. Высокая социальная мобильность, опьяняющее ощущение того, что «время сказок пришло наяву», является, пожалуй, более мощным «социальным галлюциногеном», нежели материальный комфорт как таковой. Сталин понимал это, умело поддерживал «бурю и натиск» советской молодежи, искусно использовал честолюбивых «выдвиженцев» для обеспечения непрерывной ротации кадров на верхних этажах управленческой пирамиды. Вся мощь пропагандистской машины тоталитарного государства была направлена на формирование у советской молодежи образа осязаемого и близкого светозарного будущего, к которому «в нашей стране открыты все пути». Этот, чрезвычайно активный, хотя и относительно малочисленный, социальный слой и стал тем «резервом Главного командования», который в критический момент помог удержать сталинское государство от полного крушения.

Наконец, автор вовсе не предлагает свести всю историю войны к социологии и уж тем более — к описанию психологических эффектов и аффектов. *«Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?! Не войском, нет, не польскою помощью, / Л мнением; да! мнением народным»*, — говорит один из персонажей пушкинского «Бориса Годунова». Красиво сказано, но не стоит забывать о том, что армия держится не только на «мнении народном», но еще на приказе и дисциплине. Роль военачальника огромна, и там, где командиры и комиссары смогли сохранить порядок и управляемость, смогли уберечь своих солдат от заражения всеобщей паникой — там враг получил достойный отпор уже в первых боях. Такие дивизии, полки, батальоны, батареи

нашлись на каждом участке фронта. Десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии начали свою Отечественную войну уже на рассвете 22 июня 1941 г. Оказавшиеся в хаосе всеобщего бегства без соседей, без связи — и без надежды остаться в живых, эти упрямо не сдающиеся батареи и батальоны снова и снова заставляли немцев разворачиваться из походного порядка в боевой, сбивали темп наступления, сбивали спесь врага.

«На миру и смерть красна». Безымянным героям первых дней войны не досталось и этого скромного утешения. Им предстояло погибнуть в неизвестности, так и не узнав, удалось ли им приблизить ценой своей жизни одну общую Победу. Большинству из них не досталось ни орденов, ни славы, ни даже надгробного камня. Но именно они своим жертвенным подвигом спасли страну. Они выиграли то драгоценное время, которое было необходимо для того, чтобы глубинный переворот в отношении народа к войне мог состояться. Не будем забывать и об огромном масштабе материально-технической подготовки Красной Армии, о количестве и качестве советского вооружения. Даже взвод (3 машины) танков КВ мог расстрелять и раздавить механизированную колонну вермахта, даже один гарнизон дота, укрытый несокрушимыми бетонными стенами, мог усыпать весь берег пограничной реки трупами немецких солдат...

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и природно-географический фактор. Его не следует абсолютизировать, но и нелепо отрицать тот факт, что сами огромные пространства России поглощали и растворяли армию захватчиков. Наполеону было легко. Его армия, вытянувшись в нитку, шла колонной на

Москву. Вермахт начал наступление на фронте от Каунаса до Перемышля (порядка 700 км по прямой), а к концу года бои шли уже на фронте от Тихвина до Ростова-на-Дону (1600 км по прямой). Коммуникации немецкой армии непрерывно растягивались. Каждый снаряд и каждый литр бензина должен был преодолеть гигантское расстояние в полторы-две тысячи километров, прежде чем дойти до фронта. Эти линии коммуникаций надо было охранять, обеспечивать противовоздушной обороной, гарнизонами. А с наступлением осени грунтовые дороги центра России и вовсе превратились в сплошное море непреодолимой для техники вермахта грязи.

Упустив вполне реальную возможность для ликвидации Восточного фронта политическим путем, Гитлер не удосужился и тем, чтобы максимально использовать весь наличный военный потенциал для достижения победы на поле боя. Десятки дивизий вермахта, сотни тысяч военнослужащих, миллионы резервистов в глубоком тылу готовились к «операциям периода после «Барбароссы» в то время, когда войска Восточного фронта таяли в ожесточенных боях. Даже те относительно умеренные потери, которые летом 41-го года несли немецкие войска, не возмещались в полном объеме пополнением техники и личного состава. Немцы не дошли до Москвы. Обескровленные многомесячными боями дивизии вермахта на последнем издыхании доползли до нее. Там, в белоснежных полях под Москвой, замерзающие остатки Восточной армии были разгромлены десятками свежих дивизий Красной Армии, переброшенными из Сибири и Дальнего Востока.

Наше повествование подошло к завершению. Осталось только ответить на тот вопрос, что вынесен в название последней главы. Разумеется, не может быть и речи об установлении какой-то точной даты «Великого Перелома».

Нет таких «выключателей», которые в одно мгновение способны произвести глубинный переворот в сознании огромного многонационального народа. И тем не менее некоторые, вполне рациональные критерии и обоснованные временные рамки указать можно и нужно.

Откроем еще раз статистический сборник «Гриф секретности снят». На этот раз — на странице 152. Там приведена таблица безвозвратных (убитые и пропавшие без вести) и санитарных (раненые и больные) потерь личного состава действующей армии с разбивкой по кварталам каждого года войны.

Печальный опыт великого множества военных конфликтов XX века показывает, что есть некое, весьма стабильное, соотношение числа убитых и раненых в боевых действиях — 1 к 3. На одного убитого приходится трое раненых. К слову говоря, именно в таких пропорциях сложились и потери вермахта в 1941 г. Возможно, эти цифры отражают некое фундаментальное соотношение между «прочностью» человеческого организма и поражающим воздействием оружия первой половины XX века. Как бы то ни было, в ситуации «нормальной войны» (простите за такое циничное выражение) доля санитарных потерь должна составлять 75% от общего числа потерь. Точнее говоря, она должна быть даже больше 75%, так как кроме раненых есть еще и заболевшие, и их бывает не так уж мало среди людей, живущих месяцами в залитых грязью окопах.

А что же показывает нам таблица № 72?

В третьем квартале 1941 г. (т.е. за первые три месяца войны) доля санитарных потерь составила всего 24,66% от всех потерь. Другими словами, соотношение безвозвратных и санитарных потерь оказалось не 1 к 3, а 3 к 1. Это очень мрачное «чудо». За ним стоит огромное количество пленным и дезертиров (которые и составили основную часть безвозвратных потерь Красной Армии летом 1941 г.), за ним стоит трагедия брошенных на растерзание врагу раненых, которых не вывезли в тыл и, следовательно, не учли в графе «санитарные потери».

В четвертом квартале 1941 г. доля санитарных потерь увеличилась почти в два раза — **40,77%**. Такие пропорции еще очень и очень далеки до ситуации в нормальной, воюющей армии, но тем не менее перемены очевидны.

В первом квартале 1942 г. — уже **65,44%**. Это почти «норма».

Во втором и третьем квартале — соответственно **47,48%** и **52,79%**. Немцы перезимовали, восстановили силы и снова погнали многотысячные колонны пленным из «котлов» у Керчи и Харькова. Но, заметим, чудовищная ситуация лета 1941 г. более уже не повторилась!

К концу 1942 г. доля санитарных потерь возрастает почти до «нормальной» величины в **67,25%**. Далее, вплоть до победного мая 1945 г. идут такие цифры: **79, 75, 76, 77, 79, 78...** Наличие принципиального, качественного изменения структуры потерь не вызывает ни малейшего сомнения. Переход от 3 к 1 до 1 к 3 не может быть объяснен погрешностями статистических измерений. Налицо **качественное изменение**

состояния армии, произошедшее на рубеже 42—43-го годов. Армия перестала «разбредаться», вследствие чего доля пленных и дезертиров снизилась до единиц процентов от общих потерь.

Я прошу прощения у всех, кого невольно обидел этой циничной арифметикой людского горя. Поверьте, я понимаю всю кощунственность «игры в проценты», когда за этими процентами — миллионы убитых и изувеченных людей. Но что делать — работа военного историка немногим привлекательнее работы патологоанатома. Поверьте, историк и патологоанатом делают то, что они делают, не из-за нездорового пристрастия к трупному смраду, а для того, чтобы установить окончательный, всегда запоздалый, но максимально точный диагноз.

Не меньшее «диагностическое значение» имеет и динамика развития партизанского движения на оккупированных территориях Советского Союза. К сожалению, здесь нам не удастся назвать точные цифры — сама специфика партизанской войны исключает возможность ведения точного персонального учета «личного состава», да и тема партизанской войны по сей день остается огромным «темным пятном» в отечественной историографии. Тем не менее даже из немногих доступных источников [144, 151, 156, 161] вырисовывается картина радикального изменения ситуации на оккупированных территориях, произошедшего в 1942—1943 гг.

«...Большинство партизанских отрядов (созданных в Белоруссии к сентябрю 1941 г. — М.С.) полностью формировались из сотрудников НКВД и милиции, без привлечения местных жителей, связь с партийно-советским активом не была установлена... В

дальнейшем, в процессе создания обкомами партии партизанских отрядов из числа местного партийно-советского актива, их руководящее ядро по-прежнему составляли оперативные сотрудники НКВД... В конце 1941 г. и в начале 1942 г. продолжалось создание и заброска (т.е. созданные на советской территории диверсионные группы переправлялись через линию фронта. — М.С.) партизанских формирований... Основой для формирования партизанских отрядов по-прежнему являлись оперативные работники НКВД и милиции, агентура органов госбезопасности...

*...Общая картина такова. На февраль 1942 г. органы НКВД совместно с партийными органами подготовили и перебросили в тыл врага 1798 партизанских отрядов и 1533 диверсионные группы общей численностью 77 939 человек. Если исходить из того, что в 1941 г. общее число партизан на оккупированной территории составило около 90 тыс. человек, а число партизанских отрядов — 2 тысячи, то получается, что **90% было подготовлено органами НКВД. Они же и руководили ими**» [151, стр. 71, 76, 82, 83].*

Итак, на начальном этапе войны (до весны 1942 г.) отряды «народных мстителей» состояли вовсе не из подростков и стариков с охотничьими ружьями — как это было принято изображать во всей советской мифологии, — а из «оперативных сотрудников» карательных органов. Число партизан из числа местных жителей-добровольцев не превышало 10—15 тыс. человек, т.е. было в десятки раз (!!!) меньше численности «полицаев» и «хиви».

Таким было начало партизанской войны. В дальнейшем ситуация значительно изменилась. Причем в прямо противоположном от ожидаемого направлении:

«...УНКВД по Ленинградской области направило в тыл противника 287 отрядов общей численностью 11 733 человека. К 7 февраля 1942 г. из них осталось всего 60 отрядов численностью 1965 человек, **т.е. около 17%** ...

...На Украине органы госбезопасности оставили в тылу врага и перебросили туда 778 партизанских отрядов и 622 диверсионные группы общей численностью 28 753 человека. Однако по состоянию на 25 августа 1942 г. действующими значились только 22 отряда, насчитывающие 3310 человек. Следовательно, за 12 месяцев войны **уцелели менее 3% партизанских отрядов и групп** из числа заброшенных в тыл врага в 1941 г...

...В Белоруссии к январю 1942 г. из 437 групп и отрядов, которые были заброшены в тыл противника, **прекратили свое существование 412, или 95%**.

...В первую же военную зиму почти все крупные формирования, насчитывающие несколько сотен человек, были уничтожены либо распались на отдельные группы... К середине 1942 г. численность партизан составляла 65 тысяч человек...» [151, стр. 82, 158, 174].

Приведенные выше цифры дают конкретный и исчерпывающий ответ на вопрос об отношении населения оккупированных немцами территорий СССР к «народным мстителям» из числа «агентуры органов госбезопасности».

В такой обстановке разгром большей части партизанских групп, созданных в первый год войны, был вполне закономерным. По замыслу советского руководства, эти небольшие отряды (средняя их численность составляла 20—25 человек) должны были выполнить роль «центров конденсации», вокруг которых

должны были собраться, образно говоря, «тучи». Фактически же численность партизан не только не выросла, но к лету 1942 г. даже сократилась в полтора раза. И это несмотря на то, что площадь оккупированных территорий заметно увеличилась после тяжелейшего поражения у Харькова и прорыва немцев к Сталинграду и Моздоку. Особенно впечатляющей является динамика изменения численности партизанских формирований на Украине, где они были практически полностью уничтожены.

Подлинно массовый характер народная война с захватчиками приобрела лишь в 1943—1944 гг. Так, в Белоруссии, где наличие огромных лесных массивов создавало особо благоприятные условия, численность партизан уже в апреле 1943 г. составляла 68 498 человек. Всего к 1 апреля 1943 г. на всей занятой немцами территории насчитывалось ПО 889 партизан. По отчету Центрального штаба партизанского движения по состоянию на 1 июня 1943 г. на связи у штабов партизанского движения был 1061 отряд общей численностью в 142 000 бойцов. Наконец, к январю 1944 г. численность партизан Велоруссии достигла 122 тыс. человек, а всего зимой 1944 г. в тылу врага сражалась целая «партизанская армия» общей численностью в 200 тыс. человек.

Значительно возросла и результативность боевых действий партизан. Так, анализ, проведенный после войны на основе трофейных документов вермахта, показал, что из 18 тыс. эшелонов, потерпевших крушение в результате диверсий на железных дорогах, 15 тыс. были атакованы в 1943—1944 г. Накануне операции «Багратион» — крупнейшей наступательной операции Красной Армии, закончившейся освобождением большей

части Белоруссии и разгромом немецкой Группы армий «Центр», — в ночь на 20 июля 1944 г. партизаны подорвали 40 тысяч рельсов, полностью парализовав всякое железнодорожное сообщение в тылу вражеских войск. В период 1943—1944 гг., когда каждый немецкий гарнизон, каждая автоколонна, каждый железнодорожный эшелон находились в состоянии постоянного ожидания нападения, газетный лозунг «Земля горит под ногами оккупантов» стал осязаемой реальностью.

Разумеется, приведенные выше цифры и факты могут рассматриваться лишь как один из первых возможных подходов к оценке ситуации. Но даже с учетом всех этих оговорок факт принципиального, качественного изменения обстановки на оккупированных территориях, стремительного роста партизанского движения, обозначившийся в начале 1943 г., очевиден и бесспорен.

Суммируя все вышесказанное, ориентировочные временные рамки, в которых состоялся «Великий Перелом», можно определить так: **осень 1942 г. — лето 1943 г.**

В переводе на общепринятую хронологию войны — от Сталинградской битвы до Курской дуги.

ЭПИЛОГ

«Всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне».

Вопрос этот среди школьников и студентов всегда считался очень простым. Удачным. Не надо заучивать даты, запоминать названия фронтов — знай себе трещи про «создание мировой системы социализма», «укрепление авторитета на мировой арене», «ликвидацию враждебного окружения»...

Эта книга была написана не для школьников, а для взрослых людей, не боящихся правды о прошлом своей страны, готовых задуматься о ее настоящем и будущем. Гражданам нашей страны еще предстоит найти ответ на вопрос о том, какое знамя подняли советские солдаты в мае 45-го над поверженным рейхстагом: знамя Великой Победы или знамя своего поражения?

Для Сталина Вторая мировая война, война, которую он так настойчиво и так неуклюже готовил, провоцировал и разжигал, закончилась победой. Проливший реки человеческой крови, спасенный от, казалось бы, неминуемой гибели жертвенным героизмом миллионов советских людей, сталинский режим вышел из войны в сиянии и блеске величайшего триумфа. Гигантская армия (которую, отбросив за ненужностью последние воспоминания о революционном прошлом, перестали называть «красной») стояла уже на берегах Дуная и Эльбы. Сам Хозяин был провозглашен гениальнейшим полководцем всех времен и народов. Восхищенные и очарованные приспешники поднесли ему высшее воинское звание Генералиссимуса. Политический банкрот и презренный трус, не набравшийся в первые

дни войны даже смелости обратиться к народу с разъяснением произошедшего, был объявлен «творцом и организатором Великой Победы».

Нельзя отрицать, что рост военно-технического могущества Советского Союза, огромное увеличение его возможностей заставляли дрожать от страха весь мир были воистину ошеломляющими. Из поверженной Германии вывозились тысячи тонн технической документации, вывозились целые научно-исследовательские, конструкторские коллективы. У доверчивых врагов-союзников всеми правдами и неправдами покупали, добывали, воровали новейшие военные технологии. Добыча была огромной: реактивные двигатели, зенитные ракеты, радиолокаторы, баллистические ракеты, инфракрасные системы самонаведения... И, наконец, вершина всех усилий — двадцать тысяч страниц технического описания американской атомной бомбы, скопированной и успешно испытанной всего через четыре года после падения Берлина.

К тому моменту, когда Сталин умер — или был отравлен своими товарищами по Политбюро? — Советский Союз был вооружен и очень опасен. Как никогда. И все же не хочется верить в то, что только ради этого миллионы людей приняли мученическую смерть. Да, в немыслимо тягостных условиях, созданных многолетним произволом преступного сталинского режима, советский народ, его многонациональная Красная Армия спасли Европу от фашистского порабощения. В очередной раз подневольный русский мужик, жертвуя собой, распахнул дверь к миру и процветанию для других народов. Памятники советскому

солдату должны стоять на площадях Парижа и Вены, Лондона и Брюсселя.

Но какими же оказались глубинные, долговременные последствия Великой Отечественной войны для самой России?

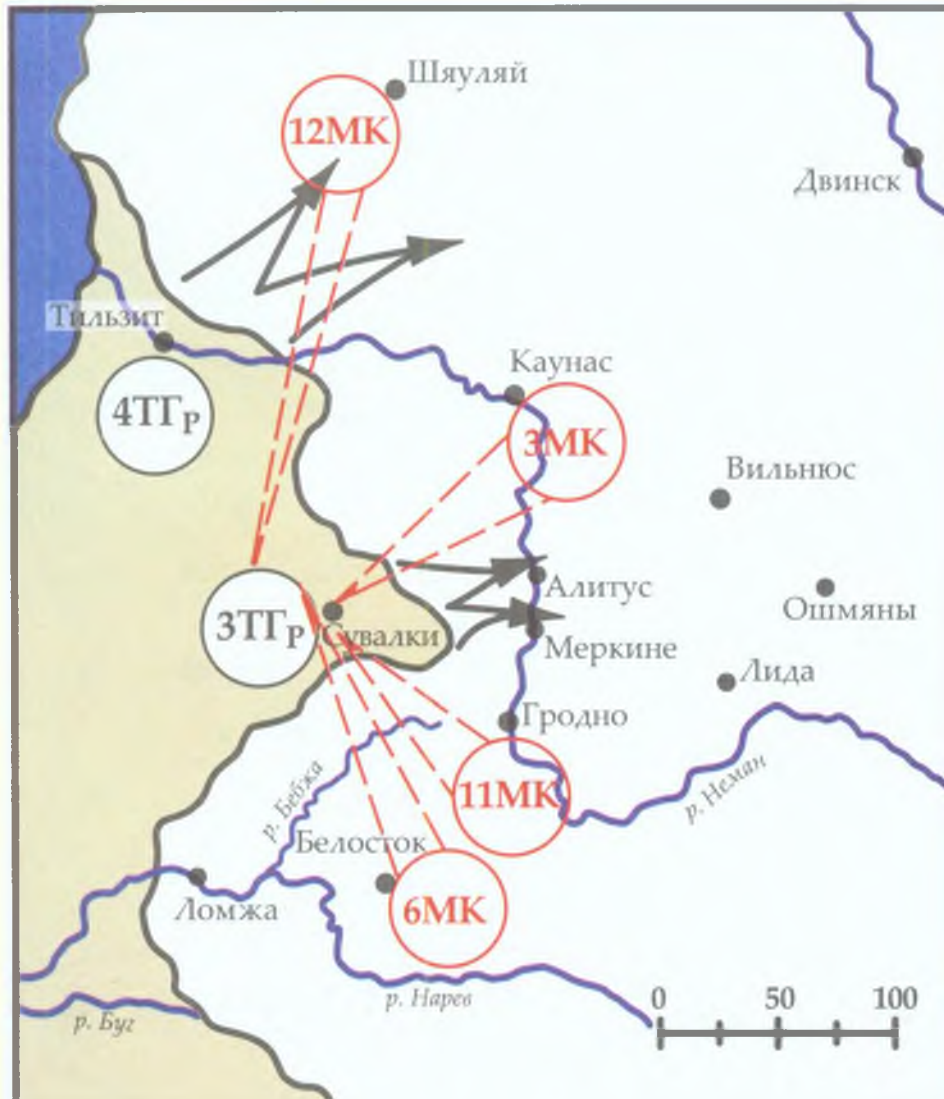
Как сказалась гибель миллионов самых лучших, самых честных, самых смелых на нравственных устоях, на самом генофонде нации?

Не надорвались ли духовные силы народа на сверхчеловеческом напряжении тех четырех лет?

Не оказалась ли та ярчайшая вспышка массового героизма, массового самопожертвования, которые явил изумленному миру советский народ, последним приливом сил умирающего?

Вот вопросы, ответ на которые сможет дать только сама жизнь и перед лицом которых историку остается лишь замолчать и поставить последнюю точку.

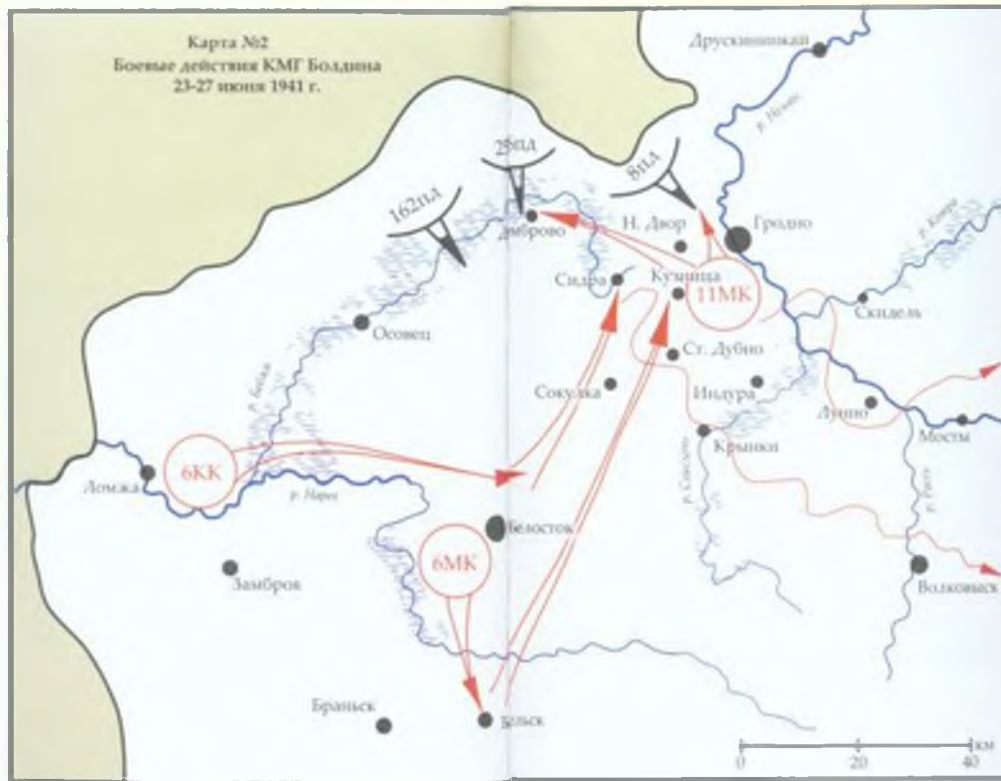
КАРТЫ

Карта №1

План контрнаступления Западного
и Северо-Западного фронтов

Карта №2
Боевые действия КМГ Болдина
23-27 июня 1941 г.

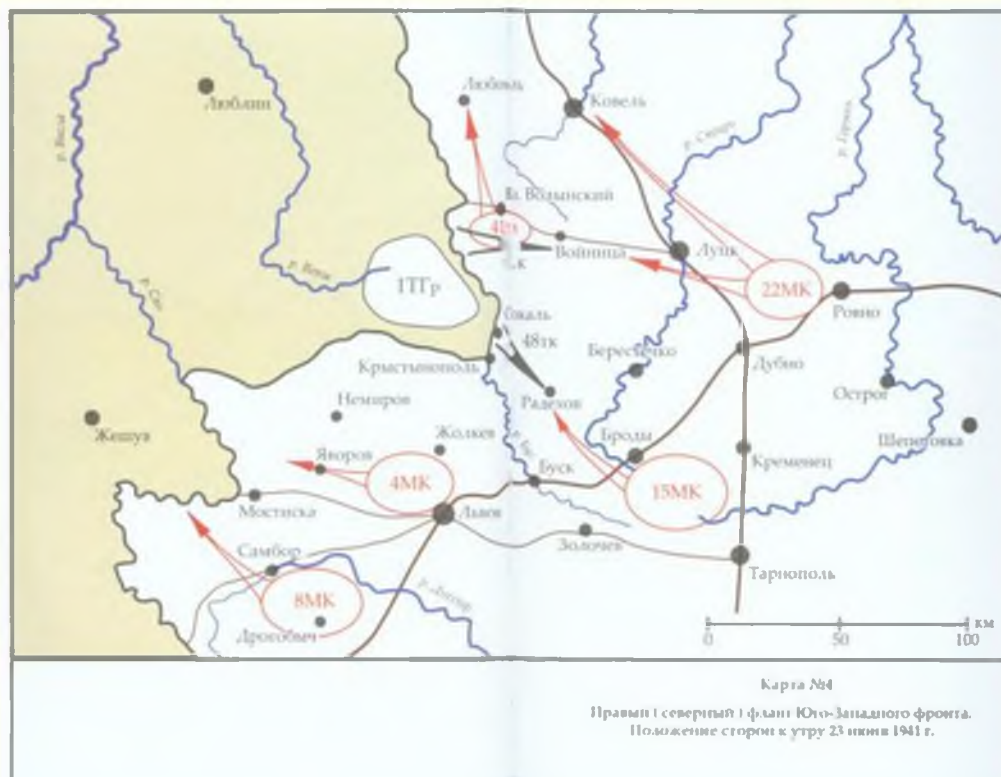
Карта №3

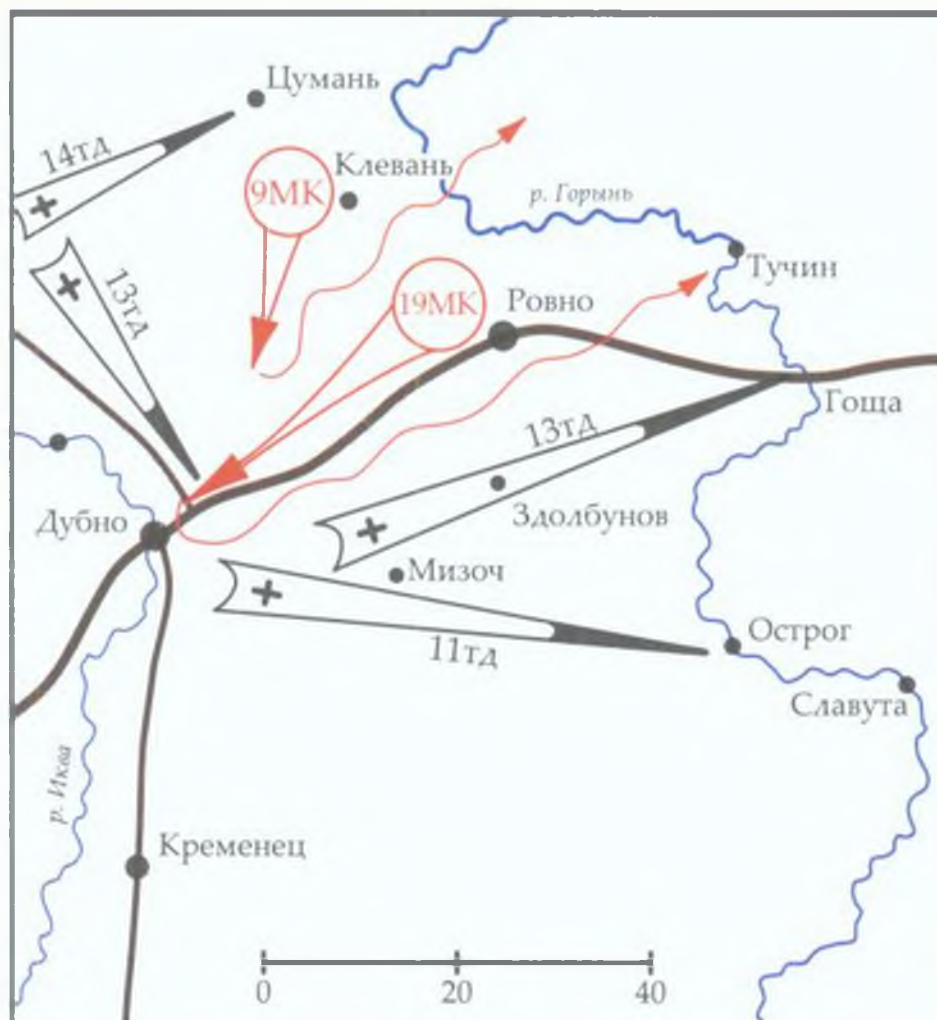
План наступления Красной Армии
в южной Польше. Май 1941г.

Направление ударов Красной Армии
Линия продвижения на 30-й день операции

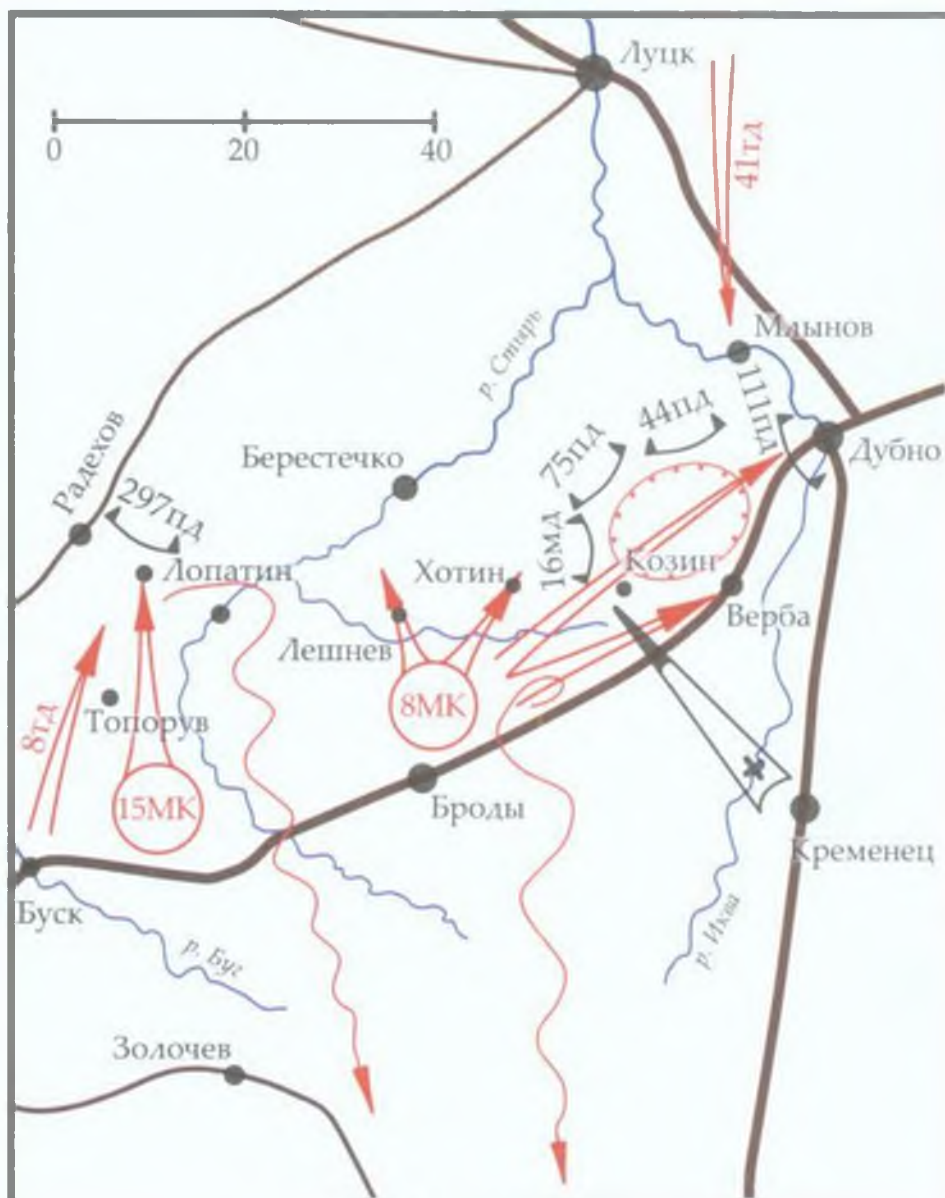

Карта №5

Танковое сражение у Дубно.
 Боевые действия "северной группировки"
 26-28 июня 1941г.

Карта №6
 Танковое сражение у Дубно.
 Боевые действия "южной группировки"
 26-30 июня 1941г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

1. Структура сухопутных войск

Основой вооруженных сил СССР и Германии являлись сухопутные войска. Применительно к Германии они обозначаются словом «**вермахт**». Что касается Советского Союза, то термины «**Красная Армия**» (Рабоче-Крестьянская Красная Армия, РККА) могут относиться как ко всем Вооруженным силам, так и только к сухопутным войскам.

Военная авиация (Военно-воздушные силы, ВВС) Германии обычно обозначается словом «**люфтваффе**».

Характерной специфической особенностью люфтваффе было включение в ее состав сил наземной противовоздушной обороны (ПВО), т.е. зенитных, прожекторных, радиолокационных частей.

2. Подразделения, части, соединения

Первичной «ячейкой» военной структуры является **ПОЛК**. Это воинская **часть**, имеющая свой индивидуальный номер и свое знамя. Структурные **подразделения** внутри полка (в порядке уменьшения численности личного состава): батальон, рота, взвод, отделение. Подразделения не имеют своих «персональных» номеров и обозначаются порядковыми числительными, например: «третий взвод второй роты первого батальона 486-го стрелкового полка». Ориентировочная численность личного состава стрелковых частей и подразделений:

- полк — 3—4 тыс. человек;
- батальон — 700—800 человек;
- рота — 200 человек;
- взвод — 50 человек;
- отделение — 10 человек.

В Красной Армии существовали стрелковые полки (**сп**), мотострелковые полки (**мсп**), танковые полки (**тп**). Артиллерийские полки, в зависимости от типа используемого вооружения, иногда обозначались как «пушечный артиллерийский полк» (**пап**) или «гаубичный артиллерийский полк» (**гап**). Подразделения артиллерийского полка называются **дивизион** и **батарея**. Состав и численность вооружения артиллерийского полка весьма различны, и лишь в

порядке примера можно привести такую типовую структуру:

- 4 орудия в одной батарее;
- 12 орудий в одном дивизионе (три батареи);
- 36 или 48 орудий в полку (три-четыре дивизиона).

Несколько полков объединялись в основное тактическое соединение — **ДИВИЗИЮ**. Так, в составе стрелковой дивизии (сд) Красной Армии было три стрелковых и два артиллерийских полка, 14 483 человека личного состава. В составе моторизованной дивизии Красной Армии было два стрелковых, один танковый и один артиллерийский полк. Наряду с дивизиями (основным тактическим соединением) в Красной Армии были **бригады** (стрелковые, танковые, артиллерийские). Бригада меньше дивизии, обычно в ее составе 2—3 полка (или 4—5 отдельных батальонов).

Несколько дивизий объединялись в стрелковый **КОРПУС (СК)**. Фиксированной численности стрелковый корпус РККА не имел и мог включать в себя от двух до пяти стрелковых дивизий. Кроме того, в состав корпуса включались **части усиления** (один-два артиллерийских полка, зенитный дивизион, понтонно-мостовой батальон и т.п.)

Механизированные корпуса (**МК**) включали в себя две танковые и одну моторизованную дивизии, отдельный мотоциклетный полк, части усиления.

Применительно к вермахту используются те же самые термины и сокращения, только вместо термина

«стрелковый» используется термин «пехотный»: пехотный полк (**пп**), пехотная дивизия (**пд**). Пехотная дивизия вермахта насчитывала 16 589 человек личного состава, включая в себя три пехотных и один артиллерийский полки, несколько отдельных батальонов и дивизионов. Аналог стрелкового корпуса в вермахте обозначается термином «армейский корпус» (**ак**). Танковые корпуса вермахта (**тк**) не имели фиксированной структуры, как правило, в составе тк вермахта было две танковые и одна-две моторизованные дивизии.

Несколько корпусов объединялись в крупное соединение — **АРМИЮ**. В тексте книги они обозначаются так: 5-я армия, 10-я армия... В мирное время армия была самым крупным соединением в составе Красной Армии. Во время войны (или накануне планируемой войны) несколько армий, отдельных дивизий и корпусов объединялись в самое мощное соединение — **Фронт**. В вермахте аналогом «фронта» было крупное соединение под названием **Группа армий**. Для вторжения в Советский Союз были развернуты три группы армий: «Север» (с задачей наступления через Прибалтику на Ленинград), «Центр» (для наступления на Минск — Смоленск) и «Юг» (для захвата Украины и, во взаимодействии с румынской армией, Молдавии).

В танковых войсках Красной Армии не было соединений более высокого уровня, нежели механизированный корпус (мехкорпус). В вермахте же были сформированы четыре танковые группы (**ТГр**): 1-я ТГр в составе Группы армий «Юг», 2-я и 3-я в составе Группы армий «Центр» и 4-я ТГр в составе Группы армий

«Север». В их составе было два (4-я и 3-я танковые группы) или три (2-я и 1-я танковые группы) танковых корпуса.

3. Артиллерия и минометы

Орудия ствольной артиллерии делятся на два основных класса: **ПУШКИ и ГАУБИЦЫ**. Главным внешним различием является длина ствола: у пушек ствол длинный (40—50 калибров), у гаубиц — короткий (20—30 калибров). Разная длина ствола обуславливает определяющее различие в величине начальной скорости снаряда: 650—750 м/сек у пушек, 350—500 м/сек у гаубиц. Разумеется, **снаряд** разгоняет не сам по себе ствол, а **метательный заряд**, который в пушечном **артиллерийском выстреле** (основными элементами артвыстрела являются снаряд, взрыватель и метательный заряд) значительно более мощный, нежели в гаубичном артвыстреле. Большая мощность (т.е. большой вес пороха) пушечного артвыстрела влечет за собой большой вес и габариты затвора, ствола, откатника и всех прочих узлов и агрегатов пушки. В результате пушка весит в несколько раз больше, нежели гаубица того же калибра. Например, самая массовая в Красной Армии гаубица М-30 калибра 122 мм весила (в боевом положении, т.е. без учета веса артиллерийского передка — двухколесной повозки, на которую при движении опираются станины орудия) 2200 кг, а пушка А-19 того же самого калибра 122 мм весила в боевом положении 7080 кг.

Высокая начальная скорость пушечного снаряда позволяет обеспечить значительно большую дальность стрельбы (так, максимальная дальность стрельбы 122 мм гаубицы составляла 8,9 км, а 122-мм пушки А-19 — 20,4 км). При стрельбе на малых дистанциях пушка (благодаря высокой начальной скорости снаряда) позволяет вести прицельную стрельбу **«настильным огнем»** (траектория полета снаряда почти прямолинейна и почти параллельна поверхности земли). Гаубицы же стреляют **«навесным огнем»** (снаряд выбрасывается под углом 30—45 градусов к горизонту и летит по параболе), что в ряде случаев является важным тактическим преимуществом (возможность стрельбы по невидимым целям на обратных скатах высот, поражение живой силы противника, укрытой в окопах и траншеях).

Своеобразной разновидностью артиллерийских орудий являлись так называемые **полковые и горные** пушки.

Это легкие, короткоствольные орудия с низкой (характерной скорее для гаубиц) начальной скоростью снаряда, но предназначенные (в отличие от гаубиц) как для навесной стрельбы, так и для стрельбы прямой наводкой на малых (400—500 м) дистанциях.

МИНОМЕТ представляет собой гладкоствольное орудие для запуска мины - снаряда с аэродинамическими крыльчатыми стабилизаторами (подобными оперению стрелы). И хотя минометная труба закрыта снизу и соответственно нагружена давлением газов метательного заряда, давление это на порядок меньше, чем давление внутри ствола обычного артиллерийского орудия. Отдача выстрела через плиту-основание передается на грунт. В результате минометный ствол (и вся система в целом) во

много раз легче гаубицы аналогичного калибра. Так, например, 120-мм миномет весил (в боевом положении) всего 275 кг.

К недостаткам (или особенностям) минометов следует отнести обусловленную малой начальной скоростью мины низкую дальность и точность стрельбы, принципиальную невозможность ведения «настильного огня». К достоинствам - простоту и надежность конструкции, малый вес, высокую боевую скорострельность. Производство минометов не требовало применения сложного оборудования и высоколегированных сталей

3. Противотанковые пушки и бронебойные снаряды

Для борьбы с танками (и другими бронированными целями) были разработаны специальные типы орудий — **противотанковые пушки**. До тех пор пока основным видом **бронебойного снаряда** была стальная «болванка», пробивающая броню танка за счет своей кинетической энергии, главным требованием к противотанковой пушке была максимально возможная начальная скорость, снаряда. Конструктивно это требовало ствола исключительно большой длины (в 60 и более калибров). Высокая броне-пробиваемость является важнейшим, но не единственным требованием к противотанковой пушке и бронебойному снаряду. Танк способен маневрировать, как в оперативном смысле (танки могут неожиданно появиться в непредсказуемой

точке фронта), так и тактически (непосредственно на поле боя). Соответственно, средство борьбы с танком (противотанковая пушка) должно обладать максимально возможной -способностью к маневру «колесами и огнем». Это значит, что противотанковая пушка должна быть достаточно легкой для того, чтобы орудейный расчет мог вручную (в прямом смысле этого слова) развернуть ее на огневой позиции, перекатить на другую позицию. Кроме того, колесный ход должен допускать буксировку противотанковой пушки по пересеченной местности с высокой скоростью.

Все вышеперечисленное привело к тому, что в качестве противотанковых использовались пушки относительно малого (37 / 57 мм) калибра, но с длинными стволами и начальной скоростью снаряда от 750 до 1150 м/сек (что в 3,3 раза выше скорости звука у земли). В начальном периоде Второй мировой войны широко использовались и системы еще меньшего калибра: противотанковые пушки калибра 20/25 мм и противотанковые ружья калибра 8/15 мм. Однако дальнейшее развитие бронетанковой техники сделало бесполезными не только сверхлегкие системы, но и наиболее распространенные 37, 45, 50-мм противотанковые пушки. К концу войны калибр противотанковых пушек вырос до 75/88 мм. Это позволило полностью решить проблему бронепробиваемости (немецкая 88-мм противотанковая пушка Рак-43 пробивала на малых дальностях броню толщиной в 180 мм), но при этом вес орудия вышел за все разумные пределы (Рак-43 весила 3700 кг, что делало ее практически неподвижной на поле боя). По сути дела, противотанковая артиллерия зашла в тупик, выход из которого стал возможен только после

разработки кумулятивных поражающих элементов, для которых скорость доставки снаряда к броне уже не имела никакого значения, что и позволило в послевоенный период заменить противотанковую пушку неуправляемой ракетой (противотанковый гранатомет) или дистанцион-но-управляемой ракетой (ПТУРС).

4. Танки, танкетки, самоходные орудия, бронемашины, бронетранспортеры

ТАНК — это боевая машина, обладающая тремя характерными признаками:

- бронированный корпус,
- гусеничный движитель,
- орудие (пушка) во **вращающейся башне**.

Достаточно распространенной в начале Второй мировой войны разновидностью танков были **огнеметные** (или «химические») танки. Вместо пушки во вращающейся башне такого танка устанавливалось устройство, способное выбрасывать несколько литров жидкости (огнесмесь или жидкие ОВ типа иприта) на дистанцию 50—80 м. Огнеметные танки предполагалось использовать для борьбы с пехотой, укрытой в траншеях, и для поражения гарнизонов дотов.

Размещение артиллерийского орудия внутри вращающейся башни ограниченных габаритов представляет собой весьма сложную инженерную задачу. Поэтому танки начала войны вооружались пушками малого калибра (37/50 мм) или короткоствольными (с малой дальностью прицельной стрельбы) пушками калибра 75/76 мм. Боевое применение показало, что орудия с такими параметрами недостаточно для эффективной поддержки пехоты на поле боя. Поэтому были разработаны бронированные гусеничные машины нового типа — **САМОХОДНЫЕ ОРУДИЯ** («штурмовые орудия», самоходные артиллерийские установки, САУ). Внешним отличием САУ от танка является отсутствие вращающейся башни (орудие установлено в неподвижной боевой рубке, иногда даже открытой с кормы). Все разновидности САУ можно условно разделить на две группы: орудия поддержки пехоты и истребители танков. В первом случае вооружение состоит из мощной пушки (или гаубицы калибра до 152 мм) и пулеметов, во втором случае САУ вооружались противотанковой пушкой и особенно мощно бронировались.

В 30-е годы массово выпускались легкие **ТАНКЕТКИ** (малые танки) с пулеметным вооружением. В Советском Союзе такие танкетки (Т-37/ Т-38/Т-40), предназначенные для использования в разведывательных подразделениях танковых и стрелковых дивизий, обладали к тому же способностью двигаться по воде (**плавающие танки**). Однако по мере насыщения пехоты средствами противотанковой обороны использование танкеток становилось все менее возможным. К концу Второй мировой войны они практически исчезли как самостоятельный класс боевых машин.

БРОНЕМАШИНА — это колесная закрытая бронированная боевая машина с пулеметным (а в ряде случаев — и с пушечным) вооружением. Наиболее мощными бронемашинами были советские БА-10, созданные на базе шасси трехосного автомобиля повышенной проходимости и вооруженные 45-мм пушкой во вращающейся башне легкого танка. Несмотря на мощное (для своего времени) вооружение, пушечные бронемашины не получили большого распространения, так как сильно уступали танкам в проходимости на пересеченной местности. С другой стороны, самые разнообразные модели легких бронемашин (разведывательных, командирских, радиосвязных) успешно использовались на протяжении всей войны.

БРОНЕТРАНСПОРТЕР, хотя он часто разрабатывался на шасси того же автомобиля, что и бронемашинa, радикально отличался от последней и по назначению, и по внешнему виду. Бронетранспортеры периода Второй мировой войны были, как правило, открытыми колесными машинами с бронированными бортами и кабиной водителя, с легким пулеметным вооружением (или вовсе без вооружения). Они были предназначены для перевозки личного состава мотострелковых подразделений танковых (моторизованных) дивизий. Бронетранспортер того периода не был боевой машиной пехоты (БМП), его задачей было лишь довести мотопехоту до района развертывания, на поле боя мотопехота передвигалась самостоятельно (т.е. пешком).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

**Состав и вооружение
танковых войск вермахта и
Красной Армии, принявших
участие в боевых действиях в
период с 22 июня по 10 июля**

<p>Группа армий «Север» 4-я танковая группа 41 ТК (1 тд, 6 тд) 390/114 /155/121 56 ТК (8 тд) 212/64/118/30</p> <p>всего танков: 602</p>	<p>Северо-Западный фронт</p> <p>12 МК (23 тд, 28 тд, 202 мсд) 730/0 3 МК (2 тд, 5 тд, 84 мсд) 672/128 1 МК (3 тд, 163 смд) 666/ 10 21 МК (42 тд, 46 тд, 185 мсд) 120/0</p> <p>2188</p>
<p>Группа армий «Центр» 3-я танковая группа 39 ТК (7 тд, 20 тд) 494/ 145/ 288/ 61/ 57 ТК (12 тд, 19 тд) 448/ 169/ 219/ 60/ 2-я танковая группа 47 ТК (17 тд, 18 тд) 420/ 134/ 99/ 187/ 46 ТК (10 тд) 182 /57 /0 /125 / 24 ТК (3 тд, 4 тд) 392/125/60/207/</p> <p>Всего танков: 1936</p>	<p>Западный фронт</p> <p>11 МК (29 тд, 33 тд, 204 мсд) 414/27 6 МК (4 тд, 7 тд, 29 мсд) 1131/ 452 13 МК (25 тд, 31 тд, 208 мсд) 282/ 0 14 МК (22 тд, 30 тд, 205 мсд) 518/0 7 МК (14 тд, 18 тд, 1 мсд) 959/103 5 МК (13 тд, 17 тд) 861/17 отдельная 57 тд 200/ 0</p> <p>4365</p>
<p>Группа армий «Юг» 1-я танковая группа 3 ТК (13 тд, 14 тд) 296/ 114/ 42/ 140/ 48 ТК (11 тд, 16 тд) 289/ 107/ 47/ 135/ 14 ТК (9 тд) 143/ 52/ 11/ 80/</p> <p>Всего танков: 728</p>	<p>Юго-Западный и Южный фронты</p> <p>22 МК (19 тд, 41тд, 215 мсд) 15 МК (10 тд, 37 тд, 212 мсд) 4 МК (8 тд, 32 тд, 81 мсд) 8 МК (12 тд, 34 тд, 7 мсд) 9 МК (20 тд, 35 тд, 131 мсд) 19 МК (40 тд, 43 тд, 213 мсд) 16 МК (15 тд, 39 тд, 240 мсд) 24 МК (45 тд, 49 тд, 21 бмсд) 109 мсд (5 МК) 209/ 0 2 МК (11 тд, 16 тд, 15 мсд) 527/60 18 МК (44 тд, 47 тд, 218 мсд) 282/-</p> <p>5826</p>
<p>ИТОГО: 3266 танков в том числе 1081 танкеток 1039 легких танков 1146 средних танков</p>	<p>12 379 танков в том числе 1558 Т-34 и КВ</p>

Примечание.

1. Количество танков в соединениях вермахта указано следующим образом:

всего танков в корпусе / танкетки / легкие танки / средние танки /

2. К категории «танкеток» отнесены Pz-I, Pz-II и вооруженные пулеметами «командирские танки»;

к числу «легких танков»: чешские Pz-38(t) и Pz-III первых серий с 37-мм орудием;

к числу «средних танков»: Pz-III с 50-мм пушкой и Pz-IV.

3. Количество танков в мехкорпусах Красной Армии указано следующим образом:

всего танков в мехкорпусе / в том числе Т-34 и КВ.

4. Численность 1-го МК указана без учета 1-й тд, находившейся до конца июля 1941 г. в Заполярье.

5. В таблице не учтены 17-й МК и 20-й МК Западного фронта, находившиеся в стадии формирования, и 10-й МК (Ленинградский ВО), действовавший на фронте войны с Финляндией.

6. В соответствии с фактическим ходом боевых действий 109-я мд (5-й МК) включена в состав войск Юго-Западного фронта, соответственно количество танков в 5-й МК указано без учета численности 109-й мд.

7. Все цифры, характеризующие состав и вооружение мехкорпусов Красной Армии, следует рассматривать лишь как ориентировочные. В разных источниках они отличаются на 10—15—20%.

Это, в частности, относится и к численности танков новых типов (КВ и Т-34), которые непрерывно поступали на вооружение частей. Так, например, в приведенной выше таблице в составе 21-го МК нет танков новых

типов, но в боевых документах первых недель войны упоминаются танки KV 21-го мехкорпуса.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

**Потери танковых групп
вермахта летом 1941 года на
Восточном фронте**

	1-я ТГр	2-я ТГр	3-я ТГр	4-я ТГр	Всего
Наличие на 22 июня 1941 г.	666	919	780	563	2928
Безвозвратные потери	171	235	233	121	760
Получено новых танков	20	25	42	2	89
Наличие боеготовых танков на 4—10 сентября	327	344	362	373	1406
Наличие временно неисправных танков	187	378	223	71	859

Примечание: не учтены наличие и потери танкеток Pz-I и командирских танков Pz.Bef

	Pz-II	Pz-35/38 (t)	Pz-III	Pz-IV	Всего
Наличие на 22 июня 1941 г.	743	780	966	439	2928
Безвозвратные потери	152	231	252	125	760
Получено новых танков	0	44	35	10	89
Наличие боеготовых танков на 4—10 сентября	458	393	362	193	1406
Наличие временно неисправных танков	146	193	387	133	859

Примечание: не учтены наличие и потери танкеток Pz-I и командирских танков Pz.Bef.

Список использованной литературы

1. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М.: Издательство «Вече». 2000.
2. Хорьков А.Г. Грозовой июнь. Трагедия и подвиг войск приграничных округов. М. Воениздат, 1991.
3. 1941 год — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992.
4. Кояндер В.Д. Я — «Рубин», приказываю. М.: Воениздат, 1978.
5. Русский архив, Т. 16. Великая Отечественная, Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год. М.: Издательство «ТЕРРА», 1996.
6. Россия — XX век. Документы. 1941 год. Книга 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.
7. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 35, л. 13.
8. Интернет-сайт «Механизированные корпуса РККА» www.mechcorps.rkka.ru.
9. Голушко И.М. Танки оживали вновь. М.: Воениздат, 1977.
10. Thomas I.Jentz. «Panzer Тгиппен», Shifter Military History, Atglen, PA.
11. Мюллер-Гиллебранд В. Сухопутная армия Германии 1933—1945». М.: Издательство «Изографус», 2002.
12. Гальдер Ф. Военный дневник, т.3. М.,: «Воениздат», 1971.

13. Гот. Г. Танковые операции. Смоленск. Издательство «Русич», 1999.

14. Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. М.: Издательство «ТЕРРА», 1993.

15. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. М.: Издательство «ОЛМА — Пресс», 2002.

16. Россия — XX век, Документы. 1941 год. Книга 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

17. Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР, т. 13 М.: Издательство ТЕРРА, 1994 г.

18. Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1988.

19. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 34. М.: «Воениздат», 1953.

20. Свердлов Ф.Д. Советские генералы в плену. М.: Издательство фонда «Холокост», 1999.

21. Куницкий П.Т. Восстановление прорванного стратегического фронта обороны в 1941 году. «Военно — исторический журнал», № 7/1988.

22. Лелюшенко Д.Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М.: Издательство «Наука», 1985.

23. Сборник документов «Советская авиация в ВОВ в цифрах», 1962 год, Интернет-сайт «РККА».

24. Alfred Price. Luftwaffe Data Book, 1997.

25. Корнюхин Г.Ф. Советские истребители в Великой Отечественной войне, статья в книге «Асы союзников». Смоленск: Издательство «Русич», 2000.

26. Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: «Вече», 2004.

27. Кожевников М.Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. М.: «Наука», 1985.

28. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 33. М.: «Воениздат», 1957.

29. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 36. М.: «Воениздат», 1958 .

30. Савельев В. На северных подступах к Ленинграду. Интернет-сайт «РККА».

31. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Книга 1. М.: ИИК «Московские Новости», 1999.

32. Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941 — 1944 / Пер. с финск., журнал «Север», № 12. 1990.

33. Журнал «Вопросы истории», № 9. 1989. С. 66.

34. Кемппайнен. Маннергейм — маршал и президент // «Звезда», № 10. 1999.

35. Гриф секретности снят. Статистическое исследование, под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

36. Hahn F. Waffen una Geheimwaffen des deutschen Heeres. Bd.2.

37. U. Balke, «Der Luftkrieg im Еигора», Kublenz, 1989.

38. O. Groehler, «Geschichte des Luftkrieges 1910 bis 1980», Berlin, 1985.
39. Новиков А.А. В небе Ленинграда. М.: «Наука», 1970.
40. Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М.: издатель Акопов, 1997.
41. Федоров А.Г. Авиация в битве под Москвой. М.: Издательство «Наука», 1971.
42. Известия ЦК КПСС, № 1/1990.
43. Бои в Финляндии. Сборник статей. М.: Издательство Наркомата обороны, 1941.
44. Буг в огне. Сборник статей Минск: Издательство «Беларусь», 1977.
45. Иванов СП. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990.
46. Лиддел Гарт Б.Г. Вторая мировая война. М.: Издательство АСТ, 1999.
47. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей / Пер. с нем.: М.: Издательство «Иностранная литература», 1957.
48. Емельяненко В.Б. В военном воздухе суровом. М.: Издательство «Молодая гвардия», 1972.
49. Польшин Ф.П. Боевые маршруты. М.: Воениздат, 1972.
50. Скрипка Н.С. По целям ближним и дальним. М.: Воениздат, 1981.
51. Иноземцев И.Г. Под крылом — Ленинград. М.: Воениздат.

52. Алексеенко В.И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны, «Авиация и космонавтика — вчера, сегодня, завтра. №№ 2, 3. 2000.

53. Тимохович И.В. В небе войны. М.: Воениздат, 1986.

54. Рытое А.Г. Рыцари пятого океана. М.: Воениздат, 1968.

55. Захаров Г.Н. Я — истребитель. М.: Воениздат, 1985.

56. Хазанов Д.Б. Вторжение. Начало воздушной войны на советско-германском фронте //«Авиация и время», № 3, 4, 5 . 1996.

57. Степанов. А.С. Пиррова победа люфтваффе на Западе // «История авиации», 3. 2000.

58. Гуляс И.А. Победы советских летчиков первого дня войны // «Аэрохобби». 1.1994.

59. Архипенко Ф.Ф. Записки летчика-истребителя. Харьков: Издательство «Дельта», 1999.

60. Литвин Г.А. Сломанные крылья Люфтваффе // «Авиация и космонавтика — вчера, сегодня, завтра». № 7,8. 1998.

61. «Первые дни войны в документах». Военно-исторический журнал, № 5, 6, 7, 8, 9. 1989.

62. Попов А. 15 встреч с генералом КГБ Бельченк». М.: Издательство «Олма-пресс», 2002.

63. Хазанов Д.Б. Вернер Мельдерс // «Авиамастер», № 4,5. 1997.

64. Цупко П.И. Пикировщики. М.: Политиздат, 1987.

65. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998 г..
66. Тимин М.В. На острие главного удара. Причины поражения ВВС ЗапВО. Ульяновск, 2001.
67. Документы внешней политики. Т. 23. Книга 2. М.: Историко-документальный департамент МИД России, 1995.
70. «СССР — Германия, 1939—1941». Документы и материалы (перевод сборника «Nazi — Soviet Relations*, Department of State, 1948), Вильнюс, Издательство «Мокслас», 1989.
71. Дьяков Д.Л. Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М.: «Советская Россия», 1992.
72. Уинстон С. Черчилль. Вторая мировая война. Т. 3. М.: «ТЕРРА», 1998.
73. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941 — 1945. Краткая история. М.: Политиздат, 1970.
74. Ибатуллин Т.Г. Война и плен. СПб, 1999.
75. Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Книга 1. М.: «Наука», 1975.
76. Майк Спик. Асы люфтваффе. Смоленск: «Русич», 1999.
77. Майк Спик. Асы союзников. Смоленск: «Русич», 2000.
78. Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии // Военно-исторический журнал. № 4.1989.
79. Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии». М.: Воениздат, 1961, цитируется по ВИЖ № 10, 11, 12. 1988, 2,6,7. 1989.

80. Болдин И.В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961.
81. Бобренцев В.А, Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993.
82. Сандалов Л.М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966.
83. «В июне 1941 г. Воспоминания участников первых боев на Гродненщине / Под ред. Р.И.Карачун. Гродно, 1997
84. Широкопад А. Авиационные пушки // «Техника и оружие». Спецвыпуск. № 11-12. 1996.
85. Журнал Техника и вооружение. № 7. 2001.
86. Журнал Авиация и космонавтика. № 5—6. 2001.
87. Интернет-сайт «The Russian Battlefield», www.battlefield.ru.
88. Медведь А., Хазанов Д. Дальний бомбардировщик Ер-2 // «Авиамастер». № 2.1999.
89. Шумихин В.С. Советская военная авиация 1917—1941. М.: Воениздат, 1986.
90. Интернет-сайт «BBC России», www.airforce.ш.
91. Маслов М.А. Истребитель И-16. М.: «Экспронт НВ», 1997.
92. Владимирский А.В. На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне—сентябре 1941 г. М.: Воениздат, 1989.
93. Артиллерийское вооружение советских танков 1940—1945 // «Армада». № 4. 1999.

94. Барятинский М. Средний танк Panzer IV // «Бронеколлекция». №6. 1999.
95. Шмелев И. Танк Т-34 // «Техника и вооружение». №11 — 12. 1998.
96. Барятинский М. Средний танк Т-34 // «Бронеколлекция». № 3. 1999.
97. Желтое И., Павлов И., Павлов М., «Танки БТ», в 3 частях, // «Армада», № 9/89, 15/99.
98. Историко-технический журнал «Полигон», ISSN 1680—0680, [www. wearon.df.ru](http://www.wearon.df.ru).
99. Энциклопедия танков / Составитель — Холявский Г.Л. Минск: Харвест, 1999.
100. Барятинский М. Танки вермахта, М.: Аскольдъ, 1993.
101. Барятинский М., Павлов М. Средний танк Т-28 М.: Аскольдъ, 1993.
102. Астров Н.Л. Начало войны: от Т-40 к Т-70 // «За рулем», №10/1989.
103. Гуров А.А. Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальном периоде войны // Военно-исторический журнал, № 8/1988.
104. Золотое Н.П., Исаев СИ. Боеготовы были.. // Военно-исторический журнал, № 11. 1993.
105. Попелью Н.К. В тяжкую пору. М.: // «АСТ», 2001.
106. Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. М.: Воениздат, 1962.

107. Суворов В. «День-М». М.: АО «Все для вас», 1994.
108. Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы / Военно-исторический журнал, № 6,7,8. 1993.
109. Архипов В.С. Время танковых атак. М.: Воениздат, 1981.
110. Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971.
111. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997.
112. «Известия ЦК КПСС. № 7. 1990.
113. Рябышев Д.И. Об участии 8-го механизированного корпуса в контрударе Юго-Западного фронта. Интернет-сайт «The Russian Battlefield*».
114. «Известия ЦК КПСС». № 6. 1990.
115. Якобсен Г-А. 1939—1945. Вторая мировая война. Хроника и документы», в сборнике «Вторая мировая война: Два взгляда». М.: Мысль, 1995.
116. Тейлор А. Вторая мировая война, в сборнике «Вторая мировая война: Два взгляда». М.: Мысль, 1995.
117. Соколов Б.В. Тайны Второй мировой. М.: «Вече», 2001.
118. Яковлев А.Н. По мощам и елей. М.: «Евразия», 1995.
119. Дробязко СИ. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М.: АСТ, 1999.
120. Антилевский М. Авиация генерала Власова // «История авиации». № 2. 2000.

121. Рутыч Н. Между двумя диктатурами // «Родина». № 6—7. 1991.
122. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11. М.: Политиздат, 1958.
123. Журнал «Известия ЦК КПСС». № 9. 1990.
124. Э.С. Радзинский. Сталин. М.: «Вагриус»! 1997.
126. «Отдали жизнь за Родину». Краткие биографические данные генералов Советской Армии, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны. Военно-исторический журнал, 1991, 1992, 1993, 1994 годы.
127. Типпельскирх К. История Второй мировой войны 1939—1945. М.: АСТ, 2001.
128. Данилов В., Шанин Т. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. Тамбов, 1994.
129. Черная книга коммунизма. Сборник статей. М.: «Три века истории», 2001.
130. Васильева Л. Кремлевские жены. Харьков: «Эврика — дефант», 1992.
131. Кульчицкий С. Сколько нас погибло от голодомора. Интернет — журнал «Зеркало недели», www.mirror.kiev.ua
132. Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг» Статистический обзор. М.: Внешторгиздат, 1960.
133. Журнал «Красная новь». № 1. 1921.
134. Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий, М.: «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир», 2002

135. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. М.: Воениздат, 1987.
136. Верт Н. История советского государства. М.: 1995
137. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1997.
138. Советские художественные фильмы / Аннотированный каталог, М.: «Искусство», 1961.
139. Токарев В.А. Советское общество и польская кампания 1939 года. «Магнитогорский госуниверситет», 2000
140. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941. Справочник. М.: «Звенья», 1999 г.
141. Газета «Красная Звезда», 18 декабря 2001 г.. Журнал «Мир авиации», № 1. 1992. С. 26.
142. Интервью с Долгушиным С.Ф., записано Бардовым В. (Гродно).
143. Фронтовики ответили так. Пять вопросов Генерального штаба. Под ред. В.П. Крикунова. Военно-исторический журнал. №5. 1989.
144. Под оккупацией в 1941 — 1944 гг.. Статьи и воспоминания. М.: «Посев», 2004 г.
145. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
146. Суворов В. Очищение. М.: АСТ, 1998.
147. Канун и начало войны. Документы и материалы, составитель — Л.А. Киршнер. Ленинград: Лениздат, 1991.

148. Прочно Е. Артиллерийские тягачи Красной Армии // «Броне-коллекция», № 3. 2002 г.
149. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937-1938. М.: 1998.
150. Комал Ф.Б. Военные кадры накануне войны. Военно-исторический журнал, № 2. 1990.
151. Боярский В.И. Партизаны и армия. Минск: «Харвест», 2001.
152. Исаев А.В. От Дубно до Ростова. М.: «Транзиткнига», 2004.
153. Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта Власова. Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». Санкт-Петербург, 2001.
154. Дробяжо С. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М.: АСТ, 2000.
155. Чуев С. «Проклятые солдаты». М.: «Яуза — ЭКСМО», 2004.
156. Ткаченко С.Н. Повстанческая армия. Тактика борьбы. Минск, «Харвест». М.: АСТ, 2000.
157. Партизаны и каратели / Составитель — Е.В. Егере. Рига: «Торнадо», 1998.
158. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ — ПРЕСС КНИГА, 2002.
159. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М.: Фонд «Холокост», 2002.
160. Репрессии против поляков и польских граждан / Составитель — А.Э.Гурьянов. М.: «Звенья», 1997 г.

161. Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. М.: «Яуза — ЭКСМО», 2004.
162. Судоплатов НА. Спецоперации, Лубянка и Кремль, 1930—1950 годы. М.: «ОЛМА-Пресс» 1997.
163. Свердлов Ф.Д. Ошибки Г.К. Жукова (год 1942). М.: «Монолит», 2002.
164. Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии. Тель-Авив, 2000.
165. Шерстнев В.Д. Трагедия сорок первого. Смоленск.:«Русич», 2005.
166. Перов В.И., Растренин О.В. Самолеты поля боя. Восточный фронт // «Авиация и космонавтика». № 11. 2002.
167. Радзиевский А.И. Танковый удар. М.: Воениздат, 1977.
168. Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.. Статистический сборник. Т. 1. Москва — Тула: ГАУ, 1977 г., размещен на интернет-сайте www.soldat.ru
169. Иллюстрированное приложение к альманаху «Военная летопись». Военно-историческая серия «Армии мира». Выпуск 6. Часть 2. С. 70.
170. Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: «Высшая школа», 1984.
171. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. / Пер. с нем.: под ред. А.И. Вабина. М.: Воениздат, 1980.
172. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне. М.: Политиздат, 1949. С. 59.

173. Журнал «Новый часовой» (СПб). № 2.1994. С. 173.
174. Бок Ф. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941 — 1945. М.: «Яуза - ЭКСМО», 2006.
175. B. Selz, Das gruene Regiment. Der Weg der 256. Infanterie — Division aus der Sicht des Regiments 481. Kehrer, 1970, s.58.
176. Военно-исторический журнал. № 12.1993.
177. Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.)» М.: «Воениздат», 1962.
178. ЦАМО, ф. 38, оп. 11373, д. 67. Цитируется по [http:// mechcorps.rkka.m/files/mechcorps/index.htm](http://mechcorps.rkka.m/files/mechcorps/index.htm).
181. Ротмистров П.А. Стальная гвардия, М.: «Воениздат», 1984. Стр. 51-53.
182. Военно-исторический журнал, № 6/1989.
183. Кариус О. «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М.: «Центрполиграф», 2004 г.
184. Интернет-сайт Военно-исторического общества РУБОН, <http://edu.grsu.by/rubon>.
185. Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: «Яуза — ЭКСМО», 2006.
186. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны № 35. М.: «Воениздат», 1958.
187. Военно-исторический журнал, № 7/1989.
188. Чемберлен П. Энциклопедия немецких танков Второй мировой войны / Пер. с англ. И.П. Шмелев. М.: «АСТ/Астрель», 2003.

189. Военно-исторический журнал, № 5.1989.

190. Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. в цифрах». М.: 1962. Размещено на интернет-сайте (http://ilpilot.narod.ru/vvs_tsifra/index.html).

191. Журнал «Новая и новейшая история». № 6 . 1992. С. 5—8.

192. Гофман И. Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М.: АСТ — Астрель, 2006 г.

193. erthen W. «Geschichte der 16. Pazer - Division. 1939-1945». Цит. А. Исаев. «От Дубно до Ростова», стр. 196.

194. Рябышее Д.И. Первый год войны. М.: Воениздат, 1990.

195. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 6, л. 48.

196. Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М.: «Яуза-ЭКМО», 2007.

197. Филиппов С. Освобождение. Работа органов ВКП(б) на Западной Украине и в Белоруссии» Интернет-журнал «Карта», № 10/11 <http://www.hro.org/editions/karta/nr6/evaku.htm>.

198. Эвакуация заключенных из тюрем НКВД СССР в 1941 — 1942 гг. / Сост. Кокурин А. «Военно-исторический архив». Выпуск 2. М.: 1998. С. 232-253.

199. Гурьянов А., Кокурин А. Эвакуация тюрем, интернет-журнал «Карта», № 6 <http://www.hro.org/editions/karta/nr6/evaku.htm>.